

Петр Люкисон

ЦАРЬ СОЛОМОН

ЦАРЬ СОЛОМОН

Петр
Люкисон

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖЗЛ

ЖИЗНЬ[®]
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1577

(1377)

Петр Люкисон

ЦАРЬ СОЛОМОН

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2012

УДК 27-9
ББК 86.37
Л 94

ISBN 978-5-235-03545-4

© Люкимсон П. Е., 2012
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

Думаю, не сильно ошибусь, если скажу, что люди моего поколения, родившиеся в шестидесятые годы прошлого века, впервые знакомились с образом великого царя Соломона в раннем детстве. Он являлся нам под именем Сулеймана ибн Дауда в красиво иллюстрированной тонкой детской книжке с умной восточной сказкой про великого царя и скромного муравья — адаптированном варианте знаменитой коранической легенды.

Затем наступал черед сказок «Тысяча и одна ночь» — тоже, разумеется, пока адаптированных. Сказок, в которых из старинных медных ламп и кувшинов рвались наружу джинны, загнанные в эти лампы все тем же великим и мудрым Сулейманом ибн Даудом и заточенные в них с помощью его перстня с магической печатью.

Потом эти джинны вдруг оборачивались лукавым, добрым и не сразу понимающим, куда он попал, стариком Хоттабычем из замечательной книжки Лазаря Лагина и одноименного фильма. Фильм этот уже в мои дни был старым, но, признаюсь, я до сих пор время от времени не без удовольствия его пересматриваю. Разумеется, мы и понятия не имели, насколько книга о Хоттабыче изуродована советской цензурой, как отличалось ее блестящее первое издание от всех последующих, которые потом попадали нам в руки. Но даже в этом виде она была хороша, и вместе с именами Хоттабыча, Вольки ибн Алеши и остальных героев в память западало и имя Сулеймана ибн Дауда, которого Хоттабыч почему-то панически боялся. Боялся настолько, что однажды готов был стать рабом господина Ванденталлеса, на пальце которого, как ему показалось, был перстень с «печатью Сулеймана». Были, кстати, еще и замечательные славянские сказания о царе Соломоне, но они, как правило, проходили мимо сознания большинства моих сверстников, о них гораздо позже узнавали разве что студенты гуманитарных факультетов — на лекциях по фольклору или исторической поэтике.

Зато где-то к годам четырнадцати мы открывали для себя

повесть Александра Ивановича Куприна «Суламифь», являющуюся одним из лучших беллетризованных переложений библейского рассказа о царе Соломоне, а также многих связанных с ним легенд. Напряженный эротизм этой книги кружил наши еще полудетские головы; рассыпанные по ее страницам цитаты из «Песни песней» как-то сами собой запоминались наизусть, и думаю, что снова не сильно ошибусь, если скажу, что многие из нас именно по этой книге учились тому, как следует завоевывать женское сердце.

Купринская «Суламифь» и в самом деле давала некое общее представление о том, кто такой Соломон и каково его место в общечеловеческом нарративе — не менее, но и не более того.

Еще мы, разумеется, знали из «Копей царя Соломона» Хаггарда, что этот монарх обладал огромными богатствами. Были мы знакомы и с легендой о том, что премудрый Соломон знал язык всех зверей и птиц — как по той же сказке о муравье, так и потому, что именно эта легенда дала название книге замечательного зоопсихолога Конрада Лоренца «Кольцо царя Соломона».

Между тем уже приходило время по-настоящему знакомиться с русской классикой. И вот тогда нас начинала удивлять та легкость, с какой Чехов, Толстой, Андреев и другие великие время от времени роняют цитаты из той же «Песни песней», «Екклесиаста» и (хотя и куда реже) «Притчей» — и вдруг из комментариев выяснялось, что автором всех этих трех книг считается все тот же Соломон.

Так к нам постепенно приходило понимание простой истины, что без знакомства с Библией, этой Книгой Книг, в наших познаниях о человеческой культуре останется то ли большое белое пятно, то ли зияющая черная дыра (причем совершенно не важно, существуют ли зияющие черные дыры на самом деле или нет).

То, как люди моего поколения, вне зависимости от места проживания, национальной и религиозной принадлежности (если у нас вообще была религиозная принадлежность!), доставали Библию в стране победившего научного атеизма — это отдельная сага. Но все-таки мы ее доставали! Доставали — и впервые знакомились и с аутентичным рассказом о царе Соломоне, и с полным текстом написанных им (или приписываемых ему) книг.

Масштабность его фигуры, глубина его мыслей, сила его поэтического дара, безусловно, не могли не зачаровывать, невольно пробуждая желание узнать как можно больше об этом жившем три тысячи лет назад великом человеке.

И вот это, более близкое знакомство с царем Соломоном у каждого уже проходило по-своему. Кого-то увлекал вопрос, существовал ли он вообще и какова роль его личности в еврейской и мировой истории. Такие люди прочитывали весь немалый корпус накопившейся со времен Иосифа Флавия науч-

ной и научно-популярной литературы, зарывались с головой в учебники и энциклопедии.

Кто-то, подобно автору этой книги, погружался в Библию, или, точнее, в Танах¹, а также в другие еврейские источники в том виде и на том языке, на котором они были изначально созданы, и привычный с детства царь Соломон превращался для них в Шломо а-мелеха — ведь именно так звали его подданные.

Третьи всерьез «заболевали» мистикой и эзотерическими учениями. Перед ними Соломон предстал как один из величайших «посвященных» и магов всех времен и народов, обладавший безграничной властью над потусторонними силами и даже якобы оставивший книги о том, как обрести такую власть.

Кем же он был, царь Соломон, и был ли он вообще? Что является правдой, а что нагромождением фантазии и выдумки в том, что рассказывают о нем Библия и Коран, а также великое множество еврейских, арабских, эфиопских и западноевропейских легенд? Является ли он автором тех книг, которые ему приписываются, или эти великие произведения были созданы совсем другими людьми в другие эпохи? Был ли он и в самом деле настолько мудр, как это представляется и постоянно подчеркивается в Библии?

Весь этот круг вопросов и затрагивается в книге, которую вы сейчас держите в руках. Разумеется, автор отнюдь не пытался дать на них четкие и однозначные ответы — таких ответов попросту не существует. Нет, свою задачу я видел в другом — в том, чтобы собрать под одной обложкой все существующие взгляды, версии, касающиеся жизни и деятельности царя Соломона, попытаться их проанализировать, «столкнуть лбами» друг с другом и таким образом восстановить более-менее исторически достоверную картину его эпохи. А затем — и воссоздать необычайно противоречивую и сложную личность Соломона, неоднозначность которой проявилась и в неоднозначности итогов его деятельности как правителя.

Не случайно историки до сих пор спорят о том, чего же больше Соломон принес своему народу — зла или блага? Был ли он типичным самовлюбленным и напыщенным восточным правителем, не в меру расхваленным придворными летописцами, или человеком, значительно опередившим свое время?

¹ Танах — общее название Священного Писания на иврите; является аббревиатурой, образованной из заглавных букв названий трех главных частей: Тора (она же Пятикнижие Моисеево), «Невимим» («Пророки») и «Ктувим» («Писания»). В христианской традиции перевод Танаха получил название «Ветхий Завет».

Можно ли считать его искусным дипломатом и политиком, или — наоборот — следует поставить ему в вину политическое безволие и недалекость? Был ли он глубоко верующим человеком или, напротив, богоотступником?

И это — уже другой, второй круг вопросов, который ставится в данной книге.

* * *

В современной исторической науке утвердились два основных подхода к эпохе царя Соломона, его отца Давида, да и к наиболее древнему периоду еврейской истории вообще.

Первая концепция связана с родившейся в рамках рациональной библейской критики так называемой минималистской теорией. Согласно взгляду ее сторонников, все время вплоть едва ли не до VII века до н. э. следует считать «темными» веками еврейской истории, о которых мы не можем сказать ничего определенного. А значит, ничего более-менее определенного мы не можем сказать и о Давиде и Соломоне; мы даже не можем быть уверенными в том, существовали ли они на самом деле.

Во всяком случае, считают адепты этой научной школы, никаких достоверных археологических данных, а также еврейских, египетских или месопотамских эпиграфических памятников, подтверждающих реальность личности этих царей, а также правдивость рассказа Библии, у нас нет. А следовательно, и рассказ этот должен восприниматься если не исключительно, то прежде всего как миф. Давид и Соломон, настаивают «минималисты», такие же полуполюгендарные персонажи, как Ромул и Рем в древнеримской или Рюрик и его сыновья в древнерусской истории.

Наиболее последовательно концепция этой школы изложена в монографии Исраэля Финкельштейна и Нила Ашера Сильвермана «Давид и Соломон: Между исторической реальностью и мифом».

«Последние археологические открытия показывают, насколько реальный мир был далек от той картины, которую рисуют библейские авторы. В то же время легенды — это не только плод досужего вымысла. Формируясь в течение столетий, они подменяли собой аутентичную историческую память», — утверждают Финкельштейн и Сильверман¹.

Отрицая достоверность Библии как исторического источника, представители этой школы подчеркивают, что наука должна опираться исключительно на факты. Археологические же факты, с их точки зрения, доказывают, что того большо-

¹ Финкельштейн И., Сильверман Н. Давид и Соломон: Между исторической реальностью и мифом. Тель-Авив, 2006. С. 13.

го процветающего царства Соломона, которое описано в Библии, никогда не было и в помине — как не было и купающегося в золоте и утопающего в роскоши Иерусалима.

«Можно с большой степенью вероятности утверждать, что Давид и Соломон были реальными историческими фигурами, — пишут Финкельштейн и Сильверман далее. — Но они значительно отличались от тех, какими встают со страниц священных текстов. Невозможно, например, согласиться с утверждением, что Давид завоевал все окрестные царства в радиусе большем, чем один-два пеших перехода от центра Иудеи. Как невозможно согласиться с утверждением, что Иерусалим во времена Соломона был огромным потрясающим воображение городом, а не небольшим затерянным в горах городком, управляемым династией царьков, вся власть которых распространялась на очень скромную территорию»¹.

Таким образом, суть этой концепции сводится к тому, что по мере усиления небольшого Иудейского царства (или, скорее, княжества) его цари, чтобы утвердить в сознании подданных свое незыблемое право на трон, решили объединить народ вокруг общей национально-религиозной идеи и осуществили процесс мифологизации истории, или, если называть вещи своими именами, сфальсифицировали ее. Причем окончательно этот процесс превращения мифа в историю произошел не ранее VII века до н. э.

Подтверждение тому Финкельштейн и Сильверман видят не только в данных археологии, но и в трудностях точного определения времени правления Давида и Соломона. Трудности эти и в самом деле существуют, о чем еще не раз будет упомянуто на страницах этой книги.

В то же время мысль о том, что некая группа фальсификаторов, по сути дела, придумала народу его историю, а затем весь народ принял эту фальсификацию и безоговорочно в нее поверил, кажется нелепой и невероятной. Впрочем, автор уже слышит голоса, спешащие напомнить, что на протяжении более 70 лет миллионы граждан почившего в бозе СССР тоже свято верили в придуманную для них историю собственной страны — так что подобные прецеденты известны.

Но существует и другая — «максималистская» — концепция, утверждающая, что библейский текст в целом обладает очень высокой степенью исторической достоверности. То, что он не подтверждается археологическими фактами, считают приверженцы второй школы, не значит, что таких фактов вообще нет — возможно, они пока просто не найдены.

Поиск археологических артефактов, подтверждающих правдивость Библии, пишет представитель этой школы, вид-

¹ Там же. С. 28.

ный израильский исследователь Ицхак Мейтлис¹, связан с целым рядом объективных трудностей. Во-первых, на территории древнего Израильского царства порой крайне трудно производить раскопки просто по причине сложности ландшафта.

Во-вторых, в большинстве случаев раскопки следует производить на объектах, которые в течение тысячелетий многократно разрушались и вновь заселялись, а любой археолог знает, с какими сложностями в воссоздании картины жизни людей разных эпох и самой датировки находок это связано. Еще большие трудности возникают при раскопках населенных пунктов, существовавших непрерывно в течение нескольких столетий.

В-третьих, понятно, что для подтверждения истинности рассказа Библии о Соломоне необходимо проводить интенсивные раскопки, прежде всего в районе Храмовой горы в Иерусалиме. Но, как известно, управляющий этим местом и всеми стоящими на нем мечетями Исламский попечительский совет по вакфу² категорически этому противится. Как следствие, сегодня все археологические работы в Иерусалиме сосредоточены в районе исторического парка «Город Давида» и Стены Плача — остатков Западной стены Второго Иерусалимского храма.

Вместе с тем, напоминают сторонники этой школы, археологических подтверждений рассказу Библии об отстроенных Соломоном городах, его увлечении лошадьми и «пересаживании» своей армии на колесницы найдено немало. Да и вообще все новые открытия археологов до сих пор лишь подтверждали Библию, и ни одно из них не опровергло ее. А значит, ее тексту вполне можно верить и поверять им новые находки.

Борьба между этими двумя школами необычайно обострилась после того, как 21 июля 1993 года при раскопках в Тель-Дане была найдена табличка с хвастливой надписью сирийского царя о том, что он победил и убил в бою «...царя Израильского Иероама, сына Ахава, и царя Иудейского Ахазиягу, сына Иероама из дома Давидова» (в синодальном переводе — Иорам и Охозия³). Таким образом, с точки зрения сторонников историчности библейского текста, было получено долгожданное археологическое подтверждение того, что правившая Иудеей царская династия вела свое происхождение от Давида, а сам Давид

¹ См.: Мейтлис И. Покопаемся в Танахе: Библия и археология. Иерусалим: Изд-во Реувена Маса, 2006. С. 11—15.

² В а к ф, или в а к у ф (*араб.*) — в мусульманских странах имущество (преимущественно земля), не облагаемое налогом и неотчуждаемое, предоставленное в виде дара или по завещанию религиозным или благотворительным учреждениям.

³ Согласно Священному Писанию, Иорам и Охозия были вероломно убиты израильским полководцем Ииуием (в оригинальном произношении — Иегу), предавшим своего повелителя (4 Цар. 9:24—27).

был настолько выдающейся личностью, что о нем помнили в регионе и спустя более чем сто лет после его смерти.

Однако «минималисты», разумеется, поспешили заявить, что данная находка доказывает лишь реальность существования Иорама и Охозии, и не более того.

Нового удара по минималистской концепции пришлось ждать недолго. Начатые во второй половине 2000-х годов профессором Йоси Гарфинкелем раскопки развалин древнего города Кириафы однозначно показали, что в X веке до н. э. на территории современного Израиля существовало единое и мощное еврейское царство. Жители этого царства были последовательными монотеистами и считали, что у Бога нет образа — при раскопках были найдены жертвенники, но при этом начисто отсутствовали статуэтки и скульптуры каких-либо идолов¹. «Каковыми были границы этого государства — остается неясным, — констатирует известный своей осторожностью в выводах Гарфинкель. — Возможно, оно не было столь большим и процветающим, как это рисует Библия, но и, безусловно, не таким маленьким, как это пытаются представить “минималисты”».

В последние десятилетия среди большинства серьезных ученых все больше утверждается точка зрения израильского археолога профессора Амихая Мазара, убежденного, что степень историчности текста Библии нарастает от книги к книге. Если к Пятикнижию Моисееву и Книге Иисуса Навина, объясняет профессор Мазар, никак нельзя относиться как к заслуживающим какого-либо доверия историческим источникам, то уже Книга Судей содержит в себе немало элементов исторической хроники. В «Первой книге Самуила» и «Второй книге Самуила» (в синодальном переводе — Первая и Вторая книги Царств) реальная история уже явственно преобладает над мифом, и эта тенденция усиливается по мере движения к «Первой книге Царей» и «Второй книге Царей» (в синодальном переводе — Третья и Четвертая книги Царств²).

* * *

В этой книге, как уже было сказано, представлены все различные точки зрения на царя Соломона и его время, но опора все же делается на библейский текст — как главный источник сведений по данному вопросу. Автор исходит из того, что мы можем соглашаться или не соглашаться с текстом Библии, но у нас нет права его игнорировать.

¹ См.: *Garfinkel Y., Ganor S. Khirbet Qeiyafa: Sha'arayim. Journal of Hebrew Scriptures. Volume 8. Article 22 (2008).*

² См.: *Мазар А. Полемика об исторической правде в тексте Библии. Иерусалим: Яд Ицхак Бен-Цви, 2001.*

В связи с этим перед автором встал непростой вопрос о том, какой перевод Священного Писания ему лучше всего использовать. После долгих раздумий я все же решил (за некоторыми специально оговоренными исключениями) остановиться на синодальном переводе как более близком и известном российскому и — шире — русскоговорящему читателю во всем мире. Правда, при первом упоминании того или иного библейского персонажа или топонима автор приводит в скобках их оригинальное звучание на иврите.

Следует также помнить, что названия книг Танаха и Ветхого Завета в синодальном переводе не всегда совпадают. В частности, «Первая книга Самуила» и «Вторая книга Самуила» (две книги «Шмуэль») в Танахе в синодальном переводе обозначены как Первая и Вторая книги Царств. Соответственно, «Первая книга Царей» и «Вторая книга Царей» (две книги «Мелахим») в Танахе в синодальном переводе обозначены как Третья и Четвертая книги Царств. Две книги Танаха «Диврей ха-ямим» («Деяния дней», иногда называемые «Книгой Хроник», или «Хрониконом») в синодальном переводе приводятся как Первая и Вторая книги Паралипоменон.

Конечно, помимо Библии, автор использовал и целый ряд других источников — от Талмуда и Корана до недавно вышедших монографий, посвященных эпохе Соломона или тем или иным аспектам его деятельности; от сборников легенд, подготовленных к изданию видными религиозными авторитетами, до той же «Суламифи» Куприна или беллетристических эссеисов израильского писателя Рама Орена. Вместе с тем следует учесть, что если начать составлять библиографию книг, посвященных царю Соломону, то она вберет в себя даже не сотни, а тысячи позиций.

Разумеется, автор мог бы привести подобный список литературы, чтобы придать больший вес своему сочинению — как без особого труда мог бы написать эту книгу вообще в совершенно ином ключе, придав ей куда более академический, наукообразный характер. Но в том-то и дело, что меньше всего мне хотелось играть в академический снобизм. Гораздо важнее для меня было познакомить русского читателя с малоизвестными или вообще неизвестными до сих пор легендами и сказками о царе Соломоне; столкнуть между собой различные, порой кажущиеся несовместимыми друг с другом версии описываемых Библией событий жизни царя, предоставив читателю право самому решать, какая из этих версий кажется ему наиболее правдоподобной.

Ну а теперь, когда все, что следовало сказать в предисловии, вроде бы сказано, время приступить к самой книге.

*Часть
первая*

ЦАРЬ

Глава первая
ЕЩЕ ДО РОЖДЕНИЯ

Так сложилось, что рассказ о жизни и великих деяниях царя Соломона, или, если произносить его имя в оригинальном звучании, царя Шломо (Шеломо), принято начинать с момента его восшествия на престол, а то и позже — с великой ночи в Гаваоне (Гивоне), где во время пророческого сна юному самодержцу достало ума попросить у Бога не славы и богатства, а «сердце разумное». Таким образом, во всех этих книгах (идет ли речь о теологическом или историческом исследовании, или даже просто о романе или повести) Соломон сразу предстает, по меньшей мере, двенадцатилетним подростком, почти сложившейся личностью и государственным деятелем.

Между тем невозможно понять ни перипетии судьбы Соломона, ни особенности его мироощущения без обращения к его детству и отрочеству. Сами обстоятельства его рождения; атмосфера, в которой он рос; бури, пронесившиеся в эти годы над царским дворцом и страной в целом, — все это, вне сомнения, и стало теми факторами, которые сформировали личность Соломона и затем определяли многие его поступки.

В сущности, история царя Соломона начинается задолго, возможно даже за 20 лет до его рождения. Она берет свой отсчет в тот день, когда царь Давид решает поделиться со своим придворным пророком, другом и советником Нафаном (Натаном) сокровенной мечтой о строительстве грандиозного Храма Господу в Иерусалиме.

К этому времени за плечами у Давида уже был занявший несколько десятилетий путь от простого пастуха до царя, помазанного на царство в Хевроне старейшинами всех еврейских колен. Затем были штурм казавшегося неприступным иевусейского Иерусалима; покорение последних из сохранивших свою независимость ханаанских князьков; успешные войны с давними врагами евреев филистимлянами; строительство царского дворца из ливанского кедра. Был и перенос в новую столицу главной святыни народа — Ковчега Завета с лежащи-

ми в нем скрижалями, полученными Моисеем (Моше) на горе Синай.

Когда он почувствовал, что окончательно укрепился на троне, а в страну пришел долгожданный мир, Давид и решил, что настало время для исполнения давнего пророчества и строительства в Иерусалиме величественного Храма Единственного Бога — Творца и Владыки Вселенной.

С мистической точки зрения Храму предназначалась роль сакрального центра всего человечества, откуда в мир изливалась бы истина единобожия. Одновременно Храм должен был стать не просто главным, а единственным местом, где осуществлялись бы предписанные Законом Моисея священные службы. После его строительства жертвоприношения и богослужение в любых других местах должны были быть запрещены. Это, в свою очередь, способствовало бы объединению все еще разобщенного, разделенного на племена (колена) еврейского народа в единую нацию, а заодно превращало бы Иерусалим в подлинную столицу этой нации — ее не только административный и военный, но и духовный центр. «Один народ — один царь — одна столица — один Храм!» — таков был смысл новой политики Давида.

Этими грандиозными планами Давид и поделился со своим придворным пророком Нафаном, и тот, согласно Библии, горячо одобрил замысел царя: «Когда царь жил в доме своем, и Господь успокоил его от всех окрестных врагов его, тогда царь сказал пророку Нафану: вот, я живу в доме кедровом, а ковчег Божий находится под шатром. И сказал Нафан царю: все, что у тебя на сердце, иди, делай; ибо Господь с тобою...» (2 Цар. 7:1—3).

Но той же ночью в пророческом сне Бог сообщает Нафану, что тот поторопился с одобрением царского замысла, да еще и от Его имени.

Храм, этот символ любви и мира между народами, как выясняется из посланного Нафану Откровения, попросту не мог быть возведен Давидом — царем-воителем, пролившим в своей жизни немало крови, пусть это и была кровь врагов, убитых в честном бою. А потому великая миссия сооружения Храма, говорилось далее в этом пророчестве, будет исполнена тем, кто унаследует трон Давида и чьи руки будут чисты: «Но в ту же ночь было слово Господа к Нафану: пойди, скажи рабу моему Давиду: так говорит Господь: ты ли построишь Мне дом для моего обитания, когда Я не жил в доме с того времени, как вывел сынов Израилевых из Египта и до сего дня, но переходил в шатре и в скинии?.. Когда же исполнятся дни твои, и ты почиешь с отцами твоими, то Я восставлю после тебя семя твое,

которое произойдет из чресл твоих, и упрочу царство его. Он построит дом имени Моему, и Я утвержу престол царства его навеки. Я буду ему отцом, и он будет Мне сыном; и, если он согрешит, Я накажу его жезлом мужей и ударами сынов человеческих; но милости Моей не отниму у него, как Я отнял от Саула, которого Я отверг перед лицом твоим. И будет непоколебим дом твой и царство твое навеки пред лицом Моим, и престол твой устоит вовеки» (2 Цар. 7:4—16).

К тому времени у Давида было уже немало жен, родивших ему множество сыновей. Сам царь не спешил провозгласить, кого из них он прочит в наследники, но всем было ясно, что основными претендентами на престол являются старшие сыновья. Наибольшие шансы стать наследным принцем были у первенца Амнона, рожденного от Ахиноамы (Ахиноам), делившей с Давидом ложе в те дни, когда он считался главарем банды разбойников. Но ведь были еще Далуиа Килав¹, подаренный Давиду его любимой Авигеей (Авигайль); Авессалом (Авшалом) — сын от брака с гисурской принцессой Маахой; был Адония (Адониягу) — сын Аггифы (Хаггит), Сафатия (Шефатья) — сын Авиталы (Авитель)...

Однако слова пророчества «...восставлю после тебя семя твое, которое произойдет из чресл твоих» ясно указывали на то, что ни одному из этих принцев не дано стать его наследником — будущему царю и строителю Храма еще только предстояло «произойти из чресл» Давида.

С того дня Давид, согласно устной традиции, и жил ожиданием рождения этого сына. Год шел за годом, победоносные войны с филистимлянами, моавитянами и идумеями (эдомитянами) значительно расширили границы Еврейского государства и превратили его в небольшую, но мощную империю. Гарем царя непрестанно пополнялся новыми женами и наложницами из числа покоренных народов и евреек. Эти жены и наложницы исправно рожали ему новых детей, но ни к одному из их детей, как, впрочем, и ни к одной из новых жен, царь так и не привязался сердцем.

Лишь когда Давид вступил во вторую половину своей жизни, он, наконец, встретил женщину, которой суждено было родить обещанного ему и столь долгожданного сына.

Однако и во дворце, и в народе многие восприняли эту страсть царя как преступную, что в значительной степени определило последующие события.

¹ Об этом сыне Давида известно крайне мало и не исключено, что он скончался еще подростком.

История любви Давида и Вирсавии описана даже не в сотнях, а в тысячах религиозных трактатов, в исторических трудах, исследованиях психологов и философов, специализирующихся на проблемах этики, учебниках по семейному праву и, само собой, бесчисленном множестве стихов, рассказов, романов. Сотни художников всех времен и народов пытались запечатлеть то, как в их воображении рисовалось купание Вирсавии в тот самый вечер, когда Давид увидел ее с крыши своего дома. Увидел — и воспылал к ней поистине ослепляющей, безумной, лишившей его разума, едва ли не в буквальном смысле этого слова, страстью.

Давида не остановило даже то, что Вирсавия была женой Урии, хетта по происхождению, командовавшего одним из подразделений его армии и находившегося в это время на войне. Призвав Вирсавию к себе во дворец, Давид овладел ею, а когда та сообщила, что беременна, решил скрыть свой грех. Для этого Давид под явно надуманным предлогом спешно вызвал Урию в Иерусалим, а когда тот явился, велел ему отправиться домой и побыть с женой. Но Урия, видимо, наслышавшись от придворных об измене жены, не пожелал смириться с ролью рогоносца. Вместо того чтобы исполнить волю царя, он демонстративно лег в зале с дворцовой охраной, чтобы у него были свидетели, что во время краткого отпуска он не входил к жене, и если та беременна, то беременна не от него.

Давид попытался напоить Урию и в таком бесчувственном состоянии отправить домой. Но, даже крепко выпив, Урия не впал в беспамятство и по-прежнему остался ночевать во дворце.

Разгневавшись на своего офицера за непослушание и усмотрев в его поведении все признаки бунта, Давид отправил Урию обратно на фронт, вручив ему письмо к главнокомандующему своей армии Иоаву с тайным приказом послать Урию во время сражения в самое опасное место, а затем бросить его и его отряд на гибель. Вскоре Иоав сообщил Давиду, что приказ выполнен: Урия героически погиб под стенами Раввы Аммонитской (Раббат-Аммона), столицы аммонитян.

Дождавшись, когда Вирсавия соблюдет положенные дни траура по мужу, Давид поспешил жениться на ней, и таким образом внешне все выглядело вполне пристойно.

Разумеется, и мидраши¹, и многие комментаторы Библии приводят те или иные объяснения, призванные оправдать этот

¹ М и д р а ш — устное предание; толкование еврейскими мудрецами эпохи Талмуда текста Священного Писания на основе устных преданий и традиции с целью разработки закона (Мидраш Галаха) или исторического либо нравоучительного вывода (Мидраш Агада).

поступок Давида и убедить потомков, что он отнюдь не так аморален, как это кажется на первый взгляд.

Так, согласно еврейским мистикам, Вирсавия и была «истинной парой» Давида, то есть женщиной, предназначенной ему еще в момент рождения, и именно поэтому он испытывал к ней столь непреодолимое влечение. Однако, продолжают они, Давид сам расстроил свой брак с Вирсавией, и произошло это еще в день его грандиозной победы над Голиафом (Гольятом). Когда Давид подбежал к поверженному им Голиафу, юный телохранитель филистимского богатыря протянул ему меч своего убитого хозяина и заявил, что хочет присягнуть ему на верность и пройти гиюр¹, присоединившись к еврейскому народу. «О, пройти гиюр стоит хотя бы для того, чтобы жениться на еврейке, ибо нет красивее и горячее наших женщин!» — якобы ответил на это Давид.

Этим телохранителем, согласно преданию, был не кто иной, как Урия Хеттеянин. Сказанные ему слова Давида вызвали гнев Всевышнего. «За то, что ты с такой легкостью разбрасывался женщинами Моего народа, — говорит Бог в мидраше, — я заберу у тебя твою истинную пару и отдам ее на время Урии Хеттеянину!»

Со дня битвы с Голиафом Урия почти не расставался с Давидом. Он стал бойцом его первого отряда, состоявшего из тридцати отборных воинов; затем сопровождал его во время бегства от Саула, а после воцарения Давида был назначен командиром одного из подразделений созданной им армии. По мнению еврейских мистиков, Урие в любом случае, и без тайного приказа Давида, было предопределено погибнуть на войне с аммонитянами, после чего для брака с Вирсавией не было никаких препятствий. Грех Давида, таким образом, заключался в том, что он не дождался естественного развития событий.

Многие комментаторы также настаивают, что связь Давида с Вирсавией ни в коем случае не была прелюбодеянием, то есть связью с замужней женщиной, так как у евреев издревле, отправляясь на войну, мужчины давали формальный развод своим женам, а по возвращении разрывали разводное письмо и вступали в свои супружеские права. Такой развод дал Вирсавии и Урия, так что Давид, по сути дела, занимался любовью с разведенной женщиной.

Другие комментаторы напоминают, что, согласно устному преданию, связь эта тем более не была греховной, что когда Давид познал Вирсавию, она была... девственницей. При этом, по одному мидрашу, Урия не мог овладеть женой, поскольку был то ли импотентом, то ли кастратом, а по другому —

¹ Ги ю р — церемония перехода в иудаизм.

дело заключалось в том, что он женился на Вирсавии, когда та была еще совсем ребенком, и решил не вступать с ней в близость, пока она до нее не созреет. Этот мидраш утверждает, что Давид увидел Вирсавию в тот самый момент, когда та совершала ритуальное омовение¹ спустя семь дней после окончания первых в ее жизни месячных. Но, согласно еврейскому закону, брак с женщиной, который не способен или не желает исполнять супружеские обязанности, считается недействительным, и таким образом Давида опять-таки нельзя обвинить в связи с замужней женщиной.

Еще один мидраш утверждает, что Давид согрешил с Вирсавией не без участия Сатана² — этого вечного врага рода человеческого. Сатан, дескать, обернулся оленем (по другой версии — диковинной птицей), и когда замороженный царь стал следить взглядом за невесть откуда появившимся животным, он и обнаружил купающуюся Вирсавию.

Есть среди исследователей и толкователей Библии и такие, которые во всем случившемся винят не Давида, а Вирсавию: дескать, она намеренно соблазнила самодержца, расчетливо выбрав для купания тот самый час, когда он выходил на крышу дворца. При этом Вирсавия не могла не знать, что с этой крыши хорошо просматриваются все иерусалимские дворы³.

Словом, религиозные да и не только религиозные мыслители предприняли немало попыток оправдать этот поступок царя Давида, но сам библейский текст между тем оценивает его однозначно: «И было это дело, которое сделал Давид, зло в очах Господа» (2 Цар. 11:27).

Так восприняла все происшедшее и семья Вирсавии. Ее отец, так же, как и Урия, давний соратник Давида и один из генералов его армии Елиам (Элиам), и ее дед, советник царя Ахитофел (Ахитофель), посчитали, что своим поступком царь порушил узы связывавшей их старой боевой дружбы, обесчес-

¹ Согласно изложенному в «Пятикнижии» и соблюдающемуся евреями до сегодняшнего дня закону, в дни месячных интимные отношения между мужем и женой запрещены. По окончании месячных женщина должна отсчитать семь «чистых» дней, а затем совершить омовение в специальном ритуальном бассейне — микве. Только после такого омовения она снова становится «разрешенной» для мужа и может вступать с ним в интимную близость.

² Именно так, в мужском роде, произносится это слово в иврите.

³ Неоднозначность образа Вирсавии привела к тому, что в славянских сказаниях о царе Соломоне она выступает в качестве отрицательного персонажа, этакой еврейской Мессалиной. В этих сказаниях Соломон еще младенцем обнаруживает, что мать изменяет его отцу Давиду. Вирсавия, боясь разоблачения, поручает «дядьке» убить сына, но Соломон выживает и спустя много лет возвращается в дом под видом купца. Он предлагает матери переспать с ним в обмен на драгоценный камень, а когда та соглашается, раскрывает себя и т. д. К древним еврейским источникам эти легенды не имеют никакого отношения.

тил их дочь и внучку, и затаили глубоко в сердце обиду на своего повелителя.

Так же, видимо, считали и многие другие придворные, но все они предпочитали шептаться о страшном царском грехе по углам и никто не решался сказать об этом Его Величеству напрямую.

И все же такой человек нашелся: пророк Нафан явился к царю, чтобы сообщить, что Бог решил вынести Своему помазаннику приговор по принципу «мера за меру».

Впрочем, даже Нафан, находившийся с Давидом в необычайно близких отношениях, на сей раз не решился обвинить царя напрямую. Пророк начал свой разговор то ли с притчи, то ли с недавно произошедшей реальной истории о том, как к одному богачу, обладающему бесчисленными стадами скота, пришел гость, и богач решил устроить в его честь пир. Но при этом богач почему-то взял для этого пира не одну из своих бесчисленных овец, а отобрал единственную овцу у несчастного бедняка...

Смысл притчи был прозрачен, однако, как ни странно, Давид, с его умом, не примерил ее на себя и сам вынес себе приговор. Он провозгласил, что богач из этой истории достоин смерти, а за овцу должен заплатить вчетверо: «...за то, что он сделал это, и за то, что не имел сострадания» (2 Цар. 12:6).

И уже после этого Нафан произносит роковые слова: «Ты — тот человек!» — а затем объявляет царю, что решением Небесного суда тот приговорен к смерти, но перед этим ему придется вкусить горечь унижения и бесчестия.

Сразу после своего страстного монолога (2 Цар. 12: 7—12) пророк уходит, и лишь после этого до Давида начинает доходить весь ужас его поступка и вся беспощадность вынесенного ему приговора. В страхе он валится на колени и молит о прощении, и сила его раскаяния, говорит Библия, была так велика, что Всевышний изменил Свое решение.

Об отмене страшного приговора Небесного суда Давиду сообщил все тот же Нафан. Теперь, объявил пророк, Давид не умрет, его династия продолжится, но заплатить за грех с Вирсавией и Урией ему, безусловно, придется: его первый сын от Вирсавии умрет, а затем на его дом обрушатся различные бедствия.

Согласно раввинистической традиции, роман между Давидом и Вирсавией начался посреди лета; о приговоре Небес Нафан объявил царю ранней осенью, в канун еврейского новогогоднего праздника Рош а-шана, а об его отмене — через десять суток, в Судный день, день суда и прощения. А спустя еще несколько месяцев, зимой, Вирсавия родила сына.

Ребенок родился слабым и болезненным, и повитухи с са-

мого начала поняли, что его не выходить. Так оно и случилось: на седьмой день после своего рождения младенец скончался.

Смерть сына, говорит устное предание, стала для Вирсавии страшным ударом. Решив, что за грех измены мужу теперь все ее дети будут обречены на смерть, она стала отказывать Давиду в близости.

Версии комментаторов о том, когда именно происходили эти события, расходятся. По одному из устных преданий, история с Вирсавией произошла, когда Давиду было 45 лет. Вскоре после этого царь тяжело заболел, и болезнь эта длилась 13 лет, в течение которых он большую часть времени был прикован к постели, подозревая, что стал жертвой отравления.

Другая версия гласит, что Давид впервые увидел Вирсавию, когда ему было 56 лет. Но как бы то ни было, любовь к этой женщине продолжала пылать в сердце царя, и в итоге именно ей суждено было подарить Давиду того самого сына, которому предстояло стать строителем Храма.

«И утешил Давид Вирсавию, жену свою, и вошел к ней, и спал с нею; и она родила сына, и нарекла ему имя: Соломон. И Господь возлюбил его и послал пророка Нафана, и он нарек ему имя Иедидиа по слову Господа» (2 Цар. 12:24—25).

Так начинается история жизни царя Соломона, «произошедшего из чресл» Давида, когда великий царь и псалмопевец приблизился к последнему десятилетию своей жизни. Как намеком следует из библейского текста, пророк Нафан поспешил объявить Давиду, что рожденный Вирсавией младенец и есть тот самый наследник, которого царь так долго ждал. Это следует также и из самого второго имени, которым Нафан нарекает Соломона: «иедид» на иврите означает «близкий друг», «Иедидиа», таким образом, означает «Близкий друг Господа». Причем Нафан подчеркивает, что он дает ребенку это имя не по собственной воле, а «по слову Господа», то есть Бог Сам уже в момент рождения признал Соломона Своим «другом».

Об этом пророчестве Нафана Давид будет вспоминать в одной из своих последних бесед с сыном:

«Но было ко мне слово Господне, и сказано: “ты пролил много крови и вел большие войны; ты не должен строить дом имени Моему, потому что пролил много крови на землю перед лицом Моим. Вот у тебя родится сын: он будет человек мирный; Я дам ему покой от всех врагов его кругом: посему имя ему будет Соломон. И мир, и покой дам Израилю во дни его. Он построит дом имени Моему, и он будет Мне сыном, а Я ему отцом, и утвержу престол царства его над Израилем навек”» (1 Пар. 22:8—10).

Само оригинальное звучание имени сына Давида и Вир-

савии — Шломо, превратившееся в христианской традиции в Соломона, а в арабской — в Сулеймана, в сознании человека, владеющего ивритом, немедленно вызывает ассоциацию со словом «шалом» — «мир». Имя это было даровано Соломону в соответствии с пророчеством: «И мир, и покой дам Израилю в дни его».

Но одновременно это имя порождает и ассоциацию со словом «шalem» («цельный», «совершенный»), а также со словом «Иерушалаим» — Иерусалим, «ир шалем», «цельный, единый город».

Они вообще оказываются неразрывно связаны в истории — Соломон и Иерусалим, превращенный им, если верить Книге Книг, в один из самых красивых и богатых городов своей эпохи.

* * *

Разумеется, многие исследователи считают библейский рассказ об истории рождения Соломона крайне предвзятым. Все, что связано с пророчеством о том, что истинному наследнику престола в дни, когда Давид «обрел покой от врагов своих», еще только предстояло родиться, вставлено, по их мнению, в текст исключительно для того, чтобы обосновать законность права Соломона на престол; объяснить, почему при выборе наследника царя был нарушен принцип старшинства. А если это право надо было обосновывать, значит, были те, кто в нем сомневался...

Глава вторая **МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ**

В Книге притчей Соломоновых царь говорит о себе: «Ибо и я был сын у отца моего, нежно любимый и единственный у матери моей» (Прит. 4:3).

Это, безусловно, чрезвычайно важный момент его биографии. Давно и хорошо известно, что именно отношение к ребенку родителей в самый ранний период его детства в итоге определяет многие будущие черты его личности. И — прежде всего — его самооценку, уверенность в собственных силах и правильности принимаемых решений.

«Если человек в детстве был любимым ребенком своей матери, он всю жизнь чувствует себя победителем и сохраняет уверенность в том, что во всем добьется успеха, и эта уверенность, как правило, его не подводит», — писал спустя более двух с половиной тысяч лет после царя Соломона другой его

великий тезка, вошедший в историю человечества под именем Зигмунд Фрейд¹.

Детство царя Соломона прошло, очевидно, в покоях его матери Вирсавии, которая, помня о смерти своего первенца, что называется, сдувала пылинки с сына и тряслась над каждым его шагом.

Привилегированное положение любимой жены, посещаемой царем куда чаще других жен и наложниц, не могло не вызывать у последних зависть и злобу по отношению к Вирсавии, и это вольно или невольно должно было сказаться на их отношении к Соломону. Опасаясь, что под видом игры на ее мальчика может быть совершено покушение, Вирсавия не пускала сына на детскую половину гарема, да ему и нечего было там делать.

«От полонянок, находившихся в царском гареме, у Давида родилось четыреста сыновей. Все они, вопреки иудейскому закону, выбривали волосы на висках, а на затылке заплетали их в косы и заставляли носить себя в золотых паланкинах и в армии занимали места начальников и командиров; все они были задиры и драчуны, наводившие ужас на окружающих», — сообщает трактат Талмуда «Киддушин»².

Понятно, что число «400» в данном случае носит символический характер, призванный подчеркнуть, что сыновей у Давида и в самом деле было великое множество, но до большинства из них, как и до их матерей, царю, видимо, не было никакого дела. Трудно даже сказать, знал ли он всех своих отпрысков в лицо и по именам. Во всяком случае, из Библии следует, что действительно «своими» сыновьями, которых Давид любил и в воспитании которых принимал какое-то участие, были сыновья от первых шести его жен и Вирсавии. Именно они упоминаются во «Второй книге Самуила» поименно — шесть сыновей, родившихся в Хевроне (2 Цар. 3:2—8), и одиннадцать, родившихся в Иерусалиме (2 Цар. 5:14—16).

Впрочем, как следует из Талмуда, то, что они не входили в число отцовских любимцев, отнюдь не мешало этой толпе принцев носиться по Иерусалиму на мулах, задирая прохожих и забирая из лавок торговцев все, что приглянулось или просто попало под руку.

Соломон был намного младше большинства царских сыновей из этой оравы и уже поэтому не мог принимать участия

¹ Создатель психоанализа был назван при рождении Соломоном (Шломо) — Сигизмундом. Затем, по собственной инициативе, он сменил это имя на «Зигмунд».

² Бялик Х. Н., Равницкий И. Х. Агада: Сказания, притчи, изречения Талмуда и Мидрашей. Иерусалим, 1989. С. 148.

в подобных играх. Но, очевидно, он к этому и не стремился, будучи по своей натуре человеком совершенно иного склада. Рано проявившийся острый природный ум, его жадная любознательность приводили в восторг Нафана. С каждым годом пророк все более истово верил в собственное пророчество, что именно этому мальчику, а не кому-либо другому из сыновей царя, предстоит стать его подлинным наследником.

Воодушевленный этой верой, Нафан стал личным воспитателем маленького принца, а когда тот подрос, ему были наняты и другие учителя.

Согласно преданию, для обучения Соломона Торе¹ был привлечен один из самых выдающихся ее знатоков того времени Семей, сын Геры (Шимми бен Гейра), но, видимо, только изучением Закона и истории образование Соломона не ограничилось. Не исключено, что специально для обучения маленького принца в Иерусалим были выписаны учителя математики, астрономии, астрологии и прочих наук из Египта, Сирии (Арама), Халдеи и других окрестных стран. Видимо, этим объяснялось то, что уже после своего восшествия на престол Соломон поражал всех не только своей мудростью, но и общей эрудицией и знанием иностранных языков: «И дал Бог Соломону мудрость и великий разум, и обширный ум, как песок на берегу моря. И была мудрость Соломона выше мудрости всех сыновей Востока и всей мудрости Египтян» (1 Цар. [3 Цар.] 4:29—30).

Давид Йосифон переводит эти строки Библии куда ближе к оригиналу: «И дал Бог мудрость Шеломо и разума очень много, и широту сердца, вмещавшего знания обильные, как песок морской. И мудрость Шеломо была больше мудрости всех сыновей Востока и всей мудрости Египта»².

Из такого перевода более четко видно, что, помимо острого ума, Соломон отличался еще и такими характерными чертами подлинно мудрого человека, как высокими нравственными принципами, добротой («широтой сердца») и поражавшей его современников эрудицией (имел «знания обильные, как песок морской»).

Ряд исследователей Библии считают, что Нафан был не только и не столько пророком, сколько умным царедворцем, главным политическим советником царя Давида, страстным рев-

¹ Тора — в узком значении этого слова — Пятикнижие Моисеево, однако обычно под Торой понимается весь корпус книг Священного Писания и записанной позже устной традиции (Талмуда) и комментарии к ним.

² Здесь и далее перевод Д. Йосифона цит. по изд.: Невим ришоним и ахроним (Первые и последние пророки): Текст сверен с рукописью и масорой Кэтэр Арам Цовы и сходных с ней рукописей Мордехаем Броером / Ред. пер. Д. Йосифон. Иерусалим, 5735 (1975); Кетувим (Писания) / Ред. пер. Д. Йосифон. Иерусалим, 5738 (1978).

нителем идеи еврейской государственности. По этой версии, присмотревшись к старшим сыновьям царя, Нафан пришел к выводу, что никто из них не сможет достойно продолжить дело, начатое Давидом. Все они были отличными воинами, любителями пиров, охоты и прочих забав, но ни один не отличался глубоким интеллектом, осознанием всей сложности миссии царя; того, что подлинный монарх должен уметь порой приносить в жертву интересам нации личные интересы.

Именно после разочарования в Амноне, Авессаломе и Адонии Нафан сосредоточился на воспитании Соломона и во время уроков проникся к нему самозабвенной отеческой любовью, если не сказать обожанием. Исподволь, едва ли не с момента, как тот начал говорить, Нафан готовил Соломона к роли царя.

Сам Давид, разумеется, тоже не мог не обратить внимания на впечатляющие успехи Соломона в учебе. Вдобавок ко всему, этот ребенок был для него «сыном старости», «мизинчиком», как называют обычно последних сыновей евреи, и это тоже не могло не повлиять на его отношение к мальчику. Посещая Вирсавию, Давид немало времени проводил с Соломоном — пытался найти ответы на его бесчисленные «почему», проверял, чему тот научился за время его отсутствия, учил играть на арфе, а заодно и наставлял его в том, что человек должен считать в жизни главным, а что — второстепенным. Эти отцовские уроки маленький Соломон запомнил на всю жизнь: «И он (отец. — П. Л.) учил меня и говорил мне: да удержит сердце твое слова мои; храни заповеди мои и живи. Приобретай мудрость, приобретай разум: не забывай этого и не уклоняйся от слов уст моих» (Прит. 4:4—5).

Словом, Соломон, похоже, и в самом деле был «нежно любимым» сыном своего отца, и это опять-таки не могло не породить злобного шепотка в гареме и тревожные подозрения у старших принцев.

* * *

Соломону был только год, когда первенец Давида Аммон, воспылав страстью к своей сестре Фамарь (Тамар), притворился больным, уговорил отца прислать к нему девушку, чтобы та приготовила для него лепешки, и изнасиловал ее. Удовлетворив свою страсть, Аммон мгновенно охладел к Фамари и выгнал ее из своих покоев, даже не дав дожидаться темноты.

Соломон, разумеется, не мог помнить этих событий. Но, вероятно, он не раз слышал в гареме о том, как Фамарь, разо-

рвав свою белую рубаху, этот символ девичьей чистоты, рыдая, шла по городу. Как слышал он и пересуды, что Давид, вопреки ожиданиям, оставил это страшное преступление старшего сына безнаказанным. И уж, само собой, трехлетний Соломон на всю жизнь запомнил, каким страшным образом отомстил родной брат Фамари Авессалом за позор своей сестры.

Два долгих года скрывал Авессалом свою жажду мести от отца и брата, усыпляя их бдительность, ни словом, ни жестом не выдавая своих чувств. Наконец, решив, что время для отмщения пришло, Авессалом пригласил на праздник стрижки овец всех царских сыновей за исключением старшего Амнона и, разумеется, маленького Соломона.

Праздник этот всегда сопровождался у евреев обильным употреблением вина и шенкара — заимствованного у египтян крепкого пива. Вслед за братьями Авессалом пригласил к себе в имение и отца — прекрасно зная, что тот откажется поехать. А услышав этот ожидаемый отказ, Авессалом умолил Давида отпустить вместо себя Амнона.

Затем в разгар праздничного пира, когда казалось, что ни один мужчина в доме Авессалома уже не держался на ногах, сам хозяин, остававшийся совершенно трезвым, подал слугам условный знак. В то же мгновение на пьяного Амнона набросилось не менее десяти человек, нанося ему бесчисленные удары ножами и ножницами для стрижки овец.

Увидев хлынувшую на пол кровь, все принцы мгновенно протрезвели, в ужасе вскочили на своих мулов и бросились прочь из имения Авессалома, решив, что тот уготовил им такую же участь. Вероятно, кто-то из слуг принцев бежал из поместья Авессалома первым и, не зная толком, что там произошло, доложил Давиду, что Авессалом убил всех его сыновей.

Маленькому Соломону, видимо, навсегда врезался в память тот леденящий сердце ужас, который охватил всех обитателей царского дворца при этих словах. Вряд ли он мог забыть и то, как его венценосный отец, становившийся с годами все менее сдержанным в проявлении чувств, разорвал на себе одежды и, рыдая, повалился на землю.

Менее чем через час, когда все остальные царские сыновья вернулись домой, стало ясно, что жертвой Авессалома стал только Аммон. Не исключено, что именно в ту ночь Соломон впервые осознал всю важность справедливого и своевременного суда над преступником — ведь если бы Давид наказал Амнона по всей строгости закона, Авессалому, возможно, не пришлось бы прибегать к самосуду.

В то самое время, когда Давид напрасно оплакивал своих сыновей, братоубийца Авессалом бежал в Гисур (Гешур) — к своему деду, царю Фалмаю (Талмаю). Разумеется, при желании Давид мог бы потребовать выдачи сына, и старый Фалмай скрепя сердце выполнил бы волю своего могущественного зятя. Но в том-то и дело, что Давид такого требования не выдвинул — его явно устраивало то, что Авессалом пребывает в изгнании и не может предстать перед судом за совершенное им преступление.

Бегство Авессалома совпало с началом засухи, продолжавшейся три года и в итоге породившей в стране ужасающий голод. Страшные картины изможденных, умирающих от голода, молящих Бога о дожде людей тоже навсегда врезались в память маленького Соломона. Не случайно, по устному преданию, во время своего пророческого сна Соломон, в числе прочего, обратился к Богу с просьбой, чтобы на протяжении всего времени его царствования страна не знала ни засухи, ни голода.

Кто знает, может быть, именно в те голодные дни Соломон утвердился в мысли, что подлинным показателем величия любой страны является не мощь армии, не масштаб завоевательных походов, а ее экономическое процветание — отсутствие в ней людей, умирающих от голода и готовых продаться в рабство за корку хлеба. Именно такое государство он и решил построить в будущем, не забыв при этом о строительстве складов для стратегических запасов на случай той же засухи или других стихийных бедствий.

Спустя три года после побега Авессалома Давид не без помощи своего министра обороны Иоава нашел юридическую уловку, позволяющую ему не предавать этого сына смертной казни, и Авессалому было милостиво разрешено вернуться в Иерусалим. Однако Давиду понадобилось еще два года, чтобы окончательно простить сына и встретиться с ним¹.

Таким образом, в течение пяти лет Авессалом не показывался во дворце, а внимание и любовь Давида в эти годы изливались на Соломона. Все свободное от уроков время маленький принц находился рядом с отцом — сопровождал его на военные учения; сидел (что было, конечно, не очень педагогично) рядом с ним на пирах и — самое главное — стоял возле его трона, когда Давид решал различные государственные дела и вершил суд. В результате, еще не достигнув восьми лет от роду, Соломон успел получить первые уроки того, как следует управлять государством.

¹ Более подробно эти события изложены в кн.: Люкимсон П. Е. Царь Давид. М., 2011.

Ряд еврейских авторов относят предание о первом суде Соломона именно к этому периоду. Впрочем, другие считают, что история эта произошла вскоре после мятежа Авессалома, то есть относят ее к тому времени, когда Соломону было девять-десять лет. Третьи — к последним дням правления Давида, а четвертые видят в этой истории народную легенду, которая родилась несколько столетий спустя после смерти царя Соломона.

Жил в городе Иерусалиме, гласит эта легенда, богатый купец, и был у него единственный сын, в котором он души не чаял. Когда юноше исполнилось 15 лет, он стал просить отца разрешить ему попробовать себя в деле и отпустить с караваном, идущим в дальние страны. Купец долго противился, но все же не смог устоять перед просьбами любимого сына и решил ему отправиться в путь. Прошло полгода, год, другой, но сын домой так и не вернулся. Не вернулся он и через три года, и через пять.

Почувствовав, что ему пришло время умирать, купец объявил своему любимому рабу, что хочет оставить его управляющим всем своим имуществом до тех пор, пока не вернется его сын. Раб согласился, но попросил купца узаконить его назначение: позвать к себе жену, дочерей и всех остальных домоладцев и объявить им свою волю. Купец так и сделал: призвал всю родню и сообщил, что оставляет свое имущество и заботу о них на попечение верного раба — до той поры, пока не вернется его пропавший без вести сын.

Первый год после смерти купца новый управляющий исполнял завешание своего покойного хозяина и, распоряжаясь его имуществом, не забывал о нуждах дочерей и вдовы купца. Однако постепенно он вошел во вкус и решил, что пришло время стать полноправным хозяином всего вверенного ему богатства. Выгнал он из дома всех близких покойного и стал жить припеваючи.

Прошло еще десять, а то и больше лет, и вдруг в ворота дома постучался какой-то человек. На вопрос, кто он такой, незнакомец ответил, что он — сын хозяина этого дома. Много лет назад он ушел из Иерусалима с торговым караваном, попал в плен к разбойникам, был продан в рабство, но, в конце концов, сумел бежать. И вот он здесь, чтобы вступить в права законного наследника...

«Да кто ты такой? Откуда ты взялся?! И по какому праву ты лжешь?! У хозяина этого дома был только один сын, и этот сын — я!» — ответил управляющий и велел слугам избить незванного гостя и выбросить его за дверь.

Тогда пришелец решил обратиться в суд, чтобы изобличить самозванца. С этой целью он сначала направился к старым друзьям купца с тем, чтобы они удостоверили на суде его личность. Но за прошедшие годы одни из этих друзей умерли, другие не могли узнать его, ибо он покинул город безбородым юнцом, а вернулся в него взрослым, немало повидавшим на своем веку человеком. Те же, кто узнал в нем сына купца, отказывались свидетельствовать в его пользу, так как задолжали управляющему большие суммы и боялись его рассердить.

Именно подобные сложные дела, в которых нет ни улики, ни свидетелей, разбирались в царском суде, и потому вернувшийся сын купца направился во дворец Давида.

В назначенный для слушания день два человека, претендующие на то, чтобы называться сыновьями и наследниками купца, предстали перед тронном царя.

— Ваше величество! — со слезами на глазах сказал первый. — Я был единственным сыном своего отца. Юношей я отправился с караваном, попал в рабство, прошел через многие страдания, и вот когда я вернулся, выяснилось, что мой отец мертв, а его имуществом завладел самозванец!

— Это ты — самозванец! — парировал второй. — Я — единственный сын покойного купца, а кто это такой, я не знаю и в первый раз его вижу!

— Ложь! — воскликнул на это первый. — Я — сын, а ты — презренный раб, лжец и клятвопреступник!

Тут, заметив, что Давид немало озадачен этим казусом, стоявший у его трона восьмилетний Соломон решил взять слово.

— Отец! — сказал он. — Позволь мне провести этот суд.

— Что ж, — ответил царь, — я с удовольствием выслушаю твое мнение, сын мой. И да поможет тебе Бог доискаться до правды!

Все находившиеся в зале царского суда в это мгновение обратились в слух, ибо еще никогда не видели ребенка в роли судьи.

— Как я понимаю, каждый из вас утверждает, что он является сыном покойного почтенного купца, но ни один не может привести для этого убедительные доказательства, — сказал Соломон. — Поэтому сейчас ступайте на могилу покойного, достаньте из нее одну его кость, разломайте ее пополам и пусть каждый принесет половину.

Как только оба тяжущихся покинули зал суда, Соломон позвал к себе слугу и велел ему проследить, как будет вести себя эта пара на кладбище, а затем немедленно вернуться и доложить ему.

«Когда эти двое пришли к могиле купца, один из них рыдался и сказал: “Неужели тебе недостаточно, что ты завладел имуществом моего отца, выгнал меня и сестер из дома, так теперь ты еще хочешь осквернить его могилу и сломать его кости?!” Второй же просто спешно разрыл могилу, достал оттуда кость, сломал ее и сейчас находится на пути сюда!» — положил Соломону слуга.

Вскоре и в самом деле оба мужчины снова появились в зале суда, и один из них, преклонив колени, протянул маленькому принцу кость из могилы.

— А где твоя часть кости? — обратился Соломон ко второму.

— Я ничего не принес, принц! — ответил тот. — Я предпочитаю остаться без дома и без гроша в кармане, чем осквернить могилу отца.

«Лично мне все уже ясно! — провозгласил Соломон. — Но чтобы ни у кого из присутствующих не осталось сомнений в этом деле, я попрошу пригласить сюда цирюльника. Пусть он отворит кровь как одному, так и другому тяжущемуся!»

Когда цирюльник выполнил то, для чего его пригласили, Соломон опустил кость в чашу с кровью управляющего делами купца, затем вытащил ее и показал всем. Кость осталась такой же сухой и белой, как и была.

Тогда Соломон опустил эту кость в чашу с кровью мужчины, утверждавшего, что он вернулся в отцовский дом после многих лет рабства. И кость мгновенно пропиталась кровью, разбухла и даже как будто ожила...

— Смотрите все! — закричал Соломон. — Вот вам доказательство, кто тут раб, а кто — господин! Кровь раба скользнула по кости покойного, как ртуть, не оставив на ней никакого следа. Но, оказавшись в другой чаше с кровью, кость ожила. Потому что это — та же самая кровь, которая текла в ней при жизни, кровь сына! А теперь пусть возвратившийся домой подлинный хозяин сам решает судьбу своего лживого раба.

Но сын купца решил не наказывать управляющего. Он лишь велел тому разыскать своих мать и сестер и вернуть их в дом. После этого он щедро расплатился золотом за то время, которое этот человек управлял имуществом его отца, а затем потребовал от бывшего раба покинуть Иерусалим и никогда в него не возвращаться.

А по царскому дворцу, а затем и по всей столице тем временем стремительно распространились слухи о необычайной мудрости младшего сына царя¹.

Коран, синтезируя еврейские мидраши и отрывки из Тал-

¹ Существует множество различных вариантов этой легенды, в том числе и русский, различающихся в тех или иных деталях.

муда, приводит еще одну легенду о совместном суде царя Давида и малолетнего Соломона, имена которых в арабской транскрипции, естественно, звучат как Дауд и Сулайман.

Чтобы не утомлять читателя довольно сложным для непривычного восприятия кораническим текстом, приведем эту легенду в изложении Михаила Борисовича Пиотровского.

«Другой спор Дауд решил вместе со своим сыном Сулайманом. Аллах говорит, что Он присутствовал при том, как Дауд и Сулайман вместе судили по поводу поля, которое повредил скот. И Аллах тогда вразумил Сулаймана (21:78—79). “Вразумил” — значит помог принять более верное решение, чем его отец. Каковы детали этого суда, установить трудно. Текст предельно краток, понять его пытаются с помощью иудейских преданий, но варианты предлагают разные. При отсутствии других убедительных данных приходится пользоваться комментариями к Корану, составленными на материале тех же иудейских преданий. К Дауду и Сулайману пришли хозяин поля и хозяин скота, который потравил посевы на этом поле. Дауд присудил хозяину поля весь скот, который погубил посевы. Сулайман же решил более справедливо. Скот был передан владельцу поля на то время, пока посевы взойдут вновь. После возвращения скота ему бы остались приплод и шерсть»¹.

* * *

Надо заметить, что рассказы о прозорливости маленького судьи не так фантастичны, как могут показаться на первый взгляд. Еврейская история знает примеры, когда пяти-шестилетние вундеркинды проявляли при решении различных куда более сложных талмудических задач не меньшую сообразительность, чем восьмилетний Соломон.

Все же, вероятно, Соломон втайне завидовал другим принципам. Порой ему хотелось вести такую же веселую и разгульную жизнь, как и они. И уж само собой он жадно следил за тем, как проводит время его старший брат, всеобщий любимчик Авессалом, который «...завел у себя колесницы, и лошадей, пятьдесят скороходов» (2 Цар. 15:1).

В синодальный перевод, увы, опять вкралась неточность: на самом деле в оригинале речь идет не о «скороходах», а о пятидесяти воинах, бывших телохранителями и почетным эскортом принца. Понятно, что когда Авессалом разъезжал по городу и окрестностям на невиданной до того в Иерусалиме колеснице в сопровождении опять-таки незнакомой доселе евреям конницы, все это производило сильное впечатление

¹ *Пиотровский М. Б.* Коранические сказания. М., 1991. С. 141.

на окружающих, и уж тем более на ребенка, каковым еще был Соломон. Феномен «влияния старшего брата», который может стать для мальчика даже более предпочтительным образом для подражания, чем отец, хорошо известен психологам.

Возможно, именно под влиянием Авессалома Соломон начал ценить роскошь, утвердился в мысли, что «царь должен жить красиво», а неотъемлемыми признаками такой красивой жизни для него стали все те же колесницы, лошади и рослые, пышущие здоровьем и силой гвардейцы эскорта.

И все это у него появится, когда он станет царем.

* * *

Не исключено, что то особое внимание, которое Давид оказывал Соломону, и возбудило ревность и подозрения Авессалома, убежденного, что именно он является после убийства Амнона законным наследником престола. А видя, что отец медлит с объявлением имени наследного принца, Авессалом и решился на мятеж.

Нет никаких сомнений в том, что мятеж Авессалома стал одним из самых ярких переживаний детства Соломона, навсегда врезался в его память, и эти воспоминания оставались с ним до конца жизни.

Как следует из библейского рассказа, Авессалом долго и тщательно готовился к свержению отца с трона. Он сумел собрать партию своих сторонников внутри дворца, который возглавил советник Давида Ахитофел, о мудрости которого в народе ходили легенды. Будучи делом Вирсавии, Ахитофел, видимо, так и не простил Давиду его греха с внучкой и ее мужем, а потому стал не просто душой, а «мозговым центром» заговора Авессалома.

Не исключено, что именно по совету Ахитофела принц стал всеми возможными способами усиливать как среди лидеров и старейшин колен, так и в простом народе недовольство правлением Давида. Это было тем более легко, что недовольных хватало и без этого. Многие представители колена Вениамина (Биньямина), к которому принадлежал первый израильский царь Саул (Шаул), по-прежнему считали Давида самозванцем и узурпатором трона. Среди других десяти колен зрело недовольство налоговой политикой царя и порядком призыва на армейские сборы. Вдобавок к этому Авессалом, встречая всех приходивших во дворец просителей, намеренно внушал им, что его отец уже давно не в состоянии справедливо вершить суд и прислушиваться к просьбам подданных.

Наконец настал день, когда Авессалом решил, что он впол-

не может собрать достаточную армию для свержения отца, а значит, пришло время действовать.

О том, когда именно происходили эти события, между различными исследователями и комментаторами до сих пор идут ожесточенные споры. Исходя из того, что рассказ о мятеже Авессалома начинается с фразы «По прошествии сорока лет царствования Давида Авессалом сказал царю...» (2 Цар. 15:7), ряд комментаторов делают вывод, что в момент мятежа Авессалому было 40 лет, то есть все эти события происходили в последний, 40-й год царствования Давида.

Однако великий Абарбанель¹ был убежден, что эти слова следует понимать так, что Авессалому было около сорока лет, но все же не ровно 40. «Книга порядка поколений» («Сефер се-дер гадорот»), считающаяся одним из самых авторитетных трудов по библейской хронологии, датирует этот мятеж 37-м годом царствования Давида. Таким образом, по мнению ее автора, раввина Ихиэля бен Шломо Хайльперина, в момент бунта Давиду было 67 лет, Авессалому — 37, а Соломону — девять².

Чтобы собрать вокруг себя всех сторонников и не дать Давиду оперативно вмешаться в ситуацию, Авессалом обратился к отцу с просьбой разрешить ему совершить благодарственное жертвоприношение в Хевроне — якобы во исполнение некоего обета, данного, еще когда он жил в изгнании в Гисуре. Вслед за этим Авессалом направил во все концы страны гонцов к своим сторонникам — с тем чтобы последние ждали условленного сигнала из Хеврона, после которого они должны объявить народу о его воцарении в Хевроне и начале похода на Иерусалим. Кроме того, на всех дорогах были расставлены трубачи, призванные трубить в шофары³, как только окончится церемония помазания Авессалома на царство.

Так все и произошло. Тысячи сторонников Авессалома, представляющие все колена Израиля, собрались в Хевроне, и вспыхнувший на жертвеннике огонь был одновременно огнем мятежа. Как только прибывший из Гило Ахитофел провозгласил Авессалома царем, на всех дорогах раздался протяжный звук шофаров. Им ответили трубные звуки рогов в сотнях сел и городов страны, и уже затем на их улицах раздался клич мятежников: «Авессалом воцарился в Хевроне!»

Узнав, что Авессалом движется на Иерусалим с многотысячной армией, Давид решает покинуть город, чтобы не до-

¹ Дон Ицхак бен Иегуда Абарбанель (1437—1508) — автор классического комментария к Танаху и ряда известных философских произведений.

² Хайльперин И. Ш., раввин. Сефер се-дер гадорот. Бней-Брак, 2009. Т. 1. С. 158.

³ Шофар — бараний рог, в который у евреев принято трубить в дни праздников и по всем торжественным случаям.

пустить гражданской войны на его улицах и возможного осквернения в ходе этих боев главной национальной святыни — Ковчега Завета.

Оставив гарем с десятью женами и наложницами в Иерусалиме, Давид берет с собой только любимую Вирсавию и сына Соломона, несколько десятков своих приближенных и покидает столицу в сопровождении лишь сохранивших ему верность старой гвардии и отряда наемников общей численностью примерно 1200 человек.

И вот это-то обязательно должен был запомнить девятилетний Соломон: как он с матерью и пророком Нафаном едут на телеге, запряженной мулами. Позади телеги идет отец, великий царь Давид: босой, в простой, разодранной от горя одежде, утирая рукавом слезы и всем своим видом демонстрируя покорность Божьей воле.

В этот момент Соломону, возможно, впервые открылось, что царская власть сопряжена не только с почестями, раболепием и роскошью, но и с постоянной угрозой потерять трон в результате войны или заговора. Причем заговорщиками вполне могут оказаться люди, которым ты безоговорочно доверял. А значит, выходило, что доверять царю никому нельзя. Тем более самым близким своим родственникам, которые вполне могут считать себя вправе претендовать на трон. Следовательно, любой заговор царь должен подавлять еще в зародыше, при первом же легком подозрении...

Подтверждение этим своим мыслям принц Соломон получил, когда царская процессия, миновав Масличную гору, подошла к городку Бахуриму. Так как Иерусалим находился в землях колена Вениамина, то и весь путь бегства Давида пролегал через деревни вениамитян, многие из которых, как уже говорилось, отнюдь не питали симпатии к царю. Теперь эти люди выстроились вдоль дороги, чтобы вдоволь позлорадствовать над поверженным самодержцем. Но больше всего поразило Соломона то, что среди этих злопыхателей был Семей, сын Геры — его учитель Закона, урокам которого он с таким благоговением внимал и которого считал образцом добродетели.

Теперь Семей, сын Геры, велел своим домочадцам забрасывать Давида и его воинов камнями, сам бежал вслед за царем и вопил:

— Убирайся! Убирайся вон, убийца и мерзавец! Обратил Господь против тебя всю кровь дома Саула, вместо которого ты стал царем, и передал Господь царство в руки Авессалома, сына твоего, и вот ты в беде, ибо ты — убийца!¹

¹ См.: Вторая книга Царств 16:7—9.

Видел Соломон и то, как его кузен Авесса (Авишай), командир гвардейцев, подъехал к Давиду и предложил казнить Семеня за оскорбление Его Величества, но Давид запретил ему это, демонстрируя полную покорность Божьей воле: «И сказал царь: что мне и вам, сыны Саруины? пусть он злословит, ибо Господь повелел ему злословить Давида. Кто же может сказать: зачем ты так делаешь? И сказал Давид Авессе и всем слугам своим: вот, если сын мой, который вышел из чресл моих, ищет души моей, тем больше сын Вениамитянина; оставьте его, пусть злословит, ибо Господь повелел ему. Может быть, Господь призрит на унижение мое и воздаст мне Господь благою за теперешнее его злословие» (2 Цар. 16:9—12).

Увы, нам не дано знать, что подумал Соломон, услышав эти слова отца — удивился ли он бесконечности его милосердия, или уже тогда понял всю мудрость такого поведения и извлек для себя еще один урок.

Видимо, во время стоянки в Бахуриме оставленные Давидом в столице соглядатаи принесли вести о происходящем в Иерусалиме. Вместе с царедворцами Соломон слушал рассказ о том, как, следуя совету Ахитофела, Авессалом раскинул свой шатер на крыше царского дворца (той самой крыше, с которой Давид некогда увидел Вирсавию) и на глазах всего народа велел вводить к нему в шатер жен и наложниц отца. Причем последние, если верить вестникам, не особенно этому противились.

Так как женщинами прежнего царя мог пользоваться только его законный наследник, то всем было понятно, что этим шагом Авессалом решил показать, что считает себя именно таковым. Одновременно, совершив это прелюбодеяние, Авессалом отсекал всякую возможность примирения с отцом и дал понять, что готов идти до конца, то есть до уничтожения самого Давида и всех его сторонников. И не удивительно, что многие приближенные Давида, услышав рассказ о деяниях Авессалома, ощутили смертельный страх.

Однако Соломона, как можно предположить, больше всего поразило в нем поведение женщин, та покорность и даже сладострастие, с которой они отдавались красавчику Авессалому. Во всяком случае, возможно, именно здесь таятся корни его противоречивого отношения к женщине, столь явственно проявляющегося в ряде стихов в Книге притчей Соломоновых и Книге Екклесиаста — восхваления верной жене и хозяйке дома перемежаются в них с представлением о женщине как изначально порочном существе, недостойном доверия.

«Три вещи непостижимы для меня, и четырех я не понимаю: пути орла на небе, пути змеи на скале, пути корабля сре-

ди моря и пути мужчины к девице¹. Таков путь и жены прелюбодейной; поела и обтерла рот свой и говорит: «я ничего худого не сделала»» (Прит. 30:18—20), — утверждаетс в «Притчах».

«И нашел я, что горше смерти женщина, потому что она — сеть, и сердце ее — силки, руки ее — оковы; добрый пред Богом спасется от нее, а грешник уловлен будет ею... Чего еще искала душа моя, и я не нашел? — Мужчину одного из тысячи я нашел, а женщину между всеми ими не нашел» (Екк. 7:26—28), — еще более резко выражается «Екклесиаст».

Это тайное презрение и патологическое недоверие к женщине, очевидно, и не дало царю Соломону познать, что такое любовь, и вкусить простые радости семейной жизни. Именно отсюда берет свое начало его легендарное любвеобилие — ведь ни одну из принадлежавших ему женщин он никогда по-настоящему не любил.

* * *

...Тем временем в Иерусалиме происходили и другие важные события, о которых Соломон, разумеется, знать не мог.

Давид был не очень высокого мнения об уме Авессалома, но у него были все основания опасаться хитроумного Ахитофела, умеющего просчитывать на много шагов вперед. Ахитофел между тем понимал, что самое главное в создавшейся ситуации — это не дать Давиду собраться с силами, сформировать армию из оставшейся ему верной части народа. Поэтому он предложил Авессалому не медлить, а собрать 12 тысяч воинов и напасть на отдыхающее в Бахуриме небольшое Давидово войско и убить отца.

Однако тут в дело вмешался другой советник — Хусий (Хушай), намеренно притворившийся сторонником Авессалома, а на деле сохранивший верность Давиду. Оценив всю опасность совета Ахитофела, Хусий убедил Авессалома сначала собрать как можно большее войско, а уже затем нанести сокрушительный удар по Давиду. И Авессалом допускает роковую ошибку: он принимает совет Хусия, а не Ахитофела.

В результате Давид успел перейти Иордан и обосноваться на его восточном берегу в городе Маханаиме, куда стали стекаться его сторонники. Скоро Давиду удалось сформировать

¹ Одна из самых знаменитых ошибок при переводе Священного Писания. В оригинальном тексте стоит не слово «бетула» («девица, девственница»), а слово «альма» («молодая замужняя женщина, молодка, молодница»). Таким образом, в более точном переводе фраза звучит так: «...и пути мужчины в (теле) молодой женщины».

небольшую армию, численность которой, по разным источникам, колебалась между четырьмя и несколькими десятками тысяч человек.

Поняв, что Давид получил необходимое время для того, чтобы прийти в себя и подавить мятеж, Ахитофел покончил жизнь самоубийством, а Авессалом вместе с огромной армией под командованием Амессая (Амасы) двинулся к Маханаиму.

Бой между двумя еврейскими армиями развернулся в долине между Маханаимом и заболоченным Галаадским (Гилеадским) лесом. Сам царь, прислушавшись к настойчивым просьбам трех командиров своих дивизий — Еффея (Итая), Иоава и Авессы, — остался внутри города, пытаясь с его стен наблюдать за ходом сражения. Там же, в Маханаиме, находились в это время и Вирсавия с Соломоном, прекрасно сознававшие, что от исхода этой битвы зависит и их жизнь.

Соломон не мог не помнить, как стоявший на стене Маханаима стражник увидел, что к городу бежит гонец, и поспешил доложить об этом Давиду.

— Что ж, если он бежит один, верно, несет весть о победе — в противном случае сюда бежала бы вся армия! — воскликнул Давид.

Так оно и было. Армия под командованием Иоава обратила собранное Авессаломом народное ополчение в бегство, и оно разбежалось по всему лесу. Однако когда Давид услышал о том, что вопреки его просьбе Иоав отдал приказ убить Авессалома, он мгновенно забыл о победе. Запершись в комнате крепостной башни, Давид оплакивал мятежного сына и осквернителя своей чести так страстно, что Иоаву пришлось вмешаться и бросить в лицо своему повелителю резкие, но справедливые слова:

«И пришел Иоав к царю в дом и сказал: ты в стыд привел сегодня всех слуг твоих, спасших ныне жизнь твою и жизнь сыновей и дочерей твоих, и жизнь жен и жизнь наложниц твоих; ты любишь ненавидящих тебя и ненавидишь любящих тебя, ибо ты показал сегодня, что ничто для тебя и вожди и слуги; сегодня я узнал, что если бы Авессалом остался жив, а мы все умерли, то тебе было бы приятнее; итак встань, выйди и поговори к сердцу рабов твоих, ибо клянусь Господом, что если ты не выйдешь, то в эту ночь не останется у тебя ни одного человека; и будет это для тебя хуже всех бедствий, какие находили на тебя от юности твоей доныне» (2 Цар. 19:5—7).

К сожалению, Библия опять-таки ничего не говорит, как воспринял все происходящее Соломон; что он думал, слыша плач Давида по Авессалому?

Но зато сама история доказала, что Соломон не обратил внимания и, к сожалению, не извлек никаких уроков из тех событий, которые последовали за победой над Авессаломом.

* * *

После гибели Авессалома в стране сложилась парадоксальная ситуация безвластия.

Так как Авессалом был коронован в полном соответствии с Законом — с церемонией помазания, трубления в шофар и публичного объявления его царем, то многие евреи считали его законным правителем страны, в то время как Давид в их глазах потерял право на царство. После поражения Авессалома в Маханаим с заверениями верности Давиду стали являться один за другим старейшины различных колен Израиля. Но день шел за днем, а среди них все не было вождей колена Иуды — самого многочисленного колена, к которому принадлежал и сам Давид и которое, как ни странно, наиболее активно поддержало Авессалома.

Лишь после долгих переговоров, проведенных со старейшинами иудеев первосвященниками Садоком (Цадоком) и Авиафаром (Эвьятаром), колено Иуды выразило свою покорность Давиду. Только после этого он торжественным маршем, под ликующие крики толпы выступил из Маханаима в Иерусалим.

Соломон, судя по всему, все это время находился в роскошном паланкине рядом с отцом. Он, разумеется, видел, что одним из первых, кто встречал царя сразу после переноса паланкина через Иордан, был Семей, сын Геры. Упав на колени, Семей слезно молил о прощении за брошенные недавно в лицо Давиду оскорбления. И вновь, когда Авесса предложил казнить Семей, Давид резко остановил племянника и публично поклялся Семею, что сам он никогда не вспомнит ему прошлого и не убьет его. И хотя в душе Соломона бушевала ярость, по реакции толпы он понял, что отец поступил правильно. Казнь Семей вряд ли пошла на пользу начавшей восстанавливаться популярности Давида в народе, в то время как эта его демонстрация отходчивости и милосердия была воспринята с восторгом.

Но там же, при переправе через Иордан, произошла стычка между представителями колена Иуды и других колен, давшая начало новому мятежу во главе с Савеем, сыном Бихри (Шевой бен Бихри).

Савей отнюдь не пытался провозгласить себя царем. Нет, напротив, он ратовал за возвращение «к старым добрым вре-

менам», когда никакого царя у евреев не было и в помине, каждое колено жило само по себе и объединялись они только для войны.

Таким образом, Савей угрожал самой идее сплочения евреев в единую нацию, а также идеям государственности и монархии вообще. И Давид это прекрасно понял: «Тогда Давид сказал Авессе: теперь наделает нам зла Савей, сын Бихри, больше, нежели Авессалом...» (2 Цар. 20:6).

В итоге бунт Савея был подавлен все тем же Иоавом; сам Савей был казнен жителями города Авел-Беф-Маахи (Авел-Бейт-Маахи), но эта история снова показала, что еврейский народ все еще оставался крайне разрозненным; центробежные силы в нем все еще были не менее сильны, чем центростремительные. А, значит, для преодоления разногласий между коленами и сохранения единства молодого Еврейского государства было крайне важно проводить продуманную внутреннюю политику и ни в коем случае не допускать, чтобы какое-либо колено чувствовало себя ущемленным или дискриминируемым по сравнению с другими.

Самое странное заключается, пожалуй, в том, что Соломон, считающийся эталоном мудрости, в том числе и государственной, так и не понял или не захотел понять этой простой истины.

* * *

Спустя год после восстания Авессалома в жизни Соломона произошло важное событие — он женился на аммонитской принцессе Нааме.

Безусловно, это был, прежде всего, политический брак.

Вассальный царь Аммона Сови, сын Нааса (Шови бен Нахаш), упоминается в Библии (2 Цар. 17:27) среди тех, кто в дни мятежа Авессалома принял решение сохранить верность Давиду и доставил вместе с Верзеллием Галаалитянином (Барзилаем Гиладянином) провиант для царской армии в Маханаим. Желая отблагодарить Сови за его верность, а заодно и укрепить отношения с ним, Давид и предложил ему породниться. Но если раньше Давид взял бы юную царевну для себя, то теперь, когда прожитые годы давали о себе знать, он решил выдать ее за младшего любимого сына.

Не исключено, что определенную роль в этом решении сыграл все тот же пророк Нафан, уже начавший продумывать пути возведения на трон своего воспитанника. Ему было крайне важно, чтобы, независимо от своего возраста, Соломон к моменту объявления наследника был женат — чтобы никто

не сказал, что он слишком юн для роли царя «и еще не познал женщину».

Свадьба юных царевича и царевны состоялась вскоре после того, как Наама приняла еврейскую веру. Через год она подарила Соломону его первенца Ровоама (Рехаваама) — так что в момент начала ожесточенной борьбы за трон Соломон уже был отцом годовалого сына.

Такова, во всяком случае, версия раввинистических авторитетов, основанная на тексте Библии и Талмуда. Чрезвычайно показательно, что еврейский фольклор представляет совершенно иную версию женитьбы Соломона на Нааме.

Само знакомство царя с принцессой, согласно известной еврейской сказке, происходит в те дни, когда властитель демонов Асмодей (Ашмодей) изгнал Соломона из дворца и, приняв его облик, воцарился на троне.

Соломон же, продолжает сказка, стал бродить по всем окрестным странам, прося подаяния, и однажды забрел в столицу Аммона. Здесь царский повар, сжалившись над бродягой, взял его к себе в прислугу на кухню. Соломон был несказанно рад, что теперь у него есть кров и пища, и не знал, чем отблагодарить повара за его доброту.

Однажды он попросил повара разрешить поработать на кухне вместо него и лично приготовить для царя трапезу. А так как был Соломон, помимо всего прочего, искушен и в тайнах кулинарии, знал секреты всех пряностей, то приготовленные им блюда привели царя в восторг. Вскоре Соломон из простого уборщика и мойщика посуды превратился в первого помощника царского шеф-повара.

Как-то раз царская дочь Наама заглянула на кухню. Увидела она Соломона, без памяти влюбилась в него и стала просить отца выдать ее замуж за помощника повара. Просьба эта привела царя Аммона в такую ярость, что он едва не казнил дочь с ее избранником, но затем решил не брать на себя грех их убийства и попросту велел отвезти Нааму и Соломона в пустыню и бросить там умирать с голода.

Но влюбленные, как догадывается читатель, не умерли, а смогли добраться до некоего стоявшего на берегу моря города, где Соломон, чтобы прокормить себя и жену, стал ловить рыбу и продавать ее на рынке. В один из дней Соломон поймал только одну рыбу и принес ее домой — чтобы Наама изжарила ее и им было чем поужинать.

Когда царевна вспорола рыбе живот, она обнаружила в нем золотое кольцо и поспешила отдать его мужу. Взглянул Соломон на кольцо, увидел на нем выгравированное сакральное имя Всевышнего — и понял, что это — то самое кольцо, кото-

рое он некогда так опрометчиво сам отдал Асмодею. Тогда понял Соломон, что Всевышний простил ему его грехи и пришло время идти в Иерусалим и возвращать себе трон.

Уже после того, как Соломон снова воссел на престоле, он вызвал к себе царя Аммона, и тот, будучи его вассалом, поспешил явиться.

— Слышал я, — сказал Соломон, — что ты совершил великий грех: убил свою дочь и ее жениха-еврея. Пришло время спросить с тебя за это преступление...

— О повелитель! — ответил на это царь Аммона. — Моя дочь и в самом деле влюбилась в помощника нашего повара. Это привело меня в ярость, ибо негоже царской дочери становиться женой простолюдина. Но я не убивал их — вместо этого я велел завезти их в пустыню и там бросить. Что с ними произошло дальше, мне неизвестно.

— Так знай же, — сказал Соломон, — что я и есть тот помощник повара и ты теперь стал моим тестем¹.

Очевидно, что эта легенда, как, впрочем, и многие другие известные сказки и легенды о царе Соломоне, возникла под влиянием сюжетов греческой и персидской мифологии, то есть, вероятнее всего, спустя столетия после смерти царя Соломона, во время Вавилонского изгнания евреев (VI век до н. э.).

Однако пристрастному читателю библейская версия первого брака Соломона может показаться даже еще более сомнительной, чем сказочная: ведь если в момент воцарения Соломону было 12 лет, то, значит, его свадьба с Наамой состоялась, когда ему было 10 лет, а в одиннадцатилетнем возрасте он уже стал отцом.

Но насколько можно доверять этим цифрам? Да и вообще о какой исторической эпохе мы ведем речь; как время жизни царя Соломона соотносится с историей Древнего мира в целом?

* * *

Надо признать, что вопрос хронологии событий вплоть до жизни царя Езекии (Хизкии, Хизкияу, Иехизкиягу — 724—696 годы до н. э.) является одной из самых сложных и запутанных проблем библеистики.

Традиционная еврейская историография выстраивает хронологию, беря за точку отсчета «Сотворение мира» и далее

¹ Приводится по изд.: Царь Соломон и его мудрость: Сборник мидрашей и преданий о царе Соломоне в обработке для юношества Яакова Исраэля Гофковича. Иерусалим, 2006. С. 137—139. Предание об изгнании Соломона с трона и некоторые версии, объясняющие его происхождение, излагаются далее.

ориентируясь на указанную в «Пятикнижии» продолжительность жизни его героев как на опорные даты. Составив таким образом хронологию вплоть до выхода из Египта, дальше раввинистические авторитеты начинают опираться на разбросанные по всему тексту Танаха временные ориентиры. К примеру, ключевой для определения времени воцарения Соломона и даты строительства Первого храма считается следующая фраза: «В четыреста восьмидесятом году по исшествии сынов Израилевых из земли Египетской, в четвертый год царствования Соломонова над Израилем, в месяц Зиф, который есть второй месяц, начал он строить храм Господу» (3 Цар. 6:1).

С точки зрения этой хронологической системы, Соломон родился в 2912 году от Сотворения мира по еврейскому календарю (848 год до н. э.) и воцарился в возрасте двенадцати с лишним лет в 2924 году (836 год до н. э.).

Однако большинство историков датируют период царствования Давида и Соломона более ранним периодом.

Так, Барух Каплинский в своей «Биографии царя Соломона», основываясь на Иосифе Флавии и работах израильских исследователей, датирует рождение Соломона 986 годом до н. э., женитьбу на Нааме — 972-м, рождение Ровоама — 971-м, а помазание 12-летнего Соломона на царство — 969 годом до н. э. При этом, по Каплинскому, в течение двух лет он правил на троне вместе с Давидом и лишь в 967 году до н. э., после смерти отца, стал единственным и полновластным царем. В этом случае Ровоам появился на свет, когда Соломону было 15 лет, что выглядит уже вполне реальным даже для наших дней.

Фундаментальная энциклопедия «История Земли Израиля» датирует воцарение Соломона 965 годом до н. э.¹ Василий Васильевич Струве осторожно датировал начало правления Соломона «около 950 года до н. э.»².

Известный историк Семен Маркович Дубнов в своей «Краткой истории евреев», впервые изданной в 1912 году, определяет время правления Соломона периодом 1015—977 годов до н. э., утверждая, что тот вступил на престол «едва достигши 25 лет»³ — видимо, считая, что Давид согрешил с Вирсавией в возрасте сорока четырех лет, учитывая смерть его первенца, но отвергая при этом версию о его длительной болезни.

¹ История Земли Израиля: В 9 т. / Под общ. ред. Я. Шавита. Т. 2: Израиль и Иегуда в библейский период: XII век — 332 год до н. э. Иерусалим, 1998. С. 123.

² Струве В. В. История древнего Востока. М., 1941. С. 287.

³ Дубнов С. М. Краткая история евреев. М., 1996. С. 93.

В хронологии Дубнова с возрастом Соломона во время женитьбы и рождения первенца вообще не возникает никаких вопросов.

В то же время (по меньшей мере, пока у нас не появилось предельно четких археологических доказательств) не стоит сбрасывать со счетов и традиционную версию. В конце концов, теоретически, особенно с учетом того, что для народов Ближнего Востока характерно раннее половое созревание, мальчик в 11 с небольшим лет может стать отцом.

Это тем более вероятно, что Соломон, как известно, был необычным человеком, отличавшимся в числе прочего и непомерным сексуальным темпераментом.

Он вообще любил и умел удивлять окружающих, нередко приводя в замешательство именно тех, кому казалось, что они знают его как облупленного.

Глава третья

«ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЦАРЬ СОЛОМОН!»

В течение трех последних лет жизни царя Давида произошел ряд событий, сыгравших немаловажную роль для всей последующей еврейской истории.

После потрясшей страну гражданской войны Давид, чтобы упорядочить налогообложение и призыв в армию, решил провести всеобщую перепись населения. Однако этот вполне логичный и рациональный с политической точки зрения шаг находился в резком противоречии с Законом. Тора — Пятикнижие Моисеево — как известно, категорически запрещает пересчитывать евреев «по головам», уподобляя таким образом избранный народ скоту и нивелируя значение каждой отдельной личности.

Иоав пытался напомнить Давиду об этом запрете, но царь настоял на своем. Когда же спустя почти десять месяцев перепись была закончена, на страну как наказание Свыше обрушилась эпидемия страшной болезни.

Ожидая от Давида раскаяния в грехе, Всевышний посылает к нему пророка Гада с повелением совершить жертвоприношение на гумне иевусея Орны (Орнана, Аравны), расположенном рядом со стенами Иерусалима. Во время молитвы на гумне Давид видит парящего над ним ангела, и в этот момент, почти на исходе жизни, ему, наконец, открывается то место, где должен быть построен Храм.

Давид спешит выкупить у Орны этот участок земли за 600 шекелей золота (6,854 килограмма) и снова становится одер-

жим идеей строительства Храма. Он не только проводит ревизию всех за многие годы собранных для этого строительства материалов, но и составляет подробный план будущего «Дома Бога», то есть становится его архитектором.

Но к тому времени дни царя были уже сочтены. Давид только-только приближался к своему 70-летию, он отнюдь не был глубоким стариком даже по понятиям своей эпохи, но какая-то страшная болезнь точила его изнутри. Давид буквально на глазах худел и слабел, странная слабость во всех членах валила его с ног; его то и дело сотрясал озноб так, что он кутался в одежды, просил принести ему побольше одеял, но все было тщетно. Тогда у вызванных к царю врачей и возникла спасительная, как им показалось, идея, как вернуть его к жизни:

«Когда царь Давид состарился, войдя в преклонные лета, то покрывали его одеждami, но не мог он согреться. И сказали ему слуги его: пусть поищут для господина нашего царя молодую девицу, чтоб она предстояла царю и ходила за ним, и лежала с ним — и будет тепло господину нашему царю. И искали красивой девицы во всех пределах Израильских, и нашли Ависагу Сунамитянку, и привели ее к царю. Девица была очень красива, и ходила она за царем, и прислуживала ему, но царь не познал ее» (3 Цар. 1:1—4).

Расчет врачей был понятен. Они надеялись, что первая красавица страны не просто согреет Давида теплом своего юного тела, но и разбудит в нем былой жар, и новая страсть придаст ему силы. Увы, этого не произошло. Если следовать прямому тексту Библии, тот самый Давид, который совсем недавно владел целым гаремом, не захотел или не сумел даже овладеть приведенной к нему девушкой, не говоря уже о том, чтобы воспрянуть благодаря ей к жизни.

Правда, мидраш и тут вносит свои поправки. По его версии, Давида так потрясла красота Ависаги (Авишаг), что он решил сохранить ее девственной для своего сына Соломона, хотя еще вполне мог наслаждаться женщиной. Однако, когда Давид сказал ей это, девушка с иронией заметила: «Когда вор не может украсть, он строит из себя честного человека!»

Эта насмешка, говорит Талмуд, привела Давида в такую ярость, что он несколько раз подряд овладел Ависагой, но... необычным путем, «не так, как принято мужчине овладевать женщиной».

Между тем состояние здоровья царя продолжало ухудшаться. Все ждали, когда же он сам назовет имя наследника, но Давид все медлил с этим решением. Как следствие, в окружении царя началась ожесточенная борьба за власть, и вскоре все царедворцы раскололись на две враждебные партии.

В первую из них вошли главнокомандующий царской армией Иоав, первосвященник Авиафар, командиры резервистских полков и ряд министров. Они считали, что после смерти Давида его место на троне должен сменить Адония — старший из оставшихся в живых сыновей.

Вторая партия, во главе которой стояли пророк Нафан, первосвященник Садок, начальник гвардии наемников богатырь Ванея (Бенаягу) и Вирсавия, была убеждена, что наиболее достойным наследником Давида является Соломон.

У каждой из этих партий были свои доводы в пользу поддерживаемого кандидата, причем политические, религиозные и личные мотивы были переплетены у них настолько тесно, что одни были попросту невозможно отделить от других.

Иоав и Авиафар были рядом с Давидом со времен его молодости, еще с той поры, когда он скрывался в пещерах и пустынях от царя Саула. Адония, родившийся в годы правления Давида в Хевроне, вырос у них даже не на глазах, а на руках. Оба они, несомненно, любили этого принца. В планах Давида — передать трон младшему сыну от любимой жены — им виделось прямое нарушение Закона. Ведь в Торе ясно сказано: «Если будут у человека две жены, одна любимая, а другая нелюбимая... и первенцем будет сын нелюбимой, то при разделе сыновьям своим имения своего он не может сыну жены любимой дать первенство пред первородным сыном нелюбимой; но первенцем должен признать сына нелюбимой и дать ему двойную часть из всего, что у него найдется, ибо он есть начаток силы его, ему принадлежит право первородства» (Втор. 21:15—17).

Соломон же казался им недостойным престола не только в силу своего раннего возраста (хотя и поэтому тоже!), но по той простой причине, что они слишком хорошо помнили историю его рождения. Дело в том, что еврейский закон, с одной стороны, запрещает мужчине продолжать жить в браке с изменившей ему женой, но, с другой стороны, запрещает женщине после развода выходить замуж за мужчину, с которым она изменила мужу. Если смотреть на роман Давида с Вирсавией без тех «адвокатских» доводов, которые приводились выше, то брак Давида с Вирсавией был незаконным, а Соломон не только не мог стать престолонаследником, но и вообще должен был быть объявлен незаконнорожденным.

Кроме того, у Иоава были и свои личные причины не любить Соломона: каждый раз, когда он видел этого сына Вирсавии, он невольно вспоминал, как, выполняя волю царя, содействовал убийству ее мужа, своего старого боевого товарища.

Однако и у Нафана были свои соображения по поводу того, почему Давида должен сменить на троне именно Соломон. Да, конечно, дело было и в личной привязанности — Нафан любил Соломона никак не меньше, чем Иоав и Авиафар любили Адонию. Но Нафан был из тех людей, для которых вопросы веры и судьба государства всегда значили куда больше личных интересов.

Внимательно наблюдая за Адонией, Нафан пришел к выводу, что тот слишком похож на покойного Авессалома и никак не годится на роль царя. Так же как Авессалом, Адония был необычайно красив, и так же как Авессалом, пуст и бездуховен. По примеру Авессалома Адония завел себе колесницы, эскорт всадников и отряд из пятидесяти телохранителей, которые сопровождали его во время прогулок. Большую часть времени он проводил в пирах с друзьями и придворными, совершенно не интересуясь государственными делами.

Такой человек, по мнению Нафана, даже будучи облечен властью, вряд ли мог совершить что-либо путное и тем более — воплотить в жизнь великий замысел Давида о строительстве Храма, объединении народа и усилении Еврейского царства. Скорее наоборот — Адония мог пустить все достижения Давида по ветру.

Иное дело — Соломон, проявивший еще в раннем возрасте поистине выдающиеся способности. В том числе — и к управлению государством. И потом: разве не послал Бог через него пророчество о том, что Давиду еще только предстоит родить сына, который станет его преемником и построит Храм? Но ведь Адония на момент ниспослания этого пророчества был уже юношей, а вот Соломон еще не родился...

Таким образом, Нафан был абсолютно убежден в правильности своего выбора и готов был сделать всё ради победы своей партии.

Но самое главное во всем этом раскладе сил заключалось, видимо, в том, что и сам Давид не видел в Адонии своего наследника. Это следует хотя бы из того, что никто из окружения Адонии даже не попытался поговорить с царем о возможном объявлении наследником старшего сына — видимо, они точно знали, что натолкнутся на отказ.

И когда по дворцу поползли слухи, что здоровье царя еще больше ухудшилось, Адония решил устроить смотр сил своих сторонников, а заодно и значительно увеличить их число: «И заколол Адония овец и волов, и тельцов у камня Зохелет, что у источника Рогель, и пригласил всех братьев своих, сыновей царя, со всеми Иудеянами, служившими у царя. Пророка же Нафана и Ванею, и тех сильных, и Соломона — брата своего, не пригласил» (3 Цар. 1:9—10).

Обратим внимание: у Адонии и в мыслях не было поднимать мятеж, совершать дворцовый переворот и вообще действовать с помощью оружия. В этом смысле он, как и Соломон, был «человек мирный»; сам путь насилия, видимо, был ему глубоко чужд. Он не собирался и опережать события и усаживаться на трон прежде, чем Давид отойдет к праотцам — не было на этом пиру ни церемонии помазания, ни сопровождающего ее обязательного трубления в шофар. Жертвоприношение и пир у источника Рогель (Эйн-Рогель, арабское название Бир-Эйаб — «Колодец Иоава») были, скорее, публичной заявкой Адонии на царствование, смотром сил, своего рода «съездом партии». Приглашение на него всех сыновей царя (кроме Соломона) призвано было подчеркнуть, что Адония чтит семейные узы и после своего воцарения сохранит привилегии принцев. Пришедшие на пир знатные члены колена Иуды своим присутствием выражали поддержку Адонии, и то же самое касалось других «служивших у царя» — придворных и министров, ведающих различными делами царства.

Осознав, сколь велика поддержка Адонии, пророк Нафан понял, что дальнейшее промедление с его планами и в самом деле смерти подобно. Пришло время действовать, причем действовать быстро и решительно, поставив на карту все.

Израильский историк Яир Закович в своей книге о царе Давиде обращает внимание читателей, что меньше всего на этих страницах Библии Нафан предстает перед нами как пророк. Скорее, он выступает здесь как опытный царедворец, закручивающий хитроумную интригу.

По мнению Заковича, старость Давида оказалась поистине страшной. Ни одна из его жен, никто из его многочисленных детей не спешил навестить царя и справиться о его самочувствии. Целые дни Давид проводил в одиночестве вместе с Ависагой, красота которой не возбуждала его и которая оставалась для него чужой — чем-то вроде домашней кошки, но никак не любимой жены или дочери.

И вот к этому сидящему в одиночестве царю Нафан посылает Вирсавию — его последнюю, некогда любимую жену, чувство к которой сохранилось у Давида, видимо, до его последнего часа. При этом Нафан, с одной стороны, запугивает царицу, убеждая ее, что если Адония придет к власти, то он казнит ее и Соломона, а с другой — предельно четко инструктирует, что и как именно она должна сказать Давиду:

«Тогда сказал Нафан Вирсавии, матери Соломона, говоря: слышала ли ты, что стал царем Адония, сын Аггифин, сделался царем, а господин наш Давид не знает о том? Теперь вот я

советую тебе: спасай жизнь твою и жизнь сына твоего Соломона. Иди и войди к царю Давиду, и скажи ему: не клялся ли ты, господин мой царь, рабе твоей, говоря: “сын твой, Соломон, будет царем после меня и он сядет на престоле моем? Почему же воцарился Адония?” И вот, когда ты будешь еще говорить там с царем, войду и я вслед за тобою и дополню слова твои» (3 Цар. 1:11—14).

Нафан, считает Закович, добиваясь своей цели, сознательно вводит в заблуждение Вирсавию, во-первых, утверждая, что Адония провозгласил себя царем (хотя тот этого не делал и не собирался делать), а во-вторых, что его воцарение угрожает жизни ее и Соломона. Может, дело и в самом деле было так, а может быть и нет — это осталось загадкой.

Но — самое главное! — Нафан наставляет Вирсавию, что она должна потребовать престола для сына на основании клятвы, которую ей якобы дал Давид. Однако, пишет Закович дальше, на самом деле в тексте Библии не сказано ни слова о такой клятве. Да, мидраши утверждают, что клятва была, причем говорят, что Давид дал ее Вирсавии неоднократно — и вскоре после смерти ее первенца, для того чтобы склонить ее к близости с ним, и после рождения Соломона. Но кто поручится, что эти мидраши просто не были созданы народной фантазией через много лет после этих событий — именно для того, чтобы оправдать поведение Нафана и Вирсавии?!

Таким образом, Закович приходит к выводу, что вся интрига пророка Нафана строилась на тонком психологическом расчете. Сначала в комнате Давида должна была появиться Вирсавия: чтобы сообщить ему, что Адония провозгласил себя царем, а заодно попросить царя исполнить свою давнюю клятву — и объявить царем Соломона. Давид, был уверен Нафан, не сможет вспомнить, давал он такую клятву или нет — и засомневается. Но тут появится сам Нафан, тоже заговорит о клятве и таким образом убедит Давида, что тот и в самом деле такую клятву давал, но по болезни о ней запмятовал. Вдобавок Нафан подтвердит, что Адония, не дождавшись кончины отца, провозгласил себя царем, что вызовет гнев Давида, после чего тот, наконец, сделает публичное заявление о назначении официального наследника престола. И этим наследником конечно же окажется Соломон¹.

Так, в общем-то, все и получилось.

«Вирсавия пошла к царю в спальню; царь был очень стар, и Ависага Сунамитянка прислуживала царю. И наклонилась Вирсавия, и поклонилась царю, и сказал царь: что тебе? Она

¹ См.: Закович Я. Давид: От пастуха до Мессии. Иерусалим, 1995. С. 16—23.

сказала ему: господин мой, царь! Ты клялся рабе твоей Господом Богом твоим: “сын твой, Соломон, будет царствовать после меня, и он сядет на престоле моем”. А теперь вот, Адония воцарился, и ты, господин мой царь, не знаешь о том» (3 Цар. 1:15—18).

Легко представить, что почувствовал больной царь, услышав эту весть.

Но Вирсавия продолжила:

«И заколол он множество волов, тельцов и овец, и пригласил всех сыновей царских, и священника Авиафара, и военачальника Иоава; Соломона же, раба твоего, не пригласил...» (3 Цар. 1:19).

В этом отрывке видно, что Вирсавия продумывает каждое сказанное ею слово. Только Соломона она называет в своей речи «рабом твоим», желая подчеркнуть, что лишь ее сын сохранил верность и любовь к Давиду — все же остальные ждут его смерти и, по существу, предали его и взбунтовались. И наконец следует мольба к милосердию царя, просьба защитить ее и юного сына от кровожадного Адонии и... назвать Соломона в качестве наследника:

«Но ты, господин мой, — царь, и глаза всех Израильтян устремлены на тебя, чтобы ты объявил им, кто сядет на престоле господина моего царя после него; иначе, когда господин мой, царь, почует с отцами своими, падет обвинение на меня и на сына моего Соломона» (3 Цар. 1:20—21).

Вирсавия еще произносит эти слова, а царю уже докладывают, что к нему просится на прием Нафан. Ну а далее следует речь придворного пророка — снова выверенная до каждого слова, призванная усилить то впечатление, которое произвела «ария Вирсавии»:

«Когда она еще говорила с царем, пришел и пророк Нафан. И сказали царю, говоря: вот Нафан, пророк. И вошел он к царю, и поклонился царю лицом до земли. И сказал Нафан: господин мой царь! сказал ли ты: “Адония будет царствовать после меня, и он сядет на престоле моем”? Потому что он ныне сошел и заколол множество волов, тельцов и овец, и пригласил всех сыновей царских, и военачальников, и священника Авиафара, и вот, они едят и пьют у него и говорят: “да живет царь Адония!” А меня, раба твоего, и священника Садока, и Ванею, — сына Иодаева, и Соломона, раба твоего, не пригласил. Не случилось ли это по воле господина моего царя, и для чего ты не открыл рабу твоему, кто сядет на престоле господина моего царя после него?» (3 Цар. 1:22—27).

Таким образом, Нафан вроде бы «просто хочет знать»: с согласия и с ведома ли Давида Адония провозгласил себя царем,

и если с согласия, то почему царь не сообщил об этом своему придворному пророку?!

Но понятно, какую вспышку гнева могли вызвать у немощного физически, но отнюдь не ослабевшего духом Давида эти слова, каждое из которых было крупинкой соли, аккуратно сыплющейся на открытую рану. При этом Нафан назвал в своей речи рабами царя не только Соломона, но и всех членов своей «партии»: себя, Садока, Ванею, тем самым подчеркивая их верноподданнические чувства — в отличие от членов «партии» Иоава и Авиафара, у которых уже есть «другой царь» и другой господин.

И это срабатывает. В те самые часы, когда Адония пирует со своими сторонниками неподалеку от стен Иерусалима, Давид снова вызывает к себе тех же Вирсавию и Нафана, а также первосвященника Садока и Ванею. Он велит им взять Соломона, посадить на его, Давида, любимого мула, чтобы народ убедился, что все происходит по воле царя, и в сопровождении гвардии наемников и слуг свести юного принца к источнику Гион (Гихон). Там Садок и Нафан должны торжественно помазать Соломона на царство и провозгласить: «Да здравствует царь Соломон!» Затем Соломона следует с царскими почестями ввести во дворец, посадить на трон Давида и объявить, что он посажен на него по воле царя, после чего сын Вирсавии, по сути, станет царем и соправителем Давида.

Разумеется, Нафан, Садок и Ванея поспешили исполнить приказ царя. Причем Нафан позаботился о том, чтобы, кроме наемников и кучки придворных, не приглашенных на пир к Адонии, Соломона к месту его помазания сопровождала толпа народа. С этой целью он поспешил оповестить о грядущем событии простолюдинов Иерусалима, и те в ожидании щедрого угощения мгновенно высыпали на улицы и присоединились к праздничной процессии.

То, что сама церемония помазания должна была пройти у бассейна вечно бьющего Гионского ключа, было не случайно: течение воды как бы должно было символизировать преемственность, непрерывность власти Давида, передающего ее своему сыну.

Места, где разворачивались все эти события, хорошо известны. У Гионского ключа сегодня обычно начинается или завершается экскурсия по древнему «Городу Давида», и к нему ведет довольно крутой спуск от раскопок здания, которое предположительно и было царским дворцом. А Гионский ключ, в свою очередь, располагается... всего в нескольких десятках метров от того самого ручья Рогель, возле которого пировала «партия» Адонии.

Таким образом, весь поход от царского дворца до Гионского ключа, даже если учесть, что большая толпа народа двигалась крайне медленно, составил от силы час, и еще час-полтора могло уйти на то, чтобы по склону снова подняться вверх к царскому дворцу.

Приказ царя был исполнен в точности. На глазах у всех собравшихся первосвященник Садок помазал голову преклонившего перед ним колени Соломона елеем, а затем пророк Нафан затрубил в шофар, объявляя об официальном провозглашении Соломона царем. После того, как в завершение ритуала помазания Ваня прокричал: «Да здравствует царь Соломон!», началось народное ликование.

Вот как завершается рассказ о помазании Соломона на царство в более точном, чем синодальный, переводе Йосифона:

«И затрубили трубою, и весь народ восклицал: да живет царь Соломон! И весь народ провожал Соломона, и играл народ на свирелях, и весьма радовался, так что земля расседалась от криков его» (1 Цар. [3 Цар.] 1:39—40).

Трубный голос шофара, звонкие трели свирелей, а также громкие крики толпы не могли не достичь слуха пирующих у ручья Рогель. Самовлюбленный Адония поспешил предположить, что народ ликует по поводу его объявления наследным принцем.

Однако звуки шофара не на шутку встревожили многоопытного Иоава — ведь шофары использовали только при священнослужении, в дни войны и на официальных церемониях. Так как время для священной службы было неподходящее, то трубление означало одно из двух: либо начало войны, либо объявление некоего официального сообщения, касающегося всего народа. И ворвавшийся в зал к пирующим сын первосвященника Авиафара Иоанафан (Ионатан) подтвердил худшие предположения министра обороны:

«И услышал Адония и все приглашенные им, как только перестали есть; а Иоав, услышав звук трубы, сказал: отчего этот шум волнующегося города? Еще он говорил, как пришел Иоанафан, сын священника Авиафара. И сказал Адония: войди, ты — честный человек и несешь добрую весть. И отвечал Иоанафан и сказал Адонии: да, господин наш царь Давид поставил Соломона царем; и послал царь с ним Садока священника и Нафана пророка, и Ванею, сына Иодая, и Хелефеев, и Фелефеев, и они посадили его на мула царского; и помазали его Садок священник и Нафан пророк в царя в Гионе, и оттуда отправились с радостью, и пришел в движение город. Вот отчего шум, который вы слышите. И Соломон уже сел на

царском престоле. И слуги царя приходили поздравить господина нашего царя Давида, говоря: 'Бог твой да прославит имя Соломона более твоего имени, и возвеличит престол его более твоего престола'. И поклонился царь на ложе своем, и сказал царь так: "Благословен Господь, Бог Израилев, который сегодня дал сидящего на престоле моем, и очи мои видят это!"» (3 Цар. 1:41—48).

Небо обрушилось на Адонию и стоявших рядом с ним Иоава и Авиафара при этих словах. Они поняли, что Нафан переиграл их в политической шахматной партии, как многоопытный игрок обыгрывает только осваивающего эту игру ребенка. Все их планы рухнули в одночасье. Так как помазание Соломона было проведено по воле самого Давида и с соблюдением всех правил, никто не мог оспаривать права нового царя на трон. А это, в свою очередь, означало, что теперь Адония, затеявший столь большой пир, мог быть в любой момент обвинен в подготовке мятежа, и Давид и Соломон имели право приговорить его к смертной казни. А вместе с ним — и его ближайших сподвижников.

Смысл сказанного Иоанафаном начал доходить и до гостей принца, и они — каждый под своим предлогом — стали спешно покидать пиршественную залу, так что вскоре Адония остался в ней один.

И вновь мы видим, что Адония никак не пытается активно противостоять случившемуся. Он не пытается остановить тех, кто только что клялся ему в верности, призвать их к оружию, напомнить, что вместе их куда больше, чем сторонников Давида и Соломона. Такая тактика опять-таки была явно не в его характере. Больше всего в жизни Адония ценил спокойствие и негу, он страшился любой борьбы и необходимости принимать судьбоносные решения.

Осознав, сколь страшное обвинение ему может быть предъявлено, Адония заметался в поисках выхода. И тут к нему пришла спасительная мысль: надо бежать к стоящему у Ковчега Завета жертвеннику, вцепиться в его выступы, называемые «рогами», и не отпускать их до тех пор, пока он не получит от Давида или Соломона гарантий своей неприкосновенности — ведь не посмеют же они совершить убийство у жертвенника!

Так он и сделал. Схватившись за «рога» жертвенника, Адония стал вопить так, что на его крики сбежались козны и левиты. Тогда Адония попросил их пойти к наследному принцу Соломону и передать его слова: «...пусть поклянется мне теперь царь Соломон, что он не умертвит раба своего мечом» (3 Цар. 1:51).

Самой этой фразой, называя Соломона царем, а себя его рабом, Адония выражал свое признание власти младшего брата, прося взамен даровать ему жизнь...

Однако Соломон давать Адонии какие-либо клятвы и вечные гарантии отказался:

«И сказал Соломон: если он будет человеком честным, то ни один волос не упадет с него на землю; если же найдется в нем лукавство, то умрет» (3 Цар. 1:52).

Таким образом, дальнейшую жизнь Адонии юный Соломон обусловил его лояльностью: тот будет жить, пока он, Соломон, будет уверен, что Адония не лелеет никаких планов захватить престол. При возникновении же малейшего подобного подозрения Адония будет казнен.

Поняв, что больших гарантий он не получит, Адония дал оторвать себя от жертвенника, после чего направился во дворец, где преклонил колени перед братом, демонстрируя ему свою покорность.

* * *

Решение по поводу судьбы Адонии многие исследователи считают чрезвычайно важным для понимания личности Соломона.

До этого Соломон вроде бы вообще не принимал никакого участия в происходящих событиях. Всю борьбу за его помазание на царство вели Нафан, Вирсавия и Ванея. Они убедили царя сделать именно такой выбор, они организовали церемонию помазания с народным ликованием, они устроили пир в честь воцарения своего ставленника. Соломону во всем этом была отведена весьма пассивная роль. В связи с этим ряд историков не исключают, что Нафан, Ванея и Вирсавия сознательно делали ставку на юный возраст Соломона, рассчитывая, что будут править страной вместо него — станут своеобразным триумвиратом регентов.

Но в первый же день своего воцарения Соломон доказывает, что не позволит собой манипулировать и способен принимать самостоятельные, причем очень жесткие решения. «Если же окажется в нем лукавство, то умрет!» — говорит он об Адонии, давая понять всем, что будет беспощадно карать не только любую попытку бунта, но и даже сам помысел о бунте.

Смерть ждет каждого, кто даст малейший повод заподозрить его в попытке захвата трона у Соломона — ибо он не желает когда-либо еще раз испытать тот страх, который ребенком испытал в дни мятежа Авессалома.

И очень скоро Соломон на деле доказал, что способен без всяких сантиментов приговаривать своих противников к смерти, а его верный Ванея может недрогнувшей рукой приводить эти приговоры в исполнение даже возле жертвенника Всевышнему и Ковчега Завета.

Глава четвертая

ОТЕЦ И СЫН

Теперь Давиду надо было подготовить своего наследника к той миссии, которую он не сумел исполнить сам.

«И собрал Давид в Иерусалим всех вождей Израильских, начальников колен и начальников отделов, служивших царю, и тысяченачальников, и стона начальников, и заведовавших всем имением и стадами царя, и сыновей его с евнухами¹, военачальников и всех храбрых мужей» (1 Пар. 28:1).

Напомним, что помазание Соломона на царство, совершенное, когда Адония пировал у камня Зохелет, было вынужденным, а потому несколько поспешным. В нем приняли участие, кроме царских гвардейцев и горстки придворных, лишь жители Иерусалима.

Безусловно, эта коронация была законной и окончательной, но Давид считал, что этого недостаточно. Ему было важно, чтобы в провозглашении Соломона царем участвовали представители всего народа — так, как представители всех колен участвовали 33 года назад в церемонии его второго публичного помазания в Хевроне. Это было необходимо прежде всего потому, что преемнику Давида предстояло выполнить задачу поистине общенациональной важности, а следовательно, ему надо было обеспечить поддержку всей нации.

С этой целью Давид и собрал в Иерусалиме всех членов верховных советов колен, командиров отрядов созданной им резервистской армии, вплоть до сотников, а также многочисленных чиновников и царедворцев — тех, кто вначале поддерживал Адонию.

И когда вся эта многотысячная толпа собралась в Иерусалиме, произошло... чудо. Опровергая слухи о своей немощи, о том, что он уже давно не может самостоятельно передвигаться, Давид самолично вышел к народу и стоя (!!!) обратился к нему с пространной речью:

«И стал Давид царь на ноги свои и сказал: послушайте меня, братья мои и народ мой!..» (1 Пар. 28:2).

Одни комментаторы Писания предполагают, что этот выход к народу дался Давиду с огромным трудом. Ему пришлось предпринять нечеловеческие усилия для того, чтобы заставить себя «стать на ноги свои» и говорить стоя, однако он считал

¹ Еще одна явная ошибка синодального перевода: «сарис» — это не только «евнух», но и (даже прежде всего) «придворный» вообще. У евреев не было евнухов; они не использовались даже в царских гаремах, так как «Пятикнижие» категорически запрещает оскотничать любого мужчину независимо от его социального статуса и национальности, в том числе и злейшего врага. Последнего считается предпочтительнее убить.

своим долгом выразить таким образом уважение к народным избранникам, каковыми были старейшины. Другие убеждены, что, будучи в состоянии душевного подъема, Давид на какое-то время забыл о своей болезни. Несомненно одно: своим появлением перед народом на собственных ногах Давид добился нужного эффекта. Когда же он обратился к собравшимся как к «братьям», многие в толпе растрогались. На главной площади столицы установилась мертвая тишина: люди ловили каждое слово царя.

Речь эта знаменательна тем, что Давид в ней впервые подчеркивает, что избрание Соломона наследником престола не было его личным выбором — Соломон был выбран на эту роль самим Богом, подобно тому как самим Богом много лет назад был избран на царство он сам, Давид. Внушив таким образом народу, что власть Соломону дана Свыше и никто из людей не имеет права посягать на нее, Давид одновременно публично обращается к сыну, обязуя его быть верным Богу и сделать то, что было не дано сделать ему — построить Храм:

«И стал Давид царь на ноги свои и сказал: послушайте меня, братья мои и народ мой! было у меня на сердце построить дом покоя для ковчега завета Господня и в подножие к ногам Бога нашего, и потребное для строения я приготовил. Но Бог сказал мне: не строй дома имени Моему, потому что ты человек воинственный и проливал кровь. Однако же избрал Господь, Бог Израилев, меня из всего дома отца моего, чтоб быть мне царем над Израилем вечно, потому что Иуду избрал Он князем, а в доме Иуды дом отца моего, а из сыновей отца моего меня благоволил поставить царем над всем Израилем, из всех же сыновей моих — ибо много сыновей дал мне Господь — Он избрал Соломона, сына моего, сидеть на престоле царства Господня над Израилем. И сказал мне: Соломон, сын твой, построит дом Мой и дворы Мои, потому что Я избрал его Себе в сына, и Я буду ему Отцом; и утвержу царство его навеки, если он будет тверд в исполнении заповедей Моих и уставов Моих, как до сего дня. И теперь пред очами всего Израиля, собрания Господня, и во уши Бога нашего говорю: “соблюдайте и держитесь всех заповедей Господа, Бога Вашего, чтобы владеть вам сею доброю землею и оставить ее после себя в наследство детям своим навек”. И ты, Соломон, сын мой, знай Бога отца твоего и служи Ему от всего сердца и от всей души, ибо Господь испытует все сердца и знает всё движение мыслей. Если будешь искать Его, то найдешь Его, а если оставишь Его, Он оставит тебя навсегда. Смотри же, когда Господь избрал тебя построить дом для святилища, будь тверд и делай!» (1 Пар. 28:2—10).

В этот момент до собравшихся начинает доходить высший,

сакральный смысл происходящего. Они начинают осознавать, что присутствуют при акте публичной передачи верховной власти, едва ли не в буквальном смысле из рук в руки, чего в еврейской истории не было с момента провозглашения Моисеем в качестве своего преемника Иисуса Навина. Да и сам Давид в эти минуты поднимается почти до уровня Моисея, этого величайшего пророка человечества.

Это сходство усиливается, когда он, подобно Моисею, представляет народу сведения о собранных им материалах для строительства Храма, упоминая три тысячи талантов (102 816 килограммов) самого чистого офирского золота и семь тысяч талантов (239 904 килограмма) чистого серебра.

Уже по этим цифрам можно представить, о каком колоссальном богатстве шла речь. В беседе с Соломоном Давид называет другие, куда более грандиозные цифры: сто тысяч талантов (3 427 200 килограммов) золота, один миллион талантов (34 272 000 килограммов) серебра, «и множество железа для гвоздей к дверям ворот и для скрепления заготовил Давид, и множество меди без весу, и кедровых деревьев без счету, потому что Сидоняне и Тиряне доставили Давиду множество кедровых деревьев» (1 Пар. 22:3—4).

Цифры эти выглядят настолько фантастическими, что у многих историков их правдивость вызывает сомнения. Вместе с тем большинство из них признает, что после возведения Иерусалимского храма в нем были сосредоточены «баснословные богатства»¹.

Наконец, Давид уподобляется Моисею еще в одном. Моисей считал, что Переносной храм должен быть построен на деньги всего народа, чтобы ни у кого не возникло сомнения, что речь идет об общенациональной святыне и всенародном достоянии. Так и Давид объявляет сбор пожертвований на строительство постоянного Иерусалимского храма именно для того, чтобы подчеркнуть его принадлежность всему народу.

И народ начинает жертвовать. Только в день помазания Соломона было собрано пять тысяч талантов (171 360 килограммов) золота, десять тысяч адарконов², десять тысяч талантов (342 720 килограммов) серебра, 18 тысяч талантов (616 896 килограммов) меди, сто тысяч талантов (3 427 200 килограммов) железа, а также драгоценные камни³.

¹ См., например, *Шураки А.* Повседневная жизнь людей Библии. М., 2004. С. 219.

² Адаркон — золотая монета времен персидского царя Дария весом в 80—90 граммов. Явный анахронизм, связанный с тем, что книга Паралипоменон («Диврей ха-ямим») создавалась уже после возвращения евреев из Вавилонского плена.

³ Достоверность этих цифр по понятным причинам также вызывает сом-

В этот момент на Давида снизошел пророческий дух, и он произнес перед народом одно из самых своих возвышенных прославлений Бога, завершив его просьбами к Нему хранить Свой народ и дать его сыну Соломону «сердце совершенное», чтобы тот исполнил возложенную на него миссию. Благословение это евреи и сегодня произносят во время утренней молитвы, и на этих страницах оно опять приводится в переводе Йосифона:

«И благословил Давид Господа перед глазами всей общины и сказал Давид: благословен Ты, Господи, Бог Израэля, отца нашего во веки веков. Твое, Господи, величие и могущество, и слава, и вечность, и красота, потому что всё, что в небесах и на земле, Твое, Господи; Твое царство, и превознесен Ты над всеми. И богатство, и слава — от Тебя, и владычествуешь Ты над всем, и в руке Твоей сила и могущество, и в руке Твоей власть возвеличить и укрепить всякого. А ныне, Боже, мы благодарим Тебя и восхваляем имя великолепия Твоего. Ибо кто я и кто народ мой, чтобы имели мы силы так жертвовать? Ведь от Тебя все и полученное из руки Твоей мы отдали Тебе! Ибо пришельцы мы перед Тобою и поселенцы, как и все отцы наши; как тень дни наши на земле и нет надежды. Господи, Боже наш! Все это множество, которое приготовили мы, чтобы построить дом Тебе, имени святому Твоему — от руки Твоей оно и все Твое. И знаю я, Бог мой, что Ты испытываешь сердца, и благоволишь к прямотушию. От чистого сердца своего пожертвовал я все это, а ныне вижу, что и народ Твой, находящийся здесь, с радостью жертвует Тебе. Господи, Бог Авраама, Исаака и Израэля, отцов наших! Сохрани навеки этот строй мыслей сердца народа Твоего, и направь сердце их к Тебе. И Шеломо, сыну моему, дай сердце совершенное, дабы соблюдать заповеди Твои, установления Твои и законы Твои, и свершить все это, и построить дворец, для которого я сделал приготовления» (I Хрон. [I Пар.] 29:10—19).

Завершилась коронация Соломона лишь на следующий день, когда были принесены обильные жертвы Богу — тысяча быков, тысяча баранов и тысяча овец с соответствующими винными возлияниями и мучными подношениями. Мясо жертвенных животных было использовано для грандиозного пира в честь нового царя — по словам самого Давида, «юного и слабого», которому он, с одной стороны, вверял судьбу народа, а с другой — вверял этого сына народу с просьбой подержать своего отпрыска на троне.

нения у историков. Сам же процесс жертвования, очевидно, носил «заочный» характер: старейшины и знатные израильтяне просто выходили на центр площади, где стоял Давид, и провозглашали, сколько золота, серебра и железа они готовы пожертвовать, а писцы заносили эти обеты в специальную книгу.

И он добился этой цели: старейшины и военачальники выезжали из Иерусалима, исполненные любви к Давиду и решимости верно служить Соломону.

Согласно традиционной еврейской историографии, представление Соломона народу происходило меньше чем за два месяца до смерти Давида — в два последних дня праздника Песах 2924 года по еврейскому летосчислению (836 год до н. э.). По хронологиям, принятым в разных исторических школах, это событие датируется между 970 и 962 годами до н. э.

Однако помимо провозглашенного на этой церемонии публичного завешания было у царя еще одно, личное завешание, которое он, если верить Библии, поведал сыну наедине:

«Приблизилось время умирать Давиду, и завещал он сыну своему Соломону, говоря: вот я отхожу в путь всей земли, ты же будь тверд и будь мужествен, и храни завет Господа Бога твоего, ходя путями Его и соблюдая уставы Его и заповеди Его, и определения Его, и постановления Его, как написано в законе Моисеевом, чтобы быть тебе благоразумным во всем, что ни будешь делать, и везде, куда ни обратишься; чтобы Господь исполнил слово Свое, которое Он сказал обо мне, говоря: “если сыны твои будут наблюдать за путями своими, чтобы ходить предо Мною в истине от всего сердца своего и от всей души своей, то не прекратится муж от тебя на престоле Израилевом”. Еще: ты знаешь, что сделал мне Иоав, сын Саруин, как поступил он с двумя вождями войска Израильского: с Авениром, сыном Нировым, и Амессаем, сыном Иеферовым, как он умертвил их и пролил кровь бранную во время мира, обагряв кровью бранною пояс на чреслах своих и обувь на ногах своих; поступи по мудрости твоей, чтобы не отпустить седины его мирно в преисподнюю. А сынам Верзеллия Галаадитянина окажи милость, чтобы были они между питающимися твоим столом, ибо они пришли ко мне, когда я бежал от Авессалома, брата твоего. Вот еще у тебя Семей, сын Геры Вениамитянина из Бахурима; он злословил меня тяжким злословием, когда я шел в Маханаим; но он вышел навстречу мне у Иордана, и я поклялся ему Господом, говоря: “я не умерщвлю тебя мечом”. Ты же не оставь его безнаказанным; ибо ты человек мудрый и знаешь, что тебе делать с ним, чтобы низвести седину его в крови в преисподнюю» (3 Цар. 2:1—9).

Как видно, и в этом, частном завещании Давид в первую очередь наказывает сыну хранить верность Богу и Его заповедям. Вместе с тем, как выясняется, даже лежа на смертном одре, он не простил Иоаву ни вероломные убийства Авенира и Амессая, ни (хотя об этом он и не сказал) убийства Авессалома и завещает Соломону расправиться с ним.

Не простил Давид, оказывается, и Семей, сына Геры, ко-

тому, казалось бы, так великодушно подарил жизнь после подавления мятежа Авессалома. Так как он дал Семею клятву, что тот не умрет за нанесенные ему оскорбления, то Давид наказывает сыну, как «человеку умному», найти другой повод для казни своего обидчика.

Вскоре после этой беседы с сыном, в субботу, в день великого праздника дарования Торы Шавуота¹ царь Давид отошел в вечность.

Всемирно известный зубоскал и богохульник Лео Таксиль в своей «Забавной Библии» выставляет «гамбургский счет» Давиду за это завешание. «Давид умер, как жил, — писал Таксиль. — Он проявил возмутительную неблагодарность, этот избранник божий, приказав умертвить своего военачальника Иоава, самого преданного из его слуг, которому был обязан короной. На смертном одре он совершает клятвопреступление с отвратительным цинизмом, смешанным с лицемерием по отношению к Семею, которого он якобы простил для того, чтобы составить себе славу царя великодушного, и на жизнь которого он обещал никогда не посягать.

Коротко говоря, он остался вероломным разбойником до самой могилы...»²

Нравственные аспекты личного завешания Давида всегда вызывали споры в кругах как религиозных, так и светских исследователей и комментаторов Библии. Кроме того, ряд исследователей считают, что такого завешания вообще не было — Соломон его попросту придумал, чтобы окончательно расправиться со своими личными и политическими противниками. В конце концов, та личная неприязнь, которую испытывал к Соломону Иоав, вероятно, была взаимной, и у юного царя были основания опасаться, что бывший главнокомандующий армией его отца может устроить путч и возвести на трон своего ставленника Адонию.

Последующие события лишь укрепили Соломона в этих подозрениях и заставили пойти на самые решительные меры.

* * *

Еще не прошел тридцатидневный траур по Давиду, как к царице-матери Вирсавии пришел Адония и смиренно попросил принять его.

— Ты знаешь, царица, — сказал он, — что меня, а не Соломона прочили на царство, но отец мой решил по-своему, и я признаю, что его решение было от Господа. А теперь есть у меня к тебе одна просьба, не откажи мне.

¹ В христианской традиции этому празднику соответствует Пятидесятница.

² Таксиль Л. Забавная Библия. М., 1962. С. 317.

— Говори, — сказала ему Вирсавия.

— Прошу тебя, скажи царю Соломону — ибо он тебе не откажет, — чтобы дал мне Ависагу Сунамитянку в жены.

И Вирсавия (возможно, чувствуя себя виноватой за то, что по совету Нафана оболгала Адонию перед Давидом) направилась к Соломону, чтобы исполнить просьбу Адонии. Увидев мать, рассказывает Третья книга Царств, юный царь сбежал с трона, поклонился ей и велел принести для Вирсавии еще один престол, поставив его по правую руку от него.

Возможно, некоторые придворные расценили этот поступок Соломона как знак, что царь и сам понимает, что пока слишком мал для того, чтобы править государством, и признает свою мать в качестве регентши. Однако очень скоро им предстояло убедиться, что они ошибаются: Соломон считал себя полновластным монархом и никому не собирался даже временно уступать бразды правления. Приглашая же мать сесть с ним рядом, он лишь выполнял заповедь о почитании родителей, и не более того.

Услышав, о чем просит Адония, Соломон пришел в ярость.

— Почему ты просишь для него только Ависагу Сунамитянку?! Проси уже для него все царство — а заодно и для первосвященника Авиафара и Иоава, сына Серуйи!

Таким образом, в просьбе Адонии Соломон увидел подтверждение своих подозрений, что его брат вместе со своей «партией» продолжает вынашивать заговор против него. Для начала же Адония решил обосновать свое право на царство тем, что он унаследовал последнюю жену царя, то есть совершить то же святотатство, которое некогда совершил Авессалом.

Истолковав просьбу Адонии именно таким образом, Соломон вызвал к себе верного Ванею и приказал ему немедленно казнить единокровного брата:

«И поклялся царь Соломон Господом, говоря: то и то пусть сделает со мною Бог и еще больше сделает, если не на свою душу сказал Адония такое слово; ныне же, — жив Господь, укрепивший меня и посадивший меня на престоле Давида, отца моего, и устроивший мне дом, как говорил Он, — ныне же Адония должен умереть. И послал царь Соломон Ванею, сына Иодаева, который поразил его, и он умер» (3 Цар. 2:23—25).

* * *

И вновь Таксиль, этот безжалостный критик великих героев Библии, высказывает свою версию мотивов Адонии, которая, кстати, разделяется целым рядом ученых. «Адония, — пи-

шет он, — не мечтал больше о царстве; он давно понял, что его песня спета: все, что ему было нужно из наследства Давида, была молодая девица, согревавшая кости его малопочтенного отца. Он был влюблен в прелестную Ависагу. Как единственное возмещение за убытки, понесенные им от потери короны, он, старший, непосредственный наследник, просил для себя только красивую служанку своего отца. Эта любовь, которая ровно ничего не значила сама по себе, послужила, однако, предлогом для одного из первых “богомудрых” решений Соломона: он распорядился убить Адонию, несмотря на то, что этот последний отнюдь не отказывал ему ни в каких знаках покорности и примирился с лишением престола¹.

Но если уж мы вспомнили эту версию, то стоит вспомнить и другую. Версию, предполагающую, что причину этой внезапной вспышки ярости Соломона по отношению к брату следует искать в Книге Песни песней Соломона («Песнь песней Шелома»), к которой нам еще не раз предстоит обращаться на этих страницах. Обычно считается, что в этой гениальной поэме, авторство которой приписывается Соломону, есть два основных действующих лица: Шломо и Шуламит, Соломон и Суламифь, между которыми и разворачивается полный любовной страсти диалог. Именно так все предстает в замечательной повести А. И. Куприна «Суламифь», по которой многие русские читатели и знакомы с «Песнью песней».

Но дело в том, что в оригинальном тексте «Песни песней» слово «Шуламит» употребляется с определенной частицей «ха» (ha) — «ха-Шуламит». Обычно эта частица в иврите указывает на место жительства или происхождения человека: «ха-эфрати» — «эфратянин», «ха-иерушалми» — «иерусалимец» и т. д. Таким образом, «ха-шуламит» — это, по идее, «шуламитянка», «девушка из Шулама». Но в древнем Израиле не было местности под названием «Шулам». Зато в нем был город Шунам (Сунам).

Исходя из этого, и родилась версия, что при переписке «Песни песней» или при надиктовывании ее Соломоном (а Соломон, по преданию, большей частью не записывал лично, а надиктовывал свои произведения придворным писцам) произошла ошибка и вместо «ха-Шуламит» следует читать «ха-Шунамит», то есть «сунамитянка».

Но в Библии упоминается только одна сунамитянка — та самая Ависага, которую доставили царю Давиду в конце его дней. И это предположение все коренным образом меняет.

Что, если Соломон, войдя в царский гарем на правах законного наследника и овладев Ависагой, воспылал к ней под-

¹ Таксиль Л. Забавная Библия. С. 319.

линной любовью? Ему было около тринадцати лет, Ависага вряд ли была намного его старше. Оба они еще только учились искусству любви; оба были настолько юны, что были ненасытны в своей жажде близости...

И тогда просьба Адонии отдать ему Ависагу Сунамитянку в жены была воспринята Соломоном как посягательство на его любимую женщину и на его честь. Ну а то, какой предлог он нашел для казни Адонии — это уже, как говорится, дело второе.

Впрочем, достаточно вчитаться в то, как формулирует свою просьбу Адония, чтобы понять гнев Соломона: «И сказал он: ты знаешь, что царство принадлежало мне, и весь Израиль обращал на меня взоры свои, как на будущего царя; но царство отошло от меня и досталось брату моему...» (3 Цар. 2:15).

Нужно быть очень недалеким человеком, чтобы обратиться с просьбой отдать ему в жены Ависагу. Но надо было быть подлинным глупцом, чтобы облекать эту просьбу в подобные выражения, в которых сквозят и горечь, и зависть, и убеждение, что Соломон не достоин трона. Так что Таксиль явно не прав: Адония подписал себе приговор не только своей просьбой, но и самой формой этой просьбы.

Сразу после казни Адонии Соломон вызвал к себе его верного сторонника первосвященника Авиафара. Возможно, считая, что Адония решил жениться на Ависаге по его совету, Соломон заявил Авиафару, что по закону тот достоин смерти. Но, помня о его прежних заслугах, Соломон ограничился тем, что просто лишил Авиафара сана первосвященника и отправил в ссылку в расположенный к северу от Иерусалима город Анафоф (Анатот).

Услышав известия о начавшихся репрессиях, Иоав мгновенно понял, что вот-вот подойдет и его черед, и поспешил укрыться в святилище возле Ковчега Завета, уцепившись, как некогда Адония, за рога жертвенника. Однако Соломона, похоже, ничуть не тронуло это известие, и он отдал Ванее приказ убить Иоава.

«И пришел Ванея в скинию Господню, и сказал ему: так сказал царь: выходи. И сказал тот: нет, я хочу умереть здесь! Ванея передал это царю, говоря: так сказал Иоав, и так отвечал мне. Царь сказал ему: сделай, как он говорил, и умертви его и похорони его, и сними невинную кровь, пролитую Иоавом, с меня и с дома отца моего; да обратит Господь кровь его на голову его, за то, что он убил двух мужей невинных и лучших его: поразил мечом без ведома отца моего Давида, Авенира, сына Нирова, военачальника Израильского, и Амессая, сына Иеферова, военачальника Иудейского...» (3 Цар. 2:30—32).

После этого Ване не оставалось ничего другого, как выступить в роли палача. Он убивает Иоава прямо у жертвенника, а затем отвозит его в фамильную гробницу в Иудейской пустыне. Соломон таким образом, во-первых, показывает, что существуют преступления, за которые человек должен быть наказан, где бы он ни пытался найти убежище — пусть даже в самом святом месте, а во-вторых, выполняет личное завещание отца.

Что касается Семеня, проклинавшего и оскорблявшего Давида во время его бегства от Авессалома, то, соблюдая данную ему Давидом клятву, Соломон решил не спешить. Он призвал Семеня к себе и повелел ему поселиться в Иерусалиме — чтобы тот был у него все время на виду. При этом Соломон предупредил Семеня, что за давнее оскорбление Давида он приговаривает его к пожизненному домашнему аресту — так что если тот хотя бы раз выйдет за ворота своего дома, то будет немедленно схвачен и казнен.

Семей действительно долгое время не выходил из дома. Но когда через три года два его раба убежали в филистимский Геф (Гат), Семей решился нарушить запрет и пустился за ними в погоню, надеясь, что его отсутствие останется незамеченным. Когда же Семей вернулся в Иерусалим, подошел к воротам своего дома... его окликнули люди Ванеи.

Под стражей Семей был доставлен во дворец Соломона, и тот отдал приказ о его казни — за... нарушение наложенного на него запрета.

Так Соломон выполнил последнюю волю отца и заодно расплатился с одним из своих учителей, которого он в свое время безмерно уважал и которому, как и Давид, так и не смог простить вероломства и двуличия.

В то же время симпатизирующие Соломону историки отмечают, что больше в Библии о вынесенных Соломоном смертных приговорах не упоминается. В народной памяти он отнюдь не остался как владыка, славящийся своей безжалостностью и жестокостью — скорее, наоборот. Так что, судя по всему, три эти казни — Адонии, Иоава и Семеня — были первыми и последними.

При этом тех мятежей и гражданских войн, которые потрясали жизнь евреев в период правления судей и в дни царствования Давида и сопровождалась десятками тысяч жертв, в дни Соломона не было и в помине.

Как следует из самого библейского текста, вскоре после казни Адонии и Иоава Соломон сменил почти всех министров и сановников отца, поставив на их посты своих ставленников. Причем, судя по всему, смена эта прошла вполне мир-

но, без каких-либо попыток сопротивления. Не исключено, что решающую роль в этом сыграл именно тот устрашающий эффект, который произвели казни Адонии и Иоава, а также то, что Соломон изначально обезглавил потенциальную оппозицию.

Так что, повторим, ко всем этим шагам Соломона можно относиться по-разному. Пол Джонсон не случайно подчеркивает, что «...как ближневосточный монарх Соломон обладал выдающимися качествами. Но его репутация мудреца основывалась на готовности быть безжалостным»¹. Увы, сами правила дворцовой игры на выживание во все времена делали государственную мудрость и жестокость почти синонимами.

Хотя свою славу мудреца Соломон приобрел куда раньше, чем народ смог оценить всю прозорливость его внешней и внутренней политики.

Глава пятая **ГАВАОНСКАЯ НОЧЬ**

Любой мало-мальски образованный человек, даже не будучи знаком с текстом Библии, знает, что необычайная мудрость была дарована Соломону Свыше — когда после обильного жертвоприношения в Гаваоне Бог явился юному царю во сне. В ответ на предложение попросить все, что он пожелает, Соломон испросил для себя именно мудрости. Вот как об этом событии повествует главный первоисточник — Третья книга Царств:

«...Народ еще приносил жертвы на высотах, ибо не был построен дом имени Господа до того времени. И возлюбил Соломон Господа, ходя по уставу Давида, отца своего; но и он приносил жертвы и курения на высотах. И пошел царь в Гаваон, чтобы принести там жертву, ибо там был главный жертвенник. Тысячу всесожжений вознес Соломон на том жертвеннике. В Гаваоне явился Господь Соломону во сне ночью, и сказал Бог: проси, что дать тебе. И сказал Соломон: Ты сделал рабу Твоему Давиду, отцу моему, великую милость; и за то, что он ходил пред Тобою в истине и правде и с искренним сердцем пред Тобою, Ты сохранил ему эту великую милость и даровал ему сына, который сидел бы на престоле его, как это и есть ныне; и ныне, Господи, Боже мой, Ты поставил раба Твоего царем вместо Давида, отца моего; но я отрок малый, не знаю ни моего выхода, ни входа; и раб Твой — среди народа Твоего, который избрал Ты, народа столь многочисленного, что

¹ Джонсон П. Популярная история евреев. М., 2000. С. 73.

по множеству его нельзя ни исчислить его, ни обозреть. Даруй же рабу Твоему сердце разумное, чтобы судить народ Твой и различать, что добро и что зло; ибо кто может управлять этим многочисленным народом Твоим? И благоугодно было Господу, что Соломон просил этого. И сказал ему Бог: за то, что ты просил этого и не просил себе долгой жизни, не просил себе богатства, не просил себе души врагов твоих, но просил себе разума, чтобы уметь судить, — вот, Я сделаю по слову твоему: вот, Я даю тебе сердце мудрое и разумное, так что подобного тебе не было прежде тебя, и после тебя не восстанет подобный тебе; и то, чего ты не просил, Я даю тебе: и богатство, и славу, так что не будет подобного тебе между царями во все дни твои; и если будешь ходить путем Моим, сохраняя уставы Мои и заповеди Мои, как ходил отец твой, Давид, Я продолжу и дни твои. И пробудился Соломон, и вот, это было сновидение. И пошел он в Иерусалим, и стал пред ковчегом завета Господня, и принес всесожжения, и совершил жертвы мирные, и сделал большой пир для всех слуг своих» (3 Цар. 3:2—15).

Разумеется, и у атеиста, и у верующего, но умеющего критически мыслить читателя, этот отрывок не может не вызвать целого ряда вопросов. И здесь автор вновь вынужден обратиться к цитированию Лео Таксиля, так как именно Таксиль наиболее ярко представил сложившееся в атеистических кругах отношение к этому рассказу Библии:

«Итак, речь идет здесь о сновидении. Бог, не ожидавший, пока Авраам, Иаков и другие заснут, чтобы явиться им, при Соломоне начинает менять свои привычки и ожидает, пока тот начнет видеть сны. Пусть будет так. Но тогда каким образом все это стало известно? Значит, Соломон сам рассказал кому-то свой сон? И так от одного к другому, переходя из уст в уста, этот рассказ дошел до автора Третьей книги Царств, жившего во времена Вавилонского пленения? Довольно все-таки странно, не правда ли?

Богословы скажут — это их конек! — что появление бога во сне не уменьшает божественности видения: церковь признает сны божественные и сны диавольские. Сон человеческий, утверждают служители религии, может быть результатом “сверхъестественного” влияния и не бывает случайным. Примем на минуту это положение. Допустим, что бог действительно явился Соломону. Все-таки Соломон спал и, следовательно, находился не в достаточно полном сознании, чтобы говорить или отвечать. Если бы сам римский папа увидел бы себя во сне богохульником, плюющим на просфору, никто из кардиналов не вменил бы ему этого в вину. Если бы Соломон выбрал во сне славу и богатство, это не имело бы ровно ника-

кого значения. Лучше было бы, если бы бог, задав вопросы, дал Соломону время проснуться, и тогда тот лучше сообразил бы, что надо ответить богу. Ответ бодрствующего человека, избирающего мудрость и пренебрегающего всем прочим, был бы заслугой. Но раз он спал, ответ не в счет: он ровно ничего не стоит. Тем не менее этот бесподобный бог был очарован...»¹

В полемическом задоре Таксиль (получивший, кстати, блестящее религиозное образование в иезуитской школе) явно «передергивает» факты. В случае с Соломоном Бог отнюдь не «меняет Свои привычки». Согласно Библии, именно во сне Он открыл Аврааму, что его потомки будут 400 лет угнетаемыми в чужой земле (Быт. 15:12—16). Во сне Иакову открывается лестница между небом и землей, и в этом же сне Господь обещает сохранить его везде, куда бы тот ни пошел (Быт. 28:11—16). Во сне же Бог открывался всем пророкам, включая и такого великого, как Самуил. Исключение в этом смысле с религиозной точки зрения составлял только Моисей (Моше), о чем прямо от имени самого Бога говорится в «Пятикнижии»: «И сказал: слушайте слова Мои: если и бывает у вас пророк Господень, то Я открываюсь ему в видении, во сне говорю с ним; но не так с рабом Моим Моисеем — он верен во всем дому Моем. Устами к устам говорю Я с ним, и явно, а не в гаданиях...» (Чис. 12:6—8).

Да и насчет времени написания Третьей книги Царств Таксиль, безусловно, заблуждается. Можно еще допустить, что Вторая книга Паралипоменон, то есть вторая книга «Хроникона», была написана после возвращения евреев из Вавилонского пленения. Но Третья книга Царств (она же «Первая книга Царей». — *П. Л.*), безусловно, была создана значительно раньше.

Все это, естественно, отнюдь не позволяет с легкостью сбросить со счетов и все прочие саркастические доводы известного французского борца с религией. Надо заметить, что как теологи, так и стоящие на так называемой рационалистической позиции исследователи задаются вопросом о том, что вообще побудило Соломона отправиться в Гаваон.

До строительства Храма иудаизм и в самом деле не возбранял совершать жертвоприношения в других местах, на различных высотах. Но ведь Давид для того и перенес Ковчег Завета в Иерусалим, чтобы постепенно превратить его в главное и единственное место для богослужения, центр религиозной жизни нации. Кроме того, жертвоприношения «на высотах» всегда осуждались пророками, так как именно на вершинах холмов принято было совершать жертвоприношения своим богам у языческих народов.

¹ Таксиль Л. Забавная Библия. С. 322—323.

В связи с этим многие комментаторы отмечают, что между строк Библии явственно прочитывается осуждение Соломона за этот поступок: «И возлюбил Соломон Господа... но (несмотря на эту любовь и верность. — *П. Л.*) и он (всё же. — *П. Л.*) приносил жертвы и курения на высотах».

Величайший комментатор Танаха Раши¹ пишет о решении Соломона принести жертвы в Гаваоне с откровенным осуждением: дескать, было бы куда лучше, если бы царь, не откладывая, приступил к строительству Храма и именно в Храме молил бы о ниспослании ему Божественного Откровения.

Видимо, знакомый с этими претензиями оставшийся неизвестным автор Второй книги Паралипоменон пытается объяснить, что же именно привело Соломона именно в Гаваон:

«И пошли Соломон и все собрание с ним на высоту, что в Гаваоне, ибо там была Божия скиния собрания, которую устроил Моисей, раб Господень, в пустыне. Ковчег Божий перенес Давид из Кириаф-Иарима на место, которое приготовил для него Давид, устроив для него скинию в Иерусалиме. А медный жертвенник, который сделал Веселеил, сын Урия, сына Орова, оставался там пред скиниею Господнею, и взыскал его Соломон с собранием. И там перед лицом Господа, на медном жертвеннике, который перед скиниею собрания, вознес Соломон тысячу всесожжений. В ту ночь явился Бог Соломону и сказал ему: проси, что Мне дать тебе» (2 Пар. 1:3—7).

Вот оно, оказывается, в чем дело! Давид действительно перенес Ковчег Завета в Иерусалим, но Скиния, то есть Переносной храм в виде огромного шатра, который был сооружен евреями в пустыне под руководством Моисея, со времен едва ли не Иисуса Навина (Иешуа бин Нуна) находился в Гаваоне. Там же стоял медный, набитый изнутри землей жертвенник, на котором приносил жертвы еще сам первосвященник Аарон.

Понятно, что за четыре столетия шатер сильно обветшал, но все равно почитался общенациональной святыней и к нему постоянно стекались толпы людей. Таким образом, если следовать Баруху Каплинскому, жертвоприношение в Гаваоне понадобилось Соломону, чтобы показать, что он уважает мнение народа, чтит те же святыни, что и весь народ, и таким образом сплотить вокруг себя лидеров всех колен. А родившийся в этом месте рассказ о Божественном Откровении, дескать, как

¹ *Раши* — акроним духовного звания и имени раввина Шломо (бен Ицхак) Ярхи (1040—1105). Автор основополагающего комментария к Танаху и Талмуду, приводящегося почти во всех изданиях этих книг на иврите. Комментарии Раши отличаются чрезвычайной краткостью, но при этом выделяют основную идею текста.

нельзя лучше позволял обосновать, что нахождение Соломона на троне угодно Богу.

Но попробуем взглянуть на этот рассказ глазами религиозного человека.

Не исключено, что поход в Гаваон был для Соломона своего рода жестом отчаяния. Он знал, а точнее, истово верил, что в момент помазания на царя должен сойти «Руах а-кодеш» — Святой Дух. Этот Святой Дух был с Саулом, пока Бог не лишил его права на царство и пророк Самуил не помазал Давида. Этот же Дух осенял его отца Давида, наделяя того пророческим даром и вдохновляя на написание великих псалмов. Однако после помазания Соломона у Гионского ключа этого снисхождения он не почувствовал. Правда, тогда это было объяснимо — пока был жив Давид, он оставался законным царем и Божественный Дух был с ним.

Но вот Давид умер. Соломон стал с трепетом ждать Откровения Свыше, но ничего не происходило. Минуло 30 дней траура по его венценосному отцу — и снова ничего! Это отсутствие ожидаемых мистических перемен невольно напугало Соломона. Не исключено, что он стал даже сомневаться в законности своего права на трон. И вот тогда-то он и решает двинуться в расположенный в десяти километрах от Иерусалима Гаваон, чтобы обратиться к Всевышнему у той же святыни, возле которой некогда молились Моисей и Аарон.

Официальной целью похода в Гаваон в сопровождении огромной свиты придворных («всего собрания») было принесение жертв в честь того, что Соломон приступил к самостоятельному управлению страной. Но одновременно Соломон продолжал надеяться, что в Гаваоне произойдет то самое чудо, которого он так страстно желал.

И чудо происходит. После принесения тысячи жертв всесожжения, которые, очевидно, совершались в течение не одного дня, а недели, а то и больше, Господь открывается Соломону во сне и произносит сакраментальную фразу: «Проси, что мне дать тебе».

Все исследователи Библии отмечают, что ни одного из ее героев Бог не спрашивал, чего тот хочет, и не предлагал выполнить его желания. Соломон стал первым. В самом этом вопросе Творца слышится своеобразный ответ на мучивший Соломона вопрос, почему Всевышний не открывается ему так, как открывался его отцу Давиду. Наконец, то, о чем Соломон так мечтал, произошло — и теперь Бог спрашивает, зачем Он понадобился Соломону; чего последний от Него хочет.

И, оправдываясь, Соломон отвечает, что единственное, чего он желает — это соответствовать своей миссии царя так же,

как и его великий отец, но опасается, что ему, в том числе и из-за юного возраста, недостает для этого ни знаний, ни талантов: «Ты сделал рабу Твоему Давиду, отцу моему, великую милость; и за то, что он ходил пред Тобою в истине и правде, и с искренним сердцем пред Тобою, Ты сохранил ему эту великую милость и даровал ему сына, который сидел бы на престоле его, как это и есть ныне; и ныне, Господи, Боже мой, Ты поставил раба Твоего царем вместо Давида, отца моего; но я отрок малый, не знаю ни моего выхода, ни входа...»

Далее Соломон спешит признать, что подлинным царем еврейского народа является сам Всевышний, что он — лишь «раб Твой — среди народа Твоего, который Ты избрал».

И уже затем следует сама просьба. Причем просит Соломон «лев шемеа», то есть не разумное, как это звучит во всех переводах, а «слушающее сердце», позволяющее ему справедливо вершить царский суд. А в суд этот, как уже говорилось, попадали особо сложные дела, основанные на принципе «слово против слова», то есть когда ни у истца, ни у ответчика не было свидетелей, либо были веские основания считать, что свидетели подкуплены. Решающую роль в таком суде играли как способность судьи к логическому мышлению, к придумыванию способа вывести тяжущихся на чистую воду, так и интуиция, способность «слушать сердцем», на чьей стороне правда.

На наделении его этой способностью соединять разум и чувства для того, чтобы в мире торжествовала справедливость, и просил Соломон Господа в своем вешем сне в гаваонскую ночь.

Разумеется, почти все комментаторы Библии считают предложение Бога Соломону дать ему все, что тот пожелает, испытанием, которое Соломон с честью выдержал. Устное предание, правда, говорит, что в том же сне Соломон обратился к Богу еще с двумя просьбами: сделать так, чтобы в течение всего времени его царствования его подданные не знали ни мора от эпидемии, ни голода. Но в любом случае он ничего не просил для себя лично, и потому «хорошо было в глазах Господа, что Соломон просил это».

И в ответ Бог сообщает, что он не только уже выполнил его просьбу, но и в будущем даст ему славу и богатство, а также — в случае, если Соломон будет верно исполнять Его заповеди — и долголетие.

В целом рассказы Третьей книги Царств и Второй книги Паралипоменон о ночи в Гаваоне совпадают, но если в одной Всевышний дает Соломону «сердце мудрое и разумное», то в другой объявляется, что Соломону даются «премудрость и знания» (2 Пар. 1:12).

Классические комментарии утверждают, что в гаваонскую

ночь Бог в награду поднял Соломона на сорок девятую из пятидесяти ступеней мудрости, то есть открыл ему те величайшие тайны мироздания, которые до этого открывал только Моисею, а после Соломона не открывал уже никому.

В авторитетном издании Танаха со сборными комментариями Иегуды Киля говорится, что классическая еврейская философия различала четыре вида мудрости.

Первое проявление мудрости — это мощь интеллекта, аналитическое мышление, позволяющее вершить справедливый суд, принимать верные решения в области управления государством и т. д. Впрочем, сюда же можно отнести и деловую и практическую сметку.

Второй вид мудрости — это природные способности и таланты человека, проявляющиеся в различных областях творчества — от музыки и до изобретения новых видов техники.

Третий вид — «мудрость сердца», умение не просто различать добро и зло, но и делать выбор в пользу добра, идти «путями Бога».

Четвертый вид — «Божественная мудрость», то есть способность постигать сокровенный, скрытый смысл заповедей Всевышнего и Его деяний; законы, по которым Он управляет мирозданием; все то, что обычно определяется как эзотерические знания.

По мнению раввинистических авторитетов, все эти четыре вида мудрости были в равной степени присущи царю Соломону, что, впрочем, как мы увидим дальше, не мешало ему порой и ошибаться.

Что же касается того, как относиться к истории о посетившем Соломона во сне Откровении, то это и в самом деле вопрос веры. Закоренелый атеист, разумеется, заявит, что Соломон попросту придумал этот сон, чтобы внушить легковерным подданным мысль о своей необычайной мудрости и особых отношениях с Богом. Рационалист, не верящий в Бога, но убежденный, что в основе любого мифа лежит некое реальное событие, может предположить, что Соломон так жаждал Божественного Откровения, что в итоге после пережитого им во время жертвоприношения религиозного экстаза это желание воплотилось во сне, в реальность которого он тут же сам свято поверил.

С точки зрения классической еврейской теологии, если речь идет о подлинном явлении Бога во сне тому или иному человеку, то это настолько яркое и сильное переживание, что его невозможно спутать ни с каким другим. У человека, действительно говорившего с Всевышним, попросту не остается никаких сомнений по этому поводу, притом (и это тоже

важно!) что ни у кого из окружающих нет никаких сомнений в его психическом здоровье. Таким образом, слова «и вот это было сновидение», по мнению комментаторов, следует понимать, что Соломон проснулся с ясным ощущением, что это было больше, чем сновидение, и всё, что Господь обещал ему во сне, непременно сбудется. Поэтому-то совершенно счастливый, чувствуя себя осененным Духом Божиим, царь возвращается в Иерусалим, где спешит с благодарственной молитвой к Ковчегу Завета, снова совершает жертвоприношения и устраивает пир. «И пришел Соломон с высоты, что в Гаваоне, от скинии собрания, в Иерусалим, и царствовал над Израилем» (2 Пар. 1:13), — говорит Вторая книга Паралипоменон, и комментаторы поясняют: то есть именно с этого момента Соломон действительно стал подлинным царем Израиля.

Стоит также вспомнить, что, согласно теории сновидений Фрейда, наши сны являются не чем иным, как осуществлением наших желаний¹. С этой точки зрения Соломон получает во сне то, что он так страстно желал: Божественное Откровение и мудрость.

Таким образом, вопреки сарказму Таксила, привиделся ли Соломону разговор с Богом или был на самом деле, не так уж и важно. Сам этот сон подчеркивает, что на первом месте для Соломона были жажда знаний и желание стать подлинно справедливым правителем своего народа. Что отнюдь не отменяет и его стремления к таким благам, как богатство, слава и долголетие — и Соломон во сне получает два первых и обещание третьего при условии твердого следования заповедям Творца.

* * *

Фольклор, как обычно, расцвечивает рассказ о тех дарах, которыми Всевышний наделил во сне Соломона, необычайно яркими красками. В еврейских и арабских сказках Бог даровал Соломону не только неземную мудрость, но и власть над всеми обитателями созданного Им мира — рыбами, птицами, животными, а также всевозможными духами, демонами и ангелами, или, говоря в понятиях арабской мифологии, джиннами.

Очнувшись от своего сна, рассказывается в еврейских сказках, Соломон увидел на своем пальце кольцо с печатью, на которой было выбито сокровенное 72-буквенное имя Бога («Шем ха-мефораш»), что внушало ужас и покорность самым могущественным демонам².

¹ См.: Фрейд З. Толкование сновидений. Минск, 1998. С. 130.

² По другой легенде, любимое кольцо Соломона было подарено ему неким

Открыв окно, Соломон увидел сидящих на ветке двух птиц, которые не просто щебетали, а разговаривали друг с другом — так он понял, что теперь ему дано понимать язык зверей и птиц.

— Слышала ли ты, — говорила одна птица другой, — что сегодня ночью на Небесах провозгласили, что царь Соломон будет отныне править и нами, птицами небесными? Ой, погляди, он смотрит на нас, а я еще не знаю, как себя с ним вести! Может, наше пение ему неприятно?! Давай-ка поскорее улетим отсюда!

— Что за глупости?! — отвечала ей вторая птица. — Как может человек, который никогда не сможет подняться над нами, нами править?! Лишь Орел, что летает выше всех птиц на свете, имеет право быть нашим царем!

И тогда велел Соломон собраться перед ним всем окрестным птицам. Когда же слетелись к его окну тысячи и тысячи птиц, сказал Соломон:

— Это верно, Господь наделил меня властью над вами, но не желаю я, чтобы вы меня боялись и чурались, а хочу, чтобы вы продолжали петь для меня, ибо пение ваше мне приятно.

Затем позвал Соломон к себе в покои ту птицу, которая отрицала его власть, и велел ей лететь к царю птиц Орлу и вручить ему записку с приказанием явиться к нему, царю Соломону, на поклон.

Прошло пять дней, и вдруг небо в Иерусалиме словно закрылось тучами, а затем на площадь перед дворцом опустился гигантский белый Орел, повелитель птиц, и почтительно склонил голову перед Соломоном.

Соломон сел на Орла и велел ему нести себя в царство демонов, в пустыню Тадмор (в других источниках — Тармуд). И хотя было до этой пустыни шесть дней пути, царь птиц доставил туда Соломона за час.

Направился Соломон к окружающим Тадмор Горам Тьмы, к жилищам демонов, и когда те увидели на его руке кольцо со священным именем Всевышнего, то признали его своим повелителем. И Соломон беседовал с демонами, и открыли они ему многие тайны, сокрытые от обычных людей.

После разговора с демонами Соломон велел Орлу отнести себя за Горы Тьмы, к бездонной пропасти, где были прикованы к скале мятежные ангелы Уза и Узаэль¹. И с ними тоже го-

забредшим в Иерусалим ювелиром, и на его реверсе были выгравированы слова «Все пройдет», а на аверсе — «И это тоже пройдет».

¹ Падшие ангелы, спустившиеся на землю и соблазнившиеся «дочерьми человеческими». — См.: *Бадхен М.* Еврейская чертовщина. Иерусалим; М., 2007 (5767). С. 24—25.

ворил Соломон, предварительно показав им свой перстень, и открыли они ему такие тайны мироздания, которые сокрыты даже от демонов, а ведомы лишь ангелам, приближенным к Творцу. Когда же закончил Соломон беседовать с ангелами, Орел в течение часа домчал его до дома. Именно от этих ангелов, согласно мистической книге «Зоар», и получал Соломон свою мудрость.

С тех пор, продолжает легенда, один раз в месяц прилетал царь птиц к Соломону, тот садился ему на спину и вместе они летели в самые разные концы планеты и всюду, где только было можно, учились мудрости. И все птицы видели, что Соломон, сидя на спине Орла, возносится даже выше его, и признавали над собой его власть.

* * *

Другая сказка повествует, что был у Соломона и ковер-самолет, причем такой большой, что при желании на нем можно было поместить целую армию. Любил Соломон путешествовать на этом ковре вместе с четырьмя своими друзьями и подданными — человеком по имени Асаф, сыном Брахии, демоном Рамиратом, царем птиц Орлом и царем зверей Львом.

Садись они вчетвером на ковер-самолет, на него же усаживалась стража царя, и Соломон велел ветру нести ковер туда, куда ему хотелось. Как-то раз приземлился ковер возле какой-то речки, и вдруг услышал Соломон в траве чей-то голос: «Ну-ка спешите укрыться в доме, пока эти люди вас не растоптали!»

Спустился Соломон с ковра и приказал тому муравью, который призвал своих собратьев скорее спрятаться, предстать перед ним. И оказалось, что это сама царица муравьев.

— Почему ты велела муравьям бежать от меня? — спросил Соломон.

— Я боялась, что твои солдаты раздавят моих подданных и помешают нашей молитве Всевышнему. А кто, как не царь должен заботиться о жизни каждого своего подданного?! — ответила царица.

— Тогда я хочу тебя кое-что спросить... — сказал Соломон.

— Уж очень ты высок. Возьми меня на ладонь и подними вверх — так мне будет легче с тобой разговаривать! — предложила царица муравьев.

Взял Соломон ее на ладонь и спросил:

— Скажи, есть ли в мире кто-либо более великий, чем я?

— Конечно! — ответила муравыха.

— И кто же это?

— Я! Если бы я не была более великой, чем ты, Бог не послал бы тебя сюда, чтобы ты взял меня на руку и вознес на высоту, в сотни раз превышающую мой рост!

Рассердился Соломон и сбросил царицу муравьев на землю.

— Я всегда знала, что нет больше греха, чем гордыня! — с иронией заметила муравыха. — И хотя ты великий царь, тебе стоило бы помнить, что из праха ты создан и в прах возвратишься.

И понял Соломон, что права царица муравьев, и дал себе зарок обуздать гордыню.

* * *

После этого, продолжает легенда, сел Соломон вместе со всей своей свитой на ковер-самолет и полетели они дальше. Летели они десять дней и ночей и вдруг увидели вдали огромный прекрасный замок. Стал Соломон спрашивать у своих спутников, знает ли кто-нибудь из них, кому принадлежит этот замок, но никто из них не мог дать ему ответа.

Когда приблизились они к замку, то стало ясно, что он истине прекрасен, и, может быть, во всем мире нет более красивого строения. Сошли Соломон и Асаф, сын Брахии, на землю, чтобы осмотреть чудесный дворец поближе. Вблизи здание поразило их еще больше своей чудесной резьбой по камню, мозаикой, украшавшей стены, и другими красотами.

Захотелось Соломону войти внутрь дворца, но тут они с Асафом обнаружили, что в него нет входа. Сколько ни ходили царь и его вельможа вокруг замка, а дверей так найти и не смогли.

Но так хотелось царю знать, что же находится внутри дворца, что призвал он к себе владыку демонов Реемию и спросил, может ли тот проникнуть в замок.

По указанию Реемии взмыли демоны вверх, через какое-то время вернулись и сказали:

— Нет во дворце никого, кроме орла, который свил себе жилье на его шпиле.

Велел Соломон царю птиц Орлу призвать к нему этого своего собрата для беседы.

Слетел орел со шпиля и склонил голову перед Соломоном.

— Скажи, сколько тебе лет? — спросил Соломон.

— Вот уже семь столетий, как живу я на этом свете, — ответил орел.

— Тогда, может быть, ты знаешь, где вход в этот дворец и кто построил его?

— Нет, Ваше величество, это мне не известно. Но, может, это знает мой брат, который старше меня на 200 лет.

Но и второй орел ничего не знал о строителях дворца и о входе в него, а посоветовал обратиться к своему брату, который был старше его на 400 лет.

И предстал перед Соломоном гигантский орел, такой старый, что не было у него уже сил летать так же высоко, как прежде.

— Может, хоть ты знаешь, что находится внутри этого дворца, где в него вход и кто и для чего его построил? — спросил Соломон.

— Нет, царь, — ответил этот орел, — о том, что внутри этого дворца, мне неизвестно. Слышал я от отца, что вход в него находится с запада, но сам отец его тоже никогда не видел. Может, если ты повелишь ветру развеять песок у подножия дворца, ты увидишь, где вход.

Послушался Соломон совета старого орла, приказал ветру развеять песок у его стен, и вот открылась на западной стороне замка высокая железная дверь, на которой была выбита надпись:

«Знайте, сыны человеческие, что много лет мы жили в этом замке в счастье и довольстве, но вот пришел страшный голод, и ели мы наш жемчуг вместо пшеницы, и не устояли мы, и ушли, и оставили дом этот орлам поднебесным».

А внизу была еще одна надпись:

«Да не войдет в эти двери никто, кроме царя или пророка».

Сгорая от любопытства, подошел царь к двери, взял из висящей на косяке стеклянной шкатулки золотой ключ и отпер ее. За этой дверью была другая, а за ней еще одна, и все они были из чистого золота.

И вошел Соломон в огромные залы дворца, стены которого были украшены драгоценными камнями и чудесной мозаикой, и долго бродил он по дворцу, пока не вошел в залу, где стоял огромный трон, сделанный из чистого золота и серебра. А в другой зале увидел Соломон сделанную из золота скульптуру человека, и поразился он искусству ее скульптора.

Однако как только дотронулся царь до этой скульптуры, вдруг откуда ни возьмись раздался страшный шум, и стали во дворец слетаться откуда-то демоны и иные создания, о существовании которых не подозревал до тех пор даже многомудрый Соломон.

Стали они окружать Соломона, но он поднял руку и прокричал:

— Разве вы не знаете, кто перед вами?! Я — царь Соломон, которому Бог дал власть над всеми Его творениями, и если я захочу, то покараю вас страшными казнями!

Тут же демоны в страхе улетели, и все смолкло.

Подошел Соломон к статуе и снял с ее груди табличку с какими-то письменами, но не смог их сразу прочесть, ибо давно уже никто на Земле не пользовался этим языком. Но наконец Соломон все же разгадал смысл надписи: «Здесь, в этом дворце жил царь, который правил тысячами царей и победил многих богатырей, но дни его кончились».

И понял Соломон, что и его может постигнуть судьба этого царя — как бы ни был он велик сейчас во славе своей, настанет день — он уйдет из мира, память о многих его деяниях сотрется, и люди будут спорить, жил ли он вообще когда-нибудь на свете...¹

* * *

Ряд сказок и преданий о Соломоне призваны подчеркнуть, что он обладал не только книжной, но и обычной житейской мудростью, имеющей не меньшую ценность, чем теоретические знания.

Такова знаменитая сказка о трех братьях, решивших отправиться служить ко двору Соломона, чтобы научиться у него мудрости.

Прожили они при царском дворе 13 лет, но Соломон ничему их не учил, и сами они ничему не научились. Пожалели братья о потерянном зря времени и пришли к царю с просьбой разрешить им вернуться домой.

— Хочу я вас наградить за верную службу, но награду вы вольны выбрать сами, — сказал Соломон. — Хотите — возьмите по сто золотых монет, а хотите — послушайте три мудрых совета из моих уст.

Братья посоветовались друг с другом, решили взять деньги и с набитыми кошельками отправились домой. Но как только отъехали они от Иерусалима, сказал младший из братьев:

— Как же так?! Мы же ехали научиться у Соломона мудрости, а в итоге от нее отказались! Давайте вернемся и послушаем, какие советы хотел он нам дать.

¹ По мнению известного израильского писателя, исследователя и мистика А. Рыбалки, эта легенда является еще одним подтверждением гипотезы, по которой нынешнему человечеству предшествовала на Земле другая, могущественная и погибшая по непонятным причинам цивилизация, представители которой были внешне похожи на современных людей, но обладали огромным ростом. Возведенные ими циклопические строения разбросаны по всей планете; немало их и на Ближнем Востоке. Эта протоцивилизация, по версии Рыбалки, воздвигла стены «Города Давида» и устроила святилище на Храмовой горе. Таким образом, считает писатель, Соломон построил Храм на циклопическом, возведенном за тысячелетия до него фундаменте. Академическая наука, разумеется, считает подобные гипотезы спекулятивными и не заслуживающими внимания.

— Если тебе так хочется вернуть царю деньги, возвращайся, а мы поедем дальше! — ответили старшие братья.

Вернулся младший брат в Иерусалим, предстал перед царем, отдал ему сто золотых монет и сказал, что хочет услышать из его уст три мудрых совета.

— Что ж, — сказал царь, — вот тебе первый совет: если ты захочешь переночевать в пути, всегда готовься к ночевке за светлом, а в путь отправляйся на рассвете. Второй совет: если ты подъедешь к реке, вышедшей из берегов, как бы ты ни торопился, дожись времени, когда спадет вода, и только тогда пересекай реку. И третий совет: не рассказывай об этих двух советах и о том, что они тебе принесут, никому. Даже жене.

Поблагодарил юноша, вышел от него и в течение двух часов нагнал братьев.

— Ну, — спросили те, — чему ты научился у нашего премудрого царя?

— Чему научился, тому научился! — ответил он и поехал дальше.

Тем временем солнце стало клониться к закату.

— Стойте, братья! — сказал младший брат. — Давайте остановимся здесь и переночуем. Смотрите — здесь можно разбить шатер, разжечь костер и здесь есть вода для наших коней!

— Вот еще! — ответили братья. — Кони совсем не устали, могут скакать еще несколько часов, и за это время мы проделаем большую дорогу. Зачем же терять время и отсрочивать час возвращения домой?!

Сказали — и поскакали дальше.

А младший брат остановился. Собрал хворост, разжег костер, соорудил палатку, отпустил коня пастись, а сам поел и заснул крепким сном.

Тем временем два его старших брата оказались ночью посреди пустой дороги, в крошечной темноте. Не смогли они найти хвороста для костра и легли спать прямо на земле, возле своих лошадей, жалея, что не послушались совета младшего.

Ночь выдалась морозная, пошел снег, и наутро братья уже не проснулись.

В то же утро проснулся младший брат, тронулся в путь и через пару часов нашел тела своих замерзших братьев. Погоревал он, снял с них кошельки с золотыми монетами и похоронил честь по чести.

К полудню прибыл младший брат к полноводной реке. Хотел было уже переходить ее — да вспомнил второй совет царя Соломона и остановился. Вскоре прибыл к реке какой-то царский вельможа и с ним — его слуги, несущие ящик с золотом.

— Почему ты не переходишь реку? — спросил вельможа.

— Да вот жду, когда вода спадет! — ответил юноша. — Да и вам до этого переходить не советую.

Но не послушались вельможа и его слуги этого совета, вошли в реку с золотом и конями, а на середине реки попали в водоворот и утонули.

Через день вода спала, юноша перешел реку, увидел, что на берег вынесло сундук с золотом, погрузил его на коня и поехал домой.

Дома стали его жены братьев спрашивать, где их мужья, и уже хотел было младший брат рассказать им, как было дело, но вспомнил третий совет Соломона и ответил, что они разошлись в пути и что стало с братьями, ему неизвестно. Со временем построил он себе на привезенные деньги красивый дом, купил большое поле, женился и стал жить припеваючи. Однажды жена спросила его, откуда у него такое богатство, но младший брат, следуя совету Соломона, не стал отвечать на этот вопрос.

Между тем жены братьев заподозрили своего шурина в том, что он убил их мужей и взял их деньги, и с этим подозрением направились они на суд к царю Соломону¹.

Велел Соломон привести к нему подозреваемого в братоубийстве и спросил, откуда у него такое богатство. Когда же младший брат отказался ответить на вопросы царя, тот приговорил его к смертной казни.

И вот тогда младший брат сказал, что хочет что-то поведать царю наедине.

Когда они остались одни, он сказал: «Великий царь! Я — один из трех братьев, которые служили тебе тринадцать лет. Мои братья взяли деньги, но я решил получить в качестве платы за службу три совета. И вот следуя твоим советам, я и разбогател», — и дальше рассказал, как было дело.

«Воистину, тот, кто приобрел мудрость — приобрел все!»² — сказал Соломон и велел отпустить младшего брата домой.

Глава шестая **«МУДРЕЕ ВСЕХ ЛЮДЕЙ»**

Третья книга Царств сообщает о мудрости Соломона следующее:

«И дал Бог Соломону мудрость и весьма великий разум, и

¹ В одной из версий легенды младший брат становится жертвой клеветы собственной жены.

² Видимо, сказка родилась как аллюзия на многие стихи Книги притчей Соломоновых, прославляющих мудрость и тех, кто ее ищет.

обширный ум¹, как песок на берегу моря. И была мудрость Соломона выше мудрости всех сынов востока и всей мудрости Египтян. Он был мудрее всех людей, мудрее и Ефана Езрахитянина, и Емана, и Халкола, и Дарды, сыновей Махола, и имя его было в славе у всех окрестных народов. И изрек он три тысячи притчей и песен его было тысяча и пять; и говорил он о деревьях: от кедра, что Ливане до иссопа, вырастающего из стены; говорил и о животных, и о птицах, и о пресмыкающихся, и о рыбах. И приходили от всех народов послушать мудрости Соломона, от всех царей земных, которые слышали о мудрости его» (3 Цар. 4:29—34).

Разумеется, древнему читателю эти слова были куда более понятны, чем современному. Хотя бы потому, что он знал, что под «мудростью Востока» подразумевается астрология, в которой были особенно сведущи народы Междуречья, а вот «мудрость Египетская» — это искусство врачевания, магии и чародейства, в которых, как считалось в ту эпоху, не было равных египетским жрецам. Знали они и то, что Ефан Езрахитянин, он же Эйтан Эзрахи, он же Эйтан бен Зерах бен Иегуда — это один из великих поэтов эпохи Давида и Соломона, автор замечательного 89-го псалма; Еман, он же Эйман Эзрахи — родной брат Ефана, тоже левит и тоже поэт, автор 88-го псалма. О том, кто такие Халкол (Калкол) и Дарда, сыновья Махола, мы сегодня можем только догадываться, но очевидно, что и они славились среди соплеменников своими мудростью или некими талантами.

Слова «...и говорил он о деревьях: от кедра, что Ливане до иссопа, вырастающего из стены; говорил и о животных, и о птицах, и о пресмыкающихся, и о рыбах...» всеми комментаторами трактуются как описание обширных познаний Соломона в естественных науках — в ботанике, агрономии, зоологии, животноводстве, а также в медицине. Судя по всему, эти области знания на протяжении всей жизни вызывали у него огромный интерес. Это отчетливо чувствуется и по тому, что Соломон (если, конечно, это был именно он, в чем многие библеисты сомневаются) включил в свою антологию «Притчи» и изречения идумейского мудреца Агура:

«Вот четыре малых на земле, но они мудрее мудрых: муравьи — народ не сильный, но летом заготавливают пищу свою; горные мыши² — народ слабый, но ставят дома свои на скале;

¹ В оригинале «обширному уму» соответствует словосочетание, которое буквально переводится как «широта сердца».

² В оригинале «даманы» — и сегодня живущие на территории Израиля крохотные зверьки, внешне напоминающие грызунов, но являющиеся генетически родственными слонам.

у саранчи нет царя, но выступает она вся стройно; паук лапками цепляется, но бывает в царских чертогах. Вот трое имеют стройную походку, и четверо стройно выступают: лев, силач между зверями, не посторонится ни перед кем; конь и козел, и царь среди народа своего» (Прит. 30:24—31).

Кроме того, и из легенд, и из текста Библии отчетливо видно, что Соломон необычайно любил живую природу и получал удовольствие от наблюдения за повадками различных животных. Он просил купцов доставлять к его двору диковинных зверей и птиц и, судя по всему, устроил при дворце настоящий зоопарк, в котором, помимо водящихся в Израильском царстве барсов, медведей, львов и других хищников, были и всевозможные виды обезьян, павлины, попугаи и т. д. Кроме того, в дворцовом саду Соломона высаживались саженцы растений из Африки и глубинных стран Азии, никак не характерных для Ближнего Востока.

Существует и немало легенд о великих познаниях Соломона в медицине. Одна из них утверждает, что Соломон был автором книги, содержащей в себе верные средства исцеления от всех возможных человеческих болезней. Книга эта, согласно легенде, была уничтожена, «так как если бы люди обладали ею, они перестали бы молить Господа об исцелении».

Судя по всему, любимым времяпрепровождением Соломона были пиры, участники которых вели между собой философские споры, наслаждались поэзией и музыкой, состязались в изречении притчей и загадывании загадок.

Все это быстро создало Соломону славу просвещенного монарха, ко двору которого со всего региона устремлялись философы, астрологи, поэты. Иные, возможно, и в самом деле приходили сюда, чтобы помериться с Соломоном мудростью, сразиться с ним в искусстве сочинения притч и загадывания загадок, но большинство просто искало покровительства при дворе царя Израиля и, как правило, находило его, пополняя огромное число придворных и приживалов.

Сам Соломон тоже явно обладал поэтическим даром, и помимо «Песни песней», «Екклесиаста» и «Притчей», некоторые еврейские и христианские теологи приписывают ему также авторство 71-го и 126-го псалмов, однако большинство комментаторов настаивают, что эти псалмы были написаны Давидом с посвящением Соломону. Не исключено, что время от времени визиты с целью просто получить удовольствие от беседы с умным человеком наносили Соломону владыки и вельможи соседних государств. Таким образом, они утоляли свою жажду новых впечатлений, которых в ту эпоху, прямо скажем, было немного.

Талмудический трактат «Таргум шени» говорит о мудрости царя Соломона с характерными для более позднего периода восторженностью, преувеличениями и идеализацией его личности:

«...Он был мудрее всех людей.

Над всеми царями был страх его.

Народы и племена становились его данниками, враги и ненавистники — друзьями его.

Богат и могуч, владелец бесчисленных угодий, серебра и золота в количествах несметных — он притчи разъяснял, давал постигать сокровенное, поведывал тайны глубины беспредельной.

Имя его гремело среди властелинов, среди мудрых — подвиги его.

Цари приходили на лицо его глядеть, слова мудрости жадно слушать из уст его.

К нему, праведному и чистому, ведающему таинства небесные, посылали вельможи в слуги и служанки сыновей и дочерей своих.

Рыбы морские, птицы небесные, животные и звери полевые сами приходили на бойни, чтобы быть закланными для стола Соломона.

Ему был дан великий ключ над всеми вратами мудрости и разума сердечного.

Он разумел язык птиц и животных и зверей полевых.

Олени и газели были его скороходами, львы и барсы — оруженосцами его...»¹

* * *

И все же прежде всего под «мудростью Соломона» еврейская традиция понимает его величайшие познания в Торе на всех четырех уровнях понимания ее текста — от прямого смысла до тайного. Талмуд утверждает, что Соломон был непревзойденным мастером религиозной проповеди и непременно выступал с такой проповедью перед всем народом в дни праздника Суккот², когда в Иерусалим стекались не только евреи, но и представители многих других народов, а в Храме приносились жертвы Богу от имени всего человечества. Таким образом, говорят комментаторы, Соломон, подобно праотцу еврейского народа Аврааму, способствовал распространению «Славы Бога» среди других народов, знакомя

¹ Бялик Х. Н., Равницкий И. Х. Агада: Сказания, притчи, изречения Талмуда и Мидрашей. С. 153—154.

² Праздник кушей (шалашей).

их с мировоззрением монотеизма и гуманистическим моральным кодексом.

При этом, если верить устному преданию, хотя время от времени Соломоном и овладевал грех гордыни, он умел смирять ее в присутствии других мудрецов — знатоков Закона и, когда приглашал их для совета, всегда молча и с уважением выслушивал их мнение, прежде чем высказать свое. Таким образом, его мудрость проявлялась и в повседневном поведении, и это была не только мудрость рассудка, но подлинная «мудрость сердца», умение приводить в лад ум и чувства.

Великий средневековый мыслитель Рамбам¹ был убежден, что когда Библия говорит о «мудрости Соломона», имеется в виду, что Соломон был подлинным образцом философа и мистика, а отнюдь не его заслуги в качестве государственного деятеля. И в «Путеводителе заблудших», и в своем предисловии к трактату «Авот» Рамбам убедительно показывает, что Соломон в своих произведениях предвосхитил многие концепции греческой философии. В целом, считал Рамбам, разница между философией Танаха и позицией выдающихся греческих философов в том, что касается вопроса: как человеку следует прожить свою жизнь? — на деле далеко не так велика, как это порой представляют.

Таким образом, по Рамбаму, Соломон был в первую очередь величайшим мистиком, хранителем эзотерической традиции, возникшей, согласно преданию, еще на заре человечества и позволяющей посвященному в эту традицию человеку проникнуть в запредельные миры и, поднимаясь все выше и выше, встретиться «лицом к лицу» с самим Богом. Обычно это мистическое течение называется учением «Меркавы» («колесницы») — по видению пророка Иезекииля (Иехизкиэля), открывшегося ему прежде, чем он услышал Глас Божий и был удостоен видения Славы Господа (см.: Иез. 1:4—24).

Школа мистики «Меркавы» занималась, вне сомнения, и глубинными мировоззренческими вопросами — прежде всего проблемами того, что предшествовало Сотворению мира, постижению смысла иррациональных заповедей Закона Моисеева и т. д. Но вместе с тем немалое значение в ней занимали и мистические практики, призванные помочь человеку пройти через многочисленные «залы» (или, если угодно, «чертоги»; на иврите — «хехалот») высших и низших миров, обойти или подчинить себе их обитателей (соответственно, всевозможных ангелов, демонов, «священных животных» и т. д.), достичь

¹ Рамбам — акроним духовного звания и имени раввина Моше бен Маймона (1135—1204). Личный врач египетского султана Салах-ад-Дина, великий еврейский философ; в европейских источниках известен как Маймонид.

Престола Славы Всевышнего (под этими словами понимается один из наивысших миров), а то и подняться к самому Богу, то есть достичь высшего из миров.

Так как, согласно мистическому учению «Меркавы», мир был сотворен Словом, то с помощью различных комбинаций букв, специальных молитв и заклинаний (то есть, по существу, путем определенных комбинаций букв и слов) человек мог ввести себя в некое экстатическое состояние, открывающее перед ним проходы в эти иные миры, раздвинуть пределы разума и постичь иррациональное.

Еврейские мистики верили, что с помощью сочетания определенных букв и символов (так называемых печатей) человек мог открывать двери «чертогов» и властвовать над их обитателями. Это, в свою очередь, позволяло ему влиять на происходящее в нашем материальном мире — отводя вынесенное кому-то на Небесах приказание, приговаривающее его к болезни, бесплодию, обнищанию и т. д., или же нейтрализуя действующие против человека Высшие силы. Так появились на свет различные «Книги чертогов» («Сефер хехалот»), служащие чем-то вроде «путеводителей» по высшим мирам. Вот, например, отрывок из такой книги, написанной раввином Ишмаэлем:

«Когда дойдешь до врат первого чертога, встань там и возьми в каждую руку по печати. В одну печать, в которой написано имя Тутрусиай Иавай, а в другую — на которой написано имя Сурая [то есть] имя Ангела Предстоящего. Первую покажи тем, что справа от врат, а вторую — тем, что слева. И тогда сразу появится справа ангел Кохавиэль, главный привратник первого чертога, а слева — ангел Тухфиэль... Они поднимут тебя, и передадут, и препоручат ангелу Тагриэлю, который поставлен над главными вратами второго чертога...»¹

Вот так, предъявляя соответствующие печати и произнося пароли, мистик может продвигаться все выше и выше, все дальше и дальше по залам-чертогам, пока не достигнет высшего, седьмого чертога:

«Когда же вознамерится человек взойти на колесницу, сейчас же распахивает перед ним Аппниэль двери, ведущие в седьмой чертог, и каждое око (имеется в виду, что стены чертога полны глаз взирающих) из очей священных широко открывается, и вид их подобен молниям блистающим... Человек тогда содрогается от ужаса, пятится назад и падает навзничь...»²

Безусловно, автор излагает основы мистики Меркавы в

¹ Ишмаэль, раввин. «Сефер хехалот» // Шинан А. Мир агадической литературы. Иерусалим; М., 2003 (5763). С. 95—96.

² Там же.

крайне поверхностной, можно даже сказать, спекулятивной форме, но его задачей в данном случае является дать читателю самое общее представление, о чем идет речь, а не пересказывать сотни увесистых томов, написанных на эту тему в разные эпохи еврейскими, мусульманскими и христианскими мистиками.

Учение «Меркавы», подчеркивал Рамбам, испокон веков хранилось в глубокой тайне и передавалось лишь в крайне узком кругу посвященных — от одного учителя не более трем, а то и одному ученику. Показателен в этом смысле рассказ Талмуда о том, как еврейские мудрецы просили раввина Йоси открыть им тайны «Меркавы», но тот отказался это сделать, сославшись на стих Книги Песни Песней Соломона: «...мед и молоко под языком твоим» (Песн. 4:11). «Под языком, а не “на языке”!» — пояснил раввин Йоси, подразумевая, что тайны такого порядка открывают далеко не каждому мудрецу, не говоря уже о простых людях.

Соломон, следуя пониманию его личности Рамбамом, был одним из тех, кто так или иначе (возможно, и путем Божественного Откровения) получил доступ к этим тайнам, позволившим ему подняться над «суею сует», обыденностью жизни. Причастившись к ним, он создал при своем дворе то, что еврейская традиция испокон веков называла «бейт-мидрашем» («домом учения», «домом толкования», «школой», или, если угодно, «академией»), а в большинстве книг европейских авторов, посвященных Соломону, — «школой мудрости».

В школе, очевидно, было несколько ступеней, причем каждая следующая ступень включала в себя все более узкий круг «посвященных» учеников Соломона. Опираясь на Талмуд, Рамбам приходит к выводу, что сам Соломон стоял на предпоследней ступеньке мистического знания — выше в прошлом поднимался только Моисей, а в будущем поднимется спаситель человечества, Царь-Мессия, который будет его потомком¹.

Талмуд, в частности, утверждает, что Соломон признавался, что ему был открыт тайный смысл всех, в том числе и иррациональных заповедей, за исключением заповеди о «рыжей корове»². Одновременно Соломон настаивал на том, что учение «Меркавы» должно храниться в глубочайшей тайне. Эти знания ни в коем случае не должны попасть

¹ См.: Кляйн-Бреслави С. Царь Соломон и эзотерическая философия в учении Рамбама. Иерусалим. (Без указания года издания.)

² В синодальном переводе «рыжая телица», пеплом которой очищают оскверненного от прикосновения к мертвому телу (Чис. 19:2—12).

в руки большого числа людей, так как это опасно для мира в целом.

Будучи сведущим в эзотерических тайнах, говорят легенды, Соломон повелевал демонами и другими потусторонними силами, смиряя их заклинаниями, а также кольцами и каббалистическими¹ камнями с различными «печатами» (или «ключами») Соломона. Если исходить из этой версии, то у Соломона было не один, а множество перстней с магическими печатами, которыми он пользовался по мере необходимости.

Разумеется, автор этой книги прекрасно осведомлен и не намерен скрывать от читателя, что все серьезные исследователи еврейской мистики, и в первую очередь такой авторитет как Гершом Шолем, убеждены, что мистика «Меркавы» с ее специфическими техниками медитации и магическими приемами сформировалась значительно позже эпохи, когда жил Соломон², причем немалую роль в формировании этой мистики сыграли греческие философы³.

Но уже во времена Иосифа Флавия (то есть в начале I тысячелетия н. э.) знание эзотерической практики явно связывалось и ассоциировалось именно с именем Соломона.

«Господь Бог, — пишет Флавий, — даровал Соломону также возможность изучить искусство входить в общение с демонами на пользу и на благо людям. Дело в том, что Соломон оставил после себя заклинания для излечения всяких болезней и волшебные формулы, с помощью которых возможно так связать демонов, что они никогда больше не рискнут вернуться к людям. Это искусство до сих пор весьма сильно процветает среди нас. Так, например, мне пришлось слышать о некоем Элеазаре, нашем единоплеменнике, как он однажды в присутствии Веспасиана, сыновей последнего, тысяцких и массы войска, избавил всех, одержимых злыми духами, от последних. При этом он поступил следующим образом: он подносил к носу одержимого демоном палец, на котором находился перстень с включенным в нем корнем указанного Соломоном растения, и тем извлекал бесноватых демонов из ноздрей. Больной, конечно, тотчас падал замертво на землю, и всякий, присутствовавший при этом, готов был бы поклясться, что он уже больше

¹ Каббала — тайное еврейское мистическое учение, основанное на эзотерическом прочтении Танаха.

² См.: Шолем Г. Основные течения в еврейской мистике: В 2 т. Иерусалим, 1993. Т. 1.

³ Это мнение Шолема сегодня оспаривают многие ученые. Ссылаясь на сочинения Гермита из Смирны, Антония Диогена и Аристобула, они утверждают, что, наоборот, Пифагор заимствовал свою мистику чисел у евреев. Более поздний греческий историк Порфирий в своей книге о Пифагоре прямо называет великого математика и философа «учеником иудеев».

Обложка гримуара «Клавикула Соломон» («Ключ Соломона») 1686 года издания

не придет в себя, если бы не было Соломона и составленных им формул заклинаний. Желая, однако, убедить присутствующих, что он действительно обладает указанной силой, Элеазар велел ставить вблизи бесноватого наполненный водою кубок или сосуд для омовения ног и приказывал демону при выходе из тела больного опрокидывать сосуд, чтобы все зрители на деле могли убедиться, что злой дух покинул одержимого. Так как дело таким образом и происходило, то всем представлялась возможность убедиться в действительно глубокой мудрости Соломона. Мы потому считали себя принужденными рассказать об этом случае, чтобы всем стала известна необычайная даровитость богоприятного царя (Соломона) и чтобы никому из живущих на земле не оставалось неизвестным, в какой мере Соломон обладал всеми качествами для того, чтобы считаться совершенством»¹.

Все истории о том, что Соломон повелевал демонами, можно считать отзвуком слухов о его глубоких познаниях в учении «Меркавы». Как уже говорилось, согласно воззрениям каббалистов, это учение включало в себя техники, позволявшие «приручать» или подчинять себе определенных ангелов или демонов. Незвестный путешественник из Бордо, посетивший Иерусалим в 333 году, утверждает, что видел на Храмовой горе останки дворца царя Соломона и «...спускался в подвал, в котором Соломон пытал демонов, чтобы заставить их служить себе». Неподалеку от подвала, утверждает далее в записках, расположена комната, в которой Соломон писал свои «мудрые книги»².

С именем Соломона связывали эзотерические практики и европейские мистики. В Средневековье из рук в руки переходили манускрипты с сочинениями по магии, авторство которых приписывалось Соломону. Одной из самых знаменитых таких книг является «Ключ Соломона» — «Клавикула Соломон» («*Clavicula Salomonis*»), впервые изданная в Германии в 1686 году. Книга представляет собой сборник заклинаний, молитв и магических формул, а также включает в себя описание талисманов, пентаклей и других атрибутов магии. Предисловием служит текст апокрифического «Завещания царя Соломона своему сыну Ровоаму».

Еще одной такой книгой является «Малый ключ Соломона», более известная «Лемегетон» (от латинского названия «*Lemegeton Clavicula Salomonis*»). При этом утверждается, что «Ключ Соломона» был переведен неким раввином с иврита и арамейского на греческий, а с него — на латынь.

¹ Иосиф Флавий. Иудейские древности. М., 1996. С. 322.

² См.: Вильнаи З., д-р. Легенды Земли Израиля. Иерусалим, 1982. С. 22.

Помимо этого, в узком кругу еврейских мистиков на протяжении столетий, а возможно и тысячелетий, ходила рукопись «Книги ключей Соломона» («Сефер мафтеах Шелома»), написанная на иврите. Ее текст заметно отличается от «Клавикула Соломон» и представляет собой описание каббалистических камей-амулетов, призванных принести человеку удачу в тех или иных делах, здоровье, отвести от него несчастье и т. д. В 1914 году габраист Герман Голланц опубликовал в издательстве Оксфордского университета копию «Сефер мафтеах Шелома», снабдив его своими предисловием и комментариями на английском¹.

Разумеется, за аутентичность текста, а также всех приведенных в этой книге символов и печатей ручаться нельзя. Но многие из представленных в книге рисунков и в самом деле напоминают символы и печати, встречающиеся на охранных амулетах, найденных археологами на территории современного Израиля и датируемых X—VIII веками до н. э. Таким образом, не исключено, что часть этого ивритского варианта «Книги ключей Соломона» и в самом деле дошла до нас из эпохи причастного к мистике и практической эзотерике Соломона.

* * *

Завершая разговор о великих познаниях Соломона в мистике, хочется отметить, что время от времени оживающая версия, что знаменитый перстень-талисман Александра Сергеевича Пушкина якобы принадлежал самому царю Соломону, который был подарен им царице Савской, а она передала его своему сыну Менелику, не выдерживает критики.

Конечно, заманчиво представить Пушкина прямым потомком Соломона и утверждать, что через перстень к собственному поэтическому дару великому русскому поэту передавался и поэтический дар автора «Песни песней», но, увы... этому нет абсолютно никаких подтверждений. Напротив, история перстня с «таинственной» надписью на иврите, который Елизавета Воронцова подарила Пушкину, веря, что на его сердоликовом камне выбита какая-то каббалистическая печать, хорошо известна. Пушкин, будучи человеком суеверным, и в самом деле верил, что этот перстень подстегивает его вдохновение, и постоянно носил его на большом пальце, что было крайне неудобно.

После кончины поэта перстень попал к Василию Андреевичу Жуковскому, а сын последнего передал его Ивану Серге-

¹ См.: *Gollancz H.* [editor]. *Maft'e'ah Shlomo*. London, 1914.

Обложка амстердамского манускрипта «Сефер мафтеах Шеломо» («Книга ключей Соломона»). Оксфордское факсимильное издание 1914 г.

△ 4. 4. 4. 4.

— 4 —

مکرم

евичу Тургеневу, который и попросил отца российской гебраистики Даниила Хвольсона перевести ему выбитую на камне надпись. Как оказалось, надпись гласила «Симха, сын старца рабби Иосифа, да будет благословенна его память», то есть перстень был самой обычной купеческой печатью и, судя по ее форме, был приобретен Воронцовой у местных караимов — адептов еврейской секты, отвергающих Устную Тору (Талмуд).

Есть, правда, версия, что стихотворения «Храни меня, мой талисман» и «Талисман» Пушкин посвятил другому своему «каббалистическому» кольцу — тому самому, которое он на смертном одре подарил Владимиру Далю, но и эта версия опять-таки построена на песке.

Как бы то ни было, Рамбам, вероятно, был прав, когда утверждал, что под «мудростью» Соломона следует понимать его глубокие познания в мистике и философии. Но народ-то судил о мудрости царя прежде всего по его способности вершить справедливый суд и прозорливости его внешней и внутренней политики. И не случайно текст Библии уделяет так много внимания этой стороне его деятельности.

Глава седьмая **СУД ДА ДЕЛО**

Судопроизводство испокон веков считалось у евреев одной из важнейших сфер жизни. Со времен Моисея лидер нации был одновременно и судьей; значительная часть «Пятикнижия» представляет собой изложение тех или иных законов уголовного, гражданского и семейного права и вновь и вновь в той или иной форме провозглашает идею, что справедливый суд представляет собой основу жизнеспособности любого общества и государства. И наоборот: общество, в котором суд вершится не по правде, где процветают произвол и коррупция, неминуемо обречено на вымирание. «Не искривляй суда, не лицепрятствуй, не бери мзды, ибо мзда ослепляет глаза мудрых и извращает слова праведников. К справедливости, справедливости стремись, дабы был ты жив и овладел землей, которую Бог, Бог твой дает тебе!» (Втор. 16:19—20) — говорится в предсмертной речи пророка Моисея.

Отсюда понятно, почему подлинным мерилom мудрости Соломона становятся для народа принимаемые им судебные решения, и почти треть всех легенд о Соломоне так или иначе рассказывает о том или ином судебном прецеденте.

В качестве примера мудрого судебного решения Соломона

Библия приводит широко известную историю о двух иерусалимских блудницах, пришедших к царю с просьбой разрешить их спор о ребенке. Рассказ этот следует сразу после упоминания о возвращении Соломона в Иерусалим из Гаваона, то есть после явленного ему Откровения.

Надо заметить, что проститутка обозначается в иврите словом «зона», что в буквальном переводе означает «насыщающая» и, в принципе, может употребляться и в значении «трактирщица». Видимо, все дело в том, что в древности содержательницы постоянных дворов оказывали своим клиентам и интимные услуги (то есть утоляли и сексуальный голод), и таким образом два этих понятия тесно переплелись между собой. Судя по «Притчам» самого Соломона, в современном ему Иерусалиме представительниц древнейшей профессии (или трактирщиц) хватало, так что удивляться их приходу в царский суд особенно не стоит.

«И сказала одна женщина: о, господин мой! я и эта женщина живем в одном доме; и родила я при ней в этом доме. На третий день после того, как я родила, родила и эта женщина; и были мы вместе, и в доме никого постороннего с нами не было; только мы две были в доме...» (3 Цар. 3:17—18).

Итак, сама истица честно признает, что свидетелей, способных подтвердить ее правоту, нет. Но нет их и у ответчицы, а значит, судье приходится полагаться лишь на их показания. Но тут выясняется, что и сама истица не была свидетельницей преступления, которое она вменяет в вину своей товарке — все ее претензии строятся на практически недоказуемом подозрении:

«...И умер сын этой женщины ночью, ибо она заспала его. И встала она ночью, и взяла сына моего от меня, когда я, раба твоя, спала, и положила его к своей груди, а своего мертвого сына положила к моей груди; утром я встала, чтобы покормить сына моего, и вот, он был мертвый; а когда я всмотрелась в него утром, то это был не мой сын, которого я родила. И сказала другая женщина: нет, мой сын живой, а твой сын мертвый. А та говорила ей: нет, твой сын мертвый, а мой сын живой. И говорили они так пред царем» (3 Цар. 3:19—22).

Скептики обычно говорят, что если одному младенцу был только один день от роду, а другому — три, то достаточно было позвать опытную акушерку, и она точно сказала бы, когда родился живой младенец. Однако этот довод основывается на поверхностном прочтении текста. Разница во времени рождения между младенцами составляла три дня, но из текста вовсе не следует, что женщины явились в суд в тот же день, когда родила ответчица — младенцам мог быть и месяц, и больше.

Определить их возраст на глаз с точностью до одного дня было уже практически невозможно.

И вот дальше и следует знаменитое соломоново решение:

«...И сказал царь: эта говорит: “мой сын живой, а твой сын мертвый”; а та говорит: “нет, твой сын мертвый, а мой сын живой”. И сказал царь: подайте мне меч. И принесли меч царю. И сказал царь: рассеките живое дитя надвое и отдайте половину одной и половину другой. И отвечала та женщина, которой сын был живой, царю, ибо взволновалась вся внутренность ее от жалости к сыну своему: о, господин мой! отдайте ей этого ребенка живого и не умерщвляйте его. А другая сказала: пусть же не будет ни мне, ни тебе — рубите! И отвечал царь, и сказал: отдайте этой живое дитя и не умерщвляйте его, она — его мать. И услышал весь Израиль о суде, как рассудил царь; и стали бояться царя, ибо увидели, что мудрость Божия в нем, чтобы производить суд» (3 Цар. 3:23—28).

Преподаватели юрфаков любят цитировать эту историю на вводной лекции по семейному праву. При этом они обращают внимание студентов, что Соломон, по сути дела, так и не выяснил со стопроцентной точностью, какая из женщин говорила правду, а какая — лгала, то есть какая из них приходилась биологической матерью ребенку. Конечно, вероятность того, что младенец был отдан именно биологической матери, велика, но какая-то доля сомнения в этом все равно остается: в конце концов, истице могла попросту почудиться подмена (она сама признает, что спала), а ответчица могла просто по своей натуре оказаться более жестокосердной, чем истица.

Но в том-то и дело, подчеркивается в этот кульминационный момент лекции, что Соломон вовсе не искал ответа на вопрос, кто из этих двух блудниц — биологическая мать мальчика. Нет, его волновало другое: для кого этот ребенок важнее; какая из женщин будет ему лучшей матерью. Таким образом, Соломон ввел фундаментальный принцип разрешения любых дел, в центре которых находятся дети: судьи в них должны руководствоваться прежде всего интересами ребенка, а не личными интересами тяжущихся сторон¹. И именно в этом, а не в некой особой прозорливости и заключалась мудрость Соломона как судьи.

Как уже было сказано, легенд о суде Соломона довольно много, и значительную их часть, причем довольно близко

¹ Большинство ученых сомневаются в реальности этой истории. Они насчитывают в литературе Древнего Востока как минимум 22 версии легенды, очень напоминающие библейский рассказ о тяжбе двух женщин из-за младенца, причем наиболее ранней считают не еврейскую, а индийскую версию этой легенды.

к первоисточнику, приводит А. И. Куприн в повести «Суламифь». И, думается, стоит напомнить их читателю именно в пересказе мастера...¹

* * *

«Светел и радостен был Соломон в этот день, когда сидел он на троне в зале дома Ливанского и творил суд над людьми, приходившими к нему...

...Первым предстал перед Соломоном со своей жалобой некто Ахиор, ремеслом гранильщик. Работая в Беле Финикийском, он нашел драгоценный камень, обделал его и попросил своего друга Захарию, отправлявшегося в Иерусалим, отдать этот камень его, Ахиоровой, жене. Через некоторое время возвратился домой и Ахиор. Первое, о чем он спросил свою жену, увидевшись с нею, — это о камне. Но она очень удивилась вопросу мужа и клятвенно подтвердила, что никакого камня она не получала. Тогда Ахиор отправился за разъяснением к своему другу Захарии; но тот уверял, и тоже с клятвой, что он тотчас же по приезде передал камень по назначению. Он даже привел двух свидетелей, подтверждавших, что они видели, как Захария при них передавал камень жене Ахиора.

И вот теперь все четверо — Ахиор, Захария и двое свидетелей — стояли пред троном царя Израильского.

Соломон поглядел каждому из них в глаза поочередно и сказал страже:

— Отведите их всех в отдельные покои и запирайте каждого отдельно.

И когда это было исполнено, он приказал принести четыре куска сырой глины.

— Пусть каждый из них, — повелел царь, — вылепит из глины ту форму, которую имел камень.

Через некоторое время слепки были готовы. Но один из свидетелей сделал свой слепок в виде лошадиной головы, как обычно обделывались драгоценные камни; другой — в виде овечьей головы, и только у двоих — Ахиора и Захарии — слепки были одинаковы, похожие формой на женскую грудь.

И царь сказал:

— Теперь и для слепого ясно, что свидетели подкуплены Захарией. Итак, пусть Захария возвратит камень Ахиору и вместе с ним уплатит ему тридцать гражданских сиклей судебных издержек и отдаст десять сиклей священных на храм. Свидете-

¹ Следует помнить, что Куприн использовал в повести не только еврейские, но и славянские (то есть проделавшие долгий путь из индийской в западную мифологию) сказания о царе Соломоне.

ли же, обличившие сами себя, пусть заплатят по пяти сиклей в казну за ложное показание.

Затем приблизились к трону Соломонову три брата, судившиеся о наследстве. Отец их перед смертью сказал им: “Чтобы вы не ссорились при дележе, я сам разделю вас по справедливости. Когда я умру, идите за холм, что в середине рощи за домом, и разорите его. Там найдете вы ящик с тремя отделениями: знайте, что верхнее — для старшего, среднее — для среднего, нижнее — для меньшего из братьев”. И когда, после его смерти, они пошли и сделали, как он завещал, то нашли, что верхнее отделение было наполнено доверху золотыми монетами, между тем как в среднем лежали только простые кости, а в нижнем куски дерева. И вот возникла между меньшими братьями зависть к старшему и вражда, и жизнь их сделалась под конец такой невыносимой, что решили они обратиться к царю за советом и судом. Даже и здесь, стоя перед троном, не воздержались они от взаимных упреков и обид.

Царь покачал головой, выслушал их и сказал:

— Оставьте споры; тяжел камень, весом и песок, но гнев глупца тяжелее их обоих. Отец ваш был, очевидно, мудрый и справедливый человек, и свою волю он высказал в завещании так же ясно, как будто бы это совершилось при сотне свидетелей. Неужели сразу не догадались вы, несчастные крикуны, что старшему брату он оставил все деньги, среднему — весь скот и всех рабов, а младшему — дом и пашню. Идите же с миром и не враждуйте больше.

И трое братьев — недавние враги — с просиявшими лицами поклонились царю в ноги и вышли из судилища рука об руку.

И еще решил царь другое дело о наследстве, начатое три дня назад. Один человек, умирая, сказал, что он оставляет все свое имущество достойнейшему из двух сыновей. Но так как ни один из них не соглашался признать себя худшим, то и обратились они к царю.

Соломон спросил их, кто они по делам своим, и, услышав, что оба они охотники-лучники, сказал:

— Возвращайтесь домой. Я прикажу поставить у дерева труп вашего отца. Посмотрим сначала, кто из вас метче попадет ему в грудь, а потом решим ваше дело.

Теперь оба брата возвратились назад в сопровождении человека, посланного царем с ним для присмотра. Его и спрашивал Соломон о состязании.

— Я исполнил все, что ты приказал, царь, — сказал этот человек. — Я поставил труп старика у дерева и дал каждому из братьев их луки и стрелы. Старший стрелял первым. На расстоянии ста двадцати локтей он попал как раз в то место, где бьется у живого человека сердце.

— Прекрасный выстрел, — сказал Соломон. — А младший?

— Младший... Прости меня, царь, я не мог настоять на том, чтобы твое повеление было исполнено в точности... Младший натянул тетиву и положил уже на нее стрелу, но вдруг опустил лук к ногам, повернулся и сказал, заплакав: “Нет, я не могу сделать этого... Не буду стрелять в труп моего отца”.

— Так пусть ему и принадлежит имение его отца, — решил царь. — Он оказался достойнейшим сыном. Старший же, если хочет, может поступить в число моих телохранителей. Мне нужны такие сильные и жадные люди, с меткой рукою, верным взглядом и с сердцем, обросшим шерстью.

Затем предстали перед царем три человека. Ведя общее торговое дело, нажили они много денег. И вот, когда пришла им пора ехать в Иерусалим, то зашили они золото в кожаный пояс и пустились в путь. Дорогою заночевали они в лесу, а пояс для сохранности зарыли в землю. Когда же они проснулись наутро, то не нашли пояса в том месте, куда его положили.

Каждый из них обвинял другого в тайном похищении, и так как все трое казались людьми очень хитрыми и тонкими в речах, то сказал им царь:

— Прежде, чем я решу ваше дело, выслушайте то, что я расскажу вам. Одна красивая девица обещала своему возлюбленному, отправлявшемуся в путешествие, ждать его возвращения и никому не отдавать своего девства, кроме него. Но, уехав, он в непродолжительном времени женился в другом городе на другой девушке, и она узнала об этом. Между тем к ней посватался богатый и добросердечный юноша из ее города, друг ее детства. Понуждаемая родителями, она не решилась от стыда и страха сказать ему о своем обещании и вышла за него замуж. Когда же по окончании брачного пира он повел ее в спальню и хотел лечь с нею, она стала умолять его: “Позволь мне сходить в тот город, где живет прежний мой возлюбленный. Пусть он снимет с меня клятву, тогда я возвращусь к тебе и сделаю все, что ты хочешь!” И так как юноша очень любил ее, то согласился на ее просьбу, отпустил ее, и она пошла. Дорогой напал на нее разбойник, ограбил ее и уже хотел изнасиловать. Но девица упала перед ним на колени и в слезах молила пощадить ее целомудрие, и рассказала она разбойнику все, что произошло с ней и зачем идет она в чужой город. И разбойник, выслушав ее, так удивился ее верности слову и так тронулся добротой ее жениха, что не только отпустил девушку с миром, но и возвратил ей отнятые драгоценности. Теперь спрашиваю я вас кто из всех троих поступил лучше перед лицом бога — девица, жених или разбойник?

И один из судившихся сказал, что девица более всех достойна похвалы за свою твердость в клятве. Другой удивлялся великой любви ее жениха; третий же находил самым великодушным поступок разбойника.

— Значит, ты и украл пояс с общим золотом, потому что по своей природе ты жаден и желаешь чужого.

Человек же этот, передав свой дорожный посох одному из товарищей, сказал, подняв руки кверху как бы для клятвы:

— Свидетельствую перед Иеговой, что золото не у меня, а у него!

Царь улыбнулся и приказал одному из своих воинов:

— Возьми жезл этого человека и разломи его пополам.

И когда воин исполнил повеление Соломона, то посыпались на пол золотые монеты, потому что они были спрятаны внутри выдолбленной палки; вор же, пораженный мудростью царя, упал ниц перед его троном и признался в своем преступлении.

Также пришла в дом Ливанский женщина, бедная вдова каменщика, и сказала:

— Я прошу правосудия, царь! На последние два динария, которые у меня оставались, я купила муки, насыпала ее вот в эту большую глиняную чашку и понесла домой. Но вдруг поднялся сильный ветер и развеял мою муку. О мудрый царь, кто возвратит мне этот убыток? Мне теперь нечем накормить моих детей.

— Когда это было? — спросил царь.

— Это случилось сегодня утром, на заре.

И тогда Соломон приказал позвать нескольких богатых купцов, которые должны были в этот день отправляться в Финикию через Иаффу. И когда они явились, встревоженные, в залу судилища, царь спросил их:

— Молили ли вы бога или богов о попутном ветре для ваших кораблей?

И они ответили:

— Да, царь! Это так. И богу были угодны наши жертвы, потому что он послал нам добрый ветер.

— Я радуюсь за вас, — сказал Соломон. — Но тот же ветер развеял у бедной женщины муку, которую она несла в чаше. Не находите ли вы справедливым, что вам нужно вознаградить ее?

И они, обрадованные тем, что только за этим призывал их царь, тотчас же набросали женщине мелкой и крупной серебряной монеты...»¹

¹ Куприн А. И. Сочинения: В 3 т. М., 1954. Т. 3. С. 64—69.

Из всех вышеприведенных историй легко заметить основной принцип, на котором основывался Соломон как судья. Он, как правило, не пытался найти некие новые улики или доказательства вины кого-либо из тяжущихся. Свой вердикт он основывал на блестящем знании человеческой психологии и создании такой ситуации, которая бы наиболее ярко высветила ту или иную черту характера людей, которая, по существу, и породила тяжбу. Это умение царя Соломона «читать в человеческих сердцах» и поражало его соплеменников.

Среди преданий о суде Соломона есть и откровенно сказочные, напоминающие нравоучительные притчи. Вот одна из таких историй, приводимая в сборнике мидрашей «Танхума» в пересказе Бялика и Равницкого:

«Шел по полю человек, неся кувшин с молоком. Встретилась ему змея, стонавшая от мучительной жажды.

— О чем стонешь ты? — спросил человек.

— Изнемогаю от жажды, — отвечала змея, — а у тебя что это за кувшин?

— Молоко.

— Дай мне испить молока, я и укажу тебе место, где клад зарыт.

Дал человек змее молока напиться.

— Укажи же мне клад, о котором ты обещала, — сказал человек.

— Следуй за мной, — ответила змея, и, приведя его к одному большому камню, сказала: — Вот, под этим камнем лежит клад.

Сдвинул человек камень, разрыл землю и, достав клад, направился к дому своему. Что же сделала змея? Всползла и обвилась у него вокруг шеи.

— Что это ты делаешь? — закричал человек.

— Умертвить тебя хочу, — отвечала змея, — за то, что ты соковище мое забрал.

— Идем на суд к Соломону, — предложил человек.

— Идем, — сказала змея, но осталась по-прежнему обвитой вокруг шеи его.

Обратился человек с мольбою к Соломону.

— Чего желаешь ты? — спросил Соломон змею.

— Умертвить его.

Отвечал Соломон:

— Прежде всего сойди с шеи его долой: не подобает, чтобы ты распоряжалась им более, нежели я, в то время, как вы судиться ко мне пришли.

Сползла змея на пол.

— Теперь, — сказал Соломон змее, — говори, я слушаю.

— Я требую, — начала змея, — чтобы мне дано было умертвить его, в исполнение сказанного Господом: “Ты будешь жалить его в пятую”.

— А о тебе, — сказал Соломон человеку, — Господом заповедано: “Он будет поражать змею в голову”.

В одно мгновение человек разможил змее голову.

Отсюда — поговорка: “И лучшей из змей голову разможи”...»¹

По мнению же библеистов и историков, прежде всего мудрость Соломона проявилась в его внешней политике, сделавшей единое Израильское царство на несколько десятилетий одним из самых процветающих и влиятельных государств Ближнего и Среднего Востока той эпохи.

Глава восьмая **ДОЧЬ ФАРАОНА**

Историки, относящие правление Соломона ко второй половине X века до н. э., считают, что усиление роли Еврейского государства в этот период связано с временным крушением биполярной политической системы.

В конце XI века Египет и Ассирия сходят на какое-то время со сцены мировой истории. До нового усиления Ассирии проходит более двухсот лет, и Соломон использовал это «безвременье» для превращения своего государства в важнейший центр международной торговли Древнего Востока.

Однако, говоря об ослаблении Египта, не стоит преувеличивать: при всех потрясениях и упадке, которые переживала эта сверхдержава, она отнюдь не утратила своих аппетитов и претензий на господство в регионе. Правда, в годы царствования Давида египтяне не только не предъявляли претензий на территорию усиливающегося Израильского царства, но и со странным равнодушием относились к тому, что его территория все больше разрасталась за счет завоевательных походов. В связи с этим ряд историков полагают, что у Давида были некие тайные договоренности с правителями Египта, которых обе стороны честно придерживались.

Если это и так, то, видимо, после смерти Давида египетский фараон счел себя свободным от всех прежних обязательств, неожиданно бросил свою армию на ханаанский город Гезер и захватил его: «Фараон, царь Египетский, пришел

¹ Бялик Х. Н., Равницкий И. Х. Агада: Сказания, притчи, изречения Талмуда и Мидрашей. С. 153—154.

Царство Давида и Соломона в 1000—925 годах до н. э.

и взял Гезер, и сжег его огнем, и Ханаанеев, живших в городе, побил...» (3 Цар. 9:16).

Гезер упоминается в Библии многократно, и это не удивительно: город располагался на главной торговой магистрали между Египтом и Сирией. Тот, кто контролировал Гезер, контролировал и торговлю между двумя странами.

Раскопки, начатые на территории древнего Гезера в начале XX века, показали, что он был основан в 1600 году до н. э. и сохранял стратегическое значение вплоть до конца Античной эпохи. Стены древнего Гезера были настолько мощны и высоки, что жители этого города-государства чувствовали себя за ними в полной безопасности.

Когда евреи во главе с Иисусом Навином вторглись в Ханаан, Гезер оказался в числе тех немногих городов, которые успешно отбили натиск израильтян и сохранили свою независимость. Столь же мужественно жители города сражались и с попытавшимися их захватить филистимлянами. Правда, после длительной осады, видимо, измученные голодом и жаждой, они согласились стать вассалами царя Гефа, но все равно сохраняли свою автономию. Затем на тех же условиях они согласились признать власть царя Давида¹.

И вот фараон сумел захватить этот, считавшийся неприступным город, сжег его огнем и вдобавок истребил всех его жителей — одних из последних представителей коренного населения Ханаана. Тем самым владыка Египта ясно показал, что намерен подчинить себе и Израильское царство, на троне которого сидел безусый юнец, по его собственному признанию, «не знающий ни выхода, ни входа». Гезер был, по сути дела, последней серьезной преградой на пути египетской армии в Иерусалим.

Так в воздухе Ближнего Востока явственно запахло новой войной.

Разумеется, Соломон мог принять брошенный ему вызов, провести мобилизацию резервистов, выставить армию, почти не уступающую по численности египетской, и противостоять агрессору. Но он неожиданно для всех избрал совершенно иной путь, которому до него в подобной ситуации никто не следовал. Не побоявшись, что и свои, и враги воспримут это как проявление слабости (а именно так это обычно и воспринималось на Востоке), Соломон отправился на переговоры с фараоном².

¹ См.: Энциклопедия Танаха: В 4 т. Иерусалим, 1987. Т. 1. С. 151—152.

² Ученые, ставящие под сомнение выдающийся ум Соломона и считающие, что на самом деле он был весьма недалеким политиком, напоминают, что после того, как Соломон казнил Иоава, бывшего самым опытным

Итоги этих переговоров оказались поистине поразительными: фараон дал Соломону в жены свою дочь и... руины Гезера в приданое, что открывало перед евреями огромные возможности в качестве торговых посредников между Египтом и всей Передней Азией. Выходило, что если бы Соломон вышел на войну, то, возможно, одержал бы победу, но Египет в этом случае все равно остался бы врагом и войны с ним повторялись бы раз от разу. А так Соломон приобрел могущественного союзника, причем не только не пошел на какие-либо уступки, но и получил для себя и государства в целом немалые экономические выгоды.

Конечно, было бы очень заманчиво сочинить на основе всего этого какую-либо романтическую историю. К примеру, о том, как юный и прекрасный еврейский царь прибывает к дворцу могущественного владыки Египта; во время устроенного в честь него приема он встречается глазами со столь же юной и прекрасной дочерью фараона. Ну и, само собой, между молодыми людьми вспыхивает столь сильное чувство, что принцесса на коленях умоляет отца выдать ее замуж за иностранного гостя.

Но истина заключается в том, что мы не знаем и уже, видимо, никогда не узнаем доподлинную историю, как царь Соломон стал зятем фараона. Вместе с тем, вероятнее всего, о любви в данном случае речи не шло: это был самый обычный мезальянс, из которого каждая из сторон намеревалась извлечь определенные экономические и военные выгоды.

Более того: по всей видимости, дочь фараона была к тому времени так мала, что настоящая свадьба и первая брачная ночь молодых состоялась лишь после строительства Иерусалимского храма, то есть спустя 7—8 лет после официального объявления об этом браке.

Но самое удивительное в рассказе о женитьбе Соломона на дочери фараона заключается в том, что ни до, ни после Соломона ни в одном историческом источнике не упоминается о случаях, когда фараоны отдавали своих дочерей замуж за чужеземцев — судя по всему, такой брак считался у египтян запретным. А потому нам остается только гадать, что предпринял Соломон на переговорах, на какие ухищрения он пустился, чтобы сблизиться с правителем Египта настолько, что тот решил переступить через это табу.

и прославленным еврейским полководцем, а также сменил верхушку армии, последняя в значительной степени утратила свою боеспособность. Таким образом, устранив опасность мятежа, Соломон одновременно нанес удар по обороноспособности страны. Сознывая это, он и решил предпочесть войне переговоры.

Кстати, именно в рассказе о браке Соломона с дочерью фараона многие историки видят подтверждение того, что время правления Соломона пришлось на первую половину X века до н. э.

Далее в Библии говорится, напоминают они, что спустя несколько десятилетий после брака Соломона с принцессой Египта новый фараон, которого автор Третьей книги Царств называет Сусаким (Шашук), отверг все прежние договоры и объявил войну Израилю. Но достаточно заглянуть в учебники истории Египта, чтобы узнать, что в 957 году до н. э. скончался последний фараон «слабой и ничтожной»¹ XXI династии Сиамун, и в 945 году до н. э. власть над страной перешла к первому фараону XXII династии Шешонку I.

У сторонников такой системы датировки нет сомнений, что Шешонк I и есть тот самый Сусаким (фонетическая переключка этих имен очевидна), о котором говорит Библия. Следовательно, фараоном, отдавшим за Соломона свою дочь, был именно Сиамун. Но если Шешонк I не был связан с Соломоном никакими родственными узами и обязательствами, то почему он выжидал больше двадцати лет, чтобы напасть на своего северного соседа, и в итоге сделал это лишь спустя несколько лет после смерти Соломона и раскола его царства? Опасался, что может проиграть войну? Что ж, есть и такое мнение — его придерживаются те, кто считает тестем Соломона именно Сиамуна.

Но в «Истории Древнего Египта» Брестеда и Тураева высказывается принципиально иная точка зрения.

«При энергичном Шешонке, — пишут эти авторы, — иностранная политика Египта приняла более агрессивный характер, и ее долгое время остававшиеся чисто формальными претензии на Палестину стали теперь осуществляться фактически. Соломон был, очевидно, египетским вассалом и, может быть, получил в жены одну из дочерей фараона; его территорию египетский сюзерен увеличил, подарив ему значительный город Гезер. В последний раз мы слышим об этом городе в царствование Мернептаха триста лет назад; не будучи никогда покорен израильтянами, он перешел во власть Соломона как дар Шешонка после того, как последний, подавляя восстание местного ханаанского правителя, взял и сжег город, впоследствии заново отстроенный новым господином. Фараон, с которым приходилось иметь дело Соломону, фараон, бравший и сжигавший сильно укрепленные города в Палестине, подобно Гезеру, не мог быть одним из выродившихся царей конца XXI династии, но энергичным правителем, восстановившим египетское владычество в Палестине, и мы не знаем

¹ Брестед Д., Тураев Б. История Древнего Египта: В 2 т. Минск, 2002. Т. 2. С. 126.

иного царя той эпохи, более отвечающего этим данным, как Шешонк I. После разделения еврейского царства при преемнике Соломона Ровоаме Шешонк I, уже приютивший бежавшего Иеровоама, северного противника Ровоама, счел момент благоприятным, чтобы сделать свои притязания в Палестине неоспоримыми, и в пятый год правления Ровоама, вероятно, около 926 года до н. э., фараон вторгся в Палестину»¹.

Если тестем Соломона и в самом деле был Шешонк I, это отодвигает брак Соломона с египетской принцессой во вторую половину его царствования и заставляет усомниться в версии классической еврейской историографии, что свадьба Соломона с дочерью фараона состоялась вскоре после завершения строительства Храма. Впрочем, в данном случае речь идет не более чем об устном предании. Версия же Брестеда — Тураева связывает дату этого брака с датой постройки Соломоном своего дворца и специального дома для супруги-египтянки, а это и в самом деле могли быть взаимосвязанные события. Кроме того, египтологи сами признают, что с точной датировкой правления XXI и XXII династий есть немало сложностей, ни одну из называемых дат этого периода истории Египта нельзя однозначно принимать на веру.

Сторонники классической еврейской хронологии отнюдь не спешат принять подобные доводы. Во-первых, они также ссылаются на путаницу в датировке египетской истории и утверждают, что именно из-за этой путаницы и попытки «привязать» хронологию Древнего Египта к хронологии еврейской истории и возникают все противоречия.

Кроме того, они убеждены, что с тем же успехом фараоном, нанесшим удар по Израилю, мог быть и Шешонк III. Тогда тестем Соломона был живший в IX веке до н. э. фараон XXII династии Такелот II. Но Такелот II — по общепринятой хронологии — был современником Салманасара III, а значит, опять концы не сходятся с концами.

Но, споря о датировке, историки сходятся во мнении, что, вероятнее всего, Соломон и в самом деле стал первым и последним чужеземным царем, который получил в жены дочь фараона. Только с учетом реальности этого брачного союза можно объяснить как долгий период мира на границе Египта и Израильского царства, так и многие другие события той эпохи.

* * *

Брак с египетской принцессой, по мнению историков, позволил Соломону в кратчайший срок совершить самую настоящую революцию во внешней торговле на Ближнем Востоке.

¹ Там же. С. 128.

Никто никогда не оспаривал, что именно через территорию Израильского царства проходил магистральный путь торговли между Африкой и Азией. Однако сами евреи в этой торговле не участвовали. Больше того — считали ее низким и недостойным уважающего себя человека занятием. Они предпочитали жить земледелием и скотоводством, продавая плоды своего труда в руки проходящих через их земли египетских и финикийских купцов или обращаясь к перекупщикам-хананеям¹, к которым относились с крайним презрением.

Но, заключив союз с фараоном, Соломон одним махом поменял правила игры. По всей видимости, договор между ними включал целый ряд пунктов, касающихся как статуса дочери владыки Египта, так и военных, торговых и дипломатических отношений между странами. Судя по всему, Соломон дал обязательство, что дочь фараона будет считаться его «главной женой» и проживать она будет не в общем гареме, а в специально выстроенном для нее доме. Предусматривал договор и право египтян на бесполовинный экспорт и импорт товаров из Израильского царства, и открытие в Иерусалиме специального постоянного двора для египетских купцов (который одновременно мог быть и дипломатической миссией). Но взамен Соломон, очевидно, получал монополию на импорт из Египта знаменитых, лучших на тот момент в мире египетских колесниц, о чем Библия сообщает всего в двух фразах:

«Коней же царю Соломону приводили из Египта и из Кувы; царские купцы покупали их из Кувы за деньги. Колесница из Египта получаема и доставляема была за шестьсот сиклей серебра, а конь за сто пятьдесят. Таким же образом они руками своими доставляли все это царям Хеттейским и царям Арамейским» (3 Цар. 10:28—29).

Библейская Кува (Кевэй) — это не что иное, как Киликия. Таким образом, Соломон через находившихся у него на службе профессиональных торговцев («царских купцов») вывозил из Египта колесницы и продавал их хеттам и сирийцам, то есть на территорию современных Сирии и Турции, а у хеттов покупал лошадей и импортировал их в Египет² и ту же Сирию. А так как речь шла о самых дорогих в ту эпоху товарах, то дивиденды от подобных торговых операций были поистине огромны.

¹ Чрезвычайно показательно в этом смысле то, что в «Притчах» Соломоновых торговцев обозначается словом «кнаани» — «хананей», или «ханаанеянин», то есть национальность в данном случае обозначала и профессию.

² Египет, безусловно, имел своих лошадей, причем высоко ценившихся во всем Древнем мире, но они были значительно дороже киликийских.

Размах этой торговли был таков, что вскоре Соломону пришлось основать в Египте небольшую еврейскую колонию, положившую начало еврейской диаспоре в этой стране. Так, спустя несколько столетий после своего исхода из Египта евреи снова туда вернулись — «благодаря» царю Соломону.

Еще одним источником пополнения казны стало введение таможенных пошлин со всех проходящих через Израильское царство купцов, которых все переводчики почему-то называют «разносчиками товаров»: «...сверх того, что получаемо было от разносчиков товара и от торговли купцов, и от всех царей Аравийских, и от областных начальников» (3 Цар. 10:15).

Но слово «рохлим» правильнее перевести не как «разносчики товаров», а как «транспортировщики» или «перевозчики». То есть речь, видимо, идет об оптовых транзитных купцах, перевозивших крупные партии товара из одной страны в другую и сразу же по приезде сдававших их в руки перекупщиков. Царь Давид, судя по всему, таможенными сборами их не обкладывал, но вот его сын быстро сообразил, что эти налоги могут приносить доходы, вполне сопоставимые с теми, что приносит сельское хозяйство страны.

Что касается «царей Аравийских», то большинство историков сходятся во мнении, что под ними следует понимать правителей государств, живущих «по ту сторону реки Евфрат», которые, видимо, сами раз в год платили налог за право своих купцов вести транзитную торговлю через Израильское царство. Правда, официально это называлось не налогом, а «подарками», а поводом для их преподнесения объявлялось желание встретиться с Соломоном и насладиться его мудростью. «Царь Соломон превосходил всех царей земли богатством и мудростью. И все цари на земле искали видеть Соломона, чтобы послушать мудрости его, которую вложил Бог в сердце его. И они подносили ему каждый от себя в дар сосуды серебряные и сосуды золотые, и одежды, и оружие, и благовония, коней и мулов, каждый год» (3 Цар. 10: 23—25).

Одновременно в этот период резко увеличился импорт товаров, производимых в Израильском царстве, в Египет, Тир и другие соседние страны. В основном это, разумеется, были продукты сельского хозяйства — крупный и мелкий рогатый скот, пшеница, рожь, мед, оливковое масло и т. д. Все это пополняло доходы как еврейских купцов, так и простых пастухов и земледельцев. Значение же импорта израильских товаров для Египта было таково, что, судя по дошедшим до нас письменным источникам, для обозначения меда, оливкового масла и вина египтяне использовали в ту эпоху ивритские слова.

Еще одним важным шагом, предпринятым Соломоном в области внешней политики, стало укрепление союза с царем Тира (Цора) Хирамом. Хирам¹ в свое время был первым царем, который сразу после воцарения Давида в Иерусалиме направил к нему делегацию с богатыми дарами и пожеланиями мира и благополучия его царству. Впоследствии он прислал к Давиду зодчих, построивших его дворец в Иерусалиме в характерном финикийском стиле.

Судя по всему, уже при жизни Давида между Тиром и Израильским царством существовали торговые контакты. Вдобавок Давид с его мощной армией выступал в качестве союзника и гаранта безопасности Тира, обеспечивая неприкосновенность границ и никогда не пытаясь посягнуть на независимость последнего.

Узнав о смерти Давида и воцарении Соломона, Хирам поспешил отправить посольство в Иерусалим. Гости из Тира, с одной стороны, должны были выразить Соломону соболезнования, а с другой — получить подтверждение, что новый царь останется верным союзу, заключенному с его отцом: «И послал Хирам, царь Тирский, слуг своих к Соломону, когда услышал, что его помазали в царя вместо отца его; ибо Хирам был другом Давида во всю жизнь...» (3 Цар. 5:1).

Таким образом, Хирама, видимо, вполне устраивал уровень взаимоотношений между двумя странами, сложившийся при жизни Давида — что и было подчеркнуто словами «потому что Хирам всегда любил Давида».

Однако у Соломона были по поводу Хирама несколько иные, поистине грандиозные планы. В первую очередь они, разумеется, касались выполнения завещания Давида о строительстве в Иерусалиме общенационального Храма. Соломон быстро понял, что, несмотря на оставленные ему отцом огромные богатства, у него не было ни столь необходимой для такого грандиозного строительства древесины, ни — самое главное — высококвалифицированных специалистов. Евреи той эпохи, увы, не обладали большим опытом в строительстве и за несколько столетий пребывания в обетованной им земле так ничему и не научились в этой области. Самое большее, на что их хватало — это на возведение одноэтажных каменных построек. Даже двухэтажные дома были редкостью. Так как почти все строительство велось из камня, а дерево (обычно хворост) использовалось

¹ Судя по всему, имя Хирам было одним из самых распространенных имен тирских царей. Не исключено, что Хирам, с которым пришлось иметь дело Соломону, был сыном того Хирама, который правил Тиром во времена Давида.

лишь для отопления домов, то и лесорубами евреи были никакими.

Но все это — и древесина, и профессиональные лесорубы, и искусные плотники и строители — было у Хирама. Соломон был готов щедро платить за их услуги, что и должна была донести до слуха царя Тира направленная к его двору ответная делегация. Причем, судя по всему, произошло это спустя несколько лет после воцарения Соломона; возможно, даже после объявления о его женитьбе на дочери фараона — когда Соломон почувствовал, что его власть окончательно упрочилась и теперь он может сосредоточиться на исполнении своей миссии.

«И послал также и Соломон к Хираму сказать: ты знаешь, что Давид, отец мой, не мог построить дом имени Господа Бога своего по причине войн с окрестными народами, доколе Господь не покорил их под стопы ног его; ныне же Господь Бог мой дал мне покой отовсюду: нет противника и нет более препон; и вот, я намерен построить дом имени Господа Бога моего, как сказал Господь отцу моему Давиду, говоря: “сын твой, которого Я посажу вместо тебя на престоле твоём, он построит дом имени Моему”; итак, прикажи рубить для меня кедров с Ливана; и вот, рабы мои будут вместе с твоими рабами, и я буду давать тебе плату за рабов твоих, какую ты назначишь; ибо ты знаешь, что у нас нет людей, которые умели бы рубить деревья так, как Сидоняне» (3 Цар. 5:2—6).

Хирам тут же оценил всю выгоду предлагаемой ему сделки. Так между двумя монархами завязалась оживленная деловая переписка, пересыпаемая взаимными восхвалениями вперемежку с вежливыми отказами и продолжавшаяся до тех пор, пока они не сошлись в цене:

«Когда услышал Хирам слова Соломона, очень обрадовался и сказал: благословен ныне Господь, Который дал Давиду сына мудрого для управления этим многочисленным народом! И послал Хирам к Соломону сказать: я выслушал то, за чем ты посылал ко мне, и исполню все желание твое о деревьях кедровых и деревьях кипарисовых; рабы мои свезут их с Ливана к морю, и я плотами доставлю их морем к месту, которое ты назначишь мне, и там сложу их, и ты возьмешь; но и ты исполни мое желание, чтобы доставлять хлеб для моего дома. И давал Хирам Соломону деревья кедровые и деревья кипарисовые, вполне его желанию. А Соломон давал Хираму двадцать тысяч коров пшеницы для продовольствия дома его, двадцати коров оливкового выбитого масла: столько давал Соломон Хираму каждый год» (3 Цар. 5:7—11).

Вторая книга Паралипоменон уточняет, что посылаемая Соломоном в Тир сельскохозяйственная продукция шла не только на нужды самого Хирама, но и на оплату труда его лесорубов.

При этом в нем приводятся несколько другие цифры: «И вот двосекам, рубящим дерева, рабам твоим, я даю в пишу: пшеницы двадцать тысяч коров, и ячменю двадцать тысяч коров, и вина двадцать тысяч батов, и елея двадцать тысяч батов» (2 Пар. 2:10).

Таким образом, если переводить древнееврейские меры веса и объема в современную метрическую систему, Соломон ежегодно посылал Хираму по 3,6 тысячи тонн пшеницы и ячменя и по 440 тысяч литров вина и оливкового масла.

Цифры эти, согласитесь, впечатляют.

«Господь дал мудрость Соломону, как обещал ему. И был мир между Хирамом и Соломоном, и они заключили между собою союз» (3 Цар. 5:12), — сообщает далее Библия.

Таким образом, Тир и Израильское царство при Соломоне связывал не только мирный договор, заключенный еще Давидом, но и торгово-экономический союз. Причем Библия однозначно оценивает заключение Соломоном этого союза как еще одно проявление его государственной мудрости.

* * *

Соломон использовал этот союз в первую очередь для превращения своего царства в морскую державу — ведь тирийцы, как и жители других финикийских городов, были искусными мореходами, в то время как израильтяне, имевшие выход как в Средиземное, так и в Красное море, довольствовались в ту эпоху в лучшем случае ловлей рыбы у берегов.

Соломон задумал с помощью финикийских союзников создать торговый флот на Средиземном и Красном морях — и реализовал эту свою мечту: «Царь Соломон также сделал корабль¹ в Ецион-Гавере, что при Елафе, на берегу Чермного моря, в земле Идумейской. И послал Хирам на корабле своих поданных, корабельщиков, знающих море, с подданными Соломоновыми; и отправились они в Офир, и взяли оттуда золота четыреста двадцать талантов, и привезли царю Соломону» (3 Цар. 9:26—28).

Из этого текста ясно видно, что морской порт в районе современного израильского города Эйлата и корабли на его причале строились финикийскими мастерами на средства Соломона, а экипажи на кораблях были смешанными — начинающие еврейские моряки выступали в роли учеников у своих многоопытных финикийских компаньонов. Хотя в ряде случаев, вероятно, весь экипаж составляли финикийцы, а Соломон лишь финансировал строительство корабля и само плавание, получая за это свою долю с привезенных на судне товаров.

Страна Офир упоминается в Библии достаточно часто, как,

¹ Йосифон здесь и далее переводит не «корабль», а «флот».

впрочем, и Фарсис (Таршиш) — еще одно место, куда Соломон и Хирам отправляли морские экспедиции за золотом, да и не только за золотом: «...ибо корабли царя ходили в Фарсис с слугами Хирама; и в три года раз возвращались корабли из Фарсиса и привозили золото, и серебро, слоновую кость и обезьян, и павлинов» (2 Пар. 9:21).

Итак, главным товаром, который эти совместные еврейско-финикийские экспедиции привозили из Офира и Фарсиса, было золото. Причем золото в невероятных количествах: 420 талантов — это 14,4 тонны золота. Даже если предположить, что речь идет о количестве золота, привезенном всеми отправленными Соломоном экспедициями¹, эта цифра все равно впечатляет.

Даже если допустить, что автор Третьей книги Царств сильно преувеличил и на самом деле золота было доставлено в десять раз меньше, его количество остается внушительным.

Так что не стоит удивляться тому, что на протяжении столетий многие историки, географы и любители приключений ломали голову над тем, где же находятся Офир и Фарсис — это Эльдorado царя Соломона?

Версии при этом выдвигались самые разные. Вплоть до того, что в пику Туру Хейердалу высказывалась гипотеза, что это не египтяне, а древние израильтяне и финикийцы совершали экспедиции в Америку и привозили оттуда золото. Надо признать, что необычайно устойчивые, обладавшие большой грузоподъемностью финикийские суда теоретически делали такое плавание возможным. Сама его общая продолжительность — три года — также навеивает мысль об американском континенте. Но эта гипотеза мгновенно разбивается вдребезги, если вспомнить, что в Америке нет ни слоновой кости, ни павлинов, ни обезьян, которые также доставлялись вместе с золотом из Офира.

В конце XIX — начале XX века было принято считать, что Офир находится в Родезии.

«В 1871 году немецкий ученый Карл Маух случайно обнаружил в Родезии область, лежащую в руинах. Через пятнадцать лет Стейнбек из Южной Африки при раскопках в пяти милях южнее нашел дохристианские сооружения для горнодобывающей промышленности, которые, как полагали, были соединены с храмовым городом. Пробы камней показали, что здесь, скорее всего, добывали серебро и золото. В 1910 году

¹ Так как экспедиции отправлялись раз в три года, то за 40 лет правления Соломона их не могло быть больше двенадцати-тринадцати. Если учесть, что строительство флота было начато ими не сразу, на него потребовалось время, а в последние годы царствования экспедиции в Офир были прекращены вообще, то их было не больше девяти.

известный немецкий исследователь Африки д-р Карл Петерс сфотографировал на этом месте образцы резьбы по камню, и ученые нашли в их характере финикийское влияние», — объясняет происхождение этой гипотезы Вернер Келлер¹.

Но очень скоро стало ясно, что данная версия тоже малоубедительна. Постепенно многие исследователи стали склоняться к тому, что под Офиром в Библии понимается вся Африка — отсюда и созвучие этих слов. Но это не снимало вопроса о точном местонахождении той страны, из которой Соломону и Хираму доставляли золото в столь поражающих воображение количествах.

Весьма интересную версию о местонахождении Офира предложил Александр Снисаренко, поместивший его на территории современной Эритреи. «Известно, что часть северо-восточного побережья Африки — Эритрея с прилегающим архипелагом Дахлак — называлась “страной Афер” (здесь возможна этимологическая связь со словом Африка), а ее жители — аферами или афарами (народность данакиль). Не это ли Офир Соломона, Пунт египтян? Здесь была одна из самых крупных перевалочных баз для товаров, привозившихся со всех концов света. Другим таким же международным рынком были Бахрейнские острова, расположенные точно так же относительно Аравии, как Дахлак — относительно Африки...»²

Снисаренко так же пытается найти ответ на другой, не менее важный вопрос: а что же везли для обмена на золото корабельщики Соломона и Хирама — ведь было бы наивным предполагать, что они получали его даром? Причем в данном случае версия Снисаренко выглядит весьма убедительно.

«Известно также, — пишет он, — что древние предпочитали строить корабли из кедра; на это есть много указаний в памятниках Востока... В Африке кедра мало — он растет преимущественно в горах Атласа, на другом конце континента. А он был нужен: наивно было бы думать, что жители Пунта (или Офира), морской страны, сидели бы на своих сокровищах и дожидались бы, когда кто-нибудь явится за ними из-за моря. Аферы нуждались в кедре, чтобы строить корабли для связи со своими островными владениями и для торговли. Торговлю кедром в Северо-Восточной Африке можно уподобить торговле водой в пустыне!»³

Вода, как известно, ценится в пустыне на вес золота — вот и купцы Соломона и Хирама в обмен на доставленный в Офир лес получали золото.

Сегодня большинство библеистов считают, что Офир рас-

¹ Келлер В. Библия как история. М., 1998. С. 236.

² Снисаренко А. Б. Властители античных морей. М., 1986. С. 102.

³ Там же. С. 102.

полагался в современном Сомали, бывшем в ту эпоху одним из крупнейших центров международной торговли. На это указывает и набор привозившихся из Офира товаров, характерных именно для Восточной Африки — золото, серебро, слоновая кость, павлины, обезьяны. Что касается продолжительности экспедиции, то слова о том, что корабли приходили из Фарсиса раз в три года, не следует понимать буквально. Келлер приводит по этому поводу мнение профессора Олбрайта, считавшего, что «...флот мог отплывать из Ецион-Гавера в ноябре или декабре и возвращаться на третий год в мае или июне. Это давало возможность избежать летней жары. Путешествие, таким образом, длилось не больше восемнадцати месяцев».

Немалые споры шли (и идут до сих пор) и по поводу местонахождения Фарсиса. Одни исследователи полагали, что он находился на западной оконечности Испании, другие, опираясь на Иосифа Флавия, располагали его в Киликии, на территории современной Турции. Известный исторический географ Рихард Хенниг считал, что Фарсис и Офир — это одно и то же место, причем высказывал предположение, что далеко не все путешествия в Офир были для кораблей Тира и Соломона одинаково удачными. «Только экспедиция при царе Соломоне принесла неисчислимые богатства; о других плаваниях ничего подобного не сообщается»¹, — констатирует Хенниг.

Как мы увидим дальше, отношения между Соломоном и Хирамом отнюдь не были безоблачными. Но Хенниг, безусловно, прав, когда говорит, что это был подлинно взаимовыгодный союз: Соломон, благодаря тирянам, начал постепенно превращать свое еще очень молодое государство в морскую державу, а Хирам, благодаря Соломону, получил свои порты на Красном море, к которому раньше у него не было выхода. И не только порты, но и возможность беспопытного подвоза к ним товаров.

* * *

В еврейских народных сказках добрые отношения Соломона со своими «коллегами» — царями различных государств — объясняются тем, что он не только принимал их у себя в Иерусалиме, но и всегда был готов услужить им и прийти на помощь.

Такова, к примеру, сказка о том, как однажды тяжело заболел царь Персии и врачи объявили, что вылечить его может только львиное молоко. Но у кого хватит смелости подоить львицу? Поняли придворные царя, что невозможно достать это лекарство, и стали ждать его кончины.

¹ Хенниг Р. Неведомые земли: В 4 т. М., 1961—1962. Т. I. С. 56.

Узнав об этом, царь Соломон призвал к себе главнокомандующего своей армией, верного богатыря Ванею. Царь научил его, как достать львиное молоко, и тот отправился в путь вместе с несколькими слугами и стадом коз.

Обнаружив в пещере львиное логово, в котором молодая львица кормила своих детенышей, Ванея спрятался между деревьями и выпустил первую козу. Львица тотчас же выскочила из пещеры, разорвала козу и довольная унесла ее к себе.

На следующий день Ванея приблизился к логову на несколько шагов и снова выпустил козу — к вящему удовольствию львицы. Так он каждый день подходил к логову все ближе и ближе, постепенно приучая к себе львицу, пока, наконец, та не стала есть с его рук и давать себя гладить, а затем позволила себя и подоить.

С флаконом львиного молока Ванея поспешил к Соломону, и тот немедленно послал гонца с лекарством к царю Персии. В пути гонец заночевал, и приснилось ему, что разные части его тела поспорили о том, кто важнее.

— Мы важнее всех! — заявили ноги. — Ведь если бы не мы, кто бы принес царю львиное молоко?!

— Нет, мы важнее всех, — сказали руки, — ведь это мы несем молоко для царя!

— А как бы вы без нас увидели, куда надо идти?! — вмешались глаза.

Так они спорили и спорили, пока вдруг не произнес язык:

— Что тут обсуждать?! Разумеется, важнее всех — это я! Все вы от меня зависите. Ведь это я скажу царю, что именно находится во флаконе!

Тут все органы начали громко возмущаться языком.

— Да кто ты такой?! — закричали они. — Сиди себе во рту и не высовывайся.

— Что ж, — ответил язык, — завтра вы все убедитесь в моей правоте.

На следующий день гонец прибыл во дворец персидского царя, и когда он сообщил, что является посланником Соломона, его немедленно допустили в тронный зал.

— Ваше величество! — сказал гонец. — Царь Соломон велел передать вам... сучье молоко.

Разумеется, гонец хотел сказать «львиное молоко», но язык его почему-то не слушался.

Между тем персидский царь пришел от этих слов в такую ярость, что велел немедленно повесить посланника Соломона.

Схватила его стража и поволокла на виселицу. Тут руки и ноги его задрожали, в глазах потемнело, и взмолились все органы к языку:

— Сделай же что-нибудь! Спаси нас от смерти!

— А вы признаете, что я важнее всех вас? — спросил язык.

— Признаем, признаем! — завопили все части тела, а тем временем гонца уже поставили на эшафот.

— Ваше величество! — закричал посол, обращаясь к царю Персии. — Я прошу последнего слова!

— Хорошо, говори! — смиростивился царь.

— Ваше величество, я хотел бы узнать, за что вы меня казните?

— Как за что?! Как посмел ты принести мне собачье молоко?!

— Да оно не собачье, а львиное! — закричал посол. — Просто у нас и львицу, которая только окотилась, тоже называют «сукой»!

Тут же царь велел отменить казнь, выпил львиное молоко — и выздоровел. А выздоровев, щедро наградил посла и с богатыми подарками отправил в Иерусалим, к царю Соломону.

Вот откуда поговорка «и жизнь, и смерть — от языка»¹.

* * *

То, что все рассказанное выше — не более чем сказка, очевидно.

Но не является ли тогда сказкой или, если угодно, мифом и весь остальной рассказ Библии о царе Соломоне? Уже цитировавшиеся нами израильские историки Исраэль Финкельштейн и Нил Ашер-Сильверман убеждены, что так оно и есть.

По их мнению, в X—IX веках до н. э. подобный размах международных связей для древнего Израильского царства был попросту невозможен. Более того — мы не знаем, как на самом деле звали царя Тира в этот период, и нет никаких сведений о его союзе с Израилем.

Зато, утверждают далее Финкельштейн и Ашер-Сильверман, подлинный экономический расцвет и резкая интенсификация международных торговых связей произошла при другом еврейском царе — Манассии (Менаше, 698—642 годы до н. э.). Именно при Манассии оживилась торговля с Египтом и Передней Азией; именно в период Манассии Тиром правил царь по имени Хирам. Наконец, Манассия был известен своим либерализмом по отношению к идолопоклонству, а этот грех также приписывают Соломону.

Таким образом, следует вывод, все библейские тексты, рассказывающие о Соломоне, были написаны гораздо позже и прототипом Соломона послужил царь Манассия. При этом версию своих оппонентов, что Хирамами звали многих тирс-

¹ Сказка, вероятно, родилась как аллюзия на знаменитые слова «Притчей»: «Смерть и жизнь во власти языка, и любящие его вкусят от плодов его» (18:21). Мистики, разумеется, видят в этих словах еще более глубокий смысл.

ких царей, и потому монархи, правившие этим городом в период Соломона и в период Манассии, были тезками, Финкельштейн и Ашер-Сильверман считают натянутой¹.

Но, тем не менее, существует и немало археологических находок, подтверждающих правдивость этих страниц Библии. Кроме того, Флавий в «Иудейских древностях» приводит выдержки из переписки Хирама и Соломона и далее пишет: «И до сего дня сохранились копии этих писем не только в наших (священных. — *П. Л.*) книгах, но и в летописях жителей Тира, так что если кто захочет убедиться в этом воочию, то ему стоит лишь вступить по этому поводу в соглашение с казенными хранителями архива в Тире, и он найдет, что их данные вполне соответствуют нашим»².

То есть Флавий утверждает (и никакого смысла придумывать это у него не было), что документальных доказательств союза между Соломоном и Хирамом в его эпоху было более чем достаточно. Другое дело, что за два разделяющих нас от Флавия тысячелетия над миром пронесли такие суровые бури, что эти доказательства попросту не дошли до наших дней.

Таким образом, последняя точка в споре между сторонниками так называемой библейской критики и приверженцами историчности библейского повествования еще не поставлена. А потому давайте пока продолжим рассказ об основных достижениях царя Соломона так, как их представляет Библия.

Глава девятая

ХОЧЕШЬ МИРА — ГОТОВЬСЯ К ВОЙНЕ

Женитьба на дочери фараона и налаживание связей с Египтом и Киликией позволили Соломону создать в своей армии два новых рода войск — конницу и колесницы.

«И было у Соломона четыре тысячи стойл для коней и колесниц и двенадцать тысяч всадников; и он разместил их в городах колесничих и при царе в Иерусалиме» (2 Пар. 9:25).

Третья книга Царств приводит более подробные данные: «...у него было тысяча четыреста колесниц и двенадцать тысяч всадников» (3 Цар. 10:26).

Флавий дает куда более грандиозные цифры: «Кроме того, у Соломона было такое множество колесниц, что у него имелось сорок тысяч стойл для упряжных лошадей. Помимо последних, он имел двенадцать тысяч верховых коней, из кото-

¹ См.: Финкельштейн И., Сильверман Н. Давид и Соломон: Между исторической реальностью и мифом. Тель-Авив, 2006.

² Иосиф Флавий. Иудейские древности. С. 323.

рых половина всегда находилась в распоряжении царя в самом Иерусалиме, а остальные были распределены по отдельным царским поместьям»¹.

Как известно, Давид до конца жизни избегал создания конницы. Даже когда ему доставались тысячи коней в качестве добычи, он велел их калечить и затем использовать исключительно в качестве тягловой силы; еврейская же армия продолжала состоять только из пехоты. Не исключено, что этот консерватизм Давида строился на извечном еврейском нежелании в чем-либо уподобляться другим народам, и прежде всего — египтянам, у которых евреи когда-то были рабами. Тем не менее Давид все же оставил себе сто колесниц из тысячи захваченных им у арамейского царя Адраазара.

Соломон же вообще был чужд консерватизма; того, что он считал, видимо, «предрассудками предков». Ему было понятно, что колесницы составляют мощную силу, без которой не могла существовать современная ему армия, а потому колесницы и появились в израильской армии в первые же годы правления Соломона.

Тогда же для них стали создавать необходимую инфраструктуру — казармы, конюшни, кузницы и мастерские для ремонта, ветеринарную службу и т. д. Появление конницы в итоге привело к тому, что Соломон изменил стратегическую концепцию армии Израильского царства в целом.

«...Соломон следовал принципу, по которому лучшая оборонительная стратегия заключается не в прикреплении большей части своих войск к строгой или непрерывной линии защитных сооружений и преград, а в создании сильной, гибкой и высоко маневренной наступательной силы, которая может нанести удар по любому агрессору с одной из баз, расположенных в стратегически важных пунктах. Основной стратегической силой Соломона в его системе обороны были колесницы. Из Библии и других источников мы узнаем не только то, что колесничих обучали действовать совместно с пехотой, но и что существовали специально отобранные пешие воины, библейские «скороходы», которые оказывали поддержку колесницам и развивали их успех. Таким образом, они сильно напоминали современную моторизованную пехоту»².

Как видно уже из вышеприведенной цитаты, Херцог и Гишон считали, что собственно конницы в принятом понимании этого слова в армии Соломона не было — под упоминаемыми Библией «всадниками» следует понимать всех бойцов, находившихся при колесницах. Если допустить, что на каждой

¹ Там же. С. 321.

² Херцог Х., Гишон М. Библейские сражения. М., 2005. С. 119—120.

колеснице, помимо возничего, в бою находились щитоносец и лучник, то выходит, что подразделение воинов, бежавших под прикрытием колесниц, насчитывало 5800 бойцов.

Надо заметить, что 1400 колесниц для той эпохи — это не так уж и много. Армия хеттов, к примеру, насчитывала 2500 колесниц. Но, тем не менее, это и не мало, так что численность и соответствие армии Израильского царства последнему слову техники той эпохи, безусловно, играли роль сдерживающего фактора для потенциальных врагов и обеспечивало мир на его границах.

«И господствовал он над всеми царями, от реки Евфрата до земли Филистимской и до пределов Египта» (2 Пар. 9:26).

Историк Моше Шамир рисует следующую картину, сложившуюся вокруг Израильского царства в период правления Соломона:

«Египет — могущественный южный сосед был занят своими внутренними противоречиями (и, по сути, разделен на несколько государств)... Женитьба на дочери фараона обеспечила дружеские отношения с Египтом.

Ассирия и Вавилон — их силы были ослаблены войнами с арамеями и внутренними распрями.

Тир и Сидон — дружественные государства, ведущие с Соломоном активную торговлю.

Арам (Сирия) — был оккупирован Давидом, поставившим в нем своих наместников.

Моав — был захвачен Давидом и выплачивал дань.

Бней-Аммон — после длительных войн был побежден Давидом. Новый царь Аммона Мальком считал себя верноподданным Давида и Соломона.

Амалекитяне — этот народ, известный своей ненавистью к евреям, был практически уничтожен Давидом, следовавшим в этом смысле предписанию “Пятикнижия”.

Филистимляне — после поражений, нанесенных им Давидом, утратили свое влияние в регионе, а спустя несколько поколений вообще сошли со сцены истории»¹.

Устойчивая внешнеполитическая ситуация и спокойствие внутри страны позволяли Соломону приступить к выполнению завешания отца — строительству Иерусалимского храма.

¹ Шамир М. Единое царство Давида и Соломона. Тель-Авив, 1976. С. 74.

*Часть
вторая*

ГОСУДАРЬ

Глава первая
ДОРОГА К ХРАМУ

Для того чтобы объяснить, какую роль играл и продолжает играть Иерусалимский храм в жизни и сознании еврейского народа, в его истории, чаяниях и надеждах, в еврейской мистике и эсхатологии, нам явно не хватит одной книги. Нет для религиозного еврея большей исторической трагедии, чем разрушение Храма. Сама конечная цель человеческой истории, с его точки зрения, заключается в приходе Мессии и восстановлении Храма на том же самом месте, на котором он стоял в древности. Причем это восстановление, согласно еврейской эсхатологии, изменит весь мир; в нем снова явственно будет ощущаться присутствие Творца — так, как это ощущалось на Земле Израиля в дни существования Первого храма, построенного царем Соломоном.

Таким образом, именно строительство Храма, а не какие-либо другие заслуги и достижения на иных поприщах обусловили то благоговение, ту идеализацию, которыми овеян образ Соломона в еврейских источниках, а уже из последних это отношение перекочевало и в христианство, и в ислам.

Однако загадок со строительством Храма связано немало, и, разумеется, мы просто не можем обойти их молчанием. Начнем хотя бы с вопроса о том, когда же именно было начато Соломоном это строительство.

Библия на первый взгляд дает на него предельно ясный ответ:

«В четыреста восьмидесятом году по исшествии сынов Израилевых из земли Египетской, в четвертый год царствования Соломона над Израилем, в месяце Зиф, который есть второй месяц, начал он строить дом Господу» (3 Цар. 6:1).

Эта дата начала строительства Храма — 480 лет после выхода евреев из Египта — является одной из основополагающих для составления классической еврейской хронологии, по которой устанавливаются даты правления всех остальных царей Израиля. Именно в ней, по мнению библеистов, и кроется

фундаментальная ошибка этой системы хронологии, вследствие которой все комментаторы Писания считают, что Давид, Соломон и другие библейские персонажи жили на сто с лишним лет позже тех дат, которые приводят историки.

Дело в том, считает Барух Каплинский, что в ту эпоху евреи вели счет времени по числу каденций первосвященников, совершавших службы в построенном еще при Моисее Переносном храме, называемом в синодальном переводе Скинией Завета. Так как считалось, что эта каденция длится 40 лет, а со времени исхода до воцарения Соломона сменилось 12 первосвященников, то, соответственно, и получается, что Соломон начал строить Храм на 480-м году после исхода из Египта. Однако на деле мало кто из первосвященников, убежден Каплинский, мог дожить или по состоянию здоровья отслужить до конца полную каденцию. Вероятнее всего, в среднем каденция первосвященника длилась 25 лет — и тогда Храм начал строиться спустя не 480, а 300 лет после исхода из Египта. В этом случае мы получаем практически ту же дату начала строительства Храма, которую называют историки — 963 год до н. э. К этой же дате приводит нас Иосиф Флавий: он утверждает, что Соломон завершил строительство Храма за 143 года до основания Карфагена. Но дата основания Карфагена хорошо известна: это 814 год до н. э. Таким образом, Храм был построен в 957 году до н. э., а если учесть, что его строительство продолжалось неполных семь лет, то оно было начато в 963 году до н. э.¹ Праздник же открытия Храма состоялся в 956 году до н. э.

Правда, при этом остается непонятным, что же тогда делать с «оставшимися» 180 годами, которые в традиционной еврейской историографии плотно заполнены датами жизни судей, военачальников, пророков и т. д.?

Кроме того, ссылка на Флавия только еще больше запутывает дело.

«К самой постройке храма Соломон приступил уже на четвертый год своего правления, а именно во втором месяце, носящем у македонян название Артемизия, а у евреев Ияра, пятьсот девяносто два года спустя после выхода израильтян из Египта; тысячу двадцать лет после прибытия Авраама из Месопотамии в Ханаан, и тысячу четыреста сорок лет после потопа. С рождения же первого человека Адама до построения Соломоном храма прошло в общей сложности три тысячи сто два года. Тот год, когда началась постройка этого храма, являлся уже одиннадцатым годом правления Хирама в Тире, а с основания Тира до построения Храма истек период в двести

¹ См.: Каплинский Б. Биография царя Соломона и его эпоха. С. 216—218.

сорок лет»¹, — пишет Флавий. Таким образом, Флавий относит строительство Храма к еще более позднему времени, чем Библия — к 3102 году от Сотворения мира, то есть... к 658 году до н. э., что звучит уже совершенно невероятно. При этом остается загадкой, на какие источники опирался этот выдающийся историк, называя такие цифры — тем более что в другом месте он приводит цифру, названную Каплинским.

* * *

Одним только возведением величественного Храма, призванного стать центром духовной жизни нации, амбициозные планы Соломона не ограничивались. Он намеревался построить для себя куда более величественный дворец, чем тот, который был у его отца Давида, отдельный дом для своей супруги — дочери фараона, а также вообще значительно расширить Иерусалим, чтобы тот соответствовал своему статусу столицы могущественного регионального государства.

Для всей этой работы нужны были стройматериалы, а также зодчие, плотники, литейщики, кузнецы — не считая, разумеется, огромной массы неквалифицированных рабочих, выполняющих самую черную и тяжелую работу. Наконец, саму эту работу надо было организовать, и здесь царь Соломон, если верить Библии, проявил себя в качестве поистине выдающегося менеджера.

Как нетрудно догадаться, наиболее тяжелое бремя пало на тех потомков коренного населения Ханаана, которые не желали ассимилироваться с израильтянами. Они не были обращены в рабство, но на них была наложена трудовая подать — то есть определенную часть года они должны были отработать на «царских работах»: «Весь народ, оставшийся от Аморецев, Хеттеев, Ферезеев, Евеев и Иевусеев, которые были не из сынов Израилевых, детей их, оставшихся после них на земле, которых сыны Израилевы не могли истребить, Соломон сделал оброчными работниками до сего дня... Вот главные приставники над работами Соломоновыми: управлявших народом, который производил работы, было пятьсот пятьдесят» (3 Цар. 9:20—23).

Вторая книга Паралипоменон называет конкретное число людей, занятых на этих работах: «И отчислил Соломон семьдесят тысяч носильщиков и восемьдесят тысяч каменосеков в горах, и надзирателей над ними три тысячи шестьсот» (2 Пар. 2:2).

Далее из той же книги следует, что эти три тысячи шестьсот надсмотрщиков также были хананеями (2 Пар. 2:17).

¹ Иосиф Флавий. Иудейские древности. С. 324.

Трудовые повинности были наложены и на евреев — они должны были отправляться на рубку леса в Ливан и, как утверждают устные источники, принимать непосредственное участие в строительстве внешних стен будущего Храма: «И обложил царь Соломон повинностью весь Израиль; повинность же состояла в тридцати тысячах человек. И посылал он их на Ливан, по десять тысяч на месяц, попеременно: месяц они были на Ливане, а два месяца в доме своем. Адонирам же начальствовал над ними» (3 Цар. 5:13—14).

Таким образом, получается, что суммарно на строительных работах Соломона было занято не меньше 183 тысяч человек, не считая множества мастеров, присланных Хирамом из Тира.

Десять тысяч дровосеков под руководством тирских надсмотрщиков ежемесячно рубили ливанские кедровые и кипарисовые деревья и переправляли их к морю. Здесь из этих кедров связывались огромные плоты, которые тирские корабли волокли за собой по морю от Тира к Иаффе (Яффо). Отсюда «носильщикам» предстояла тяжелая работа по транспортировке бревен в Иерусалим, отстоявший от Яффо больше чем на 40 километров.

80 тысяч каменотесов вырубали огромные каменные глыбы в каменоломнях, расположенных в непосредственной близости от места строительства Храма. Этими каменоломнями в Иудее пользовались и столетия спустя, и они хорошо знакомы археологам.

Что касается 70 тысяч грузчиков, то часть из них была, как уже указывалось, задействована на доставке дерева с побережья, часть — на транспортировке камня, а часть — непосредственно на строительстве. При этом не следует думать, что эти рабочие все таскали на себе. Те же деревья и каменные глыбы перевозились на волах, а поднимались вверх при помощи системы блоков.

Как предполагают исследователи, 3600 надсмотрщиков-хананеев, о которых говорит Библия, играли, по сути дела, роль бригадиров: они получали трудовое задание для своей группы рабочих и должны были выполнить его в определенный срок. Таким образом, в среднем в каждую бригаду входило 45 человек. Помимо этих «бригадиров», было еще 550 управляющих, каждый из которых отвечал за тот или иной участок работы на самых разных ее стадиях. Будучи своего рода прорабами и менеджерами среднего звена, они набирались уже из израильтян.

Непосредственное же руководство строительством осуществляли присланные царем Хирамом профессиональные зодчие. Сам Первый храм, по мнению большинства историков, был построен по финикийской технологии и в характерном финикийском стиле.

Таким образом, строительство Храма было предельно четко организовано, и работа у тех, кто его вел, должна была спориться. Тем не менее это строительство заняло без малого семь лет. При этом Третья книга Царств четко указывает размеры Храма, построенного Соломоном: длина — 60 локтей (31,5 метра), ширина — 20 локтей (10,5 метра), высота — 30 локтей (15,75 метра).

Даже если допустить, что эти цифры не включают в себя данные о тех или иных пристройках, размеры Храма, как видим, были более чем скромные. И такой автор, как Лео Таксиль, разумеется, не упускает случая съязвить по данному поводу.

«Подробности, приведенные во всех этих главах, явно и непомерно преувеличены, — писал Таксиль. — Все эти божественные описания тают, как снег на солнце, как только подвергаешь их более-менее серьезному анализу. 183 300 человек, не считая каменщиков и других рабочих, которые явятся позже, заняты одними только подготовительными работами по постройке храма, который задуман длиной в 31,5 метра и шириной в 10,5 метра. Эти строители ухлопывают семь лет на постройку здания высотой в скромных три этажа и занимающего площадь в 325 квадратных метров. Вот числа, заставляющие подскокнуть всякого, имеющего поверхностное представление о строительстве. Бесчисленные рабочие Соломона были, вероятно, неслыханные лентяи. Или они, не получая зарплаты, шатались без дела»¹.

Другие авторы, не опускаясь, разумеется, до сарказма Таксиля, тоже указывают, что вышеприведенные цифры кажутся им явно завышенными.

Между тем Иосиф Флавий, бывший, очевидно, лучше Таксиля знакомый с древними технологиями строительства и обработки металла, отнюдь не считал семь лет, которые заняло возведение Храма, сколько-нибудь большим сроком. Наоборот! «Если принять во внимание, — писал Флавий, — что царь Соломон окончил все эти огромные и прекрасные здания не только с внешней стороны, но и внутреннее их убранство, в семилетний срок, то приходится констатировать одинаково веское доказательство не только его богатства, но и его личного рвения: ведь всякий согласится, что для осуществления такого грандиозного предприятия, собственно, потребовался бы период целой человеческой жизни»².

Из текста Писания, кстати, отнюдь не следует, что все 183,3 тысячи рабочих были брошены исключительно на строительство Храма. Речь идет, вероятно, об общем числе работников, занятых на всех государственных стройках страны, а

¹ Таксиль Л. Забавная Библия. С. 329.

² Иосиф Флавий. Иудейские древности. С. 328.

их, как будет показано дальше, было немало, и многие из них, очевидно, велись одновременно. С этой точки зрения вышеприведенные цифры представляются вполне реальными.

Кроме того, следует учесть, что высота главной башни Храма над «приемным залом», согласно Второй книге Паралипоменон (3:4), составляла 120 локтей (63 метра), то есть эта башня для того времени вполне могла сойти за небоскреб.

Стены Храма складывались из огромных камней, средняя высота которых, по мнению археологов и историков, составляла порядка одного метра, а ширина достигала четырех метров, то есть каждый такой камень весил от 10 до 15 тонн.

Однако Иосиф Флавий в «Иудейских древностях» утверждает, что длина камней, заложенных в первые ряды храмовых стен, достигала порядка 20 локтей, то есть больше 10 метров, а некоторые из них были вообще длиной 20 метров. Долгое время считалось, что Флавий позволил себе в данном случае очередное преувеличение. Однако раскопки, проведенные в последние десятилетия XX века, неожиданно показали, что Флавий был прав.

При раскопках южной стены Иерусалимского храма действительно были найдены камни, длина которых превышает десять метров, а вес составляет порядка 70 тонн.

Затем при раскопках в районе арки Вильсона¹ были обнаружены камни длиной 12 и высотой более чем три метра. С учетом того, что их ширина составляет свыше четырех метров, речь идет о камнях весом в 400 тонн! Камни эти клялись друг на друга без всякого скрепляющего раствора и держались за счет собственной тяжести.

Таким образом, Иерусалимский храм и в самом деле представлял собой один из самых грандиозных древних памятников Средиземноморья. До наших дней дошли только его остатки — часть западной стены Храма, называемой евреями Стеной Плача². 28 из 45 рядов нынешней каменной кладки этой стены были возведены в древности, причем 17 первых рядов кладки относятся к эпохе царя Соломона.

С самой Стеной Плача связано немало легенд. Одна из них гласит, что когда начались работы непосредственно по возведению стен Первого храма, Господь обратился к Соломону и

¹ Остатки построенного Иродом моста, соединявшего верхнюю и нижнюю части Иерусалима, обнаруженные английским археологом Чарлзом Вильсоном в 1865 году слева от Стены Плача. Сегодня арка Вильсона является частью так называемого туннеля Хасмонеев.

² Большинство исследователей считают, что Стена Плача являлась частью обводной стены Храма, а не самого Храма. По последним археологическим данным, первые ее камни были заложены еще в период правления Давида. Это, в свою очередь, противоречит утверждению Библии, что Давид изначально отказался от идеи построить Храм и, умирая, возложил эту задачу на Соломона.

сказал ему: «Сын мой Соломон! Знай, что Храм, который ты строишь, является достоянием всего народа Израиля; каждый должен иметь свою долю в нем. Поэтому пусть весь народ примет участие в его строительстве!»

После этого Откровения Соломон решил распределить ту часть работы, которая еще не была распределена среди наемных рабочих, между представителями различных слоев еврейского народа. По брошенному жребию все работы по отделке восточной стены будущего Храма было поручено вести богатым еврейским купцам и дворцовой знати; работы, связанные с внутренними помещениями Храма и сооружением Святая святых, — коэнам и левитам, то есть священническому сословию; а вот строительство западной стены Храма решили поручить беднякам.

Недолго думая, купцы и военачальники закупили необходимое количество золота и дерева для обшивки восточной стены, после чего наняли для этих работ рабочих, а сами лишь время от времени присматривали за их ходом. Коэны и левиты, посоветовавшись, тоже решили нанять рабочих, чтобы те выполнили данное им задание. Но вот у бедняков, понятное дело, денег для найма профессиональных строителей попросту не было. Поэтому западную стену храма они строили сами, собственными руками, обильно орошая гигантские камни своим потом. Отсюда и берет свое начало первое название западной стены Храма — Стена бедняков.

И была, гласит легенда, их работа особенно угодна Богу, так что, когда строительство стены было завершено, с Небес раздался голос: «Собой клянусь, — говорит Господь, — что западная стена Храма будет стеной вечной, и никогда Моя Шхина¹ не отойдет от нее».

Сама история, кажется, подтверждает эту легенду. Западная стена построенного Соломоном Храма пережила вавилонян, римлян, византийцев, персов, арабов, крестоносцев, турок и сегодня считается главной еврейской, да и общечеловеческой святыней, привлекающей к себе миллионы людей.

* * *

Мидраш утверждает, что, помимо финикийских строителей, Соломон хотел пригласить для строительства Храма и египетских. Однако фараону не очень хотелось посылать к ново-

¹ Шхина, Шехина (в синодальном переводе «Слава Господня») — непосредственно ощущаемое Божественное присутствие. Некоторые авторы определяют Шхину как Божественную эманацию, по которой человек чувствует Бога — подобно тому как по свету лампы он знает о существовании лампы, даже если она скрыта внутри плафона.

испеченному зятю мастеров, находившихся в полном расцвете сил, которые вполне могли пригодиться и ему самому. Тогда владыка Египта вызвал к себе астрологов, повелел им составить гороскопы всех зодчих страны и представить ему список тех из них, кому предстояло умереть в том году.

Когда присланные фараоном мастера явились к Соломону, тот, благодаря своей Божественной мудрости, мгновенно узнал, что всем им осталось жить меньше года. Тогда выдал Соломон каждому из египтян по савану и отправил их к фараону со следующим письмом: «Как видно, у тебя не хватает саванов для погребения покойников. Получай своих людей обратно вместе с саванами».

Ряд исследователей считают, что этот мидраш отразил первоначальные колебания Соломона, думавшего, строить ли ему Храм в египетском или финикийском стиле, и в итоге остановившемся на последнем варианте.

* * *

Само место для строительства Храма было, как говорилось выше, открыто ангелом Давиду, и именно с этого места, согласно традиции всех трех авраамических религий, началось Сотворение мира. Сакральным же центром этого места является камень Мория — тот самый, на котором праотец Аврам совершил «жертвоприношение» Исаака и лежа на котором Иаков увидел во сне Небесную лестницу. Местоположение камня Мория и определило местоположение Святая святых Храма.

В целом устройство Иерусалимского храма повторяло устройство Переносного храма. Его неизменными атрибутами были жертвенник, зал для принесения воскурений и хлебов предложения и «давир» — Святая святых, в котором хранился Ковчег Завета с выпадавшей в пустыне «манной небесной» и Скрижалями, принесенными Моисеем с горы Синай.

Третья книга Царств опять-таки подробно и предельно точно описывает не только размеры каждой части Храма, но и, по существу, технологию его строительства:

«И притвор перед храмом в двадцать локтей длины, соответственно ширине храма, и в десять локтей ширины перед храмом. И сделал он в доме окна решетчатые, глухие, с откосами. И сделал пристройку вокруг стен храма и давира; и сделал боковые комнаты кругом. Нижний ярус пристройки шириною был в пять локтей, средний шириною в шесть локтей, а третий шириною в семь локтей; ибо вокруг храма извне сделаны были уступы, дабы пристройка не прикасалась к стенам

храма. Когда строился храм, на строение употребляемы были обтесанные камни; ни молота, ни тесла, ни всякого другого железного орудия не было слышно в храме при строении его. Вход в средний ярус был с правой стороны храма. По круглым лестницам всходили в средний ярус, а от среднего в третий. И построил он храм, и кончил его, обшил храм кедровыми досками. И пристроил ко всему храму боковые комнаты вышиною в пять локтей; они прикреплены были к храму рядами кедровых бревен... И построил Соломон храм, и кончил его. И обложил стены храма внутри кедровыми досками; от пола храма и потолка обложил внутри деревом и покрыл пол храма кипарисовыми досками» (3 Цар. 6:3—15).

Общая технология строительства Храма из этих слов понятна.

Сначала, разумеется, был заложен на огромной глубине фундамент Храма. По словам Флавия, он состоял «...из очень твердых камней, которые могли бы устоять в продолжение долгого времени и, совершенно слившись с почвой, могли бы служить прочным и устойчивым основанием для возведения на них предполагавшейся постройки и, благодаря своей крепости, были бы в состоянии выдержать не только всё грандиозное сооружение храма, но и тяжесть всех его украшений»¹.

Желая подчеркнуть глубину фундамента Храма, одна из еврейских легенд утверждает, что закладка этого фундамента началась еще при царе Давиде. Причем во время этих работ строители так далеко углубились в землю, что дошли до ее «изначального слоя» — того самого, с которого началось сотворение нашей планеты. Когда же они вошли и в этот слой, из образовавшегося отверстия хлынули «первозданные воды», которые могли затопить сначала Иерусалим, а затем весь мир. Но Давид бросил в эти воды записку с сакральным именем Всевышнего, и земля сомкнулась, закрыв образовавшийся родник.

Давид же после этого прекратил работы, окончательно смирившись с тем, что ему не только не дано построить Храм, но и запрещено вести какие-либо подготовительные работы по его сооружению². Таким образом, Соломону пришлось начать все работы по строительству Храма именно с фундамента.

На этом фундаменте был возведен каменный каркас здания, на южной и северной стене которого были сделаны «окна решетчатые, глухие, с откосами». Трудно сказать, имеется ли в виду, что окна были застеклены. Под словом «решетчатые» ряд комментаторов понимают то, что на них были решетки из то-

¹ Иосиф Флавий. Иудейские древности. С. 324

² См.: Вильнаи З., д-р. Легенды Земли Израиля. С. 41.

Царь Соломон. Фреска в Софийском соборе в Новгороде. 1108—1109 гг.

Царь Давид.
Картина П. Берругете.
Конец XV в.

Царь Соломон.
Картина П. Берругете.
1500 г.

Помазание Соломона на царство. Гравюра Ю. Шнорр фон Карольсфельда. 1860-е гг.

Царь Соломон. Фреска в храме Воскресения в Романове-Борисоглебске. 1679—1680 гг.

Соломон на троне среди зверей. Миниатюра. Персия. XVI в.

Соломон строит храм. Гравюра Ю. Шнорр фон Карольсфельда. 1860-е гг.

Суд Соломона. Картина Рафаэля. 1519 г.

Первый Иерусалимский храм. Реконструкция раввина М. Маковера

Медное «море». Реконструкция раввина М. Маковера

Умывальница на подставе. Реконструкция Раши

Святая святых Иерусалимского храма.
Херувимы перед Ковчегом Завета. *Реконструкция раввина М. Маковера*

Внутреннее убранство Храма. *Реконструкция раввина М. Маковера*

Дворец царя Соломона. *Реконструкция Раши*

Женитьба царя Соломона на дочери фараона. *Иллюстрация к Библии*

Соломон на троне.
Офорт-иллюстрация
М. Шагала к Библии.
1956 г.

Соломон
поклоняется идолам.
Гравюра Ю. Шнорр фон
Карольсфельда. 1860-е гг.

Суламифь.
Гравюра А. Кабанеля.
1860-е гг.

Роза Шарона.
Гравюра Ю. Шнорр
фон Карольсфельда.
1860-е гг.

Царь Соломон. Миниатюра Ингоберта к «Библии Карла Лысого». Около 880 г.

Раскопки Мегиддо. *Израиль*

Раскопки Хацора. *Израиль*

Руины древней Пальмиры. *Сирия*

Святая Македа,
царица Савская.
*Современная икона.
Эфиопия*

Царица Савская
скачет в Иерусалим.
Фреска. Эфиопия

Встреча Соломона
и царицы Савской.
Фреска
П. дела Франчески.
1452—1466 гг.
Фрагмент

Прибытие царицы
Савской ко двору
Соломона. *Картина*
Э. Пойнтера. 1890 г.

Царь Соломон. Гравюра Г. Доре. 1860-е гг.

го же кедрового дерева. При этом устная традиция подчеркивает, что оконные проемы Храма имели форму трапеции: они были сужены изнутри и расширились в направлении внешней стены.

Сама форма этих проемов символизировала, что Храм не нуждается в освещении снаружи — напротив, это из него Божественный свет изливается в материальный мир. Уже затем к Храму были сделаны пристройки, служившие для хранения его сокровищ и различных нужд служивших в нем коэнов. После этого кровля Храма была перекрыта кедровыми балками и на них была настелена крыша.

На этом первый этап строительства был закончен и начался второй — пол Храма был выложен паркетом из кипариса, а его стены обшиты кедровыми досками, что предоставляло огромные возможности для отделки помещения.

Но самая большая загадка этого этапа строительства Храма, как считается, связана со словами «Когда строился храм, на строение употребляемы были обтесанные камни; ни молота, ни тесла, ни всякого другого железного орудия не было слышно в храме при строении его».

Надо заметить, что «Пятикнижие» действительно запрещает использование каких-либо железных орудий при строительстве жертвенника — он должен быть сооружен исключительно из неотесанных камней в их первозданной форме (Исх. 20:25—26). Запрет этот, считал Раши, связан с тем, что «жертвенник создан для того, чтобы продлить жизнь человека, а железо, из которого делается оружие, — чтобы ее укоротить; поэтому при создании жертвенника нельзя пользоваться железными инструментами».

Соломон решил распространить этот запрет на строительство всего Храма; более того — на всю территорию Храмовой горы, которая в его понимании должна была стать символом мира между всеми народами планеты, объединенными в служении единственному, истинному, то есть общему для всех Богу. И если это так, то весь ход строительных работ на Храмовой горе должен был обходиться без железных инструментов.

Но насколько это и в самом деле было возможным? По мнению известного комментатора Танаха Иегуды Кия, все обстояло просто. Для сооружения храмового жертвенника, как и предписывалось, были использованы природные камни, которых не касались ни кирка, ни молот, ни какое-либо другое железное орудие. Что же касается строительства самого Храма, то для него камни обтесывались обычными инструментами непосредственно в каменоломнях, подгонялись под необходимый размер и уже после этого доставлялись на Хра-

мовую гору, где их оставалось только уложить на предназначенное для них место. Именно поэтому «ни молота, ни тесла, ни всякого другого железного орудия не было слышно в храме при строении его»¹.

Однако устное предание, разумеется, рассказывает об этом совершенно по-другому. Именно со стремления царя Соломона соблюсти заповедь и обойтись при обработке камней без железных орудий и начались, согласно мидрашам, его особые отношения с князем демонов (или, если угодно, джиннов) Асмодеем.

Легенды, связанные с Асмодеем, вне сомнения, составляют наиболее значительную и увлекательную часть преданий о царе Соломоне, и у автора этой книги просто нет права обойти их молчанием.

* * *

Итак, чтобы найти ответ на вопрос, как раскалывать и обрабатывать огромные камни без применения железных орудий, собрал царь Соломон на совет всех своих мудрецов.

И вспомнил один из мудрецов, что вечером шестого дня творения создал Всевышний для этих целей особого червя по имени Шамир, которого достаточно положить на любой камень — и тот расколется.

— Слышал я от учителей моих, что пророк Моисей ограбил с помощью Шамира камни на эфода² первосвященника. Где же сейчас находится Шамир, никто из людей не ведает, но, может быть, это известно демонам! — сказал мудрец.

Хлопнул Соломон в ладоши — и предстали перед ним два его ручных демона.

— Можете ли вы сказать мне, как я могу достать червя Шамира, способного обрабатывать камни? — спросил Соломон.

— Нет, царь, — ответили демоны, — нам это неизвестно. Но вот наш князь Асмодей наверняка знает ответ на твой вопрос. Только он твоей власти над собой не признает и к тебе не явится.

— Где же мне найти его? — спросил царь.

— Каждый день Асмодей поднимается с Темных гор на небо, чтобы учить там Тору вместе с ангелами. Затем, когда урок

¹ См.: Сефер Мелаким (Первая книга Царей) с комментариями Иегуды Кия: В 2 т. Иерусалим, 1986.

² Э ф о д — верхняя одежда еврейского жреца-козена, напоминавшая фар-тук. У первосвященника на эфода был оракул «урим» и «туммим» — 12 камней, соответствующих двенадцати коленам, с вырезанными на них буквами. С помощью «урим» и «туммим» первосвященник, как считалось, мог вопро-сить и получить от Бога ответы на судьбоносные для нации вопросы.

закончен, он спускается на землю и приходит к расположенному в этих горах колодцу испить воды. Колодец этот закрыт большим камнем с печатью перстня Асмодея, и каждый раз, перед тем как снять камень, князь демонов проверяет целостность печати, а выпив, кладет на место камень и снова ставит печать, — поведали царю демоны.

Тогда вызвал Соломон верного Ванею, вручил ему перстень и свитую из железной проволоки веревку, а на печатке перстня и на веревке было написано «Шем ха-мефорах» — сокровенное 72-буквенное имя Бога. После этого научил Соломон Ванею, как пленить Асмодея, и тот отправился в путь, к Темным горам.

Прибыв на место, Ванея убедился, что демоны говорили правду — устье колодца оказалось закрыто огромным камнем и запечатано личной печатью Асмодея. Дождался Ванея, когда Асмодей поднимется на небо, выкопал чуть ниже колодца большую яму, а затем проделал в ней дыру и соединил с колодцем. После того, как вся вода в колодце перетекла в яму, Ванея законопатил дыру шерстью и прорыл вторую яму — чуть выше колодца. Затем снова сделал дыру, соединяющую эту яму с колодцем, и влил в него принесенные с собой два меха вина. Закончив с этой работой, Ванея тщательно замаскировал обе вырытые им ямы землей и спрятался на растущем неподалеку от колодца дереве.

И как раз вовремя — через мгновение раздался страшный грохот и Асмодей спустился на землю. Проверил он печать, убедился, что она цела, сорвал печать, снял камень и, к своему немалому удивлению, обнаружил, что вода в колодце превратилась в вино.

Показалось это царю демонов подозрительным, решил он не пить и отошел подальше от колодца. Но вскоре Асмодея стала мучить такая сильная жажда, что он не выдержал и выпил все вино, которое было в колодце. А выпив, захмелел и заснул крепким сном.

Тут Ванея слез с дерева и связал Асмодея железной веревкой с именем Бога. Через некоторое время проснулся владыка демонов, увидел, что связан, и стал метаться, пытаясь развязать веревку. Но хотя и обладал он поистине огромной, сверхъестественной силой, разорвать путы, на которых было написано имя Всевышнего, не мог.

— Смирись, — воскликнул Ванея, — ибо имя Владыки над тобою!

Ничего не оставалось Асмодею, кроме как покорно пойти за Ванеей. По дороге Асмодей увидел пальму, сделал вид, что у него зачесалась спина, но когда он чесался о пальму, то по-

валил ее. Затем, когда проходили они мимо какого-то дома, взглянул Асмодей на дом — и тот тоже рухнул.

Пошли они дальше. Встретился им по пути слепой — и Асмодей вывел его на дорогу. То же проделал он и с заблудившимся пьяницей.

Спустя еще какое-то время увидели Асмодей и Ваня движущуюся им навстречу свадебную процессию. Взглянул Асмодей на веселящихся людей — и заплакал. Затем, когда они проходили мимо лавки сапожника, прислушался повелитель демонов, о чем говорят сапожник и покупатель, и напал на него приступ смеха.

И еще раз расхохотался Асмодей — когда проходили они мимо колдуна, делавшего свои колдовские пассы.

Наконец пришли они в Иерусалим, во дворец Соломона.

— Скажи мне, — спросил Ваня, — почему, когда ты увидел сбившегося с пути слепого, ты поспешил вывести его на дорогу?

— Потому, — ответил Асмодей, — что об этом человеке было объявлено на Небесах, что он — великий праведник, и тот, кто окажет ему услугу, получит награду Свыше.

— Неужели и тот пьяница, которому ты помог, тоже великий праведник? — удивился Ваня.

— Нет, с ним как раз все наоборот, он — великий грешник, но и у него была какая-то малая заслуга перед Богом. Оказав ему услугу, я заплатил ему за то единственное доброе дело, которое он сделал, и окончательно лишил его доли в будущем мире.

— Почему же ты заплакал, когда увидел свадьбу?

— Потому что жениху этому предназначено умереть через тридцать дней после свадьбы, а его супруга будет тринадцать лет ждать, пока подрастет его младший брат, чтобы сочетаться с ним браком¹.

— Что же такого смешного было у лавки сапожника?

— Да этот чудака просил у сапожника сандалии, которые могут продержаться семь лет, хотя жить-то ему осталось всего семь дней...

— А почему ты смеялся над колдуном? — не унимался Ваня.

— Да какой он колдун! — рассмеялся Асмодей. — Сидит-ворожит, щеки раздувает, а того, что прямо под тем местом, где он сидит, зарыт огромный клад, проведать не может.

Затем пришло время предстать Асмодею перед Соломоном².

¹ Согласно Торе, если мужчина умер бездетным, его родной брат должен жениться на его вдове, чтобы она могла зачать ребенка, который будет считаться наследником покойного (так называемый левиратный брак).

² В одной из версий легенды Асмодей отказывается отвечать на вопросы Вани, заявляя, что даст ответ на них только Соломону. Между тем в первый день после прихода в Иерусалим Соломон не принял Асмодея, а когда

— Неужели тебе мало того, что ты имеешь? — спросил Асмодей. — Почему ты захотел власти и надо мной?

— Есть у меня к тебе одна просьба. Собираюсь я построить Храм Господу, и нужен мне для этого червь Шамир, — произнес Соломон. — Сказали мне, что ты знаешь, где его найти. Да и не у тебя ли он вообще находится?!

— Нет, не у меня, — ответил Асмодей. — Шамиром владеет Дух Морской, но он передал его Дикому Петуху, взяв с того клятву, что он его не потеряет.

— Зачем же Дикому Петуху Шамир? — заинтересовался Соломон.

— Затем, что он живет на пустынных скалах. Бросает Дикий Петух червя Шамира на скалу — и в камне появляются борозды. В эти борозды он бросает принесенные издалека семена, и на скалах вырастают деревья. На одном из этих деревьев Дикий Петух вьет себе гнездо, а потом плодами их кормит своих птенцов.

Отправил Соломон одного из верных ему людей на поиски Дикого Петуха. Когда обнаружил посланник царя гнездо Дикого Петуха с птенцами, накрыл он это гнездо стеклом. Вскоре прилетел Дикий Петух, стал пробовать так и этак снять стекло, да только ничего у него не получалось. Тогда взмыл он в небеса, скрылся из глаз, но вскоре вернулся, держа в клюве червя Шамира. Бросил Дикий Петух червя на стекло — и оно раскололось. Тут слуга Соломона выскочил из своего укрытия, схватил Шамира и бросился бежать.

Увидел Дикий Петух, что нарушил он данную Духу Морскому клятву, проглотил большой камень, подавился и издох.

Так Шамир оказался у Соломона и с его помощью обрабатывали камни для строительства Храма. Хранили Шамира завернутым в овечью шерсть в свинцовом сосуде, наполненном отрубями.

Но, повторим, таково устное предание, которое, как подчеркивают все комментаторы, вовсе не нужно понимать буквально. Вопрос в том, что кроется за этим преданием? Может быть, то, что строители Храма использовали для обработки камней корундовые резцы — ведь слово «шамир» на иврите

тот спросил, с чем это связано, слуги ответили, что накануне царь сильно перепил. Тогда Князь Тьмы взял лежавший перед ним камень и положил на него второй камень. Когда Соломону рассказали об этом, он понял, что Асмодей советует опохмелиться. На следующий день Асмодею сказали, что царь не может его принять потому, что переел. В ответ Асмодей снял второй камень с первого и положил на землю. Узнав об этом, Соломон понял, что Асмодей рекомендует ему попоститься. На третий день, когда царь принял Асмодея, тот взял тростину, отмерил ею на земле четыре локтя и сказал: «Вот пространство, которое останется у тебя после смерти. А ныне тебе не хватает целого мира — ты и меня покорить захотел!»

обозначает еще и корунд? Или же под «шамиром» следует понимать какую-то кислоту, с помощью которой известковым глыбам придавали нужные форму и размеры?¹ Как бы то ни было, по свидетельству все того же Флавия, «...вся внешняя отделка храма была сделана из удивительно искусно и точно обтесанных камней, которые так плотно и легко были пригнаны друг к другу, что никто не мог бы заметить следов молотка или какого-либо другого инструмента»².

Еще больше загадок задает другая легенда о Соломоне и Асмодее, которая наверняка придется по вкусу убежденным сторонникам существования инопланетных цивилизаций.

* * *

После того как Ваня доставил Асмодее в Иерусалим, продолжает мидраш, Соломон оставил его в своем дворце в качестве пленника. Он поселил повелителя демонов в одном из укромных уголков своего сада, где тот и коротал дни, связанный железной веревкой с выгравированным на ней именем Бога. Веревка эта была завязана так, что не ограничивала его движений, но ее незримая власть заставляла Асмодее служить Соломону и, даже если пленник куда-то отлучался, он вынужден был возвращаться к царю.

Время от времени Соломон навещал Асмодее или призвал его к себе, и они беседовали о тайнах мироздания, о великой мудрости Творца и чудесах сотворенного Им мира.

— Ты и в самом деле думаешь, что тебе открыты тайны всего сущего? — как-то с усмешкой спросил Асмодей. — Что ж, я могу тебе доказать, что ты заблуждаешься. Я покажу тебе то, чего ты еще никогда не видел.

Сказал так Асмодей — и исчез, а когда появился снова, то вместе с ним был двухголовый человек из страны Тевель, расположенной в пятистах годах пути от Иерусалима.

— Кто ты такой? — спросил пораженный Соломон.

— Я — человек, один из потомков Каина! — ответил двухголовый гость.

— И как выглядит место, в котором ты живешь?

— Так же, как тут — у нас есть Солнце и Луна, мы пашем, жнем и пасем стада.

¹ Легенды утверждают также, что огромные камни из дальних и ближних каменоломен к месту строительства Храма доставляли не люди, а покоренные Соломоном демоны. Оказавшись возле стен строящегося Храма, камни сами поднимались в воздух и укладывались на полагающееся им место. Но, согласитесь, если бы это было так, Соломону вряд ли понадобилось бы задействовать на строительстве столько рабочих, да еще и в течение семи лет.

² *Иосиф Флавий. Иудейские древности. С. 325.*

— А верите ли вы в Бога?

— Конечно, верим и молимся Ему.

— И как же вы молитесь?

— «Как многочисленны создания Твои, Господи! с великой мудростью Ты сотворил их»...¹

— Что ж, — сказал Соломон, — ты, наверное, хочешь вернуться к себе на родину?

— Очень хочу! — признался двухголовый человек.

Но когда Соломон велел Асмодею вернуть пришельца домой, повелитель демонов смутился и сказал, что... это не в его силах и придется оставить гостя здесь.

Так этот человек остался на земле, разбогател, женился на обычной женщине, и родилось у него семеро сыновей. Шестеро были обычные люди, а седьмой уродился в отца — с двумя головами.

Когда же двухголовый человек умер, братья стали делить его наследство. Шестеро братьев считали, что все состояние отца должно быть разделено поровну на семь частей. Однако тот сын, который был с двумя головами, настаивал, что он равен двум человекам, то есть наследство следует разделить на восемь частей, и ему причитается двойная доля.

В итоге братья пришли на суд к Соломону, но дело было настолько необычным, что даже Соломон растерялся. Он велел братьям прийти на следующий день, а ночью обратился к Богу со страстной молитвой о помощи в разрешении этого спора. И Бог ответил Соломону, что утром Он подскажет ему верное решение.

Наутро Соломон велел привести к нему двухголового брата.

— Проведем испытание, — сказал Соломон. — Если у этого человека одна голова одновременно воспринимает и чувствует то же, что и другая, то его следует считать за одного человека. Если же нет — то его надо считать за двух разных людей. Принесите-ка кувшин с кипятком!

Когда горячая вода была принесена, Соломон велел вылить ее на одну из голов.

— Ой-ой, прекратите! Мы умираем! — завопили разом обе головы, и всем стало ясно, что они принадлежат одному человеку, и двухголовому сыну полагается только одна доля наследства.

Что это? Еще одна занятная сказка о царе Соломоне? Но ведь приводит-то Асмодей двухголового человека не откуда-нибудь, а из «страны Тевель».

«Тевель» же на иврите означает «Вселенная», а «страна Тевель» — это не что иное, как «космос». Ну а если вспомнить

¹ Псалом 104:24.

утверждение Асмодея, что до того места, где живут двухголовые люди, — «пятьсот лет пути», то становится ясно, что речь идет не о нашей планете. И, кстати, о каких это пятистах годах пути идет речь — уж не о световых ли? Но ведь между временем жизни царя Соломона и эпохой, когда возникнет эта единица измерения, пролегает почти три тысячи лет!

Еще одна загадка этого мидраша заключается в том, что двухголовый человек заявляет о себе, что он является «потомком Каина». Согласно «Пятикнижию», потомков Каина на Земле не осталось — все они были уничтожены во время Всемирного потопа. Современное человечество, с точки зрения Библии, ведет свое происхождение от Ноя (Ноаха), а Ной, в свою очередь, потомок не Каина, а третьего сына Адама и Евы — Сифа (Шета).

Таким образом, этот мидраш поистине предоставляет уфологам огромный материал для выдвижения самых фантастических гипотез. Скажем, можно предположить, что на самом деле Всемирный потоп происходил не на Земле, а на некой другой планете, а Ноев ковчег был не чем иным, как межпланетным кораблем. Сам Ной со своими детьми и представителями различных видов животных своей планеты добрался до Земли и начал здесь все заново в твердой уверенности, что на его родной планете не осталось ничего живого... Но вот появляется человек из «страны Тевель» и говорит, что это не так.

Или, возможно, все было как раз наоборот? Ной был убежден, что всё, кроме него, членов его семьи и спасенного им генофонда, погибло, а на самом деле часть человечества — «сыновья Каина» спаслись, улетев к звездам и найдя планету, близкую по условиям к Земле и расположенную от нее на расстоянии пятисот световых лет? С точки зрения этой версии, понятно и то, почему Асмодей не мог вернуть двухголового человека на родную планету — для этого требовались колоссальные затраты энергии, а может, его корабль потерпел крушение при посадке.

Впрочем, согласитесь, что при желании этот мидраш можно объяснить куда проще: Асмодей (или кто-то другой) мог привести к царю Соломону сиамских близнецов, и эта природная аномалия вызвала у царя искреннее изумление. И близнецы эти рассказали ему, что они живут, думают и чувствуют так же, как и остальные люди; и так же, как и остальные, верят в Бога. Ну а все остальное — это, как говорится, уже спекуляции и плод досужего вымысла.

В связи с этим неминуемо возникают вопросы, где вообще берут свои истоки легенды о странных отношениях между Соломоном и Асмодеем, каково их происхождение.

Ответ на этот вопрос тоже далеко не однозначен, и мы к нему еще непременно вернемся при анализе других легенд о царе Израйля и князе демонов. Ну а пока самое время продолжить рассказ о строительстве Иерусалимского храма.

Глава вторая **ДОМ ГОСПОДА**

«И было слово Господа к Соломону, и сказано ему: вот ты строишь храм; если ты будешь ходить по уставам Моим, и поступать по определениям Моим, и соблюдать все заповеди Мои, поступая по ним, то Я исполню на тебе слово Мое, которое Я сказал Давиду, отцу твоему. И буду жить среди сынов Израилевых, и не оставлю народа Моего Израйля» (3 Цар. 6:11—13).

Обычно эти слова понимают в том смысле, что посреди строительства Храма Бог снова явился к Соломону и выразил свое одобрение его действиями. Однако классические комментарии Писания трактуют этот отрывок совершенно иначе. Все они говорят, что никакого нового Божественного Откровения в те дни Соломону не было — эти слова были переданы ему от имени Бога жившим в его эпоху пророком Ахией. И звучит в них отнюдь не одобрение, а предупреждение. Видимо, уже в те дни Соломон начал проявлять терпимость по отношению к языческим культам, что, с точки зрения еврейского Закона, было совершенно недопустимым.

И пророк, по версии Абарбанеля, был послан Богом к Соломону, чтобы сказать ему: «Если ты думаешь, возводя Храм, что он простоит вечно, благодаря монументальности своей постройки, то ты заблуждаешься. Существование Храма будет зависеть от того, насколько еврейский народ и ты лично будете сохранять верность Моим заповедям. Только в этом случае Я исполню в полном объеме то, что обещал тебе и твоему отцу Давиду, и буду обитать среди сынов Израйля».

Но одновременно Бог подтверждает: что бы ни случилось, Он останется верен своему союзу с еврейским народом, ибо союз этот вечен.

Ученые-библеисты, разумеется, знакомы с этими комментариями и в целом с ними согласны. Вот только понимают они их... совершенно иначе. По их мнению, этот отрывок показывает, что еще до завершения строительства Первого храма наметились первые трещины в отношениях между Соломоном и духовенством, и чем дальше, тем больше эти трещины разрастались, превращаясь постепенно в настоящую пропасть. Пророк Ахия явился к царю для того, чтобы предупредить его о

возможных последствиях либерального отношения к языческим культам и к усилению влияния чужеземцев в Иерусалиме; он пытался наставить Соломона «на путь истинный», но ему, как мы увидим, это не удалось.

Вместе с тем строительство Храма, говорит мидраш, было, безусловно, угодно Богу. Это проявилось хотя бы в том, что на протяжении всего времени этого строительства никто из строителей не умер, не заболел и у них не сломалось ни одно орудие труда.

* * *

После того как каменные стены Храма были обшиты кедровыми досками, к работе приступили резчики по дереву. Между историками до сих пор идет спор, какой именно технологией они пользовались — вырезались ли цветочные узоры прямо на дереве или речь шла о деревянной аппликации, которая вырезалась отдельно и уже затем крепилась к стенам. Неясным остается и то, что собой представлял этот цветочный орнамент; какие именно цветы использовали резчики в качестве образца. Но из текста Библии ясно следует одно: стены Храма были украшены великолепной деревянной резьбой, а затем от пола до потолка покрыты золотом, включая помещение Святая святых. Перед этим помещением были протянуты золотые цепи; золотом же был покрыт стоявший перед ним жертвенник для воскурений. Помимо этого, стены Храма украшала также деревянная лепнина с изображением пальм, цветов и херувимов (керувов). И уже после этого золотом был покрыт, также поверх настенных кипарисных досок, пол внутренних помещений Храма:

«На кедрах внутри дома были вырезаны подоби́я огурцов¹ и распускающихся цветов; все было покрыто кедром, камня не видно было. Давир же внутри храма он приготовил для того, чтобы поставить там ковчег завета Господня. И давир был длиною в двадцать локтей; и шириною в двадцать локтей, и вышиною в двадцать локтей; он обложил его чистым золотом; обложил также и кедровый жертвенник. И обложил Соломон храм внутри чистым золотом, и протянул золотые цепи перед давиром и обложил его золотом. Весь храм он обложил золотом, весь храм до конца, и весь жертвенник, который пред давиром обложил золотом. И сделал в давире двух херувимов из масличного дерева, вышиною в десять локтей. Одно крыло херувима было в пять локтей и другое крыло херувима было пять

¹ В переводе Йосифона вместо «огурцов» стоят «бутоны», что ближе к оригиналу.

локтей; десять локтей от одного конца крыльев его до другого конца крыльев его. В десять локтей был и другой херувим; одинаковой меры и одинакового вида были оба херувима. Высота одного херувима была десять локтей, также и другого херувима. И поставил он херувимов среди внутренней части храма. Крылья же херувимов были распростерты, и касалось крыло одного херувима одной стены, а крыло другого херувима касалось другой стены; другие же крылья среди храма сходились крыло с крылом. И обложил он херувимов золотом. И на всех стенах этого храма кругом сделал резные изображения херувимов, и пальмовых деревьев, и распускающихся цветов — внутри и вне. И пол в храме обложил он золотом во внутренней и передней части. Для входа в давир сделал он двери из масличного дерева, с пятиугольными косяками. На двух половинах дверей из масличного дерева он сделал резных херувимов, и пальмы, и распускающиеся цветы и обложил золотом; покрыл золотом и херувимов, и пальмы. И у входа в храм сделал косяки из масличного дерева, четырехугольные, и две двери из кипарисового дерева; обе половинки одной двери были подвижные, и обе половинки другой двери были подвижные. И вырезал на них херувимов, и пальмы, и распускающиеся цветы и обложил золотом по резьбе. И построил внутренний двор из трех рядов обтесанного камня и из ряда кедровых брусьев» (3 Цар. 6:18—36).

Самым загадочным во всем этом описании являются, безусловно, херувимы. Две фигуры херувимов с простертыми друг к другу крыльями располагались на монолитной золотой крышке Ковчега Завета. Все комментаторы сходятся во мнении, что в фигурках херувимов был заложен высокий символический смысл, хотя и расходятся в том, какой именно. Одни утверждают, что херувимы символизировали собой союз между еврейским народом и Богом, подобный супружескому союзу; другие усматривали в нем символ единства Божественного суда и милосердия; третьи — необходимость единства духовной и государственной власти в жизни еврейского народа и т. д. Есть также мнение, что херувимы были как бы стражами Ковчега Завета и символизировали одновременно как двух ангелов-близнецов, стоящих перед «троном Всевышнего», так и двух херувимов, охраняющих вход в Ган эден — Райский сад.

Немало споров велось и ведется о том, как выглядели херувимы на крышке Ковчега Завета. Есть раввинистические авторитеты, считающие, что у херувимов не было лиц — то место, где у их фигурок предполагалось наличие лица, у них было закрыто крыльями. Раши считает, что у них были лица младенцев. Книга «Зоар», лежащая в основе Каббалы, утверждает, что

«...один керув имел вид мужчины, другой — женщины. Присутствие Шхины между ними указывает на то, что лишь в супружестве человек достигает цельности, необходимой для того, чтобы удостоиться Божественного Откровения. И когда супруги живут в согласии, с ними пребывает Божественный свет»¹.

Но размер крышки Ковчега составлял 114×68,5 сантиметра, а высота отлитых вместе с ней херувимов — 75 сантиметров. Херувимы же, вырезанные по указанию Соломона, были высотой 5,2 метра, и таким же был размах их крыльев.

Комментаторы утверждают, что херувимы, поставленные Соломоном в Святая святых, имели ту же форму, в какой они предстали затем пророку Иезекиилю в его знаменитом видении Божественной колесницы, то есть это были человекоподобные фигуры с крыльями. Но вот их лица Иезекииль описывает весьма туманно — как «лица керувов» или как «лица, которые видел я на реке Кевар». Ясно, что это не было человеческое лицо, морда животного или голова птицы, так как пророк их четко различает (см.: Иез. 10:9—22).

Так что о подлинном облике херувимов мы можем только догадываться.

В то же время из самого библейского текста следует, что суммарный размах крыльев обоих херувимов равнялся ширине стен давира. Но тогда возникает резонный вопрос: какими же были размеры тел этих херувимов, а если тел у них не было вовсе, то как же они стояли перед Святая святых? Талмуд отвечает на этот вопрос так: «Стояли, благодаря чуду!» — явно намекая на то, что внутри Храма нарушались привычные нам законы пространства и времени. Последнее ясно видно, если вчитаться в приведенные в Библии размеры Храма, а также в утверждении трактата «Пиркей авот» («Поучения отцов»), что во время службы в Храме люди стояли крайне плотно, но когда доходили до того места молитвы, где полагалось кланяться, становилось просторно и все кланялись без труда (Пиркей авот. 5:5).

В целом из приведенной нами пространной цитаты из Библии становится ясно, что внутреннее убранство Храма должно было не просто изумлять, а поражать, повергать в шок своей роскошью. Именно к такому эффекту и стремился царь Соломон. Возможно, на каком-то этапе жизни (который он подвергнет ядовитому сарказму в «Екклесиасте») вся эта роскошь

¹ Цит. по изд.: Пятикнижие Моисеево, или Тора: С русским переводом, комментариями, основанными на классических толкованиях Раши, Ибн Эзры, Рамбана, Сфорно и других, и гафтарой: Книга Шмот / Пер. и отбор коммент. Й. Векслера, Г. Липш, М. Шнейдера; под общ. ред. Г. Брановера. Иерусалим: Шамир, 5753 (1993). С. 321.

и напыщенность отвечала особенностям его вкуса и душевных устремлений. Не исключено, что если бы он был нашим современником и жил в России, то на вопрос, зачем ему понадобилось так ослеплять молящихся блеском золота, Соломон бы ответил: «Это — круто!»

Но так как Соломон был человеком совсем иной эпохи и вдобавок необычайно духовным и утонченным, то на этот вопрос он бы наверняка дал бы совершенно иной ответ.

«Как иначе, — спросил бы Соломон, — я мог воздать должное Владыке мира, наполняющего Своей славой всю Вселенную?! Как иначе я мог показать всем народам мира, что Единственный невидимый Бог, Творец и владыка Вселенной, является подлинным Богом — в отличие от их идолов, — если не создать храм, который затмевал бы своей роскошью и египетские, и арамейские, и вавилонские и все прочие храмы?! Да и разве сияние золота могло сравниться с тем Божественным светом, который Господь изливает в мир?!»

И ответ этот был бы, безусловно, искренним.

Однако мало было построить Храм — нужно было еще изготовить различные храмовые аксессуары для богослужения. Причем аксессуары эти должны были поражать воображение не меньше, чем внутренняя отделка Храма; каждый из них должен был представлять собой подлинное произведение искусства. Но мастеров, способных работать с металлом на таком уровне, у Соломона опять-таки не было. И ему снова пришлось обращаться за помощью к своему другу и союзнику царю Хираму.

* * *

«И послал царь Соломон, и взял из Тира Хирама, сына одной вдовы из колена Неффалимова. Отец его Тирянин был медник; он владел способностью, искусством и умением выделывать всякие вещи из меди. И пришел он к царю Соломону, и производил у него всякие работы...» (3 Цар. 7:13—14).

Так в Библии впервые возникает фигура не царя, а мастера Хирама — культовая фигура в идеологии и мифологеме масонства. Как известно, масонская легенда представляет Хирама Абифа, как его называют представители этого тайного общества, главным архитектором Храма, руководителем его строительства и, одновременно, мастером, который собственными руками сделал многие сакральные аксессуары, предназначавшиеся для храмовой службы. Хирам Абиф, соперничавший с Соломоном в мудрости и знании тайн мироздания, продолжает эта легенда, был убит тремя своими учениками.

Это предание о Хираме и его убийстве лежит в основе ритуала посвящения в масоны.

Однако ни текст первоисточников, ни устные еврейские предания не дают никаких оснований для такого мифотворчества. Третья книга Царств, как мы видели, говорит о Хираме как об искусном скульпторе и литейщике, умеющем делать «всякие вещи из меди» — и не более того. Некоторые комментаторы акцентируют внимание читателей на словах «из меди». Значит, делают они вывод, многочисленные работы с золотом выполнял какой-то другой мастер.

Правда, Вторая книга Паралипоменон представляет дело несколько иначе. Согласно его автору, царь Хирам сам, по собственной инициативе, направил к Соломону своего тезку, который умел работать не только с медью, но и почти со всеми известными в то время материалами:

«И еще сказал Хирам: благословен Господь Бог Израилев, создавший небо и землю, давший царю Давиду сына мудрого, имеющего смысл и разум, который намерен строить дом Господу и дом царский для себя. Итак, я посылаю тебе человека умного, имеющего знания, Хирам-Авия, сына одной женщины из дочерей Дановых, — а отец его Тирянин, — умеющего делать изделия из золота и из серебра, из меди, из железа, из камней и из деревьев, из пряжи пурпурового, яхонтового цвета, и из виссона, и из багряницы, и вырезать всякую резьбу, и исполнять все, что будет поручено ему вместе с художниками твоими и с художниками господина моего Давида, отца твоего» (2 Пар. 2:12—14).

Но даже такое расширение списка талантов и специальностей Хирама все равно не позволяет утверждать, что он был главным архитектором Храма. К тому же не стоит забывать, что автор Второй книги Паралипоменон в данном случае говорит от имени царя Хирама. Последний, понятное дело, был заинтересован в том, чтобы запросить максимально высокую цену за услуги своего мастера, а потому и всячески его расхваливал.

Из текста «Паралипоменона» становится также понятно, почему масоны называют этого мастера Хирамом Абифом. Одна из фраз 4-й главы второй книги «Хроникона» в переводе Йосифона звучит так: «...и котлы, и лопатки, и вилки, и весь набор их сделал Хурам-Авив царю Шеломо из меди полированной...» (II Хрон. [2 Пар.] 4:16).

Но дело в том, что Давид Йосифон в переводе этой фразы допускает явный просчет. До этого Вторая книга Паралипоменон уже называла Хирама «Хурамом-Ави». «Ав» — на иврите означает «отец», а «Ави» обычно означает «отец мой», хотя мо-

жет означать и собственное имя, сокращенное от «Авраама». Таким образом, имя «Хирам-Ави» может восприниматься либо как два собственных имени (а у семитских народов вообще, и у евреев в частности, принято давать двойные имена), либо как «Хирам, сын своего отца». Ряд комментаторов именно так это и понимают, усматривая в имени «Хирам-Ави» намек на то, что отец его был не менее знаменитым и уважаемым мастером, чем он сам.

Во втором упоминании имени Хирама в «Паралипомене» к слову «Ави» добавляется окончание из букв «йуд» и «вав». В результате возникает некая двусмысленность в вопросе о том, как следует прочесть второе имя мастера Хирама, хотя ясно, что речь идет о том же человеке, который до того был назван «Хурам-Ави». И Йосифон, оказавшись в затруднительном положении, выбирает самый простой, но по большому счету противоречащий правилам чтения на иврите вариант прочтения: «Хурам-Авив». Видимо, то же самое произошло и с масонами: они прочли второе имя Хирама даже не как «Авив», а как «Абив», а отсюда уже рукой подать до «Абифа».

В синодальном переводе Второй книги Паралипоменон на русский язык этой ошибки нет. Его авторы решили проигнорировать то, что в «Хрониконе» Хирам именуется Хурамом, а также слова «ави» и «авив» перевели одинаково — как «Авий». Это, безусловно, было верное решение: донести до читателя смысл текста, пожертвовав при этом второстепенными фонетическими разночтениями.

Наконец, Библия нигде не упоминает о жестоком убийстве мастера Хирама — а ведь если бы это событие и в самом деле имело место, оно почти наверняка нашло бы свое отражение на ее страницах. Зато в той же Второй книге Паралипоменон есть фраза об окончании Хирамом своей миссии: «И кончил Хирам работу, которую производил для царя Соломона в доме Божиим» (2 Пар. 4:11), то есть, вероятнее всего, по завершении работы мастер Хирам просто отправился домой, в Тир.

Таким образом, повторим, в еврейских источниках нет оснований для масонской легенды о мастере Хираме. Легенда эта, судя по всему, родилась спустя много веков не только после смерти царя Соломона, но и после разрушения Второго иерусалимского храма в 70-м году н. э., и анализ ее происхождения никак не входит в задачу данной книги.

Что касается происхождения самого мастера Хирама Авия, то по этому поводу идут немалые споры. Из приведенных выше отрывков следует, что Хирам Авий родился в смешанном браке: его мать была еврейкой, а отец — финикиец, уроженец Тира. Однако Третья книга Царств утверждает, что мать Хира-

ма была из колена Неффалимова (Нафтали), а Вторая книга Паралипоменон — что из колена Дана, и это довольно серьезное противоречие, по меньшей мере, с географической точки зрения — эти колена жили довольно далеко друг от друга.

Вместе с тем Иосиф Флавий, имевший доступ к источникам, которые являются для нас навсегда утерянными, настаивает на том, что и отец Хирама также был евреем. «В то же самое время, — пишет Флавий, — Соломон пригласил к себе от царя Хирама из Тира художника, по имени Хирам, который по матери своей происходил из колена Нефталимова, а отец которого был Урий, израильтянин родом»¹.

Таким образом, одни исследователи Библии настаивают, что Хирам Авий был сыном еврейки и известного финикийского мастера по работе с медью; другие — что мать Хирама родила его от первого мужа-еврея, потом вышла замуж за финикийца, который обучил пасынка своему ремеслу; третьи считают, что Флавий прав, и родители Хирама попросту переселились в Тир, где его отец, будучи высококвалифицированным литейщиком, был куда больше востребован, чем в Израильском царстве. До тех пор, пока Соломон не начал свою «стройку века», разумеется.

Впрочем, согласитесь, принципиального значения этот спор не имеет. Как и спор о том, занимался ли Хирам Авий в Храме самыми различными работами, или только работами, связанными с отливкой из меди — на самом деле работы у «медных дел мастера» при изготовлении различных предметов культа и храмовой утвари хватало. И, судя по всему, Хирам Авий и в самом деле проявил себя в этой работе как выдающийся мастер и художник.

Самыми впечатляющими творениями Хирама стали, безусловно, два столба, поставленные у входа в Храмовый зал, а также медное «море» — огромная ванна, предназначенная для омовения кознов:

«И сделал он два медных столба; каждый в восемнадцать локтей вышиною, и снурок в двенадцать локтей обнимал окружность того и другого столба. И два венца, вылитых из меди, он сделал, чтобы положить на верху столбов: пять локтей вышины в одном венце и пять локтей вышины в другом венце; сетки плетеной работы и снурки в виде цепочек для венцов, которые были на верху столбов: семь на одном венце и семь на другом венце. Так сделал он столбы и два ряда гранатовых яблок вокруг сетки, чтобы покрыть венцы, которые на верху столбов. А в притворе венцы на верху столбов сделаны наподобие лилии в четыре локтя, и венцы на обоих столбах вер-

¹ Иосиф Флавий. Иудейские древности. С. 325.

ху, прямо над выпуклостью, которая подле сетки; и на другом венце, рядами кругом, двести гранатовых яблок. И поставил столбы к притвору храма; поставил столб на правой стороне, и дал ему имя Иахин, и поставил столб на левой стороне, и дал ему имя Воаз. И над столбами поставил венцы, сделанные наподобие лилии; так окончена работа над столбами» (3 Цар. 7:15—22).

Таким образом, высота столбов Воаз (Боаз) и Иахин (Яхин) составляла, согласно этому описанию, 18 локтей, то есть чуть больше девяти метров. Согласно Второй книге Паралипоменон (3:15), высота столбов составляла 35 локтей (18,2 метра). Некоторые комментаторы считают, что 35 локтей — это суммарная высота обоих столбов; эта цифра была важна в процессе их отливки. В любом случае столбы эти ничего не поддерживали — их назначение было чисто декоративное, символическое. Но вот по поводу того, что именно они символизировали, опять-таки идут споры. Слово «Яхин» означает «уготовил», слово «Боаз» трактуется как комбинация двух слов «Бо оз» — «в Нем Сила». Таким образом, названия столбов как бы сливались во фразу «В Нем Сила и Готовность». Есть мнения, что Воаз и Иахин символизировали все ту же диалектику Божественных атрибутов Суда и Милосердия; две Скрижали Завета, Солнце и Луну и т. д.

Так как Воаз — это имя прадеда царя Давида, то Барух Каплинский высказывает предположение, что Хирам сделал эти столбы в память о предках царя Соломона, и тогда Иахин — это, возможно, имя прадеда Вирсавии¹.

Подлинное искусство проявил Хирам и при отливке медного «моря»:

«И сделал литое из меди море, — от края его до края его десять локтей, — совсем круглое, вышиною в пять локтей, и снурок в тридцать локтей обнимал его кругом. Подобия огурцов под краями его окружали его по десяти на локоть, — окружали море со всех сторон в два ряда; подобия огурцов были вылиты с ним одним литьем. Оно стояло на двенадцати волах: три глядели к северу, три глядели к западу, три глядели к югу и три глядели к востоку; море лежало на них, и зады их были обращены внутрь под него. Толщиною оно было в ладонь, и края его, сделанные подобно краям чаши, походили на распустившуюся лилию. Оно вмещало две тысячи батов» (3 Цар. 7:23—26).

Помимо этого, Хирам сделал десять медных умывальных чаш, или, проще говоря, раковин, объемом 40 батов каждая. Чаши эти размещались внутри специальных подстав — тележек на коле-

¹ См.: Каплинский Б. Биография царя Соломона и его эпоха. С. 231.

сах. Это позволяло с относительной легкостью перемещать их по всей территории Храма, доставляя в то место, где была нужна вода. А воды в Храме требовалось немало — и для омовения, и для стирки одежд кознов, запачкавшихся кровью приносимых в жертву животных, и для варки мяса этих животных, в случае если ритуал жертвоприношения предписывал есть это мясо, и т. д.

Причем Соломон не был бы Соломоном, а Хирам — Хирамом, если бы эти подставки не представляли собой подлинные произведения искусства:

«И сделал он десять медных подстав; длина каждой подставы — четыре локтя, ширина — четыре локтя, три локтя — высота. И вот устройство подстав: у них стенки, стенки между наугольными пластинами; на стенках, которые между наугольниками, изображены были львы, волы и херувимы; также и на наугольниках, а выше и ниже львов и волов — развесистые венки; у каждой подставы по четыре медных колеса и оси медные. На четырех углах выступы наподобие плеч, выступы литые внизу, под чашею, подле каждого венка. Отверстие от внутреннего венка до верха один локоть; отверстие его круглое, подобно подножию столбов, в полтора локтя, и при отверстии его изваяния; но боковые стенки четырехугольные, не круглые... И сделал десять медных умывальниц: каждая умывальница вмещала сорок батов, каждая умывальница была в четыре локтя, каждая умывальница стояла на одной из десяти подстав» (3 Цар. 7:27—38).

Помимо этого, согласно Третьей книге Царств, Хирам сделал всяческие необходимые для Храма инструменты — котлы, лопатки, вилки, кропильные чаши. Вторая книга Паралипоменон сообщает также, что Хирам покрыл медью новый жертвенник, сложенный, как и предписывает Тора, из неотесанных камней. Там же приводятся размеры Храмового жертвенника: его длина и ширина составляли 20 локтей (10,4 метра), а высота — 10 локтей (5,2 метра).

Понятно, что для производства всех этих работ Хираму нужна была своя литейная мастерская, по сути дела — небольшой завод. И Библия указывает место, которое Соломон выделил Хираму для такой мастерской: неподалеку от берега Иордана, между Сокхофом (Суккотом) и Цартаном (Церейдатой), то есть в районе нынешней границы между Израилем и Ливаном. Оттуда, через всю Галилею, весившие порой не одну тонну изделия Хирама везли в Иерусалим.

* * *

Как уже было сказано, помимо меди, при изготовлении храмовой утвари широко использовалось золото, причем самой высокой пробы.

Из золота, согласно Второй книге Паралипоменон, были сделаны в Храме следующие предметы:

жертвенник для воскурений, стоявший перед Святой Святыней. Он был одним из важнейших атрибутов Храма, так как дым воскурений образовывал своеобразное облако, символизирующее Сокрытую природу Бога. Окутанный этим дымом первосвященник раз в год, в Судный день, входил в Святой святыней;

стол, на который ставился «хлеб предложения». Мидраш говорит, что по указанию царя Соломона было сделано десять таких столов — точных копий стола, сделанного во времена Моисея мастером Веселеилом (Бецалелем) для Скинии Завета;

десять храмовых светильников, представляющих собою, по распоряжению Соломона, точные копии меноры, сделанной для Скинии Веселеилом. Эти меноры, каждая из которых имела по семь чашек для наполнения их маслом, предназначались для освещения. Общее число лампад — 70 — призвано было символизировать 70 народов, которые, как считали евреи того времени, составляли все человечество;

ложки, совки (для набора благовоний), шипцы (для снятия нагара), ножницы (для обрезки фитилей), кропильные чаши (для сбора крови жертв).

Внешние двери Храма были обложены медью, а внутренние — золотом. Святая святыней не имела дверей, и вход в нее был занавешен тяжелой завесой. Завеса эта была сделана «...из яхонтовой, пурпуровой и багряной ткани и из виссона...» (2 Пар. 3:14) и расшита изображениями херувимов.

Согласно Талмуду, при Храме всегда работали 82 девственницы, ткавшие и расшивавшие две огромные храмовые завесы — одну обычную, а другую гофрированную. Как только одна из юных ткачих выходила замуж, ее тут же сменяла другая. По одним источникам, завеса над Святой святыней менялась накануне Судного дня, по другим — гораздо реже.

«Ко всему этому, — спешит добавить Флавий, основываясь, как предполагается, на инвентарных списках храма времен Ирода, — царь велел сделать еще восемьдесят тысяч золотых кувшинов для вина и двойное количество таких же сосудов из серебра; равным образом восемьдесят тысяч золотых подносов для принесения к алтарю приготовленной муки и двойное количество таких же серебряных подносов; наконец, шестьдесят тысяч золотых и вдвое больше серебряных квашней, в которых мешали муку с оливковым маслом; к этому было присоединено также двадцать тысяч золотых и вдвое более серебряных мер, подобных мерам Моисеевым, которые

носят название гина и ассарона; далее двадцать тысяч золотых сосудов для принесения (и сохранения) в них благовонных курений для храма и равным образом пятьдесят тысяч кадильниц, с помощью которых переносили огонь с большого жертвенника (на дворе) на малый алтарь в самом святилище; тысячу священнических облачений для иереев с наплечниками, нагрудниками и камнями, служившими для гадания. Но тут имелась одна лишь головная повязка, на которой Моисей начертал имя Господне и которая сохранилась до настоящего времени. Царь велел сшить священнические облачения из виссона и сделать к ним десять тысяч поясов из пурпура. Равным образом он распорядился заготовить, по предписанию Моисееву, двести тысяч труб и столько же одеяний из виссона для певчих из левитов. Наконец, он приказал соорудить из электрона¹ сорок тысяч самостоятельных музыкальных инструментов, а также таких, которые служат для аккомпанемента при пении, то есть так называемых нибл и кинир»².

«И окончилась вся работа, которую производил Соломон для дома Господня. И принес Соломон посвященное Давидом, отцом его, и серебро, и золото, и все вещи, отдал в сокровищницы дома Божия...» (2 Пар. 5:1).

Это еще одна, весьма любопытная деталь: оказывается, Соломон почти не воспользовался теми материалами, которые оставил ему специально для строительства Храма отец. Он предпочел пользоваться золотом из Офира, деревом из Ливана и медью из открытых им месторождений, о которых пойдет речь впереди. Собранные же Давидом богатства Соломон передал в сокровищницу Храма.

Согласно устному преданию, Соломон решил отказаться от использования золота и других материалов, собранных Давидом, потому что по большей своей части они представляли собой военную добычу, взятую великим псалмопевцем в его многочисленных войнах. Соломону же, продолжает это предание, очень не хотелось, чтобы другие народы говорили, что евреи построили свой величественный Храм из золота и меди, награбленных у других народов. Хотя не исключено, что на самом деле сокровища Давида были использованы наряду с сокровищами Соломона, но в итоге стройматериалов оказалось так много, что немалая их часть осталась попросту неиспользованной.

Теперь, после того как все работы по строительству Храма были завершены, пришло время начать в нем предписанные Законом службы и открыть его двери для народа.

¹ Электроном во времена Флавия называли сплав из четырех частей золота и одной части серебра.

² *Иосиф Флавий*. Иудейские древности. С. 327.

Глава третья **«КТО ЕСТЬ СЕЙ ЦАРЬ СЛАВЫ?»**

«Тогда созвал Соломон старейшин Израилевых, и всех начальников колен, глав поколений сынов Израилевых, к царю Соломону в Иерусалим, чтобы перенести ковчег завета Господня из города Давидова, то есть Сиона. И собрались к царю Соломону на праздник все Израильтяне в месяце Афаниме, который есть седьмой месяц» (3 Цар. 8:1—2).

Итак, с датой празднования завершения строительства Храма все более-менее ясно: месяц афаним (эйтаним) — это месяц тишрей по принятому евреями после Вавилонского плена календарю; седьмой месяц, если вести отсчет от весеннего месяца нисана, на который приходится праздник Песах (Пасха). На тишрей, приходящийся обычно на сентябрь — начало октября, в свою очередь, падают главные еврейские праздники. Первого тишрея отмечается Новый год, празднуемый два дня подряд; затем через десять дней после Нового года приходится Судный день, а через четыре дня после этого начинается недельный праздник Суккот (Кушей), причем это был восьмой год, если вести отсчет от начала строительства Храма.

Но чуть выше та же книга приводит иную дату завершения строительства Храма: «А на одиннадцатом году, в месяце Буле, — это месяц восьмой — он окончил дом со всеми принадлежностями его и предназначениями его; строил его семь лет» (3 Цар. 6:38).

Таким образом, строительство Иерусалимского храма шло на деле чуть более шести лет. Но Соломону крайне важно было приурочить начало в нем богослужения к какой-нибудь значимой дате, к великому празднику — так, чтобы собрать всех видных представителей народа в Иерусалиме и чтобы два столь важных события слились воедино в народной памяти. Поэтому царь отложил праздник в честь открытия святилища на 11 месяцев, и в результате Храм распахнул свои двери лишь через семь лет после начала его строительства¹.

Большинство источников утверждает, что под праздником, в который начал действовать Храм, следует понимать Суккот. Торжества по поводу окончания строительства при этом плавно перешли в грандиозный пир в честь свадьбы Соломона с дочерью фараона, и пир этот продолжался еще один день после окончания праздника.

¹ Не исключено, что эти 11 месяцев были использованы Соломоном для тщательной релетиции всех деталей праздника обновления Храма — как показано ниже, это было грандиозное действо, причем сотни участвовавших в нем певцов и музыкантов выступали удивительно слаженно — при пении огромного хора казалось, что звучит «один голос».

Но есть и мнение, что на самом деле Соломон решил приурочить празднование новоселья Храма к Судному дню — дню поста, молитвы и трепета. В связи с этим народ начал прибывать в Иерусалим за двое суток до Судного дня, тогда же, по сути дела, и начался праздник обновления Храма, продолжавшийся семь дней — до первого дня праздника Суккот. А в семь дней праздника Суккот, в свою очередь, отмечалась свадьба Соломона с дочерью фараона.

Комментаторы подчеркивают, что, помимо членов советов старейшин всех колен, городских судей, командиров резервистских подразделений, начиная от сотников, выдающихся знатоков Закона и других известных и уважаемых людей, в Иерусалим пришло и множество простого народа — те, кого Вторая книга Паралипоменон называет «все люди Израиля».

Грандиозная церемония празднования началось в Городе Давида. Здесь, на глазах огромной толпы, левиты в роскошных новых одеяниях подняли с помощью специальных ремней на плечи и вынесли из сооруженной Давидом Скинии Ковчег Завета с лежащими в них скрижалями с горы Синай. Затем из Скинии вынесли и другие священные артефакты, сопровождавшие евреев еще во время их странствий по пустыне — золотой храмовый семисвечник (менору), столы для хлебов предложения...

Но прежде, чем эта процессия двинулась в сторону воздвигнутого Соломоном Храма, перед Ковчегом началось жертвоприношение овец, баранов и быков. Дальше, очевидно, все происходило так же, как в свое время при внесении Давидом Ковчега Завета в Иерусалим: через каждые несколько метров процессия останавливалась и в жертву закалывалась новая партия животных. В результате, как говорится и в Третьей книге Царств, и во Второй книге Паралипоменон, общее число принесенных в жертву животных «...невозможно исчислить и определить, по причине множества» (2 Пар. 5:6).

Наконец, под восторженные крики толпы, пение левитов, играющих на различных музыкальных инструментах, Ковчег Завета был внесен в зал Храма, и теперь оставалось лишь разместить его в дави́ре — в Святая святых.

В этот момент левиты стали распевать 24-й псалом¹, написанный, согласно преданию, царем Давидом специально для того дня, когда Ковчег будет внесен в дави́р:

«Давида песня. Господу принадлежит земля и все, что на ней, мир и его обитатели. Ибо он основал ее на морях и утвердил на реках. Кто взойдет на гору Господню и кто предстанет на Его месте? Тот, у кого чисты руки и чисто сердце, кто не

¹ В синодальном переводе — 23-й псалом.

возносил напрасной клятвы Моим Именем и не клялся ложно. Такой получит благословение от Господа и благословение от Бога, избавляющего его. Это поколение ищущих Его, это Яаков, всегда ищущий лица Твоего. Поднимите, врата, ваши головы и вознеситесь, двери вечности, — и войдет Славный Царь. Кто этот Славный Царь? Господь — сильный и могучий, Господь, могущественный на поле битвы. Поднимите, врата, ваши головы и вознеситесь, двери вечности, — и войдет Славный Царь. Кто этот Славный Царь? Бог Воинств — он Славный Царь вовеки» (Пс. 24 [23]:1—9)¹.

Фольклор живописует эти великие минуты, внося в них элементы драмы и последующего чуда.

«Когда стали вносить Ковчег Завета в Храм, — повествует мидраш, — выяснилось, что ширина его дверей с точностью до миллиметра равна ширине Ковчега, и потому он не проходил внутрь. И охватили Соломона стыд и боль за эту ошибку при строительстве, и взмолился он к Богу: “Господи! Дай внести Ковчег в Дом Твой ради отца моего Давида!”

И сразу после этих слов косяки дверей расступились и пропустили Ковчег внутрь Храма и тут же снова встали на свое место.

Но когда Ковчег принесли к Святая Святых, то сомкнулись его двери и никакой силой не получалось открыть их. Произнес Соломон подряд двадцать четыре молитвы ко Всевышнему с просьбой открыть двери, но все они остались безответными. И тогда воспел Соломон псалом отца своего, Давида: “Поднимите, врата, ваши головы и вознеситесь, двери вечности, — и войдет Славный Царь!”

В тот момент попытались двери соскочить с петель и отсечь Соломону голову, ибо подумали, что Соломон назвал “Славным Царем” самого себя.

“Кто этот Славный Царь?” — спросили двери.

“Господь сильный и могучий, Господь могущественный на поле битвы!” — ответил Соломон.

“Поднимите, врата, ваши головы и вознеситесь, двери вечности, — и войдет Славный Царь!” — повторил Соломон.

“Кто этот Славный Царь?” — снова спросили двери.

“Бог Воинств — Он Славный Царь вовеки!” — ответил Соломон, но двери Святая Святых по-прежнему оставались закрытыми.

“Вспомним, Господи, раба Своего Давида и в заслуги его

¹ Здесь и далее перевод псалмов приводится по изд.: Теилим Швут Ами: С избранными комментариями Раши, Радака, Сфорно, Мальбима, Алшиха, Мецудот и многих других древних и современных еврейских мудрецов. Иерусалим, 2003.

сделай это!" — вскричал тогда Соломон, и распахнулись двери Святая Святых и пропустили Ковчег с несущими его кознами внутрь»¹.

Согласно Раши, в тот момент, когда распахнулись двери давира, Бог окончательно простил Давида за его грех с Вирсавией, и это ясно понял весь народ, находившийся в Храме — в том числе и те, кто втайне продолжал ненавидеть и покойного царя, и его сына, царя Соломона.

«И принесли священники ковчег завета Господня на место его, в давир Храма — во Святое Святых, под крылья херувимов. И херувимы распростирали крылья над местом ковчега, и покрывали херувимы ковчег и шесты его сверху. И выдвинулись шесты так, что головки шестов ковчега видны были пред давиром, но не выказывались наружу; и они там до сего дня. Не было в ковчеге ничего, кроме двух скрижалей, которые положил Моисей на Хориве, когда Господь заключил завет с сынами Израилевыми, по исходе их из Египта. Когда священники вышли из святилища, ибо все священники, находившиеся там, освятились без различия отделов; и левиты певцы, — все они, то есть Асаф, Еман и Идифун и сыновья их, и братья их, одетые в виссон, с кимвалами и с псалтырями, и цитрами, стояли на восточной стороне жертвенника, и с ними сто двадцать священников, трубивших трубами, и были, как один, трубящие и поющие, издавая один голос к восхвалению и славословию Господа; и когда загредел звук труб и кимвалов, и музыкальных орудий, и восхваляли Господа, ибо Он благ, ибо вовек милость Его; тогда дом, дом Господень наполнило облако, и не могли священники стоять на служении по причине облака, ибо слава Господня наполнила дом Божий...» (2 Пар. 5:7—14).

Согласитесь, что из этого текста встает необычайно зримая и яркая картина.

Итак, священники-козны в своих белых одеяниях под распеваемый на два голоса 24-й псалом (первые голоса вопрошают «Кто этот Славный Царь?», а вторые отвечают «Бог Воинств — Он Славный Царь веки!») вносят Ковчег Завета в Святая святых. И в тот самый момент, когда Ковчег устанавливают между двумя распростертыми крыльями херувимов, всех присутствующих в Храме, и прежде всего кознов, охватывает состояние религиозного экстаза.

Тем временем на восточной стороне Храма выстраивается хор левитов, а также музыканты с ударными (цимбалы; в синодальном переводе «кимвалы») и струнными (арфы и кинноры; в синодальном переводе — «псалтыри и цитры») инстру-

¹ Собрание сказаний к книгам Невиим и Кетувим: В 4 т. / Сост. и ред. И. Я. Клепгольц. Бней-Брак, 1990. Т. 2. С. 48—49.

ментами. Их дополняют духовые — 120 кознов с серебряными трубами. И когда музыканты начинают выводить мелодию, левиты начинают опять-таки на два голоса петь 136-й псалом¹. Причем хор и оркестр звучат необычайно слаженно («...и были, как один, трубящие и поющие, издавая один голос»), что, повторим, вероятнее всего было достигнуто за счет долгих репетиций, предшествовавших празднику.

Сам 136-й псалом, по мнению комментаторов, является одним из величайших творений поэтического гения Давида и несет в себе огромный мистический смысл — 26 его стихов соответствуют гиматрии² четырехбуквенного имени Бога. Подлинную художественную мощь этого гимна можно понять только в оригинале, но и перевод позволяет это в какой-то мере ощутить:

Благодарите Господа, ибо Он добр —
Ибо вечна милость Его.
Благодарите Властелина высших сил —
Ибо вечна милость Его.
Благодарите Повелителя ангелов —
Ибо вечна милость Его.
Который один лишь творит великие чудеса —
Ибо вечна милость Его.
Который мудростью Своей создал Небеса —
Ибо вечна милость Его...

(136 [137]:1—4)

Религиозный экстаз священников и остальных участников этой грандиозной мистерии нарастает, и в эти минуты огромное облако начинает клубиться вокруг Святая святых и наполнять Храм.

Конечно, объяснять это можно по-разному. Для всех присутствующих тогда в Храме было совершенно ясно, что это облако — зримое проявление Славы Господней, того, что Он, «Славный Царь», присутствует в Храме. Более того — все собравшиеся явственно ощутили это Присутствие, некую особую эманацию Всевышнего.

Именно так это воспринимает каждый верующий в Бога человек и сегодня.

У рационалистов, разумеется, есть свое объяснение этой сцены. По их версии, в минуты звучания псалма коэны воскурили на золотом жертвеннике благовония, и то, что увидели все собравшиеся, было именно облаком от воскурения. Пья-

¹ В синодальном переводе — 137-й псалом.

² Гиматрия — числовое значение слова, полученное из сложения числовых значений букв ивритского алфавита (алеф — 1, бэт — 2, гимел — 3, далет — 4 и т. д.).

нящий запах благовоний, дым, музыка, общая атмосфера — все это, безусловно, не могло не привести если не всех, то подавляющее большинство участников Праздника обновления Храма в экстатическое состояние.

Какое-то мгновение после того, как облако заполнило часть Храма, в нем установилась тишина. Но вот в этой тишине зазвучал голос Соломона, начавшего свою страстную молитву Господу.

Сам текст этой долгой молитвы, приводимой как Третьей книгой Царств, так и Второй книгой Паралипоменон, свидетельствует в пользу ее аутентичности того, что это и в самом деле та самая молитва, которую произнес Соломон в день, когда впервые распахнулись двери Храма. Во всяком случае, никакого смысла придумывать подобный текст у авторов этих книг не было — они явно переписали его (возможно, внося какие-то поправки) с некоего имевшегося у них манускрипта.

К мнению, что речь и в самом деле идет об аутентичной молитве Соломона, склоняются и многие ученые. Вместе с тем скептицизм некоторых из них по отношению к тексту Библии так велик, что при этом они начинают выдвигать иные, непонятно на чем основанные версии. К примеру, версию, что молитву и в самом деле произнес Соломон, но вот ее текст написал кто-то из его придворных, некий оставшийся неизвестным древний «спичрайтер». Понятно, что эта версия возникла с целью подкрепить также непонятно на чем основанное мнение, что «реальный», «исторический» Соломон якобы не обладал талантами поэта и оратора, а потому, дескать, и не мог быть создателем ни «Песни песней», ни «Екклесиаста», ни «Притчей». Авторы подобных версий порой не понимают, насколько смешно выглядит их попытка уподобить жившего три тысячи лет назад царя современным политикам, имидж которых сформирован политтехнологами, а речи зачастую составляются профессиональными спичрайтерами.

Вне сомнения, молитва царя Соломона в Храме может восприниматься и как его торжественная речь перед народом. Так же как не вызывает сомнений, что молитва эта чрезвычайно важна для понимания ряда базовых истин иудаизма и его взгляда на роль Иерусалимского храма в жизни как еврейского народа, так и всего человечества.

Наконец, эта молитва, без сомнения, отражает краеугольные камни мировоззрения и мироощущения самого героя этой книги. А потому, какой бы длинной она ни была, нам придется вникнуть в ее содержание.

«Тогда сказал Соломон: Господь сказал, что Он благоволит обитать во мгле; я построил храм в жилище Тебе, место, чтобы пребывать Тебе во веки. И обратился царь лицом своим, и благословил все собрание Израильтян; все собрание Израильтян стояло — ...» (3 Цар. 8:12—14).

Уже здесь мы сталкиваемся с серьезной ошибкой всех существующих переводов Библии. Фраза, которая переводится как «сказал, что Он благоволит обитать во мгле...», на иврите звучит «амар лешахен бэ-арафель». Но «лешахен» — означает не «обитать», а «присутствовать»; а «арафель» — это ни в коем случае не «тьма» (или, как это значится в других переводах, «мгла»), а «густой туман», «облачная субстанция», через которую невозможно что-либо увидеть. Таким образом, слово «арафель» используется в данном случае как символ сокрытия, невозможности передать понятие «Бог» в виде какого-либо четкого, зримого образа.

Дальше Соломон не просто напоминает народу «краткую историю строительства Храма», но и декларирует мысль, что, будучи построенным на том самом месте, которое указал Всевышний Давиду, Храм является материальным доказательством того, что Бог никогда не нарушает данного Им слова. Он обещал израильтянам при выходе из Египта указать то единственное место в Земле обетованной, где должны приноситься жертвы и должен быть навечно установлен Ковчег Завета — и Он выполнил это обещание. Отказав Давиду в праве построить Храм, одновременно Бог пообещал ему, что это сделает его сын — и вот это обещание тоже исполнено. И уже после такого признания Соломон осмеливается напомнить Творцу о Его обещании вечно хранить еврейский народ и основанную Давидом династию:

«И сказал: благословен Господь, Бог Израилев, Который, что сказал устами Своими Давиду, отцу моему, исполнил ныне рукой Своею. Он говорил: “с того дня, как вывел Я народ Мой из земли Египетской, Я не избрал города ни в одном из колен Израилевых для построения дома, в котором пребывало бы имя Мое, и не избрал человека, который был бы правителем народа Моего, Израиля. Но избрал Иерусалим, чтобы там пребывало имя Мое, избрал Давида, чтобы он был над народом Моим, Израилем”. И было на сердце у Давида, отца моего, построить дом имени Господа, Бога Израилева. Но Господь сказал Давиду, отцу моему: “у тебя есть на сердце построить храм имени Моему; хорошо, что это на сердце у тебя. Однако не ты построишь храм, а сын твой, который произойдет из чресл твоих, — он построит храм имени Моему”. И исполнил

Господь слово Свое, которое изрек: я вступил на место Давида, отца моего, и воссел на престоле Израилевом, как сказал Господь, и построил дом имени Господа, Бога Израилева. И я поставил там ковчег, в котором завет Господа, заключенный Им с сынами Израилевыми. И стал Соломон у жертвенника Господня впереди всего собрания Израильтян, и воздвиг руки свои... <...> И сказал: Господи, Боже Израилев! Нет Бога, подобного Тебе, ни на небе, ни на земле. Ты хранишь завет и милость к рабам Твоим, ходящим пред Тобою всем сердцем своим. Ты исполнил рабу Твоему Давиду, отцу моему, то, что Ты говорил ему; что изрек Ты устами Твоими, то в день сей исполнил рукою Твоею. И ныне, Господи, Боже Израилев! исполни рабу Твоему, Давиду, отцу моему, то, что Ты сказал ему, говоря: “не прекратится у тебя муж, сидящий пред лицом Моим на престоле Израилевом, если только сыновья твои будут наблюдать за путями своими, ходя по закону Моему, как ты ходил предо Мною” ...» (2 Пар. 6: 4—17).

Вслед за этим Соломон спешит подчеркнуть, что прекрасно понимает, что когда он говорит о храме как о «доме Господа», то эти слова ни в коем случае нельзя понимать буквально — ведь это Бог, согласно концепции иудаизма, вмещает в себя Вселенную, а отнюдь не Вселенная — Его. Понятно, что с точки зрения еврейской религии Бог может услышать каждого человека из любой точки планеты. Да что там планеты — из любой точки мироздания! И все же, напоминает Соломон, место, где стоит Храм, — не обычное место. Оно связано с Сотворением мира, с праотцами еврейского народа Авраамом, Исааком и Иаковом; с заключенным с ними заветом. Оно избрано для Храма самим Творцом, и потому молитва, произнесенная из Храма, обладает особой силой. Сама сакральность места и приход в Храм человека усиливают любую молитву подобно тому, как, скажем, закрепленный в определенном месте сцены микрофон, если к нему подойти, многократно усилит и разнесет по всему залу даже произнесенные шепотом слова:

«Поистине, Богу ли жить с людьми на земле? Если небо и небеса небес не вмещают Тебя, тем менее храм, который построил я. Но призри на молитву раба Твоего и на прошение его, Господи Боже мой! услышь воззвание и молитву, которою раб Твой молится пред Тобою. Да будут очи Твои отверсты на храм сей днем и ночью, на место, где Ты обещал положить имя Твое, чтобы слышать молитву, которою раб Твой будет молиться на месте сем» (2 Пар. 6:18—20).

И далее Соломон просит Бога уже не от своего имени, а от имени всего еврейского народа, проявляя себя в этот момент подлинным лидером нации, для которого заботы и судьбы его

подданных в целом куда важнее личного благополучия. Сам Храм предстает из этих слов Святилищем, предназначенным как для индивидуальной, так и для общественной молитвы Всевышнему:

«...Услышь моление раба Твоего и народа Твоего Израиля, какими они будут молиться на месте сем; услышь с места обитания Твоего, с небес; услышь и помилуй! Когда кто согрешит против ближнего своего, и потребуют от него клятвы, чтобы он поклялся, и будет совершаться клятва пред жертвенником Твоим в храме сем, тогда Ты услышь с неба, соверши суд над рабами Твоими, воздай виновному, возложив поступок его на голову его, и оправдай правого, воздав ему по правде его. Когда поражен будет народ Твой Израиль неприятелем за то, что согрешил пред Тобою, и они обратятся к Тебе, и исповедают имя Твое, и будут просить и молиться пред Тобою в храме сем; тогда Ты услышь с неба, и прости грех народа Твоего Израиля, и возврати их в землю, которую Ты дал им и отцам их. Когда заключится небо и не будет дождя за то, что они согрешили пред Тобою, и будут молиться на месте сем, и исповедают имя Твое, и обратятся от греха своего, потому что Ты смирил их, тогда Ты услышь с неба и прости грех рабов Твоих и народа Твоего Израиля, указав им добрый путь, по которому идти им, и пошли дождь на землю Твою, которую Ты дал народу Твоему в наследие. Голод ли будет на земле, будет ли язва моровая, будет ли ветер палящий или ржа, саранча или червь, будут ли теснить его неприятели на земле владений его, будет ли какое бедствие, какая болезнь, всякую молитву, всякое прошение, какое будет от какого-либо человека или от всего народа Твоего Израиля, когда они почувствуют каждый бедствие свое и горе свое и прострут руки свои к храму сему, Ты услышь с неба — места обитания Твоего, и прости, и воздай каждому по всем путям его, как Ты знаешь сердце его, — ибо Ты один знаешь сердце сынов человеческих, — чтобы они боялись Тебя и ходили путями Твоими во все дни, доколе живут на земле, которую Ты дал отцам нашим» (2 Пар. 6:21—31).

Вслед за этими словами Соломон провозглашает, что Храм является всемирным центром молитвы; он построен не только для евреев, но и для всего человечества:

«Даже и иноплеменник¹, который не от народа Твоего Израиля, когда он придет из земли далекой ради имени Твоего великого и руки Твоей могущественной и мышцы Твоей простиертой, и придет и будет молиться у храма сего, Ты услышь с неба, с места обитания Твоего, и сделай все, о чем будет зывать к Тебе иноплеменник, чтобы все народы земли узнали

¹ В оригинальном тексте нет слова «даже».

имя Твое, и чтобы боялись Тебя, как народ Твой Израиль, и знали, что Твоим именем называется дом сей, который построил я» (2 Пар. 6:32—33).

Эти слова являются лучшим ответом тем, кто пытается утверждать, что едва ли не до эпохи Талмуда евреи воспринимали своего Господа как племенного Бога, избравшего их к Себе как народ, выведшего их из Египта и прислушивающегося в обмен на выполнение Его законов исключительно для евреев. В этих словах молитвы Соломона о Боге явственно говорится в том же ключе, что и в «Пятикнижии», на страницах Второй книги Царств, во многих псалмах, Книге Иова и более поздней Книге пророка Ионы — как о Творце Вселенной и человеческой истории, в равной степени заботящемся обо всех народах планеты.

С этой точки зрения чрезвычайно показательно и то, что в течение праздника Суккот в Иерусалимском храме суммарно приносилось в жертву 70 быков — «по числу народов мира», то есть по одному быку за каждый народ. «В последний день Суккот, — отмечается в комментарии к молитве этого праздника, — общее число приносимых бычков достигает семи — это символ тех времен, когда человечество объединится и будет вместе служить Богу не только чувством, но и действием»¹.

И наконец, заключительная часть молитвы Соломона перекликается с текстом «Пятикнижия» — с теми его главами, где говорится, что народ Израиля будет спокойно и сытно жить на своей земле только в случае, если будет исполнять данные ему заповеди. В случае же постоянного и вопиющего нарушения этих заповедей Бог изгонит их с этой земли и им придется жить в изгнании, пока они не раскаются. Признавая справедливость этих пророческих слов «Пятикнижия», Соломон выражает надежду, что и при таком повороте событий Бог не оставит Свой народ и сохранит его связь с Храмом и городом, в котором стоит этот Храм, то есть с Иерусалимом:

«Когда выйдет народ Твой на войну против неприятелей своих путем, которым Ты пошлешь его, и будет молиться Тебе, обратившись к городу сему, который избрал Ты, и к храму, который я построил имени Твоему, тогда услышь с неба молитву их и прошение их и сделай, что потребно для них. Когда они согрешат пред Тобою, — ибо нет человека, который не согрешил бы, — и Ты прогневаешься на них, и предашь их врагу, и отведут их пленившие их землю далекую или близкую, и когда они в земле, в которую будут пленены, войдут в себя и обратятся, и будут молиться Тебе в земле пленения своего, говоря: мы

¹ Сидур Шаарей тфила (молитвенник «Врата молитвы»: На будни, субботу и праздники. Иерусалим, 5759 (1998). С. 596.

согрешили, сделали беззаконие, мы виновны, и обратятся к Тебе всем сердцем своим и всею душою своею в земле пленения своего, куда отведут их в плен, и будут молиться, обратившись к земле своей, которую Ты дал отцам их, и к городу, который избрал Ты, и к храму, который я построил имени Твоему, — тогда услышь с неба, с места обитания Твоего, молитву их и прощение их, и сделай, что потребно для них, и прости народу Твоему, в чем он согрешил пред Тобою» (2 Пар. 6:34—39).

Для человека верующего пророческий характер этой молитвы Соломона не вызывает сомнений. Как известно, Иерусалимский храм был дважды разрушен, а евреи в итоге оказались в изгнании, были рассеяны по всему миру. Но при этом они продолжали сохранять связь с обетованной им землей, Иерусалимом и уже несуществующим Храмом. Конечно, можно предположить, как это делают сторонники теории библейской критики, что этот отрывок был вставлен в Третью книгу Царств «задним числом», после возвращения евреев из Вавилонского пленения. Но, повторим, эти слова не содержат в себе ничего нового; перед нами — пересказ основных идей 29—30-й глав Второзакония («Дварим»), последней книги Пятикнижия Моисеева, а она, даже по мнению самых закоренелых скептиков, была написана куда раньше Вавилонского пленения.

Наконец, повторим, молитва Соломона выглядит крайне затянутой, с точки зрения содержания в такой вставке нет никакого смысла. Таким образом, все указывает на то, что Соломон и в самом деле произнес эти, овеянные пророческим духом слова. Заодно он обозначил в них ту систему устройства мироздания, которая и сегодня остается базисной для еврейской религиозной философии: Храм и гора Мория, на которой он стоит, являются для еврея своеобразным центром мира. От этого центра концентрическими кругами расходятся Иерусалим, земля Израиля и вся остальная планета. Именно поэтому и сегодня приезд на Святую землю характеризуется у евреев словом «алия» — «подъем». Приезжая в Израиль, направляясь в Иерусалим, подходя к Стене Плача, еврей, как считается, «поднимается» к Богу. Во всех остальных случаях он совершает «йериду», «духовный спуск», даже если он поднимается на Эверест. Где бы он ни находился, еврей молится в сторону Иерусалима, а в Иерусалиме — в сторону Храмовой горы.

...Закончив молитву, Соломон встал с колен и обратился уже не к Богу, а к народу, призвав его к верности Творцу. Не забыл он при этом напомнить, что сама судьба народа Израиля, как все хорошее, так и все плохое, что с ним будет происходить, и будет для других народов доказательством существования Всевышнего. Само же здание Храма, будучи материаль-

ным воплощением давнего пророчества, было, с точки зрения Соломона, более чем достаточным доказательством того, что Всевышний всегда исполняет Свои обещания:

«И стоя благословил все собрание Израильтян, громким голосом говоря: благословен Господь, который дал покой народу Своему Израилю, как говорил! не осталось не исполненным ни одного слова из всех благих слов Его, которые Он изрек чрез раба Своего Моисея... и да будут слова сии, которыми я молился пред Господом, близки к Господу Богу нашему день и ночь, дабы Он делал, что потребно для раба Своего, и что потребно для народа Своего Израиля, изо дня в день, чтобы все народы познали, что Господь есть Бог и нет кроме Его; да будет сердце ваше вполне предано Господу, Богу нашему, чтобы ходить по уставам Его и соблюдать заповеди Его, как и ныне» (3 Цар. 8:55—61).

Сразу после этого, сообщает дальше Библия, в Храме начались обильные жертвоприношения — и в честь праздника, и в честь обновления Храма. И Третья книга Царств, и Вторая книга Паралипоменон называют одно и то же число жертв: 22 тысячи голов крупного рогатого скота и 120 тысяч голов мелкого.

Пытаясь дать объяснение этим цифрам, комментаторы говорят, что речь идет о жертвоприношениях, сделанных представителями всех двенадцати колен в течение восьми дней праздника для всех видов жертвоприношений, чтобы мясом жертв можно было накормить всех собравшихся в те дни в Иерусалиме. Но даже в этом случае цифры получаются огромными. Поэтому ряд библеистов считают, что понимать эти цифры буквально не стоит — они просто призваны дать хоть какое-то представление об огромном числе принесенных в тот день жертв, так что «...медный жертвенник, который пред Господом, был мал для помещения всесожжения, и хлебного приношения, и тука мирных жертв» (3 Цар. 8:64).

Мидраш рассказывает, что по окончании молитвы Соломона висящие на стенах Храма вырезанные из дерева ветки с плодами и листьями вдруг на глазах у толпы ожили, наполнились соком и заполнили все помещение чудесным запахом живых цветов, гранатов и яблок. Этот райский запах от обвивающих стены плодов, продолжает мидраш, сохранялся в Первом храме во все дни его существования.

Но, думается, читатель уже понял, что, как и мидраш о притолоках храмовых дверей, это поэтическое предание не требует, чтобы в него свято верили. Оно призвано было лишь отразить восторг народа перед величием воздвигнутого Соломоном святилища.

Вторая книга Паралипоменон говорит еще об одном чуде, произошедшем на глазах всех собравшихся после молитвы Соломона: «Когда окончил Соломон молитву, сошел огонь с неба и поглотил всежжение и жертвы, и слава Господня наполнила дом. И не могли священники войти в дом Господень, потому что слава Господня наполнила дом Господень. И все сыны Израилевы, видя, как сошел огонь и слава Господня на дом, пали лицом на землю, на помост, и поклонились, и славословили Господа, ибо Он благ, ибо вовек милость Его» (2 Пар. 7:1—3).

Таким образом, если верить Библии, в Храме повторилось то же чудо, которое произошло в дни Моисея и Аарона при обновлении Переносного храма. Это и было доказательством того, что Бог признает преемственность между двумя этими святынями.

Так как священники оказались в тот день неспособны выдерживать Шхину, то храмовую службу вел сам Соломон — подобно тому как его отец Давид также в свое время принимал участие в богослужении, хотя по Закону его имеют право осуществлять только коэны — потомки первосвященника Аарона...

«...Так осветили храм Господу царь и все сыны Израилевы» (3 Пар. 8:63).

Разумеется, цели, которые преследовал Соломон, воздвигнув в столице величественный Храм Богу, различными авторами трактуются по-разному — в зависимости от их мировоззрения. Для верующего еврея строительство Храма, вне сомнения, и является величайшим деянием Соломона — так же как гибель Храма является величайшей из трагедий. Без Иерусалимского храма, с точки зрения иудаизма, невозможно как полноценное служение Творцу, так и мировая гармония. Поэтому вся еврейская эсхатология, все чаяния еврейских пророков о том времени, когда народы «перекуют мечи на орала» и «будет Господь на всей земле Один и имя Его едино»¹, неразрывно связаны с будущим возрождением Храма.

Но, к примеру, Пол Джонсон, да и многие другие историки считают, что, возводя Храм, Соломон стремился «реформировать религию в направлении царского абсолютизма, когда под царским контролем находится единственное святилище, где можно по-настоящему поклоняться Богу...».

«Но Соломон, — продолжает Джонсон, — разумеется, не был просто язычником, иначе он не стал бы удалять свою жену-язычницу от святого места. Он понимал теологию своей религии, так как спрашивал: “Поистине, Богу ли жить на земле? Небо и небо небес не вмещают тебя, тем менее сей храм,

¹ Зах. 14:9.

который я построил”. И он добивается компромисса между государственными нуждами и своим пониманием израильского монотеизма, предполагая не физическое, а символическое присутствие Всевышнего: “Да будут очи Твои отверсты на храм сей день и ночь, на сие место, о котором Ты сказал: Мое имя будет там”. Примерно таким же образом будущие поколения соединили Храм с верой...»¹

В то же время, анализируя текст молитвы Соломона, многие библеисты ставят ему в упрек ту гордыню, которая слышится им во многих ее словах. Если Давид, напоминают они, постоянно подчеркивал, что он — лишь раб Божий и все его свершения — лишь проявление «воли Божьей», то Соломон в начале молитвы то и дело «якает»: «Я вступил на престол отца моего Давида», «сей храм, который я построил». И вот в этом тщеславии, в стремлении постоянно подчеркнуть свои личные заслуги и достижения видится им основное отличие между личностями Давида и Соломона. В подтексте молитвы явственно чувствуется, что 24-летний царь жаждал бессмертия. Бессмертия не эзотерического и, безусловно, не физического, а того самого, о котором бредят все творческие натуры на заре туманной юности: о сохранении своего имени в памяти собственного народа и всего человечества. Строительство Храма и революционные государственные реформы и были в его понимании теми делами, которые призваны были это бессмертие обеспечить.

Но независимо от объяснения мотивов, которыми руководствовался Соломон, нельзя не признать, что Иерусалимский храм сыграл огромную роль в истории — как еврейской, так и общечеловеческой. А потому день, когда в этом Храме началось богослужение, был и в самом деле великим днем.

Впрочем, только праздником в честь обновления Храма та столь памятная неделя не закончилась...

Глава четвертая

СВАДЬБА

Устное предание утверждает, что в вечер того самого дня, когда состоялась церемония обновления Храма, была отпразднована и свадьба царя Соломона с дочерью фараона и в тот же день он написал поэму «Песнь песней».

Соломон, разумеется, устроил роскошный пир в честь своей женитьбы на дочери владыки Египта. Согласно тому же преданию, невеста прибыла на свадьбу в сопровождении тыся-

¹ *Джонсон П.* Популярная история евреев. С. 77—78.

чи египетских певцов и музыкантов, игравших на разных инструментах. Одна египетская мелодия сменяла на этой свадьбе другую, и каждый раз, как музыканты заканчивали играть, дочь фараона объясняла Соломону, в честь какого именно египетского божества звучал только что услышанный им гимн.

Талмуд утверждает также, что новобрачная в ту свадебную ночь исполнила перед Соломоном восемьдесят различных плясок — и это тоже были в основном те самые ритуальные танцы, с которыми в египетских храмах выступали перед статуями богов.

Так почти сразу после своих клятв в верности Единственному Богу и возвышенной молитвы Ему Соломон вольно или невольно, но причастился к «языческой мерзости», к культам египетских богов.

Свадебный пир, продолжает мидраш, затянулся, так что молодые отправились почивать далеко за полночь. И когда Соломон заснул на своем ложе, дочь фараона, решив, видимо, дать мужу подольше поспать после тяжелой ночи, тщательно занавесила окна и повесила над его кроватью балдахин, украшенный алмазами, искусно воспроизводивший картину звездного неба. Когда Соломон пробудился ото сна, чтобы направиться в Храм на утреннее богослужение, обычно начинавшееся с восходом Солнца, то, увидев над собой звездное небо, снова заснул.

Так продолжалось несколько раз, а тем временем священники-коэны и огромная толпа стояли у ворот Храма, но не могли войти внутрь и начать богослужение, так как ключи от дверей были только у Соломона. Несколько раз придворные направлялись в царский дворец, но, узнав, что царь «изволит почивать», не решались его будить.

Наконец, когда после восхода прошло уже четыре часа, еще немного — и истек бы час, до которого можно было продолжать утреннее жертвоприношение, было решено обратиться за помощью к матери Соломона Вирсавии.

Вирсавия же решила проблему просто. Войдя в спальню сына, она в гневе сбросила балдахин, затем сняла сандалий с ноги и стала бить им Соломона, приговаривая: «Вот тебе, соня! Что ж ты меня позоришь, плод чрева моего, сын обетов моих?!»¹

И Соломон, разумеется, проснулся, спешно оделся и направился в Храм. В тот день утреннее богослужение началось в

¹ Этот мидраш является явной аллюзией на первые два стиха 31-й главы Книги притчей Соломоновых: «Слова Лемуила царя. Наставление, которое преподала ему мать его: что, сын мой? что, сын чрева моего? что, сын обетов моих?»

Храме с небывалым опозданием, и один из глав колена Ефрема (Эфраима) Иеровоам (Яровам), сын Навата, даже осмелился публично попенять царю за недостаточное усердие в службе Господу.

* * *

Думается, мидраш о Вирсавии, будящей своего венценосного сына при помощи сандалии, вызвал улыбку у многих читателей. В самом деле, даже если Соломону в момент восшествия на престол и в самом деле было 12 лет, то ко времени празднования завершения строительства Храма ему было почти 24 года. Он был уже вполне взрослым, сложившимся человеком, не на словах, а на деле доказавшим свою способность управлять государством. Но Вирсавия в этой легенде предстает типичной еврейской мамой из анекдотов — мамой, для которой ни возраст сына, ни его положение в обществе не имеют никакого значения. Царь ли он, президент или академик, но если «ребенок» заслужил, чтобы его огрели домашней тапочкой, значит, его надо этой тапочкой огреть.

Вместе с тем далекий от иудаизма читатель вряд ли в состоянии прочувствовать всю глубину и трагедийный смысл этого мидраша.

«В тот самый час, когда Соломон взял за себя дочь фараона, — говорится в талмудическом трактате «Шабат», — сошел архангел Гавриил и опустил тростину в море; на том месте образовалась мель, на которой впоследствии основан был Рим»¹.

Таким образом, с точки зрения мудрецов Талмуда, этот брак Соломона стал причиной многих последующих бедствий еврейского народа — вплоть до разрушения римлянами Второго храма и рассеяния евреев по всему миру. Чтобы понять этот ход мысли раввинистических авторитетов, следует вспомнить, что Закон Моисеев запрещает вступать евреям в смешанные браки, видя в них угрозу ассимиляции и чистоте идеи монотеизма. Как уже говорилось, такой брак становится возможен только в том случае, если иноплеменница прошла гиюр — церемонию обращения в еврейство. Причем гиюр этот должен быть предельно искренним — таким, каким он был для прабабки царя Давида моавитянки Руфь (Рут).

Тот факт, что царь женился на египтянке, не мог не вызывать осуждения и глухого ропота недовольства в народе. С точки зрения ревнителей Закона, этот шаг не мог быть угоден

¹ Бялик Х. Н., Равницкий И. Х. Агада: Сказания, притчи, изречения Талмуда и Мидрашей. С. 165

Богу, а значит, и не мог быть оправдан никакими политическими выгодами. Да, дочь фараона прошла гиюр, о чем было всенародно объявлено. Но очень скоро стало ясно, что этот гиюр был чисто формальным. Египетская принцесса так и не уверовала в глубоко чуждого ей невидимого и не имеющего образа еврейского Бога. Она прибыла в Израиль в сопровождении группы жрецов, которые отправляли в ее покоях свои языческие культы, а затем по личной просьбе принцессы к царю и с разрешения последнего воздвигли в окрестностях Иерусалима египетский храм. И не исключено, что после этого многие израильтяне уже не шепотом, а открыто стали выражать свое возмущение царем, попустительствовавшим язычеству.

Это возмущение и нашло свое отражение в мидрашах о языческих гимнах, которые звучали на свадьбе фараона, о восьмидесяти языческих танцах, которые проплясала перед царем невеста, и, наконец, о том, что именно она помешала Соломону вовремя встать на богослужение.

Соломон, вне сомнения, и сам понимал всю проблематичность этого брака и отношение к нему как в народе, так и в жреческих кругах. Поэтому спустя некоторое время после свадьбы он переселил молодую жену в отдельный дом, расположенный в некотором отдалении от стен Иерусалима и недавно построенного Храма:

«А дочь фараонову перевел Соломон из города Давидова в дом, который построил для нее, потому что, говорил он, не должна жить женщина у меня в доме Давида, царя Израилева, ибо свят он, так как вошел в него ковчег Господень» (2 Пар. 8:11).

В то же время комментаторы отмечают, что дочь фараона — единственная, кого Библия называет «женой Соломона». Причем упоминается она на ее страницах не менее пяти раз — честь, которой не удостоилась никакая другая женщина Соломона. Раши высказывает мысль, что такая честь, безусловно, объясняется огромным политическим значением брака с египетской принцессой, но не исключено, что не только этим. Вполне возможно, что этот брак и в самом деле был не только политическим и Соломон испытывал по отношению к жене-египтянке более глубокие чувства, чем к другим женам. Возможно, даже это была любовь, но никаких оснований, чтобы утверждать такое наверняка, у нас нет.

И вот тут, наверное, самое время поговорить о других женах и наложницах Соломона и об отношении его к женщинам вообще.

Огромное число жен и наложниц Соломона вошло в поговорку, но вот как сообщает об этом Третья книга Царств:

«И полюбил царь Соломон многих чужестранных женщин, кроме дочери фараоновой: Моавитянок, Аммонитянок, Идумеянок, Сидонянок, Хеттеянок, из тех народов, о которых Господь сказал сынам Израилевым: “не входите к ним, и они пусть не входят к вам, чтобы они не склонили сердца вашего к своим богам”; к ним прилепился Соломон любовью. И было у него семьсот жен¹ и триста наложниц, и развратили жены его сердце его» (3 Цар. 11:1—3).

Обратим внимание, что нигде в Библии мы не встречаем упоминания о том, что у Соломона была жена или наложница-еврейка. Невольно возникает подозрение, что он вообще не испытывал влечения к своим соплеменницам и его сердце «прилеплялось» исключительно к женщинам из покоренных народов или из союзников вроде финикийцев. Политический характер большинства этих браков не вызывает сомнений: не случайно в тексте подчеркивается, что речь идет о «царе», а его женами становятся «княгини», то есть дочери или сестры правителей вышеперечисленных народов.

Что касается величины гарема Соломона («семьсот жен-княгинь и триста наложниц»), то большинству исследователей Библии это число кажется явно завышенным. То есть на самом деле женщин у Соломона было, может, и больше, чем у остальных израильских царей, но все-таки поменьше, чем это указано в тексте.

По мнению Йозла Вейнберга, само это преувеличение возникло потому, что «...во всем древнем мире, и не только в нем, мужская половая сила признавалась важнейшим признаком и подтверждением мужской добротности, “позитивности” вообще и царской добротности и “позитивности” особенно, так как мужская сила царя, его любвеобилие рассматривались как залог и гарант благополучия и процветания страны, народа и государства. Подобные представления не чужды также создателям Танаха»².

Заметим, что такое положение вещей сохраняется и в наши дни. Причем отнюдь не только на Востоке, но и на демократическом Западе. Как показывают события 1990—2000-х годов, несмотря на все негодование феминистских организаций,

¹ В более точном переводе Д. Йосифона «жен-княгинь», то есть жен, бывших дочерьми правителей и представителей аристократии различных государств.

² Вейнберг Й. Введение в Танах: Часть III. Пророки. Иерусалим; М., 5763 (2003). С. 58—59.

сексуальные скандалы и инциденты с женщинами обычно не только не наносили удар по имиджу политиков, но и, наоборот, повышали их рейтинг. Во всяком случае, именно так обстояло дело после публикации в СМИ подробностей частной жизни Николя Саркози, Сильвио Берлускони и других мировых лидеров этого времени. А потому, если бы речь не шла об иноплеменницах, то такой большой гарем, вне сомнения, лишь усиливал бы славу Соломона и уважение к нему в народе.

Но обратим внимание и на то, что имена всех жен Соломона так и остались неизвестными — за исключением Наамы, матери Ровоама, ставшего его наследником. Более того — мы почти ничего не знаем о его взаимоотношениях с этими женами и наложницами; о его детях — хотя, вне сомнения, у него были сыновья и дочери, и двух своих зятьев Соломон даже назначил губернаторами.

Если Давид предстает со страниц Библии человеком, раздираемым страстями и семейными проблемами; если перед нами проходят его сложные отношения с первой женой Мелхолой; его страсть к Авигее и Вирсавии; его боль за смерть сыновей Амнона и Авессалома; его забота о будущем Соломона, то в отношении последнего ничего этого сказать нельзя.

Во всяком случае, Библия об этом молчит, что невольно наводит на мысль, что, в отличие от отца, Соломон отнюдь не был, что называется, образцовым семьянином. Скорее наоборот: проблемы семьи его никак не волновали. Царским гаремом, в дни Соломона, судя по намекам мидрашей, правила его мать Вирсавия, возможно, пережившая сына.

Ни к одной из своих жен Соломон, похоже, не испытывал особого пристрастия. Мы нигде не находим свидетельств и того, что он занимался воспитанием детей — если не считать, что «Екклесиаст» и «Притчи» написаны как наставление сыну (но вопрос в том, был ли Соломон и в самом деле автором этих книг, да и речь в данном случае может идти не более чем о литературном приеме).

Женщины, судя по всему, интересовали Соломона исключительно как орудие для достижения тех или иных политических целей и как объект чувственного наслаждения. Ценитель женской красоты, он попросту собирал их в своем гареме — подобно тому как собирают марки, бабочек или гербарий. Однако последствия такого «хобби» царя оказались отнюдь не безобидными не только для культа Единственного Бога, но и для нации и государства:

«Во время старости Соломона жены его склонили сердце его к иным богам, и сердце его не было вполне предано Господу Богу своему, как сердце Давида, отца его. И стал Соломон

служить Астарте, божеству Сидонскому, и Милхому, мерзости Аммонитской. И делал Соломон неугодное пред очами Господа, и не вполне последовал Господу, как Давид, отец его. Тогда построил Соломон капище Хамосу, мерзости Моавитской, на горе, которая пред Иерусалимом, и Молоху, мерзости Аммонитской. Так сделал он для всех своих чужестранных жен, которые кадили и приносили жертвы своим богам» (3 Цар. 11:4—8), — с явным осуждением говорит Библия.

Талмудический трактат «Шабат» разъясняет, что сам Соломон, безусловно, не отдавал указаний строить все эти языческие капища. Но вместе с тем он и не препятствовал женам (якобы принявшим иудаизм) возводить храмы своих богов неподалеку от Иерусалима, а значит, нес полную ответственность за их строительство.

В сущности, как уже понял читатель, Соломон провозгласил то, что сегодня называется свободой вероисповедания — принцип до него неслыханный. Причем дело тут явно было не только, да и не столько, в женах-язычницах. Объявляя, что в Иерусалиме каждый может свободно отправлять свои религиозные культы, Соломон тем самым укреплял столь важный для него имидж Иерусалима как «столицы мира», космополитического центра, где любой чужеземец чувствует себя как дома.

Вместе с тем глубоко верующему человеку трудно, невозможно поверить, что Соломон и в самом деле на каком-то этапе своей жизни впал в язычество и засомневался в истинности веры в Единого Бога. По версии современного еврейского исследователя Библии, раввина Шломо Авинера, Соломон не случайно в своей первой молитве в Храме призвал Господа прислушиваться к молитвам приходящих сюда чужеземцев. По всей видимости, он был глубоко убежден, что великолепие Храма, действенность произнесенной в нем молитвы, сам универсальный гуманистический характер веры во Всевышнего приведет к ней другие народы Земли.

«Смотрите, я не запрещаю отправления чьих бы то ни было культов, но попробуйте задуматься — и вы сами поймете, насколько нелепа, бездуховна и примитивна вера в идолов, и насколько логически обоснована и духовна вера в Единственного Бога, которую принесли миру евреи!» — такой, по мнению раввина Авинера, была суть этой политики Соломона¹.

Ошибка Соломона заключалась, продолжает раввин Авинер, в его непонимании, что мир на том этапе своего развития еще не был готов принять высокие истины монотеизма, а также в недооценке огромной притягательной силы язычес-

¹ См.: *Авинер Ш.* Князя мира: Выдающиеся люди Израиля. Иерусалим: Амикс, 2009. С. 167—187.

тва, потакающей самым низменным человеческим инстинктам.

В результате все вышло с точностью до наоборот: вместо того, чтобы еврейский монотеизм влиял на представителей различных стекающихся в Иерусалим народов, языческие культы влекли к себе все больше и больше израильтян, оказывая тлетворное влияние на народ. Таким образом, именно во времена и с легкой руки Соломона в среде израильтян произошла та первая из вспышек возвращения к язычеству, которые потом повторялись на протяжении всей истории вплоть до разрушения Первого храма.

Словом, с апологетической точки зрения, представляющей Соломона великим праведником, грех Соломона заключался в том, что он не оказывал активного сопротивления языческим культам своих жен, не пытался их заклеить и тем более выкорчевать. Это и было тем злом, которое «делал Соломон в очах Господа».

* * *

Не исключено, что отношение Соломона к женщинам было напрямую связано с его увлечением мистикой, с представлением о том, что единственным подлинным видом любви является любовь человека к Богу, реализация заповеди «и люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всей душой твоею, и всеми силами твоими» (Втор. 6:5). Любовь же к женщине с этой точки зрения становилась «суею сует», не более чем удовлетворением физиологической потребности с тем, чтобы она не мешала сосредоточиться на духовных материях. Такое восприятие любви могло сформироваться у царя еще в детские годы, когда Соломон мог наблюдать жизнь гарема изнутри, и особенно как следствие душевной травмы, полученной в дни мятежа Авессалома.

Об отношении Соломона к женщинам ярко свидетельствуют две связанные с ним легенды.

Согласно первой, у царя был близкий друг-чужестранец, очень богатый и достойный человек. По несколько раз в год приезжал он в Иерусалим, чтобы повидаться с Соломоном, и каждый раз привозил с собой дорогие дары. Когда же они прощались, Соломон в ответ одаривал его с не меньшей щедростью.

Однако когда пришло время другу царя в очередной раз возвращаться домой и Соломон снова осыпал его подарками, тот неожиданно отказался их принимать.

— Благодарю тебя, великий царь, — сказал он, — но мне все это без надобности. У меня всего более чем достаточно.

— И все же мне хочется сделать тебе подарок. Скажи, чего желает твое сердце, и я постараюсь это исполнить, — сказал Соломон.

— Если ты действительно хочешь сделать мне царский подарок, — ответил гость, — научи меня понимать язык птиц и зверей!

Нахмурился Соломон, задумался, а потом сказал:

— То, о чем ты просишь — это одна из величайших тайн нашего мира. Так и быть, я научу тебя этому, но знай: в тот день, когда ты признаешься хоть одному человеку, что понимаешь язык птиц и зверей, ты умрешь!

Соломон сдержал свое слово и научил этого человека понимать язык птиц и зверей, после чего тот вернулся домой.

Однажды, находясь в своем имении, друг Соломона распорядился накормить получше вернувшегося с поля вола, а осла, который в тот день выглядел больным и не работал, задать только половину его обычной порции. Вскоре после этого зашел он в хлев и слышит, как осел переговаривается с волом.

— Ну, как тебе сегодня работалось? — спрашивает осел.

— Ой, тяжело! — отвечает вол. — С утра до вечера я тянул за собой плуг, а человек подгонял меня плеткой. Даже не знаю, где взять силы для следующего дня!

— А ты сделай, как я! — сказал осел. — Съешь только половину того корма, который тебе задали, и повались на землю. Хозяин подумает, что ты заболел, и оставит тебя дома.

Вол так и сделал. Прекратил есть, лег набок на землю и замычал.

Посреди ночи встал друг царя, вошел в хлев и увидел, как осел с аппетитом доедает еду, оставленную волу. Понял он, чем был продиктован совет осла, и, когда вернулся в спальню, рассмеялся.

— Чему это ты смеешься? — спросила его жена.

— Да так, своим мыслям, — ответил этот человек, но его жена еще долго не могла успокоиться и донимала вопросом, что это его так рассмешило.

На следующий день он приказал слугам оставить вола дома, а вместо него взять осла и заставить его исполнять в полной мере всю работу, которую обычно делал вол.

Вечером осел вернулся в хлев еле волоча ноги, а вол его спрашивает:

— Ну, как тебе сегодня работалось?

— Мне-то хорошо, — ответил осел, — но зато я слышал, как хозяин сказал, что если до завтра вол не поправится, придется пустить его на мясо!

Вол как услышал эти слова, тут же поднялся на ноги и стал

всем своим видом демонстрировать, что он здоров и полон сил.

И снова рассмеялся друг Соломона, подивившись хитрости и сообразительности осла.

— Отчего ты смеешься? — снова приступила к нему с вопросами жена. — Ведь сейчас возле тебя не было ни одного человека, никто ничего не сказал, а ты все равно чему-то смеялся.

Опять попытался муж уклониться от ответа, но на этот раз жена донимала его вопросом о том, чему он смеялся несколько дней подряд, а потом заявила, что не будет ни пить, ни есть, пока супруг не скажет ей правду о причине своего смеха.

— Хорошо, я скажу тебе это, — наконец ответил он. — Но знай, что это — великая тайна, которую я обязался хранить, и как только я поведаю тебе ее, я умру. Дай же мне немного времени, чтобы я написал завешание и простился с этим миром.

— Хорошо, — ответила жена, — пиши завешание, я подожду...

Сел этот человек во дворе своего дома писать завешание и слышит, как его верный пес говорит петуху:

— Как ты можешь быть таким веселым, когда наш хозяин готовится к смерти?

— А почему это он готовится к смерти? — поинтересовался петух.

— Да потому что его жена настояла на том, чтобы он открыл ей свою тайну, а как только он откроет ей эту тайну, он умрет!

— Что ж, если наш хозяин такой глупец, туда ему и дорога! — ответил петух. — У меня вон десять жен, и я со всеми справляюсь, а у него одна жена, и он с ней справиться не может!

— А что бы ты сделал на его месте? — поинтересовался пес.

— Да я бы позвал эту жену и сказал бы ей: «Слушай, ты! Попробуешь еще раз стоять на своем, и я сделаю твою жизнь такой горькой, что ты будешь жалеть о том, что докучала мне, до конца своих дней!»

Тут друг Соломона прекратил писать завешание, позвал к себе жену и слово в слово повторил ей слова петуха. С того дня эта женщина уже никогда не осмеливалась докучать мужу.

Вторая легенда связана со знаменитой фразой из Книги Екклесиаста: «...мужчину одного из тысячи я нашел, а женщину между всеми ими не нашел» (Екк. 7:28).

Когда Соломон произнес эту фразу, гласит легенда, многие сидевшие с ним за столом мудрецы засомневались в ее справедливости по отношению к женщине. Тогда Соломон заявил, что берется доказать, что он прав.

На следующий день вызвал он к себе во дворец богатого и уважаемого в стране человека.

— Давно уже я слежу за тобой и думаю, что ты — самый достойный из всех моих подданных, — сказал ему Соломон. — Поэтому решил я тебя назначить губернатором одной из наших провинций и выдать за тебя мою дочь. Но так как не подобает царской дочери быть второй женой, то для того, чтобы я мог осуществить эти планы, ты должен убить свою жену и детей. Вот тебе меч, которым ты должен это сделать, и завтра я жду тебя с их головами. Сделаешь — и станешь вторым человеком в стране после меня!

С такими словами Соломон протянул этому аристократу специально изотовленный меч, внешне казавшийся настоящим, но на самом деле сделанный из очень мягкого дерева — почувствовать удар таким мечом было можно, но убить или даже просто причинить серьезную травму — нельзя.

В великом душевном смятении вернулся этот человек к себе домой. С одной стороны, предложение царя вскружило ему голову, но с другой — одна мысль поднять меч на жену и детей приводила его в трепет. Грустный, сидел он за столом, не приоткрывшись к поданной женой еде и не отвечая на ее вопросы. Ночью, когда все заснуло, взял он данный ему царем меч, вошел в спальню и увидел, как спокойно спит его жена, а рядом с нею — их младший сын. Заболело у него сердце, поспешил он выйти из спальни и лечь в горнице.

Спустя несколько часов, посреди ночи, он проснулся. «Ты можешь стать вторым человеком в стране, царским зятем! — напомнил он себе. — И единственные, кто этому мешают — это жена и дети!» Полный решимости, он снова взял меч, снова вошел в спальню, посмотрел на жену — и даже не достал меч из ножен.

Наутро явились царские слуги и передали, что Соломон с нетерпением ждет его в своем дворце.

— Великий царь! — сказал этот богач. — Я возвращаю тебе твой меч. Прости меня, но я не в состоянии выполнить твой приказ. Я не хочу быть вторым человеком в стране в обмен на убийство моей любимой жены и детей. Если же ты считаешь, что за нарушение твоего указа я достоин смерти — казни меня!

Рассмеялся Соломон, велел преподнести этому человеку подарки и отпустил домой.

Прошел месяц, и велел Соломон позвать к себе во дворец жену богача.

— Давно уже я обратил внимание на твою красоту и хочу взять тебя в жены! — сказал ей Соломон. — Причем так вели-

ка моя любовь к тебе, что ты будешь не просто одной из жен, а самой главной женой, подлинной царицей! Но, как ты понимаешь, я не могу отобрать тебя у мужа. Поэтому вот тебе меч, убей им ночью своего мужа, принеси мне завтра его голову, а потом мы сыграем свадьбу!

— Слушаю и повинуюсь! — ответила женщина, вся светясь от счастья от обещания царя.

Вернувшись домой, она приготовила вкусный обед, встретила мужа, накормила его, напоила вином, а когда он захмелел и заснул, достала выданный ей царем меч.

Взглянула женщина на мужа — и у нее сжалось сердце. Как-никак он был отцом ее детей; с ним у нее были связаны многие добрые воспоминания. Но затем вспомнила она, что царь обещал сделать ее великой царицей, размахнулась — и ударила супруга мечом по шее!

Тут меч согнулся, муж проснулся от полученного удара и стал спрашивать жену, за что она причинила ему боль. Разрыдалась женщина, призналась во всем мужу и сказала, что очень сожалеет о своем поступке.

А утром прибыл в их дом гонец и передал, что царь ждет их во дворце.

Когда явились супруги во дворец, Соломон встретил их на своем величественном троне, вокруг которого сидели все мудрецы синедриона и его бейт-мидраша — школы мудрости.

Попросил царь обоих супругов рассказать о том, как каждый из них воспользовался выданным ему «мечом». Когда же закончил каждый из них свою повесть, то ничего не оставалось мудрецам, как признать, что прав был премудрый Соломон, когда сказал: «Мужчину одного из тысячи я нашел, а женщину между всеми ими не нашел».

Думается, многим читателям эта история показалась пристрастной и даже злой. И насколько же это видение женской природы Соломоном контрастирует с другими историями из Танаха и Талмуда, славящими ум, доброту, преданность и человечность женщины.

Но самое удивительное после всего вышесказанного об отношении царя Соломона к женщинам, а также о его попустительстве язычеству состоит в том, что именно ему приписывают авторство книги, которую одни считают величайшим образцом любовной лирики, а другие — исполненной глубокой мистики книги о взаимоотношениях народа Израиля с Богом.

Как уже понял читатель, мы говорим о Книге Песни песней Соломона.

Глава пятая

«ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ»

Чтобы понять всю притягательную силу, всю художественную мощь «Песни песней», достаточно сказать, что к ее мотивам или к попытке ее перевода обращались такие русские поэты, как Г. Р. Державин, А. С. Пушкин, А. А. Фет, Л. А. Мей, К. М. Фофанов, В. Я. Брюсов, М. А. Волошин, Саша Черный...

И это — только в русской поэзии; вдобавок не считая бесчисленного множества поэтов ее второго и третьего эшелонов, которые также пытались соперничать с автором бессмертной поэмы или выразить свой восторг перед этим произведением.

Что касается еврейской религиозной философии, то она утверждает, что далеко не каждое поэтическое произведение можно назвать словом «шир» — «песня». «Песня» — это то, что рождается в состоянии запредельного вдохновения, в состоянии такого духовного порыва, когда человек или даже весь народ прорывается за материальные границы мира. А потому подлинная песня может быть обращена только к Творцу этого мира, проявлением желания слиться с ним.

Всего за человеческую историю, развивают эту мысль раввинистические авторитеты, суждено создать лишь десять подлинных песен.

Первую такую песню спел Адам, когда был прощен его грех с плодом с Древа познания добра и зла.

Вторая песня была сложена Моисеем и идущими за ним сынами Израиля во время чуда рассечения Черного моря.

Третью песню израильтяне сложили, когда им был дан колыбель в пустыне.

Четвертую песню — «Внимайте, Небеса...» — сложил Моисей перед смертью.

Пятая песня была сложена Иисусом Навином, когда по его просьбе остановилось Солнце.

Автором шестой песни стала пророчица Дебора (Двора), воспевшая победу над Сисрой.

Седьмая песня была сложена Ханой, когда Бог дал ей сына — будущего великого пророка Самуила.

Восьмая песня была сложена царем Давидом и, наконец, девятая превосходящая их все — царем Соломоном, отчего она и была названа «Песнь песней».

Десятая, последняя песня, гласит эта мифологема, будет создана в честь прихода Мессии. Точнее, она уже создана, но еще не открыта людям¹.

Надо заметить, что, судя по наблюдениям автора этой кни-

¹ См.: Шерман Н., раввин. Вечность и суета. Иерусалим, 1989. С. 21—22.

ги, большинство русскоговорящих читателей знакомы с «Песнью песней» не по ее библейскому тексту, а по уже упоминавшейся повести А. И. Куприна «Суламифь», опубликованной в 1908 году. Нельзя не признать, что, будучи сыном священника, Куприн был хорошо знаком как с Ветхим Заветом, так и с православной библеистикой, а через нее — и с еврейскими комментариями на «Песнь песней». Кроме того, писатель, по его собственному признанию в письме Батюшкову, проделал колоссальную работу по собиранию материалов для этой небольшой повести. Но следует сразу сказать, что история о любви утонченного и прекрасного царя Соломона к пастушке Суламифи от начала до конца является художественным вымыслом. Ни оригинальный текст «Песни песней», ни один из канонических переводов ее ни на церковнославянский, ни на современный русский язык не дает повода для такой трактовки. Вообще, трактовок у «Песни песней» за тысячелетия ее существования появилось великое множество, да и вопросов, связанных с ней, у библеистов тоже немало.

Главным из этих вопросов является вопрос: действительно ли «Песнь песней» была написана царем Соломоном или, по меньшей мере, могла ли быть им написана?

Споры по этому поводу не утихают и сегодня.

Сторонники версии, что «Песнь песней» была создана в X—IX веках до н. э., то есть в эпоху Соломона и, весьма вероятно, написана самим Соломоном, указывают на то, что она начинается с указания автора («Песнь песней Шелома»); что в тексте упоминаются реалии и топонимы, характерные для той эпохи (например, город Фирца, в оригинальном произношении — Тирца, ставший столицей Израильского царства в IX веке до н. э.), наличие угаритских слов и т. д.

Ряд библеистов XIX века (Г. Грец, Р. Пфейфер, О. Эйфельдт и др.) считали, что «Песнь песней» написана под влиянием эллинистической поэзии, и потому датировали ее едва ли не III—II веками до н. э. Однако эта версия выглядит необоснованной, хотя бы потому, что в тексте поэмы не просматривается никакого эллинистического влияния и уж тем более в нем не обнаруживаются какие-либо заимствования из древнегреческого.

Зато в нем есть пара-тройка заимствований из персидского и арамейского языков, и это позволило другой группе библеистов (У. Олбрайт, Р. Гордис, Г. Форер и др.) высказать предположение, что «Песнь песней» была написана вскоре после возвращения евреев из Вавилонского плена, то есть в середине V века до н. э.

Авторы этой версии, в свою очередь, выстраивают целую

теорию о том, что Книга Песни песней Соломона, как и Книга Руфь («Книга Рут»), была создана в знак протеста против начатой Ездрой (Эзрой) и Неемией (Нехемией) борьбы со смешанными браками. Целью написания «Песни песней», утверждают они, было провозглашение любви как высшей жизненной ценности. Ценность эта «сильна как смерть» и потому стоит выше общественно-религиозных норм и традиций.

Проблема заключается в том, что и эта версия звучит совершенно бездоказательно. Мы не находим ей никакого подтверждения в тексте — в нем ни словом, ни намеком не говорится о том, что влюбленные являются детьми разных народов и что это каким-то образом препятствует их любви.

Куда более интересной и правдоподобной выглядит высказанная еще в Средние века рядом еврейских и христианских религиозных авторитетов, а затем поддержанная И. Г. Гердером и И. В. Гёте версия, что «Песнь песней» — это не что иное, как... сборник народных свадебных песен, истоки которых и в самом деле уходят в эпоху Соломона (так что он вполне мог быть автором части из них), но которые затем на протяжении столетий стихийно редактировались при исполнении и переписке. Косвенное подтверждение этой версии мы находим в талмудическом трактате «Сангедрин» (101 а), запрещающем исполнять «Песнь песней» в местах, где пьют вино. Сам этот запрет свидетельствует, что в древности такое исполнение было в порядке вещей, а вино у евреев принято было пить в первую очередь на свадьбах.

Есть версия и о том, что в «Песнь песней» вошли песнопения, которые девушки распевали в хороводах в День любви, приходящийся по еврейскому календарю на 15 ава (приблизительно середину августа), когда у еврейской молодежи было принято в белых одеждах (чтобы богатые не отличались от бедных) выходить в уже освобожденные от ягод виноградники в поисках суженых.

Любопытно, что и еврейские авторы раввин Н. З. Раппопорт и Б. И. Камянов-Авни, и русский историк и переводчик И. М. Дьяконов в своих новых переводах «Песни песней» на русский язык, независимо друг от друга, сделали в тексте собственные ремарки по поводу того, какая часть текста поется, по их мнению, от имени невесты, какая от имени жениха, а какая — от имени хоров подружек и друзей новобрачных.

При этом И. М. Дьяконов подчеркивает, что слова «царь Соломон» и «царь» в «Песни песней» отнюдь не стоит понимать буквально. «Следует также заметить, — пишет он, — что имя “Соломон” в “Песни песней” нередко нарушает ритм и, возможно, вставлено в ряде случаев в ее текст позднее. По-

добно тому как у нас в старину жених назывался “князем”, а невеста “княгиней”, как и по сей день в православном свадебном обряде над головами жениха и невесты держат венцы, напоминающие царские, так и в древней “Песни песней” жених называется “царем Соломоном”; это величание не надо принимать буквально...

...Книга открывается свадебной песнью (1, 2—4); начиная с 3-й главы, почти все песни связаны со свадебным обрядом. В некоторых случаях мы позволили себе указать внизу страницы, к какой части свадебного обряда относится предположительно данная песня. Насколько мы можем судить (в подлиннике нет никаких ремарок), сами песни мыслятся как исполняемые четырьмя партиями — сольными партиями девушки и юноши и хоровыми партиями друзей и подруг. Иногда вся песня ведется одной партией, иногда сольная партия сменяется репликой другой стороны или хора...»¹

Немалые споры идут и о том, что же представляет собой «Песнь песней» — целостное произведение или несколько разрозненных стихотворений. Так, ряд исследователей обращают внимание, что на арамейский «Песнь песней» была переведена как «Песни песней». Разница между двумя этими названиями существенная. Исходя из нее, был сделан вывод, что в начальном варианте это произведение, возможно, называлось «Шор а-ширим» — «Цепочка песен», то есть речь идет о своеобразном сборнике избранной любовной лирики царя Соломона.

Страстную отповедь такой версии дал в свое время Абрам Эфрос: «Из “Schir ha Shirim” сделали “Schojr ha Shirim”, из “Песни песней” — “Вязь песней”, антологию древнееврейской лирики за столетия; ветхий пергамент, с полустертыми, пусть и непонятными, но подлинно священными словами пытались подменить старым пакетом, из которого торчит тридцать сотенных кредиток. Такую критику “Песнь песней” выдержала. Несмотря на все попытки разбить ее единство, она явственно оставалась целой и неразрывной...»²

Непреложная же истина заключается в том, что всех этих споров не было и в помине, если бы «Песнь песней» и в самом деле не была бы гениальным поэтическим творением, обладающим огромным эмоциональным воздействием на каждого своего читателя, независимо от языка перевода.

¹ Дьяконов И. М. Живая поэзия древности // Песнь песней царя Соломона: Антология русских переводов. СПб., 2001. С. 8—9.

² Эфрос А. М. Откровение или похоть? // Песнь песней царя Соломона: Антология русских переводов. С. 179.

Как уже упоминалось выше, ряд исследователей, придерживающихся мнения, что «Песнь песней» и в самом деле написана царем Соломоном, считают, что последний рассказал в ней о той страсти, которая пробудилась в нем к Ависаге Сунамитянке. Эта юная красавица, которая на старости лет согрела царя Давида, но которую, согласно Библии, Давид так и «не познал» (или, по меньшей мере, не познал «обычным путем»), досталась Соломону в наследство от отца. Имя Шуламит, считают эти исследователи, образовалось в результате ошибки переписчика, заменившего «н» в слове «шунамит» («шунамитянка») на «л».

Не исключено даже, что это была не ошибка или описка, а намеренная поправка с целью возникновения созвучия имен героев поэмы: Шломо и Шуламит, «Цельный» и «Цельная». В таком звуковом и смысловом сочетании Он и Она предстают как неразрывное целое, как «истинная пара», предназначенная друг другу Свыше.

В то же время Раши в своем предисловии к комментарию к «Песни песней» представляет ее сюжет следующим образом: возлюбленный по каким-то причинам покинул героиню поэмы, хотя и не разлюбил ее. И вот в своих песнях она выражает тоску по нему, вспоминает счастливые мгновения их любви, а возлюбленный то ли в мечтах, то ли в письмах утешает ее и обещает вернуться.

Другой великий комментатор Писания Ибн Эзра¹ рассматривал «Песнь песней» как поэму о любви между юной девушкой и пастухом. Мальбим², в свою очередь, предлагал иную трактовку сюжета «Песни»: царь Соломон полюбил девушку, поместил ее во дворец и поручил своим служанкам, иерусалимским девушкам, опекать ее. Новая же возлюбленная Соломона была влюблена в пастуха, и в то же время обаяние Соломона не оставило ее равнодушной. Пять раз она убегала из дворца на пастбища; четыре раза подруги убеждали ее вернуться, но в пятый раз им это не удалось.

Однако думается, что тот, кто читал «Песнь песней» в оригинале, признает, что все эти объяснения выглядят натянуто. Никакой более-менее связный сюжет в ее стихах не просматривается, зато в них хоть отбавляй живого чувства, облеченных в слова тайных желаний души и тела.

¹ Ибн Эзра. Авраам бен Меир (1093—1167) — поэт, философ, лингвист, талмудист; автор «Краткого комментария» и «Длинного комментария» на Священное Писание.

² Мальбим — акроним имени раввина Меира Лейбуша бен Йехиэля Михала (1809—1879). Жил в Румынии, России и Германии. Автор одного из самых известных комментариев на книги пророков и Писания.

Если следовать теории, что перед нами прежде всего свадебные песнопения, то «Песнь песней» начинается с обжигающего признания невесты в любви к жениху, в желании близости с ним:

Пусть сольются в поцелуе наши уста,
ибо любовь твоя слаще вина.
Благоуханны притирания твои,
само имя твое источает аромат,
потому и влюбляются в тебя девушки.
Влеки меня за собой — побежим мы;
Приведи меня, Владыка мой, в Свои покои.
Будем радоваться и восторгаться мы,
воспевать любовь нашу, которая слаще вина,
любовь чистую.

(1:2—4)¹

Вслед за этим невеста внезапно смущается; ей начинает казаться, что она недостаточно хороша для милого, и обращается к подругам:

Хоть от загара и черна я, дочери Иерусалима,
как шатры кедаров, но *сойдет загар* —
и снова я стану *белокожей* и прекрасной,
как *белые ковры во дворце Шломо*...

(1:5)

И затем она снова обращается к жениху:

Скажи мне, возлюбленный души моей,
где пасешь ты *овец своих*, где укладываешь *на отдых* в полдень?
Зачем мне *искать тебя*, *пряча лицо* под накидкой,
Обходя отары, что пасут твои друзья?

(1:7)

Это — первая странность в тексте: лицо под накидкой прятали обычно блудницы или женщины, пребывающие в трауре, и героиня почему-то явно боится, что ее примут либо за ту, либо за другую.

Но дальше уже следует реплика жениха, исполненная не меньшего восторга, чем песня невесты:

Если не знаешь ты, *где найти меня*, прекраснейшая из женщин,
Гони ягнят своих по овечьим тропам меж пастушьих стойбищ.
С кобылицей в колеснице фараоновой
сравню я тебя, подруга моя.

¹ Здесь и далее перевод «Песни песней» дается по изд.: Песнь песней: Комментированное издание / Пер. Н. З. Раппопорта и Б. Камянова (Авни). Иерусалим; М.: Изд-во Института изучения иудаизма в СНГ, 2000.

Красота твоих щек оттенена серьгами,
прекрасна шея твоя, украшенная ожерельями...
(1:8—10)

И завершается первая глава обменом комплиментами между влюбленными:

Он — Ей:
— Как прекрасна ты, подруга моя, как прекрасна!
Глаза твои чисты, как у голубки.
Она — Ему:
— Как ты прекрасен, возлюбленный мой, и приятен!
И сочной зеленью усыпано наше ложе.
Крыша приюта нашего — кроны кедров.
Стены — стволы кипарисов.

(1:15—17)

Во второй главе ток поэтического напряжения резко повышается; она более метафорична, но дело не столько в украшении текста метафорами, сколько в удивительно психологически точной передаче состояния влюбленности, и сам ритм текста, кажется, передает ритм биения сердец юноши и девушки, думающих друг о друге:

Она — Ему:
— Я — лилия Шарона, я тюльпан.
Он — Ей:
— Как тюльпан среди колючек,
подруга моя среди девушек...
(2:1—2)

И дальше:

Она — подругам:
— Привел он меня на пир любви,
на пир любви, которую излучают глаза его.
Подкрепите меня пирогами,
окружите мое ложе яблоками,
чей аромат освежает,
ибо я больна любовью...

(2:4—5)

Завершается вторая глава монологом влюбленной, разлученной с любимым, грезящей о встрече с ним, так что сама природа словно сопереживает этим грезам и помогает им:

...Заклинаю вас, дочери Иерусалима,
газелями и степными ланями:
не мешайте влюбленной,
не тревожьте ее, когда она грезит...

...Воскликнул возлюбленный мой, обращаясь ко мне:
 «Встань, подруга моя, красавица моя, и иди за мною!
 Вот уже и прошла зима, дожди прошли, отшумели;
 цветами покрылась земля, настало время певчих птиц,
 и голос горлицы слышен в стране нашей;
 ветви смоковницы — в завязи плодов,
 и на благоухающих лозах появились ягоды.
 Встань, подруга моя, красавица моя, и иди за мною!..»
*«Не могу я сейчас пойти за тобой, — отвечаю я, —
 ибо велели нам:*
 “Ловите шакалов и их детенышей, портящих виноградники, —
 Ведь появились на лозах ягоды”».
 Возлюбленный мой принадлежит мне, а я — ему;
 он ненадолго покинул меня, чтобы пасти отары свои среди тюльпанов...
 (2:7—16)

Наконец, только в третьей главе после очередной «арии» невесты и славословий в ее адрес подруг в тексте возникает имя царя Соломона, но из него вовсе не следует, что он и есть избранник героини поэмы. Фигура царя скорее выступает здесь как символ могущества, богатства, красоты, страсти — словом, всего того, с чем связывается обычное человеческое счастье. Героиня не влюблена в Соломона, а отождествляет своего возлюбленного с ним:

Она вместе с подругами:
 — Вот ложе Шломо; вокруг него —
 шестьдесят отборных воинов Израиля.
 Все они владеют мечом, испытаны в битвах;
 меч — у бедра каждого;
 ночью охраняют они царя от опасности.
 Свадебный балдахин построил себе царь Шломо
 из кедров ливанских.
 Колонны его — из серебра, ковры в нем расшиты золотом,
 сиденья там покрыты пурпурной тканью;
 любовью дочерей Иерусалима к их повелителю
 напоен сам воздух в нем.
 Пойдите и поглядите, дочери Сиона, на царя Шломо в венце,
 которым мать увенчала его в день свадьбы —
 день, когда сердце его наполнилось радостью.

(3:7—11)

Следующая, четвертая глава уже целиком строится на изысканных метафорах и сравнениях, достаточно характерных для народа, живущего скотоводством и земледелием. Эротическое напряжение в ней усиливается, слова и сравнения становятся все более откровенными. Суть этой главы состоит в том, что, несмотря на всю силу влечения, влюбленные пока, до брака, остаются запретны и недоступны друг для друга. Сама эта недоступность лишь еще больше усиливает их страсть:

Он — Ей:

— Как прекрасна ты, подруга моя, как прекрасна!

Подобна голубке ты!

Волосы твои, скрепленные гребнем, струятся,
как стадо коз, сбегающих с гор Гильада.

Зубы твои белы, как белоснежная шерсть овец

из отборной отары после купания;

подобно овцам этим, зубы твои — один к одному,

и ни малейшего нет в них изъяна...

...Шея твоя подобна башне Давида —

Лучшему творению зодчих.

Подвески ожерелий на ней — словно множество

висящих на башне щитов и колчанов героев.

Груды твои — как две юные лани, лани-близнецы,

пасущиеся среди тюльпанов...

...Речи твои сладки, невеста, как сотовый мед;

молоко и мед под языком твоим.

И запах одежды твоей — как запах деревьев ливанских.

Недоступна ты, сестричка моя, невеста, как райский сад,

недоступна, как текущий под землей источник,

как влага в запертom колодце.

(4:1—12)

В пятой главе герой поэмы обращается поочередно то к невесте, то к друзьям, призывая их есть и пить на этом пиру допьяна, а невеста рассказывает подругам свои потаенные сны о любимом, один из которых исполнен подлинного драматизма:

...Помню, как душа моя рвалась к нему,

когда он обращался ко мне,

а теперь я искала его и не находила,

звала его, а он не откликался.

Повстречались мне стражники, обходившие город;

избили меня, изранили,

шаль сорвали с меня

стражи стен городских.

Заклинаю вас, дочери Иерусалима:

если вы встретите возлюбленного моего,

скажите ему, что я больна любовью.

(5:6—8)

В этот момент звучат резонные вопросы «девичьего хора»: «Чем возлюбленный твой отличается от других, прекраснейшая из женщин? Чем возлюбленный твой отличается от других, что ты так закликаешь нас?» (Песн. 5:9).

И героиня отвечает, полная уверенности в том, что ее избраннику нет подобного во всем мире: «Белолиц мой возлюбленный и румян; не найти подобного ему и среди десятков тысяч...» (Песн. 5:10).

Большую часть шестой главы составляет гимн героя поэмы в честь любимой, которая для него не сравнима ни с одной из самых прекрасных жен и наложниц царя:

Шестьдесят цариц у царя и восемьдесят наложниц,
и девушкам в стране нет числа.
Но ты — единственная голубка моя непорочная:
одна ты уродилась такою у матери своей,
сокровище ты родившей тебя.
Видя тебя, восхищаются тобой девушки,
царицы и наложницы восхваляют тебя...

(6:8—9)

В седьмой главе впервые возникает имя героини «Песни песней» — Суламифь (Шуламит), но, возникнув, тут же словно забывается. В этой главе многие уже использованные ранее метафоры повторяются, но наряду с ними возникают новые, изысканные и дерзкие одновременно; эротизм достигает своего пика; ни Он, ни Она не скрывают своего желания слиться в любовном соитии:

Он — Ей:

— ...Пупок твой — круглая чаша,
да не иссякнет в ней хмельной напиток нашей любви!
Твой живот плодоносный —
холмик пшеничных семян на току,
окруженный тюльпанами...
...Стан твой строен, как пальма;
Груды твои — виноградные гроздья.
Мечтаю я: взобраться бы мне на пальму,
ухватиться бы за ветви ее,
и пусть будут груди твои гроздьями винограда в моих ладонях,
яблочный аромат твоего дыхания обвеет меня!..

Она — Ему:

— ...Я принадлежу возлюбленному моему, и я желанна ему..
Приди, возлюбленный мой, выйдем в поле,
проведем ночь среди киперов..
...Уже благоухают цветы смоковницы,
и у входа в шалаш наш много разных сладких плодов —
нового урожая и прошлогоднего:
все я для тебя сберегла, мой возлюбленный...

(7:3—14)

Заключительная восьмая глава как бы распадается на две части. Первая из них представляет собой поистине гениальный гимн любви:

Запечатлей меня в сердце своем, не разлучайся со мной,
как не расстaeшь ты с перстнем на пальце своем;
ибо всевластна, как смерть, любовь,

жестока, как преисподняя, ревность;
стрелы любви — лучи палящие пламени все пожирающего.
Ливни не в силах загасить любовь,
И речные потоки не зальют ее.
Если бы захотел человек приобрести любовь
ценой всех богатств дома своего —
он был бы отвергнут с презрением.

(8:6—7)

Но во второй части снова возникает Соломон и промелькнувший ранее мотив виноградника, который поставили братья сторожить героиню, и затем уже в финале опять звучит любовная тема:

Подруги:

Виноградник был у Шломо в плодородной долине,
отдал он виноградник тот сторожам на откуп;
каждый приносил ему долю от выручки за
плоды —
тысячу монет серебряных.

Она — подругам:

— А мой виноградник передо мною.

Пусть получает Шломо свою тысячу, а двести — его сторожа.

Он — Ей:

— Обитающая в садах! Хотят друзья мои услышать голос твой,
позволь и мне внимать ему.

Она — Ему:

— Беги ко мне, возлюбленный мой,
как газель или юная лань,
по вершинам благоухающим!

(8:11—14)

Раши утверждает, что в этих строчках виноградник снова предстает как символ богатства Соломона, но героиня не заводит царю, так как ее виноградник — это ее красота, а пришедшая к ней любовь выше любых земных богатств.

Художественная мощь, поэтическая гениальность текста «Песни песней» не вызывают сомнений. Именно поэтому до сих пор ни на один язык нет равноценного перевода данного произведения, хотя в различных странах в разное время за него брались подлинно выдающиеся поэты. Чтобы читатель понял трудности, связанные с таким переводом, приведем транскрипцию лишь двух первых строк «Песни песней»:

Шир ха-ширим ашер ле-Шломо:

ишкани ми-нешикот пи-ху...

Понятно, что необычайная красота фразы «Песни песней Шелома»: «О, пусть он целует меня поцелуями уст своих!..»

во многом связана не только с ее ритмом и содержанием, но и шестикратной аллитерацией «ш». Для того чтобы передать всю красоту этих строк, необходимо как виртуозно владеть поэтической техникой, так и обладать знанием языка оригинала. Но переводчиков, обладавших сразу двумя этими качествами, было немного. К числу их принадлежал оставшийся неизвестным русский переводчик XVI века, прекрасно ощущавший все величие текста, с которым ему пришлось работать. Любопытно, что при переводе он решил первую строку «Песни песней» дать в почти оригинальном звучании, а во второй передать ее звукопись:

*Ширь гаширим аширли Шломо.
Рекше: Песни Песнем иже к Соломону.
Лобжи мя от лобзания усть твоих, яко
Благо любости твоя паче вина...¹*

Но вместе с тем на текст «Песни песней» можно посмотреть совершенно иначе, на нечто куда большее, чем «просто» гениальную поэму — так, как на протяжении вот уже как минимум двух тысячелетий смотрят на него еврейские и некоторые христианские мистики.

* * *

«Когда строительство Святого Храма было завершено и небесные и земные сферы, наконец, объединились в одно целое, тогда вдохновение пришло к царю Шломо и он создал Песнь Песней. Священный Храм был повторением небесного Святого Храма. С самого дня сотворения мира не было веселья большего на земле пред лицом Всевышнего, да святится Его имя, чем в тот день, когда был построен Святой Храм на Земле», — говорит книга «Зоар», основа основ каббалы — еврейского мистического учения.

Итак, согласно традиционному еврейскому взгляду, «Песнь песней» была написана в день завершения строительства Храма; она — порождение того восторга, который испытал царь Соломон, увидев, чем завершилось его начинание. И величие этой песни было достойно величия Храма.

Столп талмудической учености, рабби Акива идет еще дальше: он утверждает, что день тот был велик именно созданием «Песни песней», а не завершением строительства Храма, то есть ставит «Песнь песней» выше Храма! Сама эта позиция проистекает из глубокого убеждения еврейских мистиков, что

¹ Песнь песней царя Соломона: Антология русских переводов. С. 51.

«Песнь песней» ни в коем случае нельзя понимать буквально, как поэму о земной любви мужчины и женщины. Каждое ее слово, с этой точки зрения, исполнено глубочайшего мистического смысла, каждое ее слово пронизано высшей святостью. Общий смысл «Песни песней» отражает взаимоотношения между еврейским народом и Богом, которые изначально уподоблялись отношению между мужем и женой, а сам завет еврейского народа с Всевышним — брачному договору.

Вот как разъяснял такую трактовку «Песни песней» замечательный русский писатель Василий Розанов: «Иегова есть “супруг Израиля”, когда-то давший ему, как жених, в “вено” землю Ханаанскую и затем все время мучивший “невесту и жену” приступами яростного ревнования. В этом суть всех пророчеств, сплетающих нежность ласк и обещаний с угрозами за возможную измену... “Давала мять сосцы свои чужеплеменникам”; “раскидывала ноги по дорогам и блудила, а не была со Мною”... Весь пресловутый “моно-теизм” евреев есть “едино-мужие”, верность “одному мужу”, какую Авраам поклялся при завете Богу за себя и за потомство (“семя”) свое...

В этом — смысл тысячи слов, обещаний, нежности. Или — гремющих, невероятных угроз, “если будут мять сосцы у тебя другие” (то есть не “Аз, Бог твой”). В этом отношении “Песнь песней” есть символ или иносказание любви Божьей к человеку, любви человека к Богу... В “Песни песней” говорится о Соломоне и Суламифи; в то же время тут говорится о каждом израильтянине и израильтянке; это книга постоянного семейного чтения в собрании всей семьи, в вечер с пятницы на субботу, в то же время это и песнь о завете между Богом и человеком. Светы переливаются, тени волнуются, сумрак сходит на землю: лица неразличимы, очерк фигур неясен... Да и не нужно, не хочется этого. Но восточные ноздри широко раскрыты, нервные, восприимчивые, утонченно чувствующие: все “говорится” ароматом, и даже шепот, неясный, мглистый, невнятный — почти ненужное здесь дополнение. “Кто тут? Я ли, мы ли? Соломон, Суламифь? Или Бог и Царица-Саббатон ныне в субботу сходятся в каждую еврейскую хижину? Вежды слипаются, разум неясен... и не хочется различить. Не хочется ответить... Все — слилось, и все — едино... Единое в Едином, одна для одного, один для одной”. “Монотеизм”, — шепчут ученые. “Не проходите мимо, не вспугните любовь”, — поправляет “Песнь песней”.

Только раз удалось это человечеству... И нельзя поправить, нельзя переиначить ничего в “Песни песней”... Пусть же поется она, вечная, без переложений и без подражаний...»¹

¹ Розанов В. В. Не пройдет и йота... // Песнь песней царя Соломона: Антология русских переводов. С. 196—197.

Насчет «книги постоянного семейного чтения» Василий Розанов, конечно, несколько погорячился, но в целом написанное им, безусловно, верно. В ряде еврейских общин принято читать «Песнь песней» в синагоге накануне субботы, причем начало и окончание ее чтения сопровождается специальными благословениями, позволяющими хотя бы частично понять значение этого произведения в мировоззренческой системе иудаизма.

Вот как звучит благословение по окончании чтения:

«Властелин миров! Да будет воля Твоя Бог, Бог наш и Бог отцов наших, чтобы в заслугу “Песни песней”, которую мы прочли и которая — Святая Святых, в заслугу ее строф, в заслугу ее строк, в заслугу ее букв, в заслугу ее огласовок¹, в заслугу ее скрытого смысла и святых тайн, чистых и великих, что заключены в ней, да будет час этот часом милосердия; часом, когда Ты прислушиваешься и внимаешь нашим молитвам и очищаешь нас. И да предстанет перед Тобой наше чтение “Песни песней” так, как будто познали мы все ее тайны, великие и дивные, что запечатаны и закрыты в ней; и да достигнут души наши места вечного, словно сделали мы все, что возлагалось на нас сделать в этом воплощении, и во всех других воплощениях, и во время пребывания меж мирами, и да удостоимся мы мира грядущего со всеми праведниками. И да исполнятся все пожелания сердца нашего, которые к добру, и да будет направлено сердце наше, и слова уст наших, и помыслы наши, и деяния рук наших на служение Тебе. И пошли благословение, удачу и пропитание всем делам рук наших. И возроди нас из пепла, из унижения нашего подними нас и возврати Шхину свою в Святой город Твой как можно скорее, в наши дни. Амейн!»²

Согласитесь, что с этой точки зрения весь текст «Песни песней» воспринимается иначе. Та же пятая глава вдруг начинает звучать как жалоба еврейского народа на своих притеснителей и на то, что Господь не откликается на его зов, хотя Его народ всей душой стремится к Нему:

Помню, как душа моя рвалась к Нему,
когда Он обращался ко мне,
а теперь я искала Его — и не находила,
звала Его, а Он не откликался.
Повстречались мне стражники, обходившие город,
избили меня, изранили,

¹ В иврите гласные обозначаются не отдельными буквами, а знаками-огласовками, представляющими собой сочетание черточек и точек.

² Перевод автора (к сожалению, он содержит ряд погрешностей; буквальный перевод данного благословения крайне затруднен. — *Прим. авт.*).

шаль сорвали с меня
стражи стен городских...

И следующий за этим вопрос «подруг» превращается в вопрос о том, почему, несмотря на все происходящие с ним потрясения, народ Израиля остается верен своему Богу:

Подруги — Ей:

— Чем Возлюбленный твой отличается от других,
прекраснейшая из женщин?..

Она — подругам:

— Белолиц мой возлюбленный и румян,
не найти подобного ему и среди десятков тысяч...

Как уже наверняка догадался читатель, за тысячелетия существования иудаизма в таком ключе было написано бесчисленное множество комментариев к «Песни песней». Представляя их квинтэссенцию, один из крупнейших еврейских религиозных философов наших дней раввин Адин Штейнзальц писал: «Персонажи “Песни песней” — это одновременно и индивидуальности, и сообщества; песнь земна и в то же время возвышенно духовна. С одной стороны, это — поэма о романтических взаимоотношениях влюбленных, которые теряют и вновь обретают друг друга. Но это также и песнь о любви в более глубоком смысле этого слова — о неразрывной связи Израиля с его Богом. Это песнь о любви и преданности, об изгнании и об избавлении, об ошибках и о покаянии. Еще один смысловой пласт — взаимоотношения души с ее Источником; в таком понимании песнь эта — о томлении души, разлученной со Всевышним, о том, как она ищет Его и молит о восстановлении прежней связи. А на еще одном, четвертом, самом, возможно, высоком уровне — это песнь об отношениях Создателя со всем сотворенным, Его бесконечной сути *Эйн Соф* — со *Шхиной*, эманацией Бога в мироздании»¹.

И далее:

«Отсутствие у “Песни песней” начала и конца говорит о том, что эта история относится не к определенному отрезку времени в прошлом или будущем. Она, скорее, — в настоящем, современна каждому и потому актуальна для всех. И хотя некоторые соотносимые с ней события действительно имели место в прошлом (как, например, исход из Египта на смысловом уровне “народ Израиля — Всевышний”), это означает не только то, что ключевые моменты прошлого свежи в народной памяти, — наряду с этим можно утверждать следующее:

¹ Штейнзальц А. (*Эвен-Исраэль*), раввин. «Песнь песней» // Песнь песней: Комментированное издание. Иерусалим; М., 2000. С. 88.

происшедшее когда-то воссоздается как в настоящем, так и в будущем, — то, что случилось три тысячи лет тому назад, воспроизводится в сегодняшней действительности или найдет воплощение в грядущем. Иными словами, времена сменяют друг друга, но «Песнь песней» остается неизменной на каждом из исторических этапов, сюжет ее «прокручивается» бесчисленное число раз»¹.

Завершая этот разговор о «Песни песней», автор считает себя не вправе не упомянуть еще две версии ее происхождения, решительно отвергаемые как религиозными авторитетами, так и серьезными учеными, но, тем не менее, весьма любопытные.

Согласно первой из них, «Песнь песней» была и в самом деле написана Соломоном в канун Праздника обновления Храма, но написана не в честь этого события, а в честь... своей свадьбы с египетской принцессой. Эта поэма, по данной версии, — свадебный подарок царя молодой жене. Восемь дней продолжалась их свадьба — и каждый день на пиру исполнялась одна из глав. Таким образом, эта версия основана на предположении, что брак с дочерью фараона все же был для Соломона чем-то большим, чем просто политическим браком.

И наконец, вторая, уж совершенно романтическая версия также приписывает авторство «Песни песней» Соломону, но утверждает, что она отразила... тоску царя по подлинной, искренней любви, которую ему так и не дано было познать. Все его женщины, как казалось Соломону, любили его за его славу, богатство, власть; в их ласках так и чувствовалась расчетливость блудниц. Ему же хотелось иной, идеальной возлюбленной — и ее образ глубоко по-человечески несчастный монарх и воссоздал в великой поэме.

Впрочем, согласитесь, не так уж и важно, как и для чего была написана «Песнь песней» и является царь Соломон ее автором или нет. В любом случае она неразрывно связана в сознании человечества с его именем, и, пока оно существует, все новые и новые поколения будут открывать для себя и по-разному понимать эти вечные прекрасные слова:

Запечатлей меня в сердце своем, не разлучайся со мной,
как не расстаешься ты с перстнем на пальце своем;
ибо всевластна, как смерть, любовь,
жестока, как preisподня, ревность...
...Я принадлежу моему другу, а мой друг — мне...

¹ Штейнзальц А. (*Эвен-Израэль*), *раввин*. «Песнь песней» // Песнь песней: Комментированное издание. С. 94.

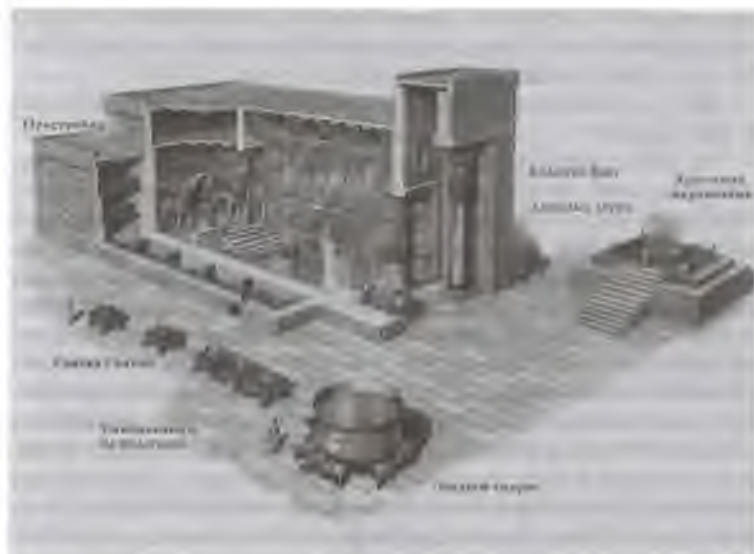
Глава шестая **ЗОЛОТОЙ ИЕРУСАЛИМ**

Вскоре после завершения строительства Храма Соломон приступил к постройке царского дворца. Старый дворец Давида, построенный финикийскими зодчими, был неплох, но он был не в состоянии вместить куда более обширный гарем и двор его сына. Но самое главное: он явно не отвечал амбициям Соломона. Новый дворец, по его замыслу, конечно же не мог соперничать по своему великолепию с Храмом, этим «домом Царя Царей», но при этом должен был поражать воображение каждого, кто в него входил. Это должен был быть дворец «величайшего из земных царей», обладающего неслыханными богатством, могуществом и властью. А значит, Соломону снова требовались тысячи рабочих рук, мастерство финикийских зодчих, ливанский кедр, слоновая кость и золото. Очень много золота!

Рассказывающая об этом новом грандиозном проекте Соломона, Третья книга Царств не называет точного места, где он был построен, однако из других книг Библии становится понятно, что дворцовый комплекс Соломона был возведен на территории, простиравшейся между Городом Давида, то есть самой древней территорией Иерусалима, и Храмовой горой. В книгах пророков и поздних исторических хрониках эта местность называется Срединным городом, так как она находилась выше «нижнего города», каковым являлся Город Давида, но ниже Иерусалимского храма. Другое название этого места — Мило. Оно происходит от глагола «лемалот» («наполнить»), поскольку, прежде чем начать строительство, Соломону пришлось наполнить эту местность камнями, чтобы выровнять строительную площадку.

Возведение дворцового комплекса длилось 13 лет. Столь долгая продолжительность стройки, по Флавию, объяснялась тем, что, несмотря на всю любовь Соломона пускать пыль в глаза, собственный дворец значил для него все же куда меньше, чем Храм. И кроме того, если для Храма значительная часть стройматериалов была заготовлена еще Давидом, то для дворца все пришлось добывать уже самому Соломону (использовать оставшиеся после строительства Храма материалы он не захотел как по религиозным, так и по моральным соображениям).

В Библии дворец Соломона называют «домом леса Ливанского», из чего порой делается совершенно неверный вывод, что это здание было деревянным, сделанным из ливанского кедра. На деле свое название дворец получил оттого, что его

Устройство Иерусалимского храма

Дворец царя Соломона. *Реконструкция Мальбима*

внутренние помещения покоились на расположенных в три ряда сорока пяти колоннах (по 15 в каждом ряду) из ливанского кедра, вызывавших ассоциацию с лесом.

Вот как описывает дворец царя Соломона все та же Третья книга Царств:

«А свой дом Соломон строил тринадцать лет и окончил весь дом свой. И построил он дом из дерева Ливанского длиною в сто локтей, шириною в пятьдесят локтей и вышиною в тридцать локтей, на четырех рядах кедровых столбов; кедровые бревна положены были на столбах. И настлан был помост из кедра над бревнами на сорока пяти столбах, по пятнадцати в ряд. Оконных косяков было три ряда; и три ряда окон, окно против окна. И все двери и дверные косяки были четырехугольные, и окно против окна, в три ряда. И притвор из столбов сделал он длиною в пятьдесят локтей, шириною в тридцать локтей, и перед ними крыльцо, и столбы, и порог пред ними. Еще притвор с престолом, с которого он судил, притвор для судилища сделал он и покрыл все полы кедром. В доме, где он жил, другой двор позади притвора был такого же устройства. И в доме дочери фараоновой, которую взял за себя Соломон, он сделал такой же притвор. Все это сделано было из дорогих камней, обтесанных по размеру, обрезанных пилою, с внутренней и наружной стороны, от основания до выступов, и с наружной стороны до большого двора. И в основание положены были камни дорогие, камни большие, камни в десять локтей и камни в восемь локтей; и сверху дорогие камни, обтесанные по размеру, и кедр. Большой двор огорожен был кругом тремя рядами тесаных камней и одним рядом кедровых бревен; также и внутренний двор храма Господа, и притвор храма» (3 Цар. 7:1—12).

Историки и архитекторы утверждают, что описание это довольно путаное; оно явно сделано дилетантом и реконструировать по нему внешний вид дворцового комплекса Соломона нелегко. Куда лучше живописует этот дворец в «Иудейских древностях» Иосиф Флавий.

Судя по его описанию, дворец Соломона представлял собой комплекс из пяти различных, но смыкающихся и соединенных друг с другом зданий. Все они были построены из тесаных камней шириной от четырех до пяти метров, обложенных снаружи полированным мрамором и гранитом, а изнутри обшитых кедровыми досками, предоставлявшими огромные возможности для украшения.

Вошедший во дворец прежде всего оказывался в «колонном зале», или зале ожидания, где посетители дожидались,

когда их допустят к царю. Со всех сторон этот зал окружали четырехугольные кедровые колонны, разделенные перекрытиями и поставленные в три ряда друг на друга — так что становилось ясно, что ты находишься в четырехэтажном здании, а потолок этого зала взмывал на высоту в 30 локтей (15,6 метра). Флавий утверждает, что длина зала составляла 100 локтей (52 метра), а ширина — 50 локтей (26 метров). Однако другие источники утверждают, что таковы были общие размеры всего основного здания дворцового комплекса, а колонный зал был все же поменьше — его размеры оставляли 30×50 локтей, то есть 15,6×26 метров.

Верхняя часть стен зала и потолки были расписаны растительным орнаментом с таким мастерством, что казалось еще немного — и эта роспись оживет, задышит и задвигнется. Вся остальная часть стен была покрыта разнообразными узорами и изречениями мудрецов, в том числе — и самого Соломона.

Из колонного зала резные двери из кедрового дерева вели в тронный, где потолок был чуть пониже и где царь проводил свои советы и вершил суд. Задняя дверь тронного зала вела в другое здание комплекса — личный дом царя, значительную часть которого занимал роскошный пиршественный зал, стены которого были покрыты поверх ливанского кедра чистейшим золотом. В этом же здании, судя по всему, располагались и личная опочивальня Соломона, его рабочий кабинет, в котором он уединялся с писцами-стенографистами, а также покои для особо почетных гостей.

Данное здание, в свою очередь, соединялось с «домом дочери фараона», значительная часть которого и в самом деле была отдана египетской принцессе, но там же, вероятно, располагался и остальной царский гарем. В этом доме было уже четыре полноценных этажа, каждый из которых был разделен на множество комнат.

Наконец, был еще один дом, уходивший не только вверх, но и под землю. В его многочисленных помещениях и огромном подвале размещались кухня, склады оружия и запасов продовольствия, царская сокровищница и т. д. Здесь же, видимо, находились комнаты отдыха для охранявшей дворец царской гвардии и кабинеты дворцовых чиновников. Вокруг этого дворцового комплекса был разбит огромный сад с множеством беседок и ласкавших взор уголков.

Но самым главным чудом дворца Соломона был царский трон, изготовленный, как говорит предание, по личным чертежам царя все тем же искусным мастером Хирамом.

Еврейские источники утверждают, что этот трон был одним из чудес света, и многие цари приезжали в Иерусалим только для того, чтобы полюбоваться им.

Вот как описывает царский трон Соломона Библия: «И сделал царь большой престол из слоновой кости, и обложил его чистым золотом; к престолу было шесть ступеней; верх сзади у престола был круглый, и были с обеих сторон у места сиденья локотники, и два льва стояли у локотников; и еще двенадцать львов стояли там на шести ступенях по обе стороны. Подобного сему не бывало ни в одном из царств» (3 Цар. 10:18—20).

Но следует отметить, что в устном предании престол Соломона предстает куда грандиознее:

«Устройство престола было таково.

Верх — закругляющийся сзади высоко над сиденьем. Ступеней шесть, и на них фигуры из чистого золота. На первой ступени лежал: с одной стороны лев, а с другой — вол. На второй ступени — волк и ягненок. На третьей — леопард и козленок. На четвертой — медведь и олень. На пятой — орел и голубь. На шестой — ястреб и воробей. Спинка заканчивалась фигурой горлицы, держащей в коготках ястреба.

Над верхним закруглением — светильник со всеми принадлежностями его: светильнями, щипцами, пепельницами, чашечками и чеканными цветами. С правой стороны его — семь стеблей с именами семи патриархов рода человеческого: Адама, Ноя, Сима первородного, Авраама, Исаака и Иакова и Иова с ними. И с левой стороны семь стеблей, а на них имена семи праведников вселенских: Левия, Каата, Амрама, Моисея, Аарона, Елдада и Медада и Хура с ними. На верху светильника утверждено было золотое елеехранилище, откуда брался елей для храмовых лампад, а под ним — большая чаша с елеем для возжигания этого светильника; на чаше начертано было “Элий”, на двух стеблях от нее — имена сыновей Элия “Офни” и “Финеас”, а на сточных трубках внутри стеблей “Наддав” и “Авигу”.

По бокам престола были две кафедры — для первосвященника и для наместника его, и семьдесят кафедр перед тронном для семидесяти старейшин, судей синедриона.

В уровень с висками восседающего — фигуры двух наяд. С обеих сторон престола расположены были двадцать четыре виноградные лозы, образующих сень над ним; за лозами — декорированные тканями белого виссона финиковые пальмы, а на них павлины из слоновой кости.

Тут же полые внутри фигуры двух львов, наполненные бла-

говониями. Благовония начинали сочиться при восхождении Соломона по ступеням трона.

Внутри престола помещался механизм, который приходил в действие, едва царь ступит ногою на первую ступень. В ту же минуту лев протягивал лапу, вол — ногу, и царь, опираясь на них, как на перила, поднимался на следующую ступень. То же самое повторялось на каждой из шести ступеней. Когда царь достигал верхней ступени, слетали орлы и усаживали его на трон, после чего крупнейший из орлов возлагал венец на голову его.

В эту минуту приходил в движение скрытый в механизме серебряный змей, — львы и орлы укрепляли балдахин над царем, а помещавшийся на особой колонне голубь поднимался со своего места, открывал ковчег и вынутый оттуда Свиток Завета клал на руки Соломону. Тогда первосвященник со старейшинами, приветствуя царя, занимали места свои по обеим сторонам царя и приступали к делам судебным.

Появление лжесвидетелей вызывало особое действие всех механизмов: колеса их начинали вращаться с необыкновенной быстротой и силой. Мычание вол, рычание львов и тигров и рев медведей сливались с блеяньем ягнят, воплями козлят, криком ястребов, щебетом воробыным. Волки, олени, орлы и павлины металась из стороны в сторону... Трепет и ужас охватывали лжесвидетелей. “Из-за нас, — говорили они, — весь мир рухнет!” — и невольно начинали одну чистую правду показывать»¹.

Другой мидраш утверждает, что на ступеньках трона стояли друг против друга по два льва и два орла, и именно они и приходили в движение, когда Соломон поднимался на трон. Ну а лев и вол, волк и ягненок и т. д. размещались на округлой верхней части спинки трона. В остальном эти мидраши совпадают, но второй вдобавок разъясняет, что горлица является символом еврейского народа, а ястреб в ее коготках — это символ победы мирного Израиля над империями, пытающимися его уничтожить на всех этапах истории.

Понятно, что эти описания выглядят фантастично, но, если задуматься, создание хоть и не точно такого же трона, то его подобия во времена Соломона было возможно. В египетских храмах еще за несколько столетий до Соломона стали строить различные автоматы. А Соломон, согласно Библии, напомним, постиг «всю мудрость Египетскую». Под «мудростью Египетской» Соломон мог понимать и создание подобных механизмов, начинавших действовать под влиянием силы тя-

¹ Блялик Х. Н., Равницкий И. Х. Агада: Сказания, притчи, изречения Талмуда и Мидрашей. С. 159—160.

жести: человек ступает на ступеньку трона, под его весом прогибается расположенный под ступенькой или даже встроенный в нее рычаг — и вот уже лев поднимает лапу, орел машет крыльями, вол протягивает ногу и т. д.

Любопытный вариант реконструкции трона Соломона предложил известный в Израиле исследователь архитектуры и внутреннего Первого храма и построек эпохи Соломона в целом раввин Менахем Маковер.

Основываясь на мидрашах, раввин Маковер предположил, что сам трон стоял на круглом помосте, к которому с восьми разных сторон вели лестницы по шесть ступеней каждая. На каждой лестнице стояли через ступеньку друг против друга два золотых льва — по шесть на каждой лестнице. К задней части литых золотых львов прикреплялись шесты, на которые были насажены вылитые из золота изображения орлов. Рядом с тронном на круглом помосте стояли две колонны, а возле них — два золотых льва, еще большего размера, чем те, что располагались на ступенях. На самом помосте по обе стороны от царского трона размещались кресла членов синедриона и стояли искусственные пальмы, на ветках которых были сделаны изображения различных птиц¹.

Но, разумеется, о том, насколько эта реконструкция похожа на реальный трон Соломона, сказать сегодня не может никто.

Тем, кто сегодня может попасть на Храмовую гору в Иерусалиме в качестве туриста, арабы охотно показывают небольшое здание, окружающее, по их словам, место, где стоял трон Соломона-Сулеймана. Мусульмане верят, что само место сохраняет магические свойства трона великого царя, и потому женщины привязывают к оконным рамам этого здания кусочки ткани — в надежде, что такая отметина поможет им излечиться от бесплодия, тяжелой болезни и т. п.²

Кроме этого, на Храмовой горе туристам любят показывать камень, на котором, если внимательно приглядеться, можно увидеть выбитые фигуры двух голубей. Арабы утверждают, что это — один из тех камней, из которых был построен дворец Соломона. Согласно арабской легенде, как-то Сулейман ибн Дауд сидел во дворе своего великолепного дворца и наблюдал за любовной игрой двух голубей. Наконец, наласкавшись вволю, птицы поднялись в воздух, и тут голубь спросил голубку:

— А чей это роскошный дворец под нами?

— Разве ты не знаешь? — удивилась та. — Это — дворец

¹ *Маковер М., раввин.* Сокровища Первого храма: Храм и все, что с ним связано — устройство, история, мидраши. Иерусалим, 2002. С. 221.

² *Вильнаи З., д-р.* Легенды Земли Израиля. С. 21.

Сулеймана ибн Дауда, повелителя джиннов, самого могущественного из всех царей!

— Это он-то самый могущественный?! — воскликнул голубь. — Да я могу разрушить этот дворец одним взмахом крыла!

Услышал этот разговор Сулейман, рассердился и велел голубю спуститься к нему.

— Так ты говоришь, что можешь разрушить мой дворец одним взмахом крыла?! — спросил Соломон.

— О господин мой, царь! — воскликнул голубь, трепеща от страха. — Я сказал это только для моей голубки, потому что каждая супруга должна быть убеждена, что именно ее муж и есть самый могущественный царь на земле!

— За то, что в твоих словах есть своя правда, я тебя прощаю. Лети с Богом, но все же старайся впредь воздерживаться от безудержного хвастовства, — сказал Соломон.

Когда же голубь встретился с супругой, та, естественно, не преминула спросить, о чем это с ним беседовал царь.

— О, царь услышал то, что я сказал тебе, и стал умолять меня не разрушать его дворца! — ответил голубь.

Узнал про этот ответ Сулейман ибн Дауд (ибо не было ничего скрытого ни от его ушей, ни от его сердца!), пришел в ярость и силой своей магии обратил двух голубей в камень. Затем впечатал их в один из камней своего дворца — в назидание всем мужьям, что, даже хвастаясь перед женами, следует соблюдать меру¹.

Немало легенд связано и с последующим исчезновением трона Соломона.

Согласно одной из самой известной из них, первым из чужеземных царей захватил этот престол египетский фараон Нехо. Трон Соломона был доставлен в Египет и поставлен в тронном зале. Но когда Нехо ступил на первую ступеньку трона, лев так сильно ударил его в бедро, что он на всю жизнь остался хромоногим.

Затем по праву победителя трон перешел во владение Навуходоносора. Однако когда последний доставил его в Вавилон и стал подниматься на престол, лев ударом лапы поверг Навуходоносора на землю. Из Вавилона трон был взят Дарием и увезен в Мидию, однако персидский царь даже не пытался пользоваться этим трофеем.

После своей победы над персами Александр Македонский вернул трон в Египет, оттуда тот был похищен кем-то из Селевкидов, а дальше его следы теряются.

Исследователи же, анализировавшие вышеприведенный

¹ См.: Вильяни. З., д-р. Легенды Земли Израиля. С. 17.

библейский отрывок, обращают, прежде всего, внимание на слова: «И сделал царь большой престол из слоновой кости и обложил его чистым золотом...»

Но дело в том, напоминают ученые, что слоновая кость в ту эпоху была значительно дороже золота. Покрывать слоновую кость золотом — это все равно, что покрывать золото железом.

Так для чего же Соломон покрыл свой трон из слоновой кости золотом? Ответ, считают историки, напрашивается сам собой: потому что на самом деле трон не был сделан из слоновой кости. Вероятнее всего, он был сработан из прочного, добротного дерева (возможно, из кипариса или того же ливанского кедра), а Соломон сверху покрыл это дерево золотом, распустив одновременно слух, что под золотом скрывается слоновая кость.

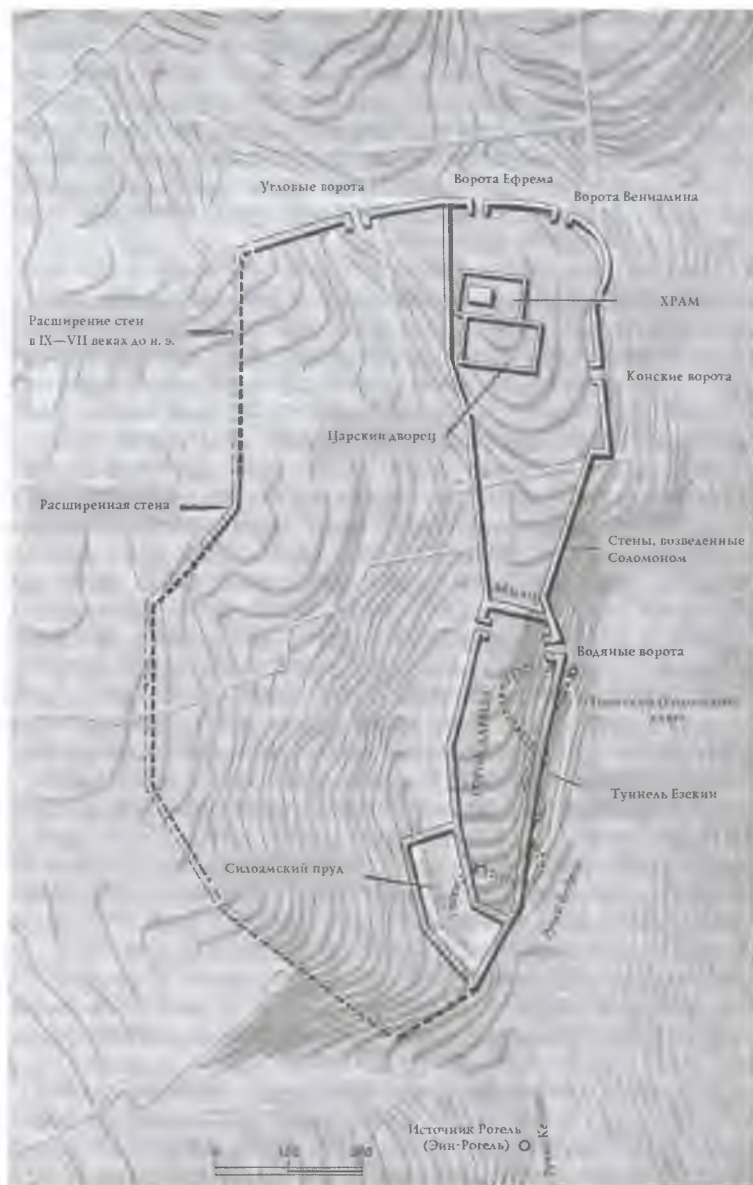
И в этом тоже был весь Соломон, видимо, не так уж редко прибегавший к подобного рода трюкам. На протяжении всей жизни ему явно доставляло удовольствие создавать вокруг себя ореол загадочности, представлять себя куда более богатым и могущественным, чем он был на самом деле.

* * *

Возведением дворцового комплекса охватившая Соломона строительная лихорадка не закончилась.

Он занялся расширением своей столицы, всячески поощряя своих придворных и богатых иерусалимцев строить как можно более роскошные здания. Так как с юга и с востока Иерусалим окружали обрывистые склоны ручья Кедрон, то Иерусалим расширялся в сторону севера. Вокруг новых границ города Соломон построил новую крепостную стену, сооружение которой, видимо, продолжалось довольно долго — в Третьей книге Царств трижды упоминается о разных стадиях ее строительства (3:1; 9:15, 11:27).

Из всех этих описаний очень часто возникает представление об Иерусалиме как об огромном, величественном мегаполисе древности, каковым он, безусловно, не был, как Соломон ни старался. На самом деле, по оценкам историков, в дни завоевания Давидом Иерусалима за его стенами жило порядка тысячи человек. В дни Давида эта цифра увеличилась до полутора-двух тысяч человек. При Соломоне постоянное население города, по разным оценкам, колебалось между четырьмя с половиной и пятью тысячами человек (не считая обитателей царского дворца!). Не исключено, что примерно столько же в нем жило приезжих купцов, представителей различных зарубежных миссий и других гостей.

Соломон — строитель Иерусалима

В городе действовал огромный рынок, на который съезжались торговцы со всего Ближнего, Среднего, а может быть, и Дальнего Востока. Число гостиниц и постоялых дворов в Иерусалиме, возможно, было вполне сопоставимо с числом домов его жителей и административных зданий. Не случайно одними из главных героинь литературы того времени являются обретающиеся на таких дворах блудницы, выполнявшие одновременно работу поварих и официанток, а порой и бывшие хозяйками этих заведений.

Наконец, население города резко увеличивалось в дни важнейших еврейских праздников, когда в Храм стекались десятки тысяч паломников со всех концов страны. Так что Иерусалим времен Соломона и в самом деле был пусть не самым большим, но одним из самых замечательных городов мира той эпохи, поражавший гостей своей красотой. Здесь можно было купить любые известные в ту пору товары. Таможенные и другие пошлины с приезжавших в город купцов обеспечивали непрерывный поток поступлений в казну, так что царские повара щедро расплачивались с жившими в Иерусалиме поставщиками различных съестных припасов. Обитательницы царского гарема и жены сановников покупали благовония и заказывали украшения у местных ювелиров, одежду и обувь у местных сапожников и т. д. Кроме того, иерусалимские ремесленники, менялы, трактирщики и т. д. жили за счет обслуживания приезжих торговцев и процентов с посреднических сделок.

Таким образом, не только царь, но и все остальные жители столицы были по-настоящему богаты; уровень их жизни значительно отличался от уровня жизни земледельцев и ремесленников в провинции. Город, казалось, купался в золоте, и горожане не знали, куда его тратить, не говоря уже о Соломоне и его приближенных. «И все сосуды для питья у царя Соломона были золотые, и все сосуды в доме из Ливанского дерева были чистого золота; из серебра ничего не было; потому что серебро во дни Соломоновы считалось ни за что...» (3 Цар. 10:21) — говорит по этому поводу Библия. И буквально чуть ниже: «И сделал царь серебро в Иерусалиме равноценным с простыми камнями, а кедры, по их множеству, приравнял с сикоморами, растущими на низких местах» (3 Цар. 10:27).

Еще одним проявлением стремления Соломона к показной роскоши стало решение сделать для пятисот бойцов своей дворцовой гвардии золотые доспехи: «И сделал царь Соломон двести больших щитов из кованого золота; по шестьсот сиклей пошло на каждый щит; и триста меньших щитов из кованого золота: по три мины золота пошло на каждый щит; и поставил их царь в доме из Ливанского дерева» (3 Цар. 10:16—17).

1 сикль (шекель) — это 11,424 грамма, 1 мина (манна) — это 100 шекелей. Таким образом, вес большого золотого шита составлял около 7 килограммов, а малого — 3,5 килограмма. Необходимо отметить, что ряд авторов считают, что, будучи повешенными на стенах дворца, эти шиты отнюдь не предназначались для царских гвардейцев, а представляли собой нечто вроде неприкосновенного золотого запаса страны.

* * *

Как уже понял читатель, в дворцовом комплексе Соломона жили сотни людей — обитательницы гарема, стражники, слуги, придворные, да и просто приживалы, отцы которых получили за те или иные заслуги право принимать пищу за царским столом еще в дни Давида.

Вся эта огромная челядь требовала ежедневно и немалого количества продуктов. Впрочем, «немалого» — это мягко сказано: «Продовольствие Соломону на каждый день составляли: тридцать коров тонкой муки пшеничной и шестьдесят коров прочей муки; десять волов откормленных и двадцать волов с пастбища, и сто овец, кроме оленей, и серн, и сайгаков, и откормленных птиц...» (3 Цар. 4:22).

Таким образом, в год царский двор потреблял две тысячи тонн пшеничной муки тонкого помола, четыре тысячи тонн обычной муки, 11 тысяч голов крупного рогатого скота и 36 тысяч мелкого. Эти цифры на первый взгляд выглядят фантастическими, но такое впечатление обманчиво.

Во-первых, следует отметить, что подобная пышность двора с огромным числом прихлебателей была свойственна монархам во все времена, а восточным монархам в особенности. К примеру, двор жившего столетия спустя персидского царя Кира потреблял ежегодно 6,5 тысячи тонн пшеничной муки, 6,1 тысячи тонн ржаной муки, 36 тысяч голов крупного скота и 250 тысяч мелкого. Сравнивая эти цифры, поневоле приходишь к выводу, что по сравнению с Киром великий царь Соломон был сама умеренность (правда, не стоит забывать, что и размеры его царства были куда скромнее размеров Персидской империи).

Во-вторых, в приведенные выше данные об объеме потребления двора Соломона, безусловно, входило и обеспечение продовольствием всех служивших в Храме левитов и кознов, а также, не исключено, и выполнявших трудовую повинность в столице строительных рабочих. С учетом этого цифры Третьей книги Царств выглядят вообще очень скромно.

И, наконец, напомним, что значительную часть времени

дворцовой жизни составляли пиры с участием сотен гостей. Апологеты Соломона говорят, что он отмечал пирами окончание изучения той или иной главы Писания, но даже если это и правда, то далеко не вся правда. «Сказал я в сердце моем: “дай, испытаю себя весельем, и насладись добром”»; но и это тоже суета. О смехе сказал я: “глупость!” — а о веселье: “что оно делает?”. Вздумал я в сердце моем услаждать вином тело мое...» — признается Соломон в «Екклесиасте» (2:1—3).

Уже исходя из этих слов, мы можем предположить, что вино на этих грандиозных пирах текло рекой; одно блюдо сменяло другое; гремела музыка; пирующие, стремясь развлечь царя, состязались в шутках, тостах, искусстве стихосложения...

Царь видел вокруг себя толпу счастливых, вполне довольных жизнью людей и, видимо, искренне считал, что так же счастлив и доволен весь народ. Между тем, как считают историки, чем дальше, тем больше в различных слоях населения назревало недовольство политикой Соломона.

В Иерусалиме, очевидно, росло и ширилось противостояние Соломона с ревнителями Закона, жрецами и членами синедриона. Им были явно не по душе как браки Соломона с иноплеменницами, так и — еще больше — та свобода, которую он предоставил языческим культам. Все большее подпадание Соломона под языческое влияние виделось им и в самом образе его жизни, и во всех его нововведениях.

Разве фигуры животных, украшавших трон Соломона, не напоминали культы египетских, финикийских и ассирийских богов, которые изображались в виде тех же животных?! Разве это не было нарушением заповеди «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли» (Исх. 20:4)?! Таким образом, в самом расширении Соломоном международных связей, в введении им различных новшеств, менявших привычный уклад жизни (скажем, во все более широком использовании лошадей в армии, в сельском хозяйстве и в качестве транспортного средства), они видели реальную опасность ассимиляции и отказа народа от Синайского откровения.

Пол Джонсон в своих предположениях идет еще дальше: по его мнению, многие ревнители культа Единственного Бога должны были находить языческие элементы в самом оформлении Иерусалимского храма (херувимы, статуи быков, на которых стояло «медное море», и т. п.). Да и само объявление Храма единственным местом, где можно было приносить жертвы Богу, вызывало, по мнению Джонсона, недовольство колен, живших на севере страны. Вдобавок ко всему Соломон явно отвергал авторитет пророков своего времени, не спраши-

вал их советов и не прислушивался к ним — в отличие от своего отца Давида, не делавшего без такого совета и шагу. Судя по всему, после смерти Нафана Соломон вообще ликвидировал институт придворных пророков, хотя, по меньшей мере, один выдающийся пророк — Ахия Силоянин — в его время жил.

На основании этого явно чувствующегося в библейском тексте недовольства деятельностью Соломона ряд израильских историков высказывают предположение, что последняя книга Пятикнижия Моисеева — Второзаконие была написана или, по меньшей мере, серьезно отредактирована именно в эпоху царя Соломона. Во всяком случае, при чтении излагаемых ею законов, касающихся царя, невольно возникает предположение, что этот отрывок был написан именно в дни Соломона и специально для Соломона:

«Когда ты придешь в землю, которую Господь, Бог твой, дает тебе, и овладеешь ею, и поселишься на ней и скажешь: “поставлю я над собою царя, подобно прочим народам, которые вокруг меня”, то поставь над собою царя, которого избрет Господь, Бог твой; из среды братьев твоих поставь над собою царя; не можешь ты поставить над собой царем иноземца, который не брат тебе. Только чтоб он не умножал себе коней и не возвращал народа в Египет для умножения себе коней, ибо Господь сказал вам: “Не возвращайтесь более путем сим”; и чтобы не умножал себе жен, дабы не развратилось сердце его, и чтобы серебра и золота не умножал себе чрезмерно. Но когда сядет он на престоле царства своего, должен списать для себя список закона сего с книги, находящейся у священников левитов; и пусть он будет у него, и пусть он читает его во все дни жизни своей, дабы научался бояться Господа, Бога своего, и старался исполнять все слова закона сего и постановления сии; чтобы не надмевалось сердце его пред братьями его, и чтобы не уклонялся он от закона ни направо, ни налево, дабы долгие дни пребыл на царстве своем он и сыновья его посреди Израиля» (Втор. 17:14—20).

Как считает Барух Каплинский, в этом отрывке что ни слово — то прямое обличение царя Соломона. «Только чтоб он не умножал себе коней и не возвращал народа в Египет для умножения себе коней», — говорится в тексте. Но разве Соломон не завел себе целые табуны коней и колесницы и разве ради торговли с Египтом он не послал своих представителей в эту страну?!

Далее «Пятикнижие» предупреждает: «...чтобы не умножал себе жен, дабы не развратилось сердце его». Но ведь это именно Соломон поставил абсолютный рекорд среди всех царей по числу жен и наложниц, а те, будучи язычницами, «развратили» его сердце!

«...И чтобы серебра и золота не умножал себе чрезмерно». Но это именно Соломон скопил в Иерусалиме такие богатства, что серебро в его столице «ничего не стоило». Следствием этого стал гигантский разрыв в уровне жизни между столицей и периферией, а цены даже на самые обыденные товары в Иерусалиме стали так высоки, что провинциал с его горсткой серебра почти ничего не мог там купить.

Вдобавок ко всему Соломон все дальше отступал от заповедей «Пятикнижия», и сердце его все больше и больше «надмевалось... пред братьями его», что никогда не было свойственно его отцу Давиду.

В этом контексте чрезвычайно важный характер приобретает рассказ о втором Откровении Бога Соломону, в каждом слове которого звучит предупреждение, смешанное с угрозой:

«После того, как Соломон закончил строение храма Господня и дома царского, и все, что Соломон желал, сделал, явился Соломону Господь во второй раз, как явился ему в Гаваоне. И сказал ему Господь: Я услышал молитву твою и прошение твое, о чем ты просил Меня. Я освятил сей храм, который ты построил, чтобы пребывать имени Моему там вовек; и будут очи Мои и сердце Мое там во все дни. И если ты будешь ходить пред лицом Моим, как ходил отец твой Давид, в чистоте сердца и правоте, исполняя все, что Я заповедал тебе, и если будешь хранить уставы Мои и законы Мои, то Я поставлю царский престол твой над Израилем вовек, как Я сказал отцу твоему Давиду, говоря: “не прекратится у тебя сидящий на престоле Израилевом”. Если же вы и сыновья ваши отступите от Меня и не будете соблюдать заповедей Моих и уставов Моих, которые Я дал вам, и пойдете и станете служить иным богам и поклоняться им, то Я истреблю Израиля с лица земли, которую Я дал ему, и храм, который Я освятил имени Моему, отвергну от лица Моего, и будет Израиль притчею и посмешищем у всех народов. И о храме сем высоком всякий, проходящий мимо его, ужаснется, и свистнет, и скажет: “за что Господь поступил так с сею землей и с сим храмом?” И скажут: “за то, что они оставили Господа, Бога своего, который вывел отцов их из земли Египетской, и приняли других богов, и поклонялись им и служили им, — за это навел на них Господь все сие бедствие”...» (3 Цар. 9:1—9).

Итак, Бог второй раз является Соломону вскоре после завершения им строительства своего дворца, то есть на двадцать четвертом году его царствования. Является так же, как некогда в Гаваоне — во сне. Но, если разобраться, Всевышний не открывает в этом видении Соломону ничего нового. Бог сообщает царю, что строительство Иерусалимского храма приня-

то Им, и обещает, что Его присутствие никогда не отойдет от того места, на котором построен Храм, но при этом не гарантирует вечности Храма. Строительство «дома Господа» является величайшей заслугой Соломона, но ее недостаточно, чтобы Еврейское государство продолжило свое существование в истории. Условие существования евреев на Земле обетованной, условие долголетия самого Соломона и сохранения трона за его потомками остаются теми же: строгое следование духу и букве данных Им законов. По сути дела, значительная часть этого второго Откровения Соломону представляет собой повторение грозного предупреждения Второзакония:

«И скажет последующий род, дети ваши, которые будут после вас, и чужеземец, который придет из земли дальней, увидев поражение земли сей и болезни, которыми изнурит ее Господь: “сера и соль, пожарище — вся земля; не засеивается и не произрастает она, и не выходит на ней никакой травы...” И скажут все народы: “за что Господь так поступил с сею землею? какая великая ярость гнева Его!” И скажут: “за то, что они оставили завет Господа, Бога отцов своих, который Он поставил с ними, когда вывел их из страны Египетской”...» (Втор. 29:22—25).

Таким образом, Всевышний, повторим, лишь напоминает Соломону, что тот нарушает Его заповеди, отступил от соблюдения Его законов, и это в итоге может обернуться драматическими последствиями для самого Соломона и совершенно катастрофическими для страны и народа. Сторонники рационального подхода к Библии считают, что если Соломону и в самом деле приснился такой сон, то он, вероятнее всего, лишь отражал те предостережения, которые ему приходилось выслушивать днем от священников.

Тем временем страна (по меньшей мере, внешне) процветала. Строились новые и укреплялись старые города. На границах было относительно спокойно. А потому Соломон попросту не видел причины менять систему государственного устройства, выстроенную им за два десятилетия своего правления.

Глава седьмая **ДЕЛА ДЕРЖАВНЫЕ**

Историки, увы, так и не пришли к единому мнению о том, насколько же на самом деле мудрой и рациональной была внутренняя политика Соломона. Точнее, все исследователи понимают, что последующий раскол единого Израильского царства был следствием не столько ошибок сменившего Соло-

мона на престоле его сына Ровоама, сколько очевидных просчетов политики самого Соломона.

Вопрос, таким образом, заключается в том, насколько были и в самом деле велики успехи Соломона на государственном поприще, да и вообще можно ли считать это успехами.

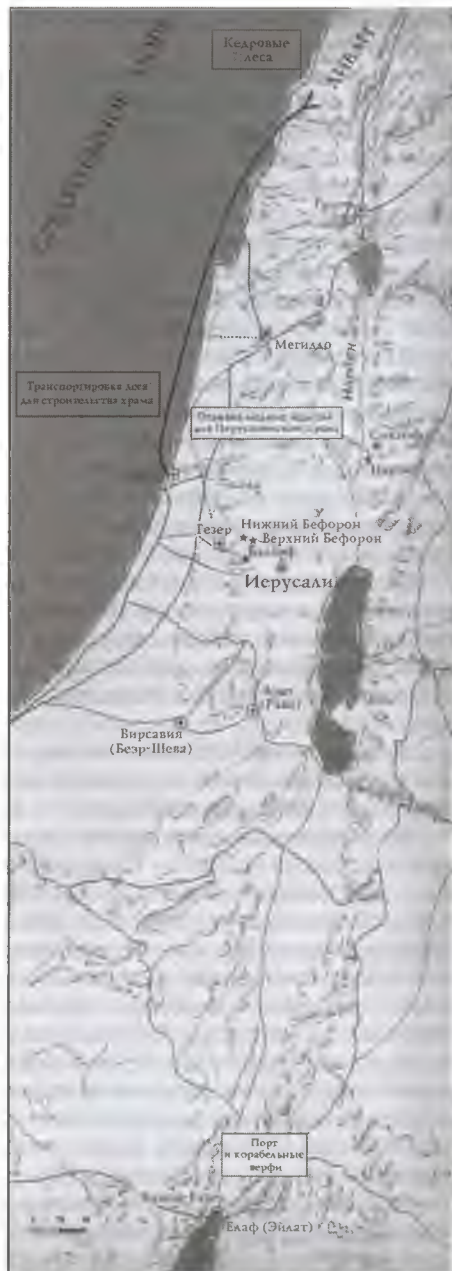
Если Давид за годы своего правления создал в Иерусалиме мощный бюрократический аппарат, в котором каждый из множества министров отвечал за некую узкую конкретную область деятельности и отчитывался непосредственно перед царем, то Соломон, придя к власти, значительно сократил число членов своего правительства, наделив их при этом более широкими полномочиями.

«И вот начальники, которые были у него: Азария, сын Садока, священника; Елихореф и Ахия, сыновья Сивы, писцы; Иосафат, сын Ахилуда, деесписатель; Ванея, сын Иодая, — военачальник; Садок и Авиафар — священники. Азария, сын Нафана, начальник над приставниками, и Завуф, сын Нафана, священника, — друг царя. Ахисар — начальник над домом царским, и Адонирам, сын Авды, — над податями» (3 Цар. 4:2—6).

По распространенному мнению, перед нами — список «членов правительства» Соломона, составленный, видимо, в самом начале его правления, а затем редактировавшийся в соответствии с происходившими при дворе переменами. Имя попавшего в опалу и сосланного в Анатот священника Авиафара, вероятно, задержалось в этом списке по ошибке. Одновременно из списка видно, что Соломон сохранил возле себя часть министров, служивших еще его отцу, а также приблизил к себе сыновей некоторых верных слуг Давида, составивших, таким образом, второе поколение израильской аристократии. В числе последних оказались и два сына пророка Нафана — Азария (Азариягу) и Завуф (Заувуд), причем первого, как мы увидим, Соломон сделал одним из высших лиц в государстве, а второго просто держал при себе в качестве друга и советника.

Не вызывает удивления и то, что многократно упоминавшийся на этих страницах Ванея назван в качестве главнокомандующего армией. И дело не только в том, что Ванея был одним из самых близких и верных Соломону людей. Начавший свою армейскую карьеру простым бойцом в армии Давида, он участвовал во многих сражениях, а после мятежа Авессалома стал начальником гвардии критских и филистимских наемников. Его назначение «министром обороны» и главнокомандующим армией после казни Иоава было вполне закономерным и ожидаемым шагом.

Просматривая этот список сановников, мы не можем не

Строительные работы
Соломона

остановиться на имени Адонирама, сына Авды, и не вспомнить, что он так же, как и Ваня, верно служил еще Давиду. При этом имя Адонирам имеет явно финикийское происхождение, а имя отца писцов Елихорефа (Элихарефа) и Ахии — Сивы — вне всякого сомнения, является египетским. И это означает только одно: следуя принципам своего отца, Соломон отнюдь не чурался иноплеменников и охотно вводил их в свое окружение и назначал на высшие посты, если они этим постам соответствовали. Вопрос о том, проходили ли эти сановники гиюр или хранили верность религии своих предков, остается открытым. По всей видимости, часть из них и в самом деле были прозелитами, а часть — нет.

Кроме того, Соломон, судя по всему, ввел при дворе по египетскому образцу новую должность — «начальника над домом царским», которая, по свидетельству Библии, сохранялась и при дворах остальных царей Израиля и Иудеи. Как следует из списка, при Соломоне этот пост занимал некий Ахисар (Ахишар). Он был отнюдь не только управляющим, «завхозом» царского дворца, как это можно подумать, исходя из названия его должности. Нет, полномочия «начальника над домом царским» были куда шире. Он являлся одним из самых приближенных к монарху людей. Именно Ахисар каждое утро первым встречался с царем, знакомил его с новостями и списком первоочередных дел, а затем царь вместе с ним составлял распорядок своего дня и список лиц, которых он в этот день примет.

Думается, уже из этого читатель понял, каким огромным влиянием обладал Ахисар и сколь важно было для любого придворного и чиновника пользоваться его благосклонностью.

В непосредственном подчинении Ахисара находились два царских писца — братья Елихореф и Ахия. Должность писца была введена еще Давидом, но Соломон, как видим, решил, что одного писца недостаточно. Груз забот, лежавший на Елихорефе и Ахии, был и вправду огромен. Правильнее, наверное, назвать их начальниками царской канцелярии, хотя и это понятие не вмещает специфики их должности. Елихореф и Ахия отвечали за учет всех поступлений в казну и в сокровищницу Иерусалимского храма; вели обширную дипломатическую переписку и таким образом оказывались вовлеченными в решение важнейших государственных вопросов. Вероятно, в их подчинении находилась целая группа рядовых писцов и счетоводов.

Личным же секретарем и историографом Соломона был, как следует из приведенного списка, Иосафат (Иеошафат), сын Ахилуда. Ему же, по всей видимости, Соломон диктовал

свои книги, и не исключено, что Иосафат выступал и в качестве их редактора.

Наконец, был еще Адонирам, верно прослуживший трем царям Израиля — в его задачу входило определение размеров налогов и распределение государственного бюджета, то есть, по сути дела, он был не «мытарем», как его порой называют российские исследователи Библии, а министром финансов.

Особняком в этом ряду стоит имя Азарии, сына Нафана, поставленного «над правителями областей». Это была одна из высших должностей в государстве, и чтобы осознать всю ее значимость, следует понять цели той реформы управления, которая была проведена Соломоном.

Сразу после своего воцарения Соломон продолжил шаги по централизации государственной власти, начатые еще его отцом Давидом. Но напомним, что в ту эпоху еврейский народ все еще больше напоминал племенной союз, чем единую нацию. Все члены этого союза говорили на одном языке; у них была общая религия, общие священные книги и общая многовековая история, а значит, и общая культура; они вместе противостояли внешним врагам, но все это еще не превращало их в единый народ. Они продолжали жить, разделенные на колена, каждое из которых четко знало границы своей территории и управлялось советом своих старейшин. На этом совете принимались все судьбоносные для колена решения; старейшины ведали судами, собирали налоги и т. д., то есть были своего рода посредниками между своим коленом и центральной властью в лице монарха и его администрации. Отношения между коленами были часто весьма далеки от идиллии; Библия сохранила для нас рассказы об идущих между ними кровопролитных гражданских войнах, причем, возможно, лишь о части из них.

Чтобы создать централизованное государство, абсолютистскую монархию с мощным властным аппаратом, Соломону было необходимо в первую очередь подорвать власть совета старейшин каждого отдельного колена. Бросить им открытый вызов он не мог — это обернулось бы новым мятежом, подобным тем, какие происходили в дни Давида. В поисках решения данной проблемы Соломон и нашел ход, который формально не посягал на авторитет советов старейшин, но фактически лишал их власти, оставляя им лишь право совещательного или рекомендательного голоса.

Суть проведенной им реформы государственного управления сводилась к разделу страны на 12 округов. Каждый из этих округов должен был платить налоги в таком объеме, чтобы в течение одного месяца в году покрывать расходы на «продол-

вольствие царю и дому его», то есть обеспечивать продуктами питания как царский двор, так и армию — включая фураж для лошадей. Но так как численность различных колен была разной, то чтобы более-менее уравновесить это налоговое бремя, границы округов далеко не всегда совпадали с границами колен — и это был первый удар по власти советов старейшин, этой самой древней в мире системе демократии.

Во главе каждого округа Соломон поставил назначенного им лично правителя, или, если угодно, губернатора. Третья книга Царств (4:7—19) перечисляет имена этих губернаторов, а также довольно четко указывает на границы созданных Соломоном округов, из чего становится ясно, что ее автор явно пользовался при написании этой части книги архивными документами. Причем, видимо, даже к его времени документы эти были уже не в самом лучшем состоянии, так что в Третьей книге Царств отсутствуют личные имена некоторых губернаторов и приведены только имена их отцов.

Вот список сановников, назначенных Соломоном губернаторами провинций, который приводится в Библии:

1. Бен-Хур (сын Хура) — губернатор «горы Ефремовой» («гор Эфраимовых»), то есть территории, в которую входили земли колена Ефрема (Эфраима) и часть земель колена Манассии (Менаше).

2. Бен-Декер (сын Декера) — губернатор Макаца, Шаалбима, Вефсамиса (Бейт-Шемеша), Елона (Эйлونا) и Беф-Ханана (Бейт-Ханаана), то есть всей территории колена Дана и прилегающих к ней земель, на которых проживали покоренные Давидом хананеяне и филистимляне.

3. Бен-Хесед (сын Хеседа) — губернатор Арюбофа (Аруббота), Соко (Сох) и области Хефер (Хейфер), то есть всей Саронской (Шаронской) долины.

4. Бен-Авинадав (сын Авинадава), женатый на дочери Соломона Тафат (Тафат) — губернатор области Нафаф-Дора (Дора), простирающейся от окраины Саронской долины до горы Кармил (Кармель).

5. Ваана (Баана), сын Ахилуда — губернатор Фаанаха (Танаха), Мегиддо, Беф-Саны (Бейт-Шеана), «что близ Цартана, ниже Изрееля, от Беф-Сана до Абел-Мехола, и даже за Иокмеам», то есть управляющий всей Изреельской долиной и землями вокруг Беф-Саны, значительную часть жителей которых составляли представители коренного населения Ханаана.

6. Бен-Гевер (сын Гевера) — губернатор Рамофа Галладского (Рамота Гиладского); «у него были селения Иаира, сына Манассиина, что в Галааде; у него также область Аргов, что в Васане, шестьдесят больших городов со стенами и медными

затворами». Таким образом, вверенная этому губернатору область включала в себя земли удела Манассии на восточном берегу Иордана и завоеванную Давидом часть Сирии.

7. Ахинадав, сын Гиддо — губернатор Маханаима, то есть области, также расположенной на восточном берегу Иордана, южнее Рамофа Галладского.

8. Ахимаас (Ахимаац), муж дочери Соломона Васемафы (Басемат) — губернатор округа, в который вошла вся территория колена Неффалима (Нафтали), к северу от Тивериадского озера (озера Кинерет).

9. Ваана (Баана), сын Хушай — в его губернию вошла вся территория колена Асира (Ашера) и Баалоф (Беалот), то есть Прибрежная долина.

10. Иосафат (Иехошофат), сын Паруаха — губернатор земель колена Иссахара, к югу от уделов колен Асира и Неффалима.

11. Шимей (Шимми), сын Елы (Эйлы) — губернатор территории колена Вениамина (Биньямина).

12. Гевер (Гэвер), сын Урия (Ури) — губернатор территории на восточном берегу Иордана «в земле Галаадской, в земле Сигона, царя Аморрейского, и Ога, царя Васанского».

Эти 12 губернаторов подчинялись и были подотчетны Азарии, сыну Нафана, являвшемуся главой исполнительной власти в стране. Азария отвечал за то, чтобы губернаторы исполняли свои обязанности, а также за общий порядок в каждой губернии и внутри страны в целом, то есть в его ведении находились и полицейские функции¹.

Исследователи, анализировавшие список правителей провинций, пришли к целому ряду любопытных выводов.

Во-первых, очевидно, что Соломон назначал на эти посты самых близких и доверенных людей. К примеру, Ваана сын, Хушай вполне мог быть сыном того самого царского советника Хушай-Хусия, который не просто остался верен Давиду в дни мятежа Авессалома, но и в итоге отговорил последнего принять мудрый совет Ахитофела, что в итоге и не дало мятежникам одержать победу. Об этом же говорит наличие в списке зятьев Соломона, хотя не исключено, что речь идет не о назначении губернаторами мужей своих дочерей, а, наоборот, о браках, призванных усилить преданность правителей областей родственными узами.

¹ Ряд комментаторов и ученых считают такую трактовку полномочий Азарии неверной. По их версии, особое положение Азарии было связано с тем, что он являлся губернатором Иудеи — «самой главной» и привилегированной губернии царства. Губернаторы же непосредственно подчинялись Соломону и только ему — поставить «начальника над губернаторами» было слишком рискованно, каким бы верным он ни казался.

Во-вторых, судя по именам, «сын Декера», «сын Гевера», а возможно, и некоторые другие губернаторы были представителями ханаанских народов. Таким образом, и при назначении правителей областей Соломон остался верен тем же принципам, что и при формировании правительства. В сущности, это был очень верный шаг с точки зрения национальной политики. С одной стороны, назначение коренных жителей Ханаана на высшие должности в государстве несколько гасило их возмущение дискриминацией. С другой стороны, губернаторы-хананеяне легче находили общий язык со своими соплеменниками, а всё вместе это предотвращало возможные бунты туземцев.

В-третьих, легко заметить, что Иудея с частью земли колена Симона (Шимона) не вошла ни в одну из вышеперечисленных губерний. Судя по всему, Соломон, будучи потомком Иуды, объявил, что земли этого колена являются его личным владением, и при этом либо вообще освободил свое колено от каких-либо налогов, либо предоставил своим сородичам огромные налоговые льготы¹.

Жители же всех остальных провинций, как уже было сказано, должны были платить немалые налоги, отдавая на содержание царского двора, армии и государственного аппарата не менее 20 процентов своего урожая, приплода скота, сработанной дома шерстяной и льняной ткани и т. д. Кроме того, как уже говорилось выше, в стране была введена трудовая повинность, касавшаяся в первую очередь лиц «нетитульной национальности», но распространявшаяся на время очередной «великой стройки» и на евреев.

Нет никакого сомнения, что эти налоги тяжелым бременем ложились на народ. Тем не менее Писание настаивает, что именно период правления Соломона был наиболее сытным и благополучным периодом за всю историю еврейского народа: «И жили Иуда и Израиль спокойно, каждый под виноградником своим и под смоковницею своею, от Дана до Вирсавии, во все дни Соломона» (3 Цар. 4:25).

Археологические раскопки подтверждают эти слова и дают им объяснения. Судя по всему, несмотря на то, что налоги и в самом деле были велики, урожаи пшеницы, винограда, а также различных фруктов и овощей были достаточны для того, чтобы после уплаты всех податей крестьянские семьи не толь-

¹ Ряд библеистов напоминают, что високосный год у евреев насчитывает не 12, а 13 месяцев. По их мнению, которое они основывают на Талмуде, в 13-й месяц обеспечение царского двора полностью ложилось на колено Иуды. Кроме того, у этого колена были и другие подати, так что считать его полностью освобожденным от налогов никак нельзя.

ко не голодали, но и могли выставить что-то на продажу. Во всяком случае, Израильское царство было в то время одним из ведущих производителей и экспортеров пищевых продуктов в регионе, да и с Хирамом за лес и его мастеров Соломон расплачивался именно пищевыми продуктами.

Одним из самых дорогих из этих продуктов было оливковое масло. Если в Земле обетованной оливковые деревья растут почти повсеместно и дают обильные урожаи, то, скажем, в Египте эти деревья не приживаются из-за слишком жаркого климата. Налаженная Соломоном международная торговля позволяла израильтянам с немалой выгодой продавать оливковое масло, получая за него у египтян орудия труда, украшения, благовония и т. д.

И все же, повторим, разрыв в уровне жизни между столицей и провинцией был слишком велик, чтобы простой человек, оказавшись в купающемся в золоте Иерусалиме, не чувствовал бы себя нищим и ущербным. К тому же огромные налоговые льготы, предоставленные колену Иуды, совершенно обоснованно были в глазах представителей других колен проявлением вопиющей несправедливостью, с которой многие не могли смириться. Ни к чему хорошему такое положение вещей привести не могло.

* * *

Сам Соломон был не только царем, но и весьма преуспевающим землевладельцем, успешно ведущим дела своего родового имения в Вифлееме (Бейт-Лехеме), а также в других местах близ Иерусалима. Проезжающим сегодня по трассе Вифлем — Хеврон туристам всенепременно показывают «бассейн Сулеймана», утверждая, что это — тот самый бассейн, о котором Соломон говорит в «Екклесиасте»: «Сделал себе водоемы для орошения из них рошей, произрастающих деревья» (2:6). Именно в этом месте, убеждены местные жители, располагалось имение Соломона с его знаменитыми садами и парками, о чем говорится в том же «Екклесиасте»: «Устроил себе сады и рощи, и насадил всяческие плодовые деревья» (2:5).

Версия о том, что именно здесь располагались сады Соломона, подтверждается и тем, что именно так — *Hortos Solomonis* (Сады Соломона) называлась на латинском эта местность в раннее Средневековье, и отсюда берет свое название расположенная сегодня в этих местах арабская деревушка Артес¹.

Флавий пишет, что Соломон, будучи большим любителем лошадей, любил объезжать свои владения в сопровождении

¹ См.: Вильнаи З., д-р. Легенды Земли Израиля. С. 176.

многочисленной стражи, лично правя колесницей. И, если верить «Иудейским древностям», это и в самом деле было великолепным зрелищем, поражавшим жителей Иерусалима и его окрестностей: «При уходе за этими лошадьми обращалось одинаковое внимание на сохранение ими как внешней красоты, так и быстроты; так что другие кони не были в состоянии выдержать с этими (конями из конюшен Соломона. — П. Л.) в данном отношении: на вид это были красивейшие и недосыгаемые в своей резвости животные. Большим украшением в этом случае служили также их всадники, необычайно цветущие юноши, далеко превосходившие прочее население своим ростом и статным телосложением и отличавшиеся длинными распущенными волосами и одеянием из тирийского пурпура. Ежедневно они посыпали себе волосы золотым песком, так что головы их сияли золотом, когда на них падали лучи солнца. В таком убранстве с луками в руках эти всадники окружали царя, когда тот обыкновенно на заре выезжал на своей колеснице в белом одеянии и сам правил лошадьми. В расстоянии двух схойнов от Иерусалима находилось местечко Ифам, представлявшее, благодаря своим садам и обилию влаги, в одинаковой мере приятный и плодородный уголок. Местечко это служило целью утренних поездок царя»¹.

Таким образом, Соломон на деле осуществил мечту своего детства: у него была не менее роскошная колесница, чем у его брата, мятежного Авессалома, да и 60 его телохранителей — высокие, статные, с длинными волосами — напоминали внешне Авессалома, и это, безусловно, «грело» душу Соломона, помогая ему справиться со многими играми своего подсознания.

* * *

Список губернаторов Соломона — единственное место в Библии, из которого мы узнаем, что у Соломона были дочери по имени Тафафь и Васемафа и он все-таки заботился о их судьбе. Между тем устное предание донесло до нас и легенду о еще одной, якобы самой любимой дочери Соломона по имени Кеция.

Когда эта дочь подросла, то Соломон захотел узнать с помощью «урим» и «туммим», что ждет ее в жизни, и Бог ответил, что Кеции суждено выйти замуж за нищего. Очень опечалился Соломон этим ответом. Затем он решил умолить Всевышнего изменить этот приговор, а пока отдалить дочь от людей и поместить ее в такое место, куда не сможет попасть ни один человек.

¹ Иосиф Флавий. Иудейские древности. С. 337.

Приняв такое решение, вызвал Соломон к себе 50 искусных строителей и взял с них клятву хранить молчание о той работе, которую он им собирается поручить. Когда мастера дали клятву, царь сказал:

— Сейчас вы отправитесь на необитаемый остров, который я укажу вам, и постройте на нем высокую башню без дверей. Лишь на самой вершине устройте вы несколько комнат, оборудуйте их так, чтобы в них могла жить женщина, а затем обнесете башню высокой стеной. А когда закончите строительство, втайне вернитесь в Иерусалим и поспешите предстать предо мной.

Три месяца плыли мастера по морю, прежде чем достигли указанного необитаемого острова. Построили они на этом острове высокую-высокую башню, поставили в ее комнатах кровать, стол, кресла, светильники, сделали выход на крышу башни и с крыши спустились вниз.

Когда же завершили строители всё, что им было велено сделать, то поспешили они обратно и, едва прибыв в Иерусалим, тотчас же направились к царю.

— Возвращайтесь теперь ко мне через две недели, ибо есть у меня к вам еще одно дело, — сказал Соломон.

Как только мастера ушли, вызвал царь к себе Кецию и велел ей собрать вещи, так как через две недели ей предстоит покинуть дворец, отправиться в некое уединенное место и пожить там в одиночестве.

— И долго мне придется там жить? — только и спросила Кеция.

— Этого я тебе сказать не могу, потому что это — тайна! — ответил Соломон.

В назначенный день Кеция явилась к отцу с собранными вещами, вся светясь от радости.

— Чему ты радуешься, дочь? Ведь ты покидаешь дворец и не знаешь, когда вернешься? — удивился Соломон.

— Всю свою жизнь я мечтала, что ты обратишься ко мне с какой-нибудь просьбой и я исполню ее без всяких пререканий. И вот сейчас мне, наконец, представилась такая возможность! — ответила Кеция.

Тут пришли во дворец и 50 мастеров, построивших башню, и велел им Соломон взять его дочь на корабль, отвезти ее на необитаемый остров, поместить в башне и оставить там одну. И еще напомнил Соломон мастерам, что они поклялись хранить все это дело в строжайшей тайне.

Отплыли мастера вместе с дочерью Соломона к необитаемому острову и сделали все, как приказал им царь. А Соломон тем временем вызвал к себе гигантского орла и велел ему каж-

дый день летать на необитаемый остров и доставлять Кеции лучшую еду с царской кухни.

В это самое время жила в городе Акко, на берегу моря, очень бедная семья. Глава семейства в поте лица своего зарабатывал на хлеб насущный и с трудом кормил семью. Когда старший его сын Реувен подрос, увидел он, как тяжело родителям, и стал просить их отпустить его по свету искать счастья.

Долго не соглашались отец с матерью внять просьбе своего первенца, но затем все же согласились. Пошел Реувен куда глаза глядят и поздно вечером забрел на большое поле. Взмолился тогда юноша к Богу и стал просить послать ему достойный ночлег. Когда же он закончил молиться, то увидел Реувен лежащую на поле тушу мертвого вола. Залез он в утробу туши, и так там было тепло и уютно, что вскоре Реувен заснул крепким сном.

Посреди ночи прилетел на поле огромный орел, увидел тушу, поднял ее и принес на вершину башни, в которой жила царская дочь. Здесь орел обглодал часть туши, насытился, а остальную часть оставил и улетел.

Рано утром юная царевна, как обычно, вышла на крышу башни, увидела лежащую тушу вола, и тут из нее вылез Реувен.

— Кто ты? — испуганно спросила Кеция.

— Я просто бедняк, который, спасаясь от ночного холода, решил заночевать внутри падали, но, видимо, ночью какая-то птица принесла меня вместе с тушей сюда, — ответил юноша.

Так как покинуть башню было невозможно, то Реувен вынужден был в ней остаться. На следующее утро орел прилетел с едой для царевны, увидел, что теперь она не одна — и стал приносить еду для двоих.

Прошел еще месяц-другой. Молодые люди поняли, что полюбили друг друга, и решили пожениться. Надрезал Реувен себе палец и написал Кеции «ктубу» — брачный контракт — своей кровью.

Спустя еще девять месяцев у Кеции и Реувена родился сын. Увидел орел, что людей в башне стало трое — и стал приносить еду на троих.

Тут вспомнил Соломон о дочери и решил расспросить орла, как она себя чувствует.

— Слава Богу, — ответил орел, — царевна здорова и счастлива. И ее муж и сын тоже здоровы и счастливы.

— Как муж и сын?! — воскликнул пораженный Соломон. — Откуда у Кеции взялся муж? Кто его туда принес?!

Так как у орла не было ответа на эти вопросы, то Соломон поспешил отправиться на остров, поднялся по приставной лестнице на башню и убедился, что орел сказал правду. Обнял царь дочь, поцеловал внука, а затем обратился к Реувену.

— Как ты попал сюда? — спросил его Соломон.

Рассказал Реувен свою историю, и во время этой беседы убедился Соломон, что хотя его зять происходит из бедной семьи, он необычайно умен и образован, и возблагодарил Соломон Господа за то, что Он послал его дочери такого мужа.

После этого вернулся Соломон с дочерью, зятем и внуком в Иерусалим и устроил там большой пир. Поднял на этом пиру Соломон свой кубок, рассказал всем собравшимся историю своей дочери и добавил: «Вот вам еще одно доказательство, что невозможно противостоять и нелепо противиться воле Господа. Разве я не отправил свою дочь в такое место, где она вообще не могла встретить ни одной живой души?! Но Всевышний все равно нашел способ доставить ей суженого».

Разумеется, перед нами — один из вариантов расхожего фольклорного сюжета о невозможности обмануть судьбу. При чем Соломон отнюдь не предстает в этой сказке (как, впрочем, и в целом ряде других) большим мудрецом. Хотя всё, конечно, зависит от того, что понимать под мудростью...

* * *

Как уже отмечалось на страницах этой книги, одной из важнейших реформ Соломона стало кардинальное преобразование армии и системы обороны страны.

Взятие на вооружение колесниц и конной тяги резко увеличило возможность быстрой переброски армейских подразделений из одной части страны в другую и позволило Соломону значительно сократить число мужчин, призываемых на резервистские сборы. Таким образом, армия в его правление стала постепенно превращаться из народной, какой она была при Давиде и Сауле, в профессиональную.

Колесничие и находившиеся при них лучники и щитоносцы, сопровождавшие колесницы легкие пехотинцы, подразделения тяжелой пехоты находились теперь на содержании у государства, получали от него пропитание для своих семей и земельные участки в качестве платы за службу, превращаясь, таким образом, в первое поколение представителей военной аристократии.

Но для обеспечения высокой мобильности такой регулярной армии нужны были хорошие дороги, лошадям требовались конюшни, колесницам — «гаражи» и мастерские, бойцам — места для учений и отдыха.

Анализируя Третью книгу Царств (9:15—19), историки пришли к выводу, что Соломон разделил всю страну на три армейских округа — Северный, Центральный и Южный. Вслед за

этим он построил для их гарнизонов три мощные крепости на месте уже существовавших там ранее городов.

Основные подразделения Северного округа располагались в Хацоре, что позволяло контролировать как территорию Сирии, так и всю местность, прилегающую к озеру Кинерет.

Гарнизон Центрального округа базировался в Мегиддо, располагавшемся вдобавок на перекрестках торговых путей и бывшем важным экономическим центром, столицей губернии.

Наконец, гарнизон Южного округа Соломон разместил в заново им отстроенном с «нуля» Гезере. Кроме того, в этот же период одержимый строительной лихорадкой Соломон построил еще целый ряд небольших крепостей в пустыне Негев и в Галилее, из которых Библия называет Баалоф и Нижний и Верхний Бефорон.

Месторасположение всех этих городов известно, и все они, как говорят археологи, «довольно хорошо раскопаны». О том, что эти города были заново отстроены именно в конце X века до н. э., то есть в период правления Соломона, свидетельствуют окружающие их двойные, так называемые казематные стены. В Палестине они характерны только для этого периода — в IX веке до н. э. от этой строительной технологии уже отказались.

Казематные стены, как известно, представляют собой два параллельных ряда стен, на которые настилается крыша, затем изнутри они соединяются идущими перпендикулярно стенами. Образовавшиеся при этом между стенами помещения использовали под казармы, арсеналы, склады и т. п.

Вероятно, строителям таких стен казалось, что они куда более надежны, чем одна толстая стена, и вдобавок между ними появлялась большая полезная площадь. Однако если последнее было верно, то вот с их надежностью получился полный конфуз: последующие события доказали, что такие стены куда более уязвимы для стенобитных машин ассирийцев, чем монолитные стены древних крепостей.

Еще одна примета «Соломонова времени»: заметную часть территории этих городов занимали конюшни. Именно их и обнаружили археологи Г. Лауд и П. Л. О. Ги в ходе раскопок холма Телль-эль-Мутеселлима, стоящего на месте древнего Мегиддо.

«В ходе раскопок у края Телля, — пишет В. Келлер, — среди обломков появилась ровная каменная поверхность, прямоугольная по очертаниям, усеянная длинными рядами невысоких каменных столбиков с квадратным срезом.

Поначалу Лауд и Ги не поняли, что бы это могло быть. Ярд за ярдом возникала эта ровная поверхность, и казалось, что ей

не будет конца. И тогда Ги пришло на ум, что это, возможно, остатки конюшен. Разве в Библии не говорится о бесчисленном количестве лошадей царя Соломона?..

...Удивление археологов росло по мере того, как появлялось на свет каждое новое строение. Ученые обнаружили, что несколько больших конюшен постоянно располагались вокруг двора, покрытого известняковым раствором. К середине каждой конюшни подходил широкий десятифутовый коридор. Он был грубо вымощен, чтобы лошади не поскользнулись. С каждой стороны за каменными столбиками находились стойла — каждое ровно десять футов шириной. Во многих стойлах до сих пор сохранились остатки кормушек и части поилок. Эти конюшни были по-настоящему роскошными даже по нынешним меркам. Судя по тому необычайному вниманию, которое щедро уделялось постройкам конюшен и уходу за животными, лошади в те времена были в большом почете. Во всяком случае, им уделялось больше внимания, чем людям. Когда появилось все сооружение, Ги подсчитал, что одиночных стойл для лошадей было четыреста пятьдесят, а сараев для колесниц — сто пятьдесят. Поистине гигантская царская конюшня!»¹

Правда, вскоре стало ясно, что, вероятнее всего, открытые Лаудом и Ги строения являются не конюшнями, а продовольственными складами, но это отнюдь не отменяет того факта, что Мегиддо, Хацор и Гезер были заново отстроены именно в период правления Соломона.

Что касается небольших крепостей для гарнизонов и складов оружия и продовольствия, то, как показали раскопки, их размеры колебались от 1,1 до 2 гектаров. Высота зданий внутри крепостей могла доходить до трех этажей, но мощные стены обеспечивали достаточно надежную защиту их жителям, то есть бойцам гарнизона и их семьям, с башен хорошо просматривались окрестности, а имевшиеся в каждой крепости водосборники позволяли выдержать длительную осаду.

* * *

Одним из самых больших строительных проектов Соломона стало строительство Фадмора (Тадмора), располагавшегося в оазисе на пути из Сирии в Месопотамию.

Сегодня мы привычно называем Санкт-Петербург и Одессу соответственно Северной и Южной Пальмирой, даже не задумываясь о том, что Пальмирой греки и римляне называли один из самых красивых и крупных экономических центров античного мира; что центр этот располагался на террито-

¹ Келлер В. Библия как история. С. 242—243.

рии Сирии и что его изначальное арамейское название было Тадмор. В еврейских легендах Тадмор называется безлюдной и безводной пустыней, в которой некогда существовала могущественная цивилизация. После ее гибели Тадмор стал местом обитания демонов, которое Соломон часто посещал из любопытства, летая туда на огромном орле или ковче-самолете.

Что касается орла и ковра, то верить в это или не верить — дело читателя. Но вот то, что Соломон осознал все выгоды караванного пути из Месопотамии в Сирию и дальше на Аравийский полуостров, не вызывает никаких сомнений. Само собой, этот путь существовал и раньше, но идти так долго по безводной пустыне решались немногие. Построив в 250 километрах от Дамаска, на месте крохотной деревушки, новый город, где можно было пополнить запасы воды, докупить продовольствие, да и просто отдохнуть, прежде чем продолжить путь, Соломон во много раз увеличил число идущих по этой трассе караванов. Затем он сам стал интенсивно пользоваться этой дорогой для своих торговых операций, а также взимать пошлины с двигавшихся по ней купцов, и все это в итоге принесло новые богатства в его казну.

С того времени Тадмор стал символом города, возникшего на пустом месте, чтобы притягивать к себе людей, расти и богатеть на глазах. Греки и римляне, считая, что слово «тадмор» ведет свое происхождение от «тамор» («финиковая пальма»), переименовали его в более понятную им Пальмиру («Город пальмы»). Судя по всему, к III веку н. э. Пальмира утратила свое экономическое значение, и сегодня лишь развалины величественных построек римского периода напоминают о ее былом расцвете. Но в качестве символа Пальмира сохраняет свое значение и поныне, и не случайно города и поселки с таким названием можно найти во многих странах мира.

* * *

То насколько опасно спешить с какими-либо категорическими выводами, когда речь касается Библии и истинности изложенных ею фактов, доказывает судьба опусов все того же страстного и убежденного атеиста Лео Таксиля.

Цитируя слова Третьей книги Царств, что «Царь Соломон также сделал корабль в Ецион-Гавере, что при Елафе на берегу Черного моря, в земле идумейской...», Таксиль в своей вышедшей в 1897 году «Забавной Библии» восклицает: «Чтобы заставить верующих проглотить такую невероятную вещь, как флот его величества Соломона, необходимо, конечно, указать и какую-нибудь морскую гавань на принадлежавшем ему бере-

гу. Автор не посмел устроить эту гавань на берегах Средиземного моря, потому что все порты этого побережья принадлежали финикиянам и все слишком известны. Выдумав какой-то порт Ецион-Гавер в глубине Элатского залива Красного моря, то есть на востоке Синайского побережья, “священный” мистификатор не рисковал, что кто-нибудь установит фантастичность этой гавани. В географии библейский Ецион-Гавер имеет такое же значение, как и знаменитые библейские мудрецы Ефан, Еман, Халкол и Дарда имеют в истории»¹.

Книга Таксилья, как известно, стала бестселлером не только своего времени, но и оставалась популярной еще несколько последующих десятилетий. Таким образом, не одно поколение читателей изумлялось остроте ума и логичности доводов автора «Забавной Библии». Но первые читатели «Забавной Библии» были бы, наверное, в немалой степени удивлены, если бы узнали, что к 1940 году американский археолог Нельсон Глюк объявит о том, что ему удалось открыть библейский Ецион-Гавер и таким образом, в числе прочего, продемонстрировать истинную ценность «Забавной Библии». Вот как рассказал об этом открытии Вернер Келлер в вышедшей в 1955 году и также мгновенно ставшей бестселлером книге «Библия как история»:

«Наконец караван достиг берегов залива Акаба. Как бы ни манили к себе белые дома библейского Елафа, залитые ослепительным солнечным светом, как бы ни были соблазнительны после перехода через безлюдную долину звуки этого оживленного восточного морского порта, все же ученые не поддались очарованию этого места — места пересечения трех миров. Их задачей был Телль-эль-Хелейфех — одинокий холм, который выглядел просто грудой камней, поднимающейся из глубины пустынной равнины.

Началась первая стадия раскопок, и внимательное исследование принесло неожиданно быстрый результат. Были найдены рыболовные крючки, сделанные из меди. Затем — черепица и остатки стен...

...Когда археологи добыли материал из контрольных шахт, то обнаружили, что в нескольких местах на одинаковом уровне они наталкиваются на фундамент стены. Ниже шел чистый грунт. По найденным черепкам ученые определили возраст каменной кладки. Он относился к началу 1000 года до н. э. — к периоду правления Соломона.

Эта датировка заставила Глюка приостановить работы. У его экспедиции впереди были другие задачи. Но в течение последующих лет американские ученые продолжили раскопки, которые провели в три этапа и закончили в 1940 году. Результа-

¹ Таксиль Л. Забавная Библия. С. 330.

ты подтвердили теорию Глюка. Оказалось, что первые руины, обнаруженные здесь, были когда-то домами рабочих. Затем появился крепостной вал казематного типа, что безошибочно можно было отнести к строительному стилю раннего железного века. После этого при раскопках обнаружились руины большого поселения. Самыми интересными находками были литейные формы и огромное количество медного шлака...

...В конце концов Нельсон Глюк обнаружил в казематных стенах, окружающих каменистый холм, крепкие ворота с прочным тройным запором. Больше он не сомневался. Телль-эль-Хелейфех был когда-то Ецион-Гавером, крупным южным морским портом царя Соломона: "Царь Соломон также сделал корабль в Ецион-Гавере, что при Елафе..."

Но Ецион-Гавер был не только морским портом. На его судовой верфях строились корабли для океанских плаваний. Однако прежде всего Ецион-Гавер был центром производства меди. Больше ни в одном месте "Плодородного полумесяца" — ни в Вавилоне, ни в Египте — не было найдено таких огромных печей. Таким образом, в Ецион-Гавере было лучшее на Древнем Востоке оборудование для выплавки меди. Там производился металл для культовых принадлежностей Иерусалимского храма...¹

Итак, Ецион-Гавер, вопреки «железной логике» Таксила, оказался не выдумкой «священного мистификатора», а самой что ни на есть исторической реальностью — пусть некоторые выводы Глюка и были потом оспорены его коллегами.

Главное, что все это было. Были верфи и порт Ецион-Гавера, откуда могли отправляться корабли в Африку и Азию. Были неупоминаемые почему-то в Библии, но, тем не менее, активно разрабатываемые в эпоху Соломона рудники в Тимне, из меди которых были отлиты столбы Воаз и Иахин в Иерусалимском храме, сделаны знаменитое «медное море» и другая культовая утварь. Были отстроенные заново города для конных гарнизонов, была налаженная система коммуникаций, модернизация системы водоснабжения. Были интенсивная международная торговля и пусть относительный, но все же мир на границах Израильского царства.

Но это значит, что был и царь Соломон — возможно, и не совсем такой, каким представляет его Библия, но, безусловно, один из самых выдающихся государственных деятелей Древнего мира. А еще — поэт, философ и мистик, многие изречения которого мы, даже не задумываясь о том, кто является их автором, часто повторяем в нашей повседневной жизни. Одним из этих крылатых выражений Соломона и названа третья, заключительная часть этой книги.

¹ Келлер В. Библия как история. С. 231.

*Часть
третья*

СУЕТА СУЕТ

Глава первая **И СНОВА АСМОДЕЙ**

Легенда о том, как князь Тьмы и властитель демонов Асмодей изгнал царя Соломона с его трона и в течение нескольких лет правил от его имени, является, пожалуй, одним из самых известных и интересных преданий, связанных с героем этой книги. Будучи в той или иной степени переиначен, этот сюжет встречается в фольклоре многих народов и только в XX веке использовался в десятках литературных произведений самых различных жанров — от поэмы до юмористического романа-фэнтези. Так что было бы просто нелепо, если бы мы обошли эту легенду молчанием и не попытались выяснить, не стоят ли за нею какие-то реальные события.

Итак, как рассказывают талмудический трактат «Гитин» и ряд других еврейских источников, после того как Ваня пленил Асмодея и тот поведал Соломону тайну червя Шамир, Соломон не освободил князя Тьмы, а поселил его в специально поставленном шатре в дальнем конце своего прекрасного сада. Скованный цепью с надписью «Шем ха-мефораш» — сакральное имя Всевышнего — Асмодей не мог разорвать эти путы и оставался жить в шатре. Соломон любил время от времени навещать повелителя демонов и вести с ним беседы о тайнах мироздания. А так как на пальце царя также было кольцо с именем Творца, то Асмодей вынужден был покорно отвечать на его вопросы. Каббалистические источники утверждают также, что то ли Асмодей сам передал Соломону, то ли Соломон на основе своих бесед с князем Тьмы написал колдовскую «Книгу Ашмодея». Официально эта книга считается утерянной, но известный писатель и знаток еврейской мистики Александр Рыбалка утверждает, что, вероятно, «Книга Ашмодея» или какая-то ее часть, пусть и в не очень адекватном переводе, все же сохранилась и ходит по рукам адептов различных тайных учений.

Но как только Соломон спрашивал о природе демонов, а также о том, в чем заключается тайна их силы, столь великой,

что в некоторых случаях они оказываются могущественнее ангелов небесных, князь Тьмы уклонялся от прямых ответов.

Однажды царь Соломон пришел в очередной раз навеситить Асмодея. День был жаркий, а потому царь был бос и одет в простое платье, поверх которого он накинул легкую льняную накидку, обшитую по краям золотом. Увидел Асмодей царя и стал молить освободить его из плена.

— Хорошо, — сказал Соломон, — я выполню эту твою просьбу, но только если ты раскроешь мне то, почему вы, демоны, сотворены так, что бываете подчас могущественнее ангелов небесных, и покажешь, каковы пределы вашей силы.

— Как же я могу показать пределы нашей силы, если я опутан цепью с именем Бога и перстень с этим именем надет на твой палец, так что я чувствую себя слабее комнатной мыши?! — с усмешкой ответил Асмодей.

Тогда снял Соломон с пальца свой перстень, подошел к Асмодею и сбросил с него цепь с именем Всевышнего. В тот же момент подскочил повелитель демонов к Соломону, выхватил из его руки кольцо и зашвырнул далеко в море. Затем в мгновение ока принял он свой любимый облик — двукрылого гиганта, каждое крыло которого вверх достигало до неба, а внизу касалось преисподней. Расхохотался Асмодей, сорвал с Соломона сначала его корону, а затем льняную накидку, схватил израильского царя и зашвырнул его на расстояние четырехсот парсангов¹ от Иерусалима.

На какое-то мгновение потерял Соломон сознание, а когда очнулся, увидел себя лежащим в одной тонкой рубашке и в холщовых штанах посреди совершенно незнакомого ему места.

А Асмодей принял облик царя, набросил на плечи его накидку, обшитую по краям золотом, надел корону, направился во дворец и уселся на трон. Никто из придворных не заметил подмены, так как внешне демон был неотличим от царя, говорил его голосом, да и манера, в которой он вел беседу, была такая же, как и у Соломона. Конечно, если бы кто-нибудь из придворных направился в сад и обнаружил исчезновение Асмодея, то он мог бы заподозрить неладное. Но в том-то и дело, что все придворные смертельно боялись демона, и никто, кроме Соломона, не заходил в тот конец сада, где жил пленник.

Тем временем Соломон пришел в себя и стал обдумывать то, что с ним произошло. Вроде совсем недавно он был царем в Иерусалиме, владел несметными богатствами, решал судьбы своего народа и всего мира, ел на золоте и носил роскошные одежды — и вот он лежит в грязи, в простой рубахе, без гро-

¹ То есть примерно 1400 километров (1 парсанг — чуть более 3,5 километра).

Магические печати Соломона: 1 — печать достатка; 2 — печать дружбы (для установления дружеских и гармонических отношений с окружающими); 3 — печать душевного равновесия; 4 — печать исцеления; 5 — печать любви (для сохранения силы чувства или преодоления робости и других препятствий, мешающих объясниться с любимым человеком); 6 — печать изобилия и успеха в делах

1

2

3

4

5

6

Магические печати Соломона: 1 — печать сватовства и семейной гармонии; 2 — печать от сглаза; 3 — печать защиты (от всевозможных опасностей); 4 — печать исполнения сокровенных желаний; 5 — печать сохранения здоровья; 6 — печать исцеления от бесплодия, плодородия и исполнения заветных желаний

ша за душой, без крыши над головой, ничем не отличаясь от всех прочих нищих. В эти горькие минуты, говорит предание, и произнес Соломон те самые слова, которые потом записал в великой Книге Екклесиаста: «И сделался я великим и богатым больше всех, бывших прежде меня в Иерусалиме; и мудрость моя пребыла со мной. Чего бы глаза мои ни пожелали, я не отказывал им, не возбранял сердцу моему никакого веселья, потому что сердце мое радовалось во всех трудах моих, и это было моею долею от всех трудов моих. И оглянулся я на все дела мои, которые сделали руки мои, и на труд, которым трудился я, делая их: и вот, все — суета и томление духа, и нет от них пользы под солнцем!» (Екк. 2:9—11).

Вместе с тем, продолжает мидраш, и в таком отчаянном положении Соломон отнюдь не разуверился во Всевышнем и не отрекся от Него. «Прав ты, Господь, во всем, что свершил со мной, и справедлив Твой суд! — воскликнул Соломон. — Ты вознес меня и Ты ниспроверг, чтобы стал я беднейшим из бедняков; Ты дал мне всё и забрал у меня всё за грехи мои, да будет имя Твое благословенно!»

Поднялся Соломон с земли, нашел посох, чтобы опираться на него, и направился к ближайшему городу, чтобы попросить там милостыню на пропитание. Так и стал он бродить вместе с другими нищими по городам и весям, выпрашивая кусок хлеба. При этом он решил, что при всех обстоятельствах будет говорить правду, и когда его спрашивали, кто он такой, то Соломон отвечал: «Я — Соломон, который был царем в Иерусалиме!»

Разумеется, люди не верили этим словам, принимали его за юродивого и из жалости бросали подаяние. Но бывало и так, что мальчишки увязывались за ним по улице, всячески дразнили и издевались, а порой и ради забавы забрасывали камнями.

Однажды одна милосердная женщина зазвала Соломона к себе в дом, усадила за стол, дала полную тарелку пшеничной каши.

— Скажи, — спросила она, когда ее гость насытился, — почему ты вынужден просить милостыню? Как ты дошел до жизни такой?

— Я — Соломон, бывший царем в Иерусалиме, — как обычно ответил Соломон.

Услышав это, женщина пришла в такую ярость, что схватила палку и стала избивать Соломона, приговаривая: «Убирайся отсюда, грязный недоумок! Как у тебя только повернулся язык говорить про себя такое?! Царь Соломон сидит на троне в Иерусалиме, в сиянии славы!»

И все же в одном городе нашлись два человека — один богат и один бедняк, — которые, услышав, как Соломон называет себя царем, подумали: «А что, если это правда?! Кто знает, может, и в самом деле что-то неладное случилось в Иерусалиме и Соломона свергли с трона, а народу об этом не сказали? Но если он действительно царь, значит, ему положены царские почести!»

В один из дней подошел богатч к Соломону и пригласил его к себе в гости на трапезу.

— Только, — попросил он, — будь осторожен, постарайся, чтобы за тобой не увязалась уличная шпана, а то если они начнут бросать в тебя камни, то могут побить стекла в моем доме.

Прислушался Соломон к этой просьбе и явился в дом к богатчу так, что никто этого не заметил. В доме его ожидал роскошный стол — хорошее вино, множество искусно приготовленных блюд из рыбы, мяса и птицы. За столом повел богатч разговор о том, как жилось Соломону в дни его царствования; каким могуществом он обладал; какие вкушал яства...

Горько стало Соломону от этих воспоминаний, так что кусок застрял у него в горле и пропал всякий аппетит. А богатч все продолжал и продолжал расспрашивать о царской жизни и выражать сочувствие Соломону, пока царь не разрыдался в голос и не поспешил покинуть этот дом.

Прошло несколько дней, подошел к Соломону на улице бедняк и с почтением попросил стать его гостем.

— Зачем ты приглашаешь меня? Чтобы напоминать мне о прошлом и унижать меня, подобно тому богатчу, что пригласил меня недавно? — спросил Соломон.

— Я не богатч, — ответил бедняк. — Нет у меня в доме ничего, кроме хлеба и зелени, но то, что едим мы, подадим и тебе, а унижать тебя никто и не думает.

Когда пришел Соломон в гости к этому человеку, тот омыл ему руки и ноги и усадил за стол. Во время трапезы хозяин дома выразил уверенность, что даже если Соломон потерял власть, то это ненадолго — придет время, и он снова воссядет на престоле. Возвеселилось сердце Соломона от этих слов, потекла за столом дружеская беседа, а затем, чтобы повеселить гостя, попросил бедняк двух своих маленьких сыновей спеть и плясать.

До поздней ночи засиделся Соломон в гостях у бедняка, от души насмеявшись и отбив ладони, аплодируя его детям. Когда же пришло время ложиться спать, бедняк с женой уступили Соломону свою кровать, а сами улеглись на полу.

Согласно мидрашу, именно этих богатча и бедняка вспоминал Соломон, когда писал в своих «Притчах»: «Лучше ку-

сок сухого хлеба и с ним мир, нежели дом, полный заколотого скота, но при нем раздор... Лучше неимущий, ходящий в своей непорочности, нежели богатый, коварный устами и притом глупый...» (Прит. 17:1; 19:1).

Затем, как уже догадывается читатель, забрел Соломон в своих странствиях в Аммон, в столицу этого вассального ему царства Равву Аммонитскую. Здесь он помог однажды царскому повару поднести вещи с рынка, и тот оставил бывшего царя прислуживать при кухне. Как-то Соломон вызвался помогать в приготовлении блюд, а так как он знал немало кулинарных секретов, то приготовленная им пища так понравилась царю, что вскоре Соломон был назначен первым помощником главного повара.

Словом, его жизнь стала постепенно налаживаться, но тут однажды в кухню заглянула юная царица Наама и без памяти влюбилась в помощника повара. Когда она сообщила отцу, кто является ее избранником, тот пришел в ярость и сначала хотел казнить обоих влюбленных, но затем передумал и велел просто отвезти их в самое сердце безводной пустыни и там бросить.

С большими трудностями Соломон и Наама добрались до города, и здесь Соломон, чтобы прокормить себя и жену, стал промышлять рыболовством. И вот однажды в сети Соломона попала большая рыба. Принес он рыбу домой жене, стала Наама ее чистить и нашла в желудке массивный золотой перстень и протянула его мужу. Как только увидел Соломон эту находку, сразу признал в ней свое магическое кольцо с именем Всевышнего. Понял царь, что за годы скитаний искупил свои грехи и теперь может вернуться обратно.

Впрочем, другой вариант легенды историю с Наамой пропускает, видимо, помня, что аммонитская царица была первой женой Соломона, и поженили их, когда они оба еще, по сути, были детьми. Этот вариант после долгих странствий просто приводит Соломона сначала в землю Израиля, а затем и в Иерусалим, причем никакого кольца с именем Всевышнего при этом у него не имеется.

Добравшись до своей столицы, Соломон явился на заседание синедриона и заявил, что он — царь Соломон и вернулся, чтобы воссесть на престоле. Посмеялись члены синедриона над юродивым и велели вывести его из дворца. Но Соломон явился в синедрион и на следующий день, и история повторилась.

Так продолжалось в течение многих дней, пока один из членов синедриона не догадался пусть с издевкой, но все же спросить:

— Если ты — царь Соломон, то кто же сейчас сидит на твоём троне?

— Это Асмодей, князь Тьмы, повелитель демонов! — ответил Соломон и стал рассказывать всю историю с начала и до конца: о том, как поручил он Ванее пленить Асмодее, как был доставлен тот в Иерусалим, как поведал Асмодей о черве Шамире; как после этого он, Соломон, поселил его в шатре в дальнем углу своего парка и как Асмодей уговорил его снять кольцо и развязать цепь...

Было в его рассказе столько подробностей, о которых мог знать только царь Соломон да его приближенные, что члены синедриона стали многозначительно переглядываться между собой.

— Хорошо! — сказали они наконец. — Мы выслушали тебя, а теперь дай нам время подумать и проверить, есть ли правда в том, что ты говоришь.

Когда Соломон ушел, вызвали члены синедриона к себе военачальника Ванею и спросили, давно ли царь в последний раз вызывал его к себе на беседу.

— Вот уже три года, как царь не зовет меня к себе и не разговаривает со мной. И это тем более удивительно, что прежде не было и дня, когда царь не вызвал бы меня для совета или какого-либо поручения.

Тогда вспомнили мудрецы, что даже если демоны принимают человеческий облик, они не могут изменить форму своих ног — те у них все равно остаются такими же, как у птицы.

Вызвали мудрецы слуг царя и спросили, давно ли те видели его ноги.

— Давно, — ответили слуги. — Раньше повелитель и в самом деле любил летом ходить босым по каменным плитам, но последние три года он ходит только в длинных носках или сапогах.

Теперь уже окончательно поняли члены синедриона, что приходивший к ним нищий вовсе не так безумен, как поначалу казалось, и велели они позвать его с улицы.

— Если ты и в самом деле царь Соломон, — сказали они, — то значит, ты — мудрейший из мудрых. Тогда дай нам совет, как прогнать с трона Асмодее, но так, чтобы он в ярости своей не уничтожил Иерусалим?

— Я один прогоню Асмодее в преисподнюю, где ему самое место, но только приготовьте мне цепь и кольцо, на которых будет начертано имя Всевышнего, — ответил Соломон.

Когда на следующий день его просьба была выполнена, Соломон надел кольцо на палец и в сопровождении вошел в тронный зал. Едва увидел Асмодей цепь и кольцо, взревел

он громовым голосом от ужаса, затем сильный грохот потряс дворец, едкий дым застил тронный зал, а когда дым развеялся, Асмодея и след простыл.

Только после этого все окончательно поняли, кто сидел на троне в Иерусалиме все эти годы, и что нищий, бродивший из города в город и называвший себя царем Соломоном, говорил правду.

С тех пор, говорит мидраш, царь Соломон и окружил себя шестьюдесятью богатырями-телохранителями, сопровождавшими его всюду, куда бы он ни пошел. И еще, добавляет мидраш, с того времени царь Соломон уже никогда не был весел, как прежде, меньше времени проводил в пирах и забавах, а по ночам его часто мучили кошмары.

* * *

Таково изложенное в Талмуде устное предание. Причем раввинистические авторитеты отнюдь не настаивают на том, чтобы его понимали буквально — будто Асмодей и в самом деле правил Иерусалимом (хотя, конечно, есть и такие). Вопрос, повторим, заключается в том, что скрывает за собой эта легенда, каковы ее корни.

Одна из наиболее распространенных в современной гебраистике версий заключается в том, что имя «Асмодей», звучащее в оригинале как «Ашмодей», произошло от персидского выражения «Аишма дэва» — «гневливый демон». Как следует из этой версии, легенда об Асмодее, как, впрочем, и все остальные легенды о царе Соломоне, родилась после Вавилонского пленения, в VI веке до н. э., когда евреи оказались расселены на просторах Персидской империи. Живя в Персии, считают адепты этой школы, потомки Авраама сохранили верность своей религии, но вместе с тем восприняли многие местные мифы и суеверия, которые и заложили основу еврейской демонологии¹.

Однако такая версия не дает ответ на вопрос: что же могло послужить основой для легенды об узурпировании трона Асмодеем? Вдобавок ко всему само имя «Ашмодей» с легкостью

¹ В славянских сказаниях Асмодей превращается в кентавра Китовраса, а в немецкой средневековой литературе — в Морольфа. Согласно А. Н. Веселовскому, талмудические сказания о Соломоне и Асмодее возникли путем трансформации сюжетов индийского «Сказания о Викраматитье» в персидскую мифологию с последующим заимствованием ее евреями и их приспособлением под монотеистическое мировоззрение. Славянские же сказания о Соломоне формировались как на основе еврейских апокрифов, так и на основе тех же индийских сказаний, проникающих на Запад напрямую из Индии. — См.: *Веселовский А. Н.* Мерлин и Соломон: Избранные работы. М.; СПб., 2001.

производится от ивритского слова «шмад» — «уничтожение», то есть Ашмодей — этот тот, кто «уничтожает» человека, способствует его падению.

Вчитываясь в эту легенду, невольно понимаешь, что вся она создана ради финала, когда выясняется, что в течение трех лет тот, кто сидел на троне владыки Израильского царства, вел себя несколько иначе, чем вел себя царь Соломон все предыдущие годы. Говоря по-другому, Соломон вдруг стал не похож на самого себя — чурался старых друзей, избегал появляться на людях, перестал устраивать пиры и т. д. Естественно, все это не могло породить сначала во дворце, а затем и по всей стране сплетни и толки, что царя «подменили», и по мере своего распространения слухи эти приобретали все более причудливый и фантастический характер, пока, наконец, не превратились окончательно в пересказанную выше прекрасную сказку.

Возможно, что в своем первоначальном варианте это была история о «дибуке» — злом духе, вселяющемся порой в того или иного человека и начинающего управлять всеми его поступками. То есть не исключено, что в первой версии легенды Асмодей не изгонял Соломона из дворца и не принимал его облика, а просто вселялся в его тело — и теперь, для того чтобы вернуть прежнего Соломона, из тела царя надо было изгнать Асмодея.

Кстати, именно в таком ключе трактует эту легенду Коран: «Испытали Мы уже Сулаймана и поместили на троне его тело, а потом он обратился» (Сура 38. Аят 33 [34]).

Одновременно все вышеизложенное позволяет предположить, что подлинной причиной всех перемен, случившихся в тот период с Соломоном, была охватившая царя тяжелая депрессия.

Не исключено, что после почти четверти века неустанного труда ради возведения Храма, возвеличивания Иерусалима, процветания страны, объединения нации и т. п. Соломон вдруг задался вопросом: действительно ли он всей этой своей деятельностью принес благо своему народу? Изменил ли он жизнь людей к лучшему и стали ли они от этого лучше? Оставит ли он по себе добрую память у потомков, впечатает ли свое имя в века, а если нет, то для чего были нужны все его усилия? Вот он вроде бы выполнил то, для чего был предназначен еще до рождения, но что дальше? Ради чего стоит жить? И есть ли вообще в человеческой жизни какой-то смысл?!

Эти и другие вопросы вновь и вновь терзали его душу. Вдобавок на него навалился знакомый многим монархам синдром, когда все привычные царские игры, включая женщин, пиры и охоту, пресыщают и становится ясно, насколько они однооб-

разны. Оценивая прожитую жизнь, Соломон все чаще и чаще приходил к пессимистическим выводам: само существование человека казалось ему бесцельным и бессмысленным.

Видимо, не случайно и то, что Талмуд напрямую связывает легенду о узурпаторстве трона Асмонеем со многими стихами из другой великой книги, приписываемой Соломону, — «Екклесиаста». Вспомним, что одним из важнейших признаков депрессии является снижение у больных ею людей «интенсивности восприятия»: «окружающее представляется им серым, однообразным; прожитая жизнь оценивается как неправильная, ошибочная, настоящее — мрачно и ужасно, будущее — безысходно»¹.

Но ведь все эти мотивы как раз необычайно характерны для многих страниц «Екклесиаста»! Таким образом, не исключено, что именно затянувшаяся на несколько лет депрессия Соломона и привела к рождению одной из величайших книг в истории человечества.

Впрочем, прежде чем делать подобные заявления, было бы неплохо доказать, что царь Соломон и в самом деле является автором Книги Екклесиаста. А заодно попытаться понять, о чем же на самом деле говорит эта книга.

Глава вторая

ВРЕМЯ ИСКАТЬ И ВРЕМЯ ТЕРЯТЬ

«Слова Коэлета, сына Давидова, царя в Иерушалаиме»² (Екк. 1:1) — так начинается книга, носящая в подлиннике название «Коэлет» («Кохэлэт», «Кохелет»), но известная европейскому и русскому читателю как «Екклесиаст», или в другой транскрипции «Экклезиаст». Таким образом, в первой же строке книги называется ее автор. Но только один сын Давида был царем в Иерусалиме и, значит, «Коэлет» — это царь Соломон. Проблема заключается в том, что ни в иврите, ни в каком-либо другом языке... нет не только имени «Коэлет», но и такого слова.

Попытки М. Эльоеана и некоторых других исследователей доказать, что речь все же идет об имени собственном, близкому к древнееврейским именам Кехат или Йекутиель, выглядят крайне неубедительно, а потому почти никем из гебраистов не воспринимаются всерьез. Большинство и комментаторов, и переводчиков Писания сходились на том, что слово это про-

¹ Малая медицинская энциклопедия: В 12 т. М., 1965—1970. Т. 1. С. 737.

² В синодальном переводе: «Слова Екклесиаста, сына Давидова, царя в Иерусалиме».

изведено от глагола «ник-*h*-ал» — «собираться», родственного слову «ка-*h*-ал», то есть «община», «собрание». Исходя из этого оно и было переведено на древнегреческий как «Екклесиаст», то есть «выступающий в собрании», «проповедник».

Однако еврейские комментаторы указывают, что даже исходя из такой версии, слово это можно понять и по-другому — скажем, как «собрание мудрых мыслей», своего рода записную книжку, или, даже если угодно, дневник, с которым автор этого делился жизненными наблюдениями и размышлениями.

Наконец, высказывалась и версия, что в само это слово вкралась ошибка: вместо первой буквы «куф» в начале в нем была буква «каф», также звучащая в начальной позиции как «к». В этом случае слово «козлет» следует понимать как «слова старца», или «размышления старца», подтверждая тем самым известное изречение раввина Йонатана о том, что «Песнь песней» Соломон написал в юности, «Притчи» — в зрелости, а «Козлет» — в старости. Если, конечно, возраст, в котором он ушел из жизни, можно считать старостью.

Впрочем, и эта версия звучит не очень убедительно. Продолжая игру в этимологию, можно вспомнить, что слово *kehe* означает на иврите «темный», и, стало быть, *kohélet* можно истолковать и как «темный», «мрачный», «пессимистичный», что вполне соответствует общему настроению этого произведения. Но все это опять-таки будет не более чем очередной спекуляцией. Таким образом, вероятнее всего, значение названия этой книги так и останется неразрешимой загадкой.

Другая загадка связана с вопросом о том, кто же на самом деле является автором этой книги и когда она была написана. Еще в 1644 году Гуго Гроций опубликовал исследование языка «Козлета» и пришел к выводу, что эта книга содержит многие слова, встречающиеся лишь в книгах пророка Даниила и Ездры, то есть в самых поздних книгах Библии. А значит, считал Гроций, она не могла быть написана царем Соломоном или даже в эпоху царя Соломона. Другие гебраисты также пришли к выводу, что «Козлет» написан на необычайно элегантном, «модернистском» иврите, который сформировался лишь к III веку до н. э., то есть вновь наотрез отказали Соломону в праве на авторство «Екклесиаста».

При этом часть исследователей сходилась во мнении, что книга написана в период Вавилонского пленения, на территории Персидской империи, а часть (в том числе и такие видные библеисты, как Генрих Грец и Марк Леви) утверждала, что она была создана под влиянием древнегреческой поэзии и философии. Но если в качестве доказательства первой из этих версий приводились хотя бы обнаруженные в ориги-

нальном тексте «Екклесиаста» заимствованные из фарси два слова — «пардес» («сад») и «питгам» («поговорка», «крылатое выражение»), то для обоснования второй не было и этого. В тексте «Екклесиаста» нет ни одного заимствования из древнегреческого языка. В нем есть лишь переключка некоторых идей с греческой философией, но это, как известно, еще ничего не значит. Да и переключка эта, как показал в свое время Сергей Сергеевич Аверинцев, весьма условна, и правильнее, скорее, говорить об «Екклесиасте» как об антитезе классической греческой философии.

«Автор, собственно, жалуется не на что иное, как на ту самую стабильность возвращавшегося к себе космоса, которая была для греческих поэтов и греческих философов источником успокоения, утешения, подчас даже восторга и экстаза, — подчеркивает Аверинцев. — Природные циклы не радуют “Кохэлета” своей регулярностью, но утомляют своей косностью. “Вечное возвращение”, которое казалось Пифагору возвышенной тайной бытия, здесь оценено как пустая бессмыслица. Поэтому скепсис “Книги Проповедующего в собрании” есть именно иудейский, а отнюдь не эллинский скепсис; автор книги мучительно сомневается, а значит, остро нуждается не в мировой гармонии, но в мировом смысле. Его тоска — как бы подтверждение идеи от противного той идеи поступательного целесообразного движения, которая так важна и характерна для древнееврейской литературы в целом, постольку он остается верным ее духу»¹.

«Несмотря на разногласия по вопросу о датировке книги “Кохэлт”... большинство современных исследователей относят ее к середине I тысячелетия до н. э., то есть к Осевому времени, одним из главных признаков и достижений которого был переход от мифологического мышления, где доминирует абсолютная истина, к научно-логическому мышлению, признавшему также значимость истины относительной»², — пишет Вейнберг, подводя итоги научной дискуссии вокруг датировки «Екклесиаста».

Но дело ведь заключается в том, что книга «Екклесиаст» не просто в первых строках указывает на Соломона как на ее автора, но и многие другие ее стихи, написанные от первого лица, это авторство подтверждают. В самом деле, только Соломон из всех царей израильских мог сказать про себя: «...собрал себе серебра и золота, и драгоценностей от царей и областей;

¹ Аверинцев С. С. Древнееврейская литература // История всемирной литературы: В 9 т. М., 1983—1994. Т. I. С. 296.

² Вейнберг Й. Введение в Танах: Часть IV. Писания. Иерусалим; М., 5765 (2005). С. 179.

завел у себя певцов и певиц, и услаждения сынов человеческих — разные музыкальные орудия. И сделался я великим и богатым больше всех, бывших прежде меня в Иерусалиме, и мудрость моя пребыла со мною» (Екк. 2:8—9).

С. С. Аверинцев предложил изящную гипотезу, позволяющую вроде бы объяснить этот парадокс. «Обычай приписывать сборники сентенций мудрым царям былых времен искони существовал в древнеегипетской литературе и оттуда перекочевал в древнееврейскую (о значении имени Соломона как собирательного псевдонима для всего сословия хахамов сказано выше, в связи с “Книгой притчей Соломоновых”). Но здесь перед нами совсем не то, что в “Книге притчей Соломоновых” или “Песни песней”. Автор не просто надписывает над книгой своей имя Соломона, но по-настоящему «входит в образ» великолепнейшего из царей Израиля, вводя неоднозначное сопряжение двух планов: исповедально-личного и легендарно-исторического. Традиционный образ Соломона сознательно взят как обобщающая парадигма для интимного жизненного опыта. Эта сознательность приема есть черта столь же необычная на общем фоне древневосточной литературы, сколь и подходящая к облику скептического мудреца, написавшего в IV или III веке до н. э. “Книгу Проповедующего в собрании”...»¹

В том же ключе, но с некоторыми нюансами объяснял происхождение «Екклесиаста» и Фридрих Тибергер. Согласно его гипотезе, эта книга связана с Соломоном именно потому, что она является коллективным произведением учеников и преподавателей некой созданной именно Соломоном в Иерусалиме «школы мудрости». «Школы мудрости, — напоминает Тибергер, — были распространены на всем Древнем Востоке. К 3000 году подобные учреждения существовали при дворе фараона; в будущем, после обучения слушатели становились государственными чиновниками. В этих школах приобретали навыки в составлении деловых бумаг, обучали истории и праву. О таких школах говорится в “Истории” Иосифа Флавия. Известно, что они существовали в Вавилоне: одна, известная как Дом закона, была при храме Бога писцов в Езед»².

По версии Тиббергера, сообщество преподавателей и учеников этой школы и называлось «собранием», а Соломон как ее первый руководитель (а возможно, и последующие главы школы) именовался «козлетом» — «главой ассамблеи», «проповедником собрания». Соломон, таким образом, по этой версии, заложил основу еврейской риторики, принципы веде-

¹ Аверинцев С. С. Указ. соч. С. 296.

² Тибергер Ф. Царь Соломон: Мудрейший из мудрых. М., 2009. С. 276.

ния дискуссии, когда глава школы выдвигает какой-то тезис, обосновывает его, а остальные должны этот тезис опровергнуть, выдвинув контрдоводы. На этом основании он действительно может считаться если не автором, то вдохновителем «Екклесиаста».

В пользу этой версии говорит само построение «Екклесиаста», текст которого порой напоминает даже не диалог, а «полилог» — беседу со множеством участников, выдвигающих противоположные и противоречивые точки зрения. Тибергер напоминает, что подобные диалоги были характерны для литературы Древнего мира, и прежде всего для египетской и вавилонской (например, «Диалог между уставшим от жизни и его душой», датируемый около 1580 года до н.э.). Проводит он также и любопытную и весьма обоснованную параллель между текстами «Екклесиаста» и древнеегипетским «Плачем Хекхепера» (около 1900 года до н. э.).

Таким образом, если следовать Тибергеру, не исключено, что текст «Екклесиаста» и в самом деле начал складываться в эпоху Соломона, но затем многократно дописывался, редактировался и приобрел знакомую нам форму никак не ранее 500 года до н. э., будучи в любом случае продуктом коллективного творчества.

Что ж, повторим: речь вновь идет о весьма изящной, но все же отнюдь не бесспорной гипотезе. В IV или III веке до н. э. поэты и философы обладали уже достаточным самолюбием, чтобы отдавать авторство своих произведений кому-либо другому, пусть даже и царю Соломону. Да и при всей внутренней противоречивости книги единство ее не только стиля, но и самого строя поэтического мышления наводит на мысль, что она все же написана одним автором.

Поэтому попробуем поставить вопрос по-другому: «А могла ли эта книга быть написана царем Соломоном?»

И ответ будет однозначен: «Да, такая вероятность и в самом деле существует».

Каким бы модернистским ни казался ее язык, он все равно был понятен современникам Соломона — за исключением, пожалуй, некоторых явных неологизмов, которые, кстати, нигде, кроме «Коэлета», больше и не используются. В то же время на два заимствования из фарси в «Коэлете», как показал американский семитолог Митчел Дахуд, содержится множество слов из финикийского языка, да и морфология и синтаксис этого языка явно оказали свое влияние на текст «Коэлета». Но ведь наиболее интенсивное сообщение между Израильским царством и Финикией, а значит, и взаимовлияние еврей-

ской и финикийской культур приходится именно на эпоху царя Соломона!

Наконец, еще одна важная особенность этой книги: ее универсализм.

Текст «Коэлета», в отличие от других книг Танаха, обращен ко всему человечеству, а не только к еврейскому народу; Бог в нем — это Творец мира, Владыка всего сущего и Господь всех народов, так что призыв трепетать перед Ним и следовать Его заповедям также обращен ко всем людям. Но подобными космополитическими настроениями в древней еврейской истории отличался только один человек — все тот же царь Соломон!

Таким образом, ни однозначно опровергнуть, ни однозначно доказать, что именно Соломон является автором «Екклесиаста», невозможно. Нам остается лишь констатировать тот факт, что имя Соломона навсегда останется связанным с этим «одним из самых замечательных произведений мировой литературы»¹, и, исходя из этого факта, познакомить читателя с некоторыми из его основных идей и мотивов.

* * *

Подробный литературный и философский анализ «Екклесиаста» не входит в задачу этой книги, да и при всем желании автор вряд ли осмелился бы соперничать на этом поприще с целым рядом выдающихся раввинов, философов и литературоведов, посвятивших такому анализу целые тома.

Но первое, что хочется здесь отметить: завораживающая сила этой книги заключается именно в том, что она представляет собой выдающееся художественное произведение. При этом, пожалуй, трудно сказать, идет ли речь о ритмической прозе или о философской поэме, написанной белым стихом.

Автор позволит себе высказать крамольную со всех существующих точек зрения на «Екклесиаста» мысль, что подлинное величие этой книги заключается отнюдь не в том, что она содержит в себе глубокую философию. Если отставить в сторону доступную немногим каббалистическую трактовку ее текста, то становится ясно, что «Коэлет» содержит в себе не так уж много «мудрых мыслей». Вся сила этого произведения для непосвященного читателя (как и в случае с «Песней песней») как раз заключается в том эмоциональном воздействии, которое она оказывает при прочтении. Она, эта сила — в исповедальной искренности и магии языка книги; в его афорис-

¹ *Аверинцев С. С.* Указ. соч. С. 297.

тичности; в виртуозном владении автором всеми средствами поэтического выражения. Вспомним хотя бы известные почти каждому образованному человеку слова:

Всему свое время, и время всякой вещи под небом:
Время рождаться, и время умирать;
Время насаждать, и время вырывать посаженное;
Время убивать, и время врачевать;
Время разрушать, и время строить;
Время плакать, и время смеяться;
Время сетовать, и время плясать;
Время разбрасывать камни, и время собирать камни;
Время обнимать, и время уклоняться от объятий;
Время искать, и время терять;
Время сберегать, и время бросать;
Время раздирать, и время сшивать;
Время молчать, и время говорить;
Время любить, и время ненавидеть;
Время войне, и время миру.

(3:1—8)

Именно в художественной силе, а не в философской глубине кроется разгадка того, что «Екклесиаст» потрясает почти каждого, кто его читает. Каждый новый читатель этой книги невольно начинает примерять на себя жизненный опыт его автора и спорить или соглашаться с ним. Не случайно на протяжении всей человеческой истории было так много попыток художественного перевода «Екклесиаста» и в прозе, и в стихах, но ни один из них, как и в случае с «Песнью песней», нельзя признать удачным.

Первая глава книги отражает ту безысходность, ощущение бесцельности существования, а также смятение и разочарование от тщетности усилий создать что-то поистине новое и оставить по себе память в этом мире, которую испытывает автор:

«Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, — все суета. Что пользы человеку от всех трудов его, которыми он трудится под солнцем? Род проходит, и род приходит, а земля пребывает во веки... Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот, это новое», но это было уже в веках, бывших прежде нас. Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после» (Екк. 1:2—11).

Это депрессивное настроение нарастает по мере движения текста. В какой-то момент «Проповедующий в собрании», кажется, начинает обвинять Бога в том, что Он подарил людям жизнь — ведь зачем она человеку, если в ней нет никакого смысла: «...тяжелое занятие дал Бог сынам человеческим,

чтобы они упражнялись в нем. Видел я все дела, какие делаются под солнцем, и вот, все — суета и томление духа! Кривое не может сделаться прямым, и чего нет, того нельзя считать» (Екк. 1:13—15).

Кажется, подлинную радость человеку могло бы принести познание тайн этого мира; мощь его интеллекта, отделяющая его от животных. Но нет — и это не приносит ни счастья, ни радости, ни удовлетворения: «И предал я сердце мое тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость: узнал, что и это — томление духа; потому что во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь» (Екк. 1:17—18).

Во второй главе «Проповедующий» перечисляет те материальные забавы и блага, в которых он пытался найти смысл жизни или, по меньшей мере, отвлечь себя от поисков этого смысла — он «пытался увлечь свою плоть вином», умножал свои земельные угодья, стада, сокровища и прочие богатства, он «завел себе певцов и певиц», искал мудрости...

Именно потому, что все это говорится от имени Соломона, у которого вроде бы и в самом деле было в жизни все, чего он желал, эти слова приобретают особо весомое значение. И дальше следует горький вывод о несправедливости устройства этого мира с его неотвратимостью смерти забвения, а также о бессмысленности накопления любых материальных благ и даже знаний: «И сказал я в сердце моем: “и меня постигнет та же участь, как и глупого: к чему же я сделался очень мудрым?” И сказал я в сердце моем, что и это — суета; потому что мудрого не будут помнить вечно, как и глупого; в грядущие дни все будет забыто, и увы! мудрый умирает наравне с глупым. И возненавидел я жизнь, потому что противны стали мне дела, которые делаются под солнцем, ибо все — суета и томление духа. И возненавидел я весь труд мой, которым трудился под солнцем, потому что должен оставить его человеку, который будет после меня. И кто знает: мудрый ли он будет, или глупый? А он будет распоряжаться всем трудом моим, которым я трудился и которым показал себя мудрым под солнцем. И это — суета!» (Екк. 2:15—19).

Но в этой же главе, пока только контрапунктом, входит мысль, что все вышесказанное верно лишь, если забыть, отринуть от себя мысль о существовании Бога и о том, что без Него невозможно ни подлинное благополучие, ни подлинная радость, ни, тем более, подлинная мудрость: «Не во власти человека и то благо, чтобы есть и пить и услаждать душу свою от труда своего. Я увидел, что и это — от руки Божией; потому что кто может есть и кто может наслаждаться без Него? Ибо человеку, который добр пред лицом Его, Он дает мудрость, и зна-

ние, и радость; а грешнику дал Он заботу собирать и копить, чтобы после отдать доброму перед лицом Божиим. И это — суета и томление духа!» (Екк. 2:24—26).

В третьей главе автор сам же опровергает выдвинутые им ранее тезисы и формулирует постулаты, которые можно назвать квинтэссенцией еврейской философии. Он говорит о том, что подлинная мудрость — в познании воли Бога; что Его деяния совершенны и всегда направлены на благо людям, что Всевышний в итоге всегда восстанавливает справедливость, но человеку в силу ограниченности и его века, и его разума не дано понять этого. А значит, ему не остается ничего другого, как наслаждаться жизнью и делать добрые дела по отношению к другим людям, так как это угодно Богу: «Видел я эту заботу, которую дал Бог сынам человеческим, чтобы они упражнялись в том. Все соделал Он прекрасным в свое время, и вложил мир в сердце их, хотя человек не может постигнуть дел, которые Бог делает, от начала до конца. Познал я, что нет для них лучшего, как веселиться и делать доброе в жизни своей. И если какой человек ест и пьет, и видит доброе во всяком труде своем, это — дар Божий» (Екк. 3:10—13).

Далее автор продолжает этот диспут с самим собой или незримым оппонентом.

«Еще видел я под солнцем место суда, а там — беззаконие; место правды — а там неправда» (Екк. 3:16), — говорит он.

«...Праведного и нечестивого будет судить Бог, потому что время для всякой вещи и суд над всяким делом там» (Екк. 3:17), — следует возражение.

На таких доводах «за» и «против» и построен «Екклесиаст», доказывающий бессмысленность погони за богатством, почестями и прочими благами и завершающийся знаменательными словами: «Бога бойся и соблюдай Его заветы, потому, что в этом вся суть человека». Одновременно книга эта пронизана призывом «жить, пока живется», любить эту жизнь и наслаждаться дарованными человеку простыми радостями, семьей и любимым делом, и вместе с тем быть всегда готовым предстать перед Богом в «белых одеждах», не запятнанных грехами: «Итак иди, ешь с весельем хлеб твой, и пей в радости сердца вино твое, когда Бог благоволит к делам твоим. Да будут во всякое время одежды твои светлы, и да не оскудевает елей на голове твоей. Наслаждайся жизнью с женою, которую любишь, все дни суетной жизни твоей, и которую дал тебе Бог под солнцем на все суетные дни твои; потому что это — доля твоя в жизни... Все, что может рука твоя делать, по силам делай; потому что в могиле, куда ты пойдешь, нет ни работы, ни размышления, ни знания, ни мудрости» (Екк. 9:7—10).

Противоречивый, явно полемический характер «Екклесиаста» не мог не породить и два прямо противоположных подхода к этому произведению.

К примеру, советская атеистическая школа видела в «Екклесиасте» богоборческую, едва ли не еретическую книгу, отразившую разочарование ее автора в основных догмах еврейской религии.

«Эмоциональное отношение человека к богу выражено у Екклесиаста словами “бойся бога” (5:6). Значит ли это, что человек должен бояться наказания от бога за свои прегрешения? Что бог высоко ценит в человеке праведность и благочестие? Вряд ли. В одном месте (7:16) автор довольно иронически рекомендует своему читателю не быть слишком праведным (именно так! В СП это место передано неверно: “слишком строгим”). Мало уважения проявляет Екклесиаст и к принятым в его время формам благочестия: молитвам, обетам, жертвоприношениям (4:17, 5:1), потому что, объясняет он, “бог на небе, а ты на земле”. Объяснение это означает только то, что дистанция между богом и человеком слишком велика, бог слишком трансцендентен, чтобы следить за поведением каждого человека и соответственно его награждать или наказывать, и вообще наводить порядок и правосудие в мире людей, поэтому и царит между ними зло... А вместе с тем эти два замечательных произведения (Книга Екклесиаста и Книга Иова. — *П. Л.*) явственно обнаруживают тот тупик, в который зашла религия Яхве в послевоенный период в связи с дискредитацией ее основной догмы — прижизненного воздаяния от бога каждому “по путям его”¹, — писал известный советский библиист Моисей Иосифович Рижский.

Но если это и в самом деле так, то почему «Екклесиаст» был включен в библейский канон? А ведь еврейские мудрецы самым тщательным образом отбирали, какие книги должны войти в Танах, а какие нет, отказавшись при этом от включения в Библию целого ряда весьма достойных произведений. Но в том-то и дело, что раввинистические авторитеты всегда смотрели на эту книгу совершенно иначе, чем неискушенный в еврейской философии читатель.

«Царь Шломо составил книгу “Коэлет” для того, в основном, чтобы люди думали, что этот мир ничтожное ничто, и чтобы использовали этот мир только для служения Создателю. Он объявил об этом в начале книги и сообщил об этом в конце ее. В начале книги он сказал: “Ничтожное ничто, — говорит Коэлет, — ничтожное ничто и все ничто”. И сказали мудрецы:

¹ *Рижский М. И.* Библейские пророки и библейские пророчества. М., 1987. С. 293—295.

“Если бы другой человек сказал так, мы бы сказали, может, он не скопил и двух грошей за свою жизнь, поэтому мир кажется ему ничтожным”. Но это сказал царь Шломо, который (Млахим 1 10:27) “сделал в Иерусалиме серебро равноценным простым камням”, это он сказал, что мир есть ничтожное ничто. И в конце своей книги сказал то же самое...»¹ — писал раввин Йона Гиронди.

Протоиерей Александр Мень в свое время пытался примирить две эти точки зрения. «Не раз поднимался вопрос, для чего составители Библии включили эту меланхолическую поэму, говорящую о “суете”, то есть бесплодности и эфемерности всех человеческих дел, — писал он. — Многие интерпретаторы считают, что “Экклезиаст” был принят в собрание священных писаний как своего рода контрапункт, как предупреждение, как диалектический момент развития всего библейского мировоззрения. Первоначально это мировоззрение видело в земном благополучии знак небесного благословения. Тем самым почти абсолютизировалась ценность богатства, успеха, продолжения рода в детях и т. д. Но в какой-то момент обнаружилось, что эти ценности отнюдь не абсолютны. Нужно было искать иной, духовный смысл человеческого бытия. И в контексте всей Библии “Экклезиаст” обозначает ту пограничную веху, с которой начались эти поиски»².

* * *

Невозможно также оценить всю мощь «Екклесиаста», во-первых, если рассматривать его вне контекста еврейской мистики, согласно которой «этот мир — лишь коридор, ведущий в мир будущий» (Авот 4:21), а во-вторых, если не читать его на языке оригинала.

К сожалению, как уже было сказано, ни на одном языке до сих пор не создано перевода, приближающегося к оригиналу, хотя бы, что называется, во втором его приближении; отражающего хоть в некой малой степени его глубинные смыслы.

Это достаточно хорошо показал в своей статье о «Екклесиасте» французско-еврейский философ Андре Нер, сосредоточившийся на проблемах перевода, по существу, всего лишь двух парафраз книги: начальной «суета сует» и почти заключительной «выслушаем сущность всего».

«Тема судьбы монотонным рефреном звучит в неутомимом

¹ Гиронди Й., раввин. Как вернуть утерянное. Бней-Брак. (Без указания года издания.) С. 60.

² Мень А., прот. Наедине с вечностью // Шедевры библейской поэзии. М., 2001. С. 21.

повторении слова *hevel*, — пишет Неер. — Встречаясь на каждом шагу, оно как бы скандирует весь ход рассуждений Кохелета. В каком бы направлении мысль ни развивалась, она в конце концов наталкивается на *hevel*, и это не просто препятствие, а прямо-таки западня: стоит мысли соприкоснуться с *hevel*, как она тут же исчезает вместе с ним. Ибо этимологически слово *hevel* значит “пар, дыхание, дуновение, выдох”, то есть то, что сразу же исчезает, что по природе своей обречено на исчезновение (то есть это тот самый “сон, утренний туман” Пушкина или “с белых яблонь дым” Есенина, и лучше этого не скажешь. — П. Л.). Слово *hevel* принято переводить с иврита на другие языки как “тщетность, суета”. Такой перевод более чем неточен: он привносит оценочную категорию, которой нет в оригинале; привносит возможность выбора, что, в свою очередь, выражает как бы наше превосходство над *hevel*, наше доминирующее положение относительно него. В самом деле, всякая тщета или суетность рассматриваются как нечто бесполезное, а бесполезное может оставаться и неизведанным; ведь я волен отстранить от себя суетность, избавиться от нее на своем жизненном пути, а то и вовсе не приступать к тщетному действию. Всех этих нюансов нет в слове *hevel*. *Hevel* — понятие роковое, захватывающее меня раньше, чем я успеваю это осознать. Но и осознав, я ничего не могу сказать о нем, кроме того, что оно от меня уходит. Так же, как я дышу не в силу волевого акта, а в силу физиологической потребности, так и *hevel* приходит ко мне независимо от моей воли. Так же, как дуновение проносится передо мною и, сливаясь с неосязаемой атмосферой, перестает самостоятельно существовать, так и за *hevel* я могу следить лишь взглядом и видеть, как он исчезает.

Стало быть, и судьба, о которой складывается представление по ассоциации с *hevel*, суть провал, поражение. Это путь, о котором только то и известно, что он идет по нисходящей линии и неминуемо где-то должен оборваться. От такой судьбы у нас остается лишь одно реальное ощущение: она приближает нас к небытию. Пронизанная этим *hevel* Книга Кохелет есть монотония поражения»¹.

Далее Неер напоминает, что *hevel* на иврите это еще и Эвель, библейский Авель, и показывает, какие значительные выводы следуют из этого созвучия.

Наконец, он переходит к заключительным словам «Соф дар аколь нишма» (12:15). Неер приводит пять различных переводов этой простой фразы, обычно сводящихся по смыслу

¹ Неер А. О книге Кохелет // Евреи и еврейство: Сборник историко-философских эссе. Иерусалим, 1991. С. 168—169.

к следующему: «Выслушаем же заключение всей книги...» Но любой мало-мальски знающий иврит человек переведет эти слова буквально как: «Конец дела (или слова — в иврите слово «давар» употребляется в обоих этих значениях. — *П. Л.*) все услышано». И это мгновенно все меняет!

«А если таково заключение книги, то оно как нельзя более соответствует введению, которое вне всякого сомнения представляет тему “Все — пар, дуновение”, начинающуюся со строфы 1:2 и затем без конца повторяющуюся, — пишет Неер дальше. — Выражения “аколь Эвель” и “аколь нишма” симметричны между собой, они служат рамкой книги, а ее содержание составляет рассуждение, которое начинается со “все — пар, дуновение” во введении и приводит ко “все услышано” в заключении.

...“Все есть Авель”, констатирует Кохелет. Даже Каин и Шет (Сиф) суть Авель. Однако если равнозначность между Каином и Авелем доказывается лишь конечным поражением Каина, то равнозначность между Шетом и Авелем устанавливается самим присутствием Шета в мире. Шет воплощает в себе то, что было услышано от Авеля. Голос детей Авеля взывал не тщетно. Бог его услышал. И Шетово человечество (единственное существующее в наши дни) все целиком, и в каждом отдельном человеке, в каждой отдельной частице своей судьбы представляет известную нам форму бытия исключительно потому, что Бог услышал. Все есть “услышано”»¹.

* * *

Разумеется, мудрецы Талмуда, определяя библейский канон, не могли не понимать всей «скользкости» книги «Козлет». Как и в случае с «Песнью песней», по вопросу о том, включать «Козлет» в Танах или не включать, разгорелись нешуточные дискуссии между двумя ведущими талмудическими школами — Гилеля и Шама.

Мудрецы, принадлежащие школе Шама, потребовали не больше и не меньше, как «похоронить» Книгу Екклесиаста, так как она выражает сомнение в справедливости Всевышнего. Школа Гилеля в целом отвергла это мнение, но любопытно, что рабби Акива, этот столп талмудической учености, тот самый, кто заявил, что вся «Песнь песней» — это «Святая святых», неожиданно занял в этом споре позицию школы Шама и потребовал предать «Екклесиаста» забвению.

Решающая точка в этом споре была поставлена много поз-

¹ Неер А. О книге Кохелет // Евреи и еврейство: Сборник историко-философских эссе. С. 178.

же, когда раввин Элазар бен Азария стал председателем синедриона в Явне вместо раввина Гамлиэля II. Именно он, обладая непререкаемым религиозным авторитетом, настоял на том, чтобы «Козлет» был включен в корпус книг Танаха и определил его место там — между «Книгой Эйха»¹ и «Книгой Эстер»². Решающим аргументом при этом послужило то, что «книга “Козлет” начинается со слов Торы и завершается словами Торы», то есть никак не может считаться еретической. «Приходится порадоваться, — писал С. С. Аверинцев, — что они (мудрецы Талмуда. — П. Л.) все же включили ее в канон и тем спасли для нас одно из замечательных произведений мировой литературы»³.

Но следует еще раз подчеркнуть, что еврейские мудрецы толковали текст «Проповедующего в собрании» совершенно иначе, чем это принято в кругу философов и филологов. Так же, как и в «Песне песней», они находили в каждом слове и каждом выражении этой книги тайный, эзотерический смысл, укрепляющий авторитет Соломона как величайшего мудреца и мистика своей эпохи.

Именно эта его репутация, согласно легенде, и привела к его двору царицу Савскую, о которой и пойдет речь в следующей главе этой книги.

Глава третья

ЖИЛИ-БЫЛИ ЦАРЬ И ЦАРИЦА

Как ни трудно в это поверить, но весь рассказ о визите царицы Савской в Иерусалим и ее встрече с Соломоном умещается в Библии всего в пару десятков предложений. Ни в Третьей книге Царств, ни во Второй книге Паралипоменон не приводится даже ее имени. В тексте этих книг нет ни одной детали, описывающей ее внешность. Мы не знаем, была она низкой или высокой, худой или полной, красивой или не очень. Мы даже не знаем, существовала ли она вообще: историкам известны имена Савских царей лишь с VIII века до н. э., и все они до единого — мужчины.

И вместе с тем не только у евреев, но и у арабов, берберов и эфиопов существует необычайно большое множество легенд о царице Савской, о ее великой мудрости, ее путешествии в далекий Иерусалим и страстном романе с царем Соломоном. Несомненно, в этих легендах немало вымысла. Но вместе с

¹ В Ветхом Завете — Книга Плач Иеремии.

² В Ветхом Завете — Книга Есфирь.

³ Аверинцев С. С. Указ. соч. С. 297.

тем, если бы они были одним сплошным вымыслом, столь далекие друг от друга и географически, и ментально народы не настаивали бы на их правдивости. Между тем жители Эфиопии, например, настолько уверены, что их цари ведут свой род от сына царицы Савской и царя Соломона Менелика, что в 1955 году в этой стране был принят закон «О необходимости сохранения и продолжения царской династии, происходящей от Менелика I, сына царицы Савской и царя Соломона».

Все это невольно наводит на мысль о том, что за рассказом Библии, Корана, за эфиопской и арабской версиями манускрипта «Кебра Нагаст» («Книга царей»), многочисленными сказками и легендами скрываются некие реальные события и что фигура царицы Савской — отнюдь не только плод народной фантазии. Но, для того чтобы прикоснуться через это наложение мифов к реальной истории, хорошо бы для начала понять, где именно располагалось то самое Савское царство, которым правила эта великая царица.

Для Иосифа Флавия ответ на этот вопрос был, похоже, однозначен. «Когда же царствовавшая в то время над Египтом и Эфиопией и отличавшаяся особой мудростью и вообще выдающимися качествами царица узнала о доблести и необычайных умственных способностях Соломона, то желание лично познакомиться с тем, о котором она ежедневно слышала столько необычайного, всецело овладело ею»¹, — пишет Флавий в «Иудейских древностях».

Как видим, для Флавия не было сомнений в том, что царица Савская правила «Египтом и Эфиопией», то есть, как считают эфиопские христианские историки, Эфиопией и отвоёванной ею частью Египта. По их версии, царицу звали Македа, и вскоре после своего воцарения она построила новый город на юге, который назывался Ашебой (Азебой). За это Македе и был присвоен титул «царицы Ашебы», или, как ее называет Библия, «малкат Шеба» — «царица Савская».

Однако большинство современных историков сходятся во мнении, что Флавий все-таки ошибся. Ошибся, разумеется, ненамеренно — просто к его эпохе в еврейской среде уже прочно утвердилось мнение, что царица Савская правила именно Эфиопией. Однако на самом деле под Савой, считают они, следует понимать государство в южной части Аравийского полуострова, то есть территорию современного Йемена. Самые ранние дошедшие до нас тексты, в которых упоминается Савское царство, датируются IX веком до н. э., но имя ее северного соседа — Минеи — встречается и на артефактах XII века до н. э.

¹ Иосиф Флавий. Иудейские древности. С. 335.

Савское царство и его соседи

Караванные пути,
проложенные в эпоху Первого храма

Старые караванные пути

Так что вполне вероятно, что Сава была мощным процветающим государством уже в дни Соломона. Основными источниками этого процветания была торговля пряностями, благовониями и золотом, а также доходы, получаемые как с приезжающих сюда за товарами, так и сдвигающихся транзитом на север купеческих караванов.

Активизация Соломоном и Хирамом морского сношения между Африкой и Евразией не могла не нанести удара по доходам Савы от международной торговли, а значит, и по экономическому благополучию страны в целом. Решить возникшую проблему военным путем было невозможно — слишком уж далеко находилось Израильское царство от Савского. Следовательно, оставался только один выход — договариваться, убедить Соломона отказаться от предоставления своего торгового флота иноземным купцам, чтобы те по-прежнему вели караваны через Саву. При этом правящей верхушке Савы было понятно, что просто так, задаром, Соломон от своих доходов не откажется — ему надо будет как-то компенсировать эти потери, или, как было принято говорить на языке политкорректности того времени, смягчить его сердце щедрыми подарками.

Таким образом, визит царицы Савской в Иерусалим был продиктован суровой экономической необходимостью и преследовал вполне конкретные цели. Царице надо было убедить Соломона не расширять свою торговую экспансию в Красном море, причем постараться сделать это за как можно меньшую цену. Ну и заодно попытаться обрести в Израильском царстве нового торгового партнера.

Эта поистине непростая дипломатическая задача и потребовала визита на высшем уровне, то есть личного приезда славящейся своим умом правительницы в Иерусалим. Впрочем, некоторые историки считают, что на самом деле эта женщина отнюдь не была царицей, а получила такой высокий титул исключительно на время своей миссии.

И вот такой сугубо прагматичный, продиктованный высшими государственными интересами визит заморской гостьи Библия чуть маскирует дымкой романтики, а фольклор вообще расцветивает всеми цветами радуги, превращая каждую деталь библейского текста в отдельную историю — фантастическую и романтическую одновременно.

«Царица Савская, услышав о славе Соломона во имя Господа, пришла испытать его загадками. И пришла она в Иерусалим с весьма большим богатством: верблюды навьючены были благовониями, и великим множеством золота и драгоценными камнями; и пришла она к Соломону и беседовала с ним обо всем, что было у нее на сердце» (3 Цар. 10:1—2).

Торговые операции Соломона

Судя по всему, визит царицы оказался удачным — она достигла с Соломоном желанной договоренности: «И царь Соломон дал царице Савской все, чего она желала и чего просила, сверх того, что подарил ей царь Соломон своими руками...» (3 Цар. 10:13).

Но и цена, уплаченная за этот договор, была достаточно высока: «И подарила она царю сто двадцать талантов золота и великое множество благовоний, и драгоценные камни; никогда еще не приходило такого множества благовоний, какое подарила царица Савская царю Соломону» (3 Цар. 10:10).

Сто двадцать талантов — это ни много ни мало, а больше четырех тонн золота. И это при том, что и благовония в ту пору ценились на вес золота!

Комментаторы Писания утверждают, что царица Савская прибыла в Иерусалим, очарованная рассказами о мудрости Соломона. Причем под мудростью в данном случае следует понимать его славу ясновидящего и мистика. Она сама увлекалась различными мистическими культами, обладала большими познаниями в этой области, и, естественно, ей было интересно проверить, насколько слухи о величии Соломона соответствуют реальности, и, возможно, даже поучиться у него чему-то новому.

Ривка Клюгер трактует историю взаимоотношений Соломона и царицы Савской в духе юнгианской философии. По ее версии, путешествие царицы в Иерусалим и последующий роман с Соломоном означали для царицы преодоление своей животной, языческой природы и подъем на духовные высоты монотеизма. Для Соломона этот роман, наоборот, был как бы данью всегда имевшейся внутри него языческой тяге к природе, к первобытным страстям — и с этой точки Клюгер трактует символику всех легенд, связанных со встречей великого царя и великой царицы¹.

Близкую, но вместе с тем принципиально иную трактовку взаимоотношений Соломона и царицы Савской дает в своей книге «Из Библии — с любовью» израильский писатель Рам Орен.

Вслед за историками Орен считает, что визит царицы носил в первую очередь экономическую подоплеку. Отсюда — все эти богатые дары, груженные на множество верблюдов и представляющие собой, как уже говорилось, по сути дела, отступные, плату за согласие царя учесть интересы Савского царства.

Но вот дальше, по версии Орена, происходит нечто неожиданное: Соломон, возможно, впервые в жизни влюбляется.

¹ См.: Клюгер Р. Царица Савская в Библии и легендах // <http://psiland.narod.ru/psiche/Kluger/003.htm>

И не просто влюбляется, но и теряет голову от любви к своей гостье, а та отвечает ему взаимностью. Именно так, дескать, и надо понимать следующие слова Библии: «...и беседовала с ним обо всем, что было у нее на сердце. И объяснил ей Соломон все слова ее, и не было ничего незнакомого царю, чего бы он не изъяснил ей» (3 Цар. 10:2—3).

Причем, считает Орен, психологически все это легко объяснимо. Соломон к моменту их встречи был чуть старше сорока, то есть вступил в пору зрелости. Большая часть его жизни была позади, теперь он обладал не только умом, но и необходимым жизненным опытом и вместе с тем был все еще полон сил. Будучи обладателем бесчисленного множества жен и наложниц, он до того видел в женщине лишь средство для удовлетворения похоти и заключения политических союзов. Царица Савская стала первой женщиной в его жизни, оказавшейся равной ему и по положению, и по интеллекту. Той женщиной, с которой ему было интересно беседовать на самые различные темы; с которой он вдруг ощутил душевную и духовную близость. Женщиной, которая понимала его настолько, что он впервые решился поделиться с нею самыми сокровенными движениями своей души. И одновременно ее экзотическая красота, исходивший от нее запах неведомых благовоний вдруг заново пробудили его, казалось бы, пресытившееся плотскими утехами воображение, и вслед за жаждой исповедоваться Соломон ощутил и жажду обладать этой женщиной.

Но и царица переживала схожие чувства. Ей тоже в те дни было около сорока; в ее жизни тоже было немало мужчин, но ни одному из них до сих пор не удавалось по-настоящему тронуть ее сердце. И вдруг такой мужчина, с которым она готова говорить сутки напролет «обо всем, что было у нее на сердце», находится. Его близость кружит ей голову; ей вдруг хочется стать простой женщиной, постоянно находящейся рядом с любимым, но она понимает, что это — невозможно; что на первом месте для нее должны быть интересы своего государства и своего народа. И эта невозможность брака лишь придавала их любви еще большую остроту¹.

И вот тут автору снова не остается ничего другого, как пригласить своего читателя в сказку. Легенды, разумеется, рисуют историю встречи, любви и расставания царя Соломона и царицы Савской по-другому.

Совсем по-другому.

¹ См.: *Орен Р.* Из Библии — с любовью. Тель-Авив: Кешет оцаат ле-Ор, 2009. С. 157—174.

Как-то раз, рассказывает еврейская легенда, царь Соломон устроил в своем дворце очередной пир, на который пригласил множество царей, королей и князей с разных концов света.

Гостям царя подавали самые изысканные яства и напитки, а развлекали их, участвуя в грандиозном представлении, не только обычные певцы и танцовщицы, но и всевозможные бесы и демоны, а также диковинные птицы и звери, явившиеся во дворец по приказу Соломона. Наконец, захотел Соломон порадовать своих гостей танцем Дикого Петуха, но тут выяснилось, что хотя тому и было приказано прилететь во дворец вместе с другими пернатыми, Дикий Петух приказа не выполнил.

Сильно разгневался Соломон на Дикого Петуха и, когда тот влетел в окно его дворца, велел немедленно зарезать ослушника и сварить из него суп. Затрепетал Дикий Петух, услышав вынесенный ему приговор, и дрожащим голосом произнес:

— Господин мой, царь! Позволь, прежде чем меня сварят, сказать несколько слов в свое оправдание. Я не сумел выполнить твое повеление вовремя, потому что три месяца я летал по всему белу свету, не ел и не пил, чтобы не терять времени и узнать: есть ли где-нибудь на земле царство, где не слышали бы о твоей мудрости и величии? Так, летая, достиг я страны, которая называется Китур¹, и скажу тебе честно, что в жизни я не видел места прекраснее и богаче. Золото и серебро лежат на улицах этой страны как простой мусор. Деревья, которые там растут — это деревья из самого Райского сада; их благоухание распространяется на много парсов вперед, а плоды их вкусны необычайно. Жители той страны живут в счастье и довольстве, не зная войн и других бедствий. Стало мне любопытно, кто же правит этой чудесной страной, и оказалось, что правительница ее женщина, которую все называют царицей Савской. И оказалось, что ни она, ни ее подданные ничего не знают ни о твоём царстве, ни о твоей мудрости, ни о твоём величии. Позволь же мне прежде, чем из меня сварят суп, вернуться в страну Китур и от твоего имени повелеть царице Савской признать над собой твою власть.

Услышав это, Соломон отменил свое решение сварить суп из Дикого Петуха и даже похвалил его за верность и усердие. Затем слуги принесли Дикому Петуху попить и поесть из золотой посуды, а когда тот насытился, к его лапе привязали письмо, которое Царь Соломон написал для царицы Савской. И было в письме сказано следующее:

¹ Слово «китур» означает «благовоние», то есть легенда подчеркивает, что речь идет о Стране пряностей и благовоний.

«От Царя Соломона — Царице Савской.

Мир тебе!

Творец Всего Сущего поставил меня царем над многими народами, и все цари с Востока и Запада, с Севера и Юга являются ко мне, чтобы выразить свое уважение. И всех животных, которые на земле, и птиц, которые в поднебесье, Господь подчинил мне, и они выполняют все мои желания. И если ты явишься ко мне с людьми своими, чтобы выразить мне уважение, окажу я вам такие великие почести, какие не оказывал ни одному царю до сего дня. Но если ты откажешься выполнить это мое повеление, то пошлю я к тебе огромную армию, подобную которой ты доселе не видела. И будет эта армия состоять не только из солдат, но и из демонов, а также хищных птиц и зверей, и станут твои подданные их добычей».

Поднялся Дикий Петух с этим письмом в небеса и призвал множество птиц самых различных видов лететь с ним в страну Китур. Собралась из этих птиц огромная стая и полетела вслед за Диким Петухом.

А царица Савская каждое утро выходила на балкон своего дворца и смотрела на Солнце, ибо в ее стране поклонялись богу Солнца. И вот когда приблизились птицы к стране Китур, велел им Дикий Петух расправить свои крылья, а когда десятки тысяч птиц выполнили этот его приказ, то заслонили собою Солнце и посреди бела дня в Китуре наступила ночь.

Испугалась царица Савская и в страхе разодрала на себе одежды. Тут Дикий Петух слетел к ней с небес, увидела царица на его лапке письмо, а когда прочла его, то немедленно собрала царский совет — чтобы решить со своими министрами, что делать дальше.

Почти все царедворцы сошлись во мнении, что царица Савская не должна отвечать на это письмо.

— Мы не знаем, кто такой царь Соломон, и никогда о нем не слышали. Пусть он себе бахвалится, а если он и в самом деле придет сюда с войском, то мы сумеем дать ему достойный отпор! — сказали министры.

Однако царица рассудила по-другому. Немедленно велела она снарядить корабль, нагрузить его сандаловым деревом, золотом и благовониями и отправить в Израильское царство, к царю Соломону. Затем собрала она большой караван с подарками и велела отобрать из детей Китура шесть тысяч отроков и отроковиц, родившихся в один день, и одеть их всех одинаково, так чтобы нельзя было отличить юношей от девушек.

После этого направила царица Савская царю Соломону ответное послание. И было сказано в нем следующее:

«Великому царю Соломону от царицы Савской.

Мир тебе!

Хотя наши государства разделяют семь лет пути, но мне так хочется встретиться с тобой и услышать твои мудрые речи, что я проделаю этот путь за три года».

* * *

Кораническая версия о знакомстве Соломона с царицей Савской в целом совпадает с еврейской, но содержит ряд дополнительных подробностей. Вот как пересказывает 27-ю сурю Корана «Муравьи» М. Б. Пиотровский:

«Потом он стал делать смотр своим войскам и обнаружил, что среди птиц нет удода. Царь разгневался и обещал примерно наказать его. Через некоторое время удода вернулся и стал оправдываться тем, что принес весть о вещах Сулайману неизвестных. Он побывал в стране Саба и видел женщину, правящую там. У нее великий трон. Она и ее народ поклоняются солнцу, ибо Шайтан отвратил их от веры в Аллаха. Сулайман решил проверить слова удода и приказал ему лететь обратно, бросить на землю письмо от него и посмотреть, что скажут сабейцы.

Царица подняла письмо и показала его своей знати, испрашивая у нее совета. Письмо гласило: “Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного. Чтобы вы не превозносились предо мною, и приходите предавшимися” (27:30—31). Сулайман требовал покорности и подчинения. Знать ответила царице, что решение принимать ей. Они же считали, что обладают достаточной силой. Она сказала, что цари, приходя в селения, губят их и уничтожают жителей. Поэтому лучше послать к Сулайману подарки и посмотреть, с чем вернутся послы.

Сулайман отверг подарки, заявив, что в богатстве не нуждается, ведь Аллах даровал ему больше, чем другим. Он приказал передать царице, что явится к ней с войсками, против которых устоять невозможно, покорит и изгонит из собственной страны ее народ.

Потом царь обратился к своим приближенным с вопросом, кто сумеет доставить к нему трон царицы прежде, чем она явится сама. Ифрит из джинов пообещал сделать это прежде, чем Сулайман встанет со своего места. Однако некто другой, имевший “знание из Книги”, вызвался доставить трон раньше, “чем вернется к тебе твой взор”. Трон был доставлен. Вид его несколько изменили и так показали царице, когда она прибыла к Сулайману. Она узнала трон и объявила, что теперь ей открылась истина, она покоряется и отвергает свою прежнюю ложную веру.

Потом ее ввели во дворец, где пол был из гладкого хрусталия. Царица приняла его за водную пучину и открыла свои голени (подняв подол платья). Узнав о своей ошибке, она еще раз осознала свои прежние заблуждения и обратилась к Аллаху с молитвой как новообращенная, принявшая веру Сулаймана»¹.

Арабские сказки и легенды расцвечивают образ царицы Савской все новыми и новыми подробностями, наделяя ее демонической природой и называя по имени богини Балкис, культ которой был распространен у ряда семитских народов, а порой и отождествляя с легендарной Семирамидой. В арабских и абиссинских легендах царица при всей ее внешней красоте обладала тем или иным физическим недостатком. По некоторым из них, у нее были необычайно волосатые ноги; по другим — все ее тело было покрыто волосами гуще, чем у любого мужчины; по третьим, у нее вообще на ногах были копыта, то есть она являлась, что называется, демоницей в чистом виде.

Правда, арабская версия книги «Кебра Нагаст» объясняет этот врожденный дефект по-другому. Согласно этой версии книги, в древности Абиссинией всегда правили женщины-царицы, использовавшие мужчин только для рождения следующей наследницы престола. И вот одна из этих цариц, мать царицы Савской, будучи беременной, загляделась как-то на очень красивого козла и даже в душе возжелала его. В результате у ее новорожденной дочери одна нога была человеческой, а другая козлиной. Из-за этого царица Савская носила длинные одежды и оставалась девственницей, не желая открывать кому-либо из мужчин свою тайну.

Абиссинская легенда, родившаяся явно уже в христианскую эпоху, связывает уродство царицы с кровью дракона. По ее версии, царица Этье Аzeb (то есть «царица Юга») была девушкой из племени Тигрэ, поклонявшегося дракону. Все мужчины этого племени по очереди должны были поднести своих старших дочерей в жертву дракону вместе со сладким пивом и молоком. Когда пришла очередь Этье Аzeb, ее привязали к дереву, к которому дракон приходил за пищей, и ушли. Вскоре на это место пришли семеро святых и сели в тени дерева. Когда на них упала сверху слеза девушки, они посмотрели вверх, освободили ее и стали расспрашивать, как она попала на дерево. Этье Аzeb рассказала им, что ей уготована участь жертвы дракона. Тогда святые дождались прихода чудовища, ударили его крестом и убили. Но кровь дракона попала на пятку Этье Аzeb, и ее ступня превратилась в ослиное копыто. После

¹ *Пиотровский М. Б.* Коранические сказания. С. 144.

этого святые велели девушке возвращаться в деревню, но жители деревни решили, что она сбежала от дракона, и прогнали ее, так что Этье Аzeb пришлось провести ночь на дереве. Но на следующий день она привела людей из деревни к дереву, показала им мертвого дракона, и тогда они провозгласили ее царицей, а Этье Аzeb сделала своей помощницей женщину, подобную себе.

Еще одно отличие эфиопской и арабской версий легенды о царице Савской от еврейской заключается в том, что в этих версиях она отправляется к Соломону не по его приказу, а по собственной воле. Наслышавшись от бывавшего в Иерусалиме торговца о мудрости еврейского царя и его великих способностях к врачеванию, царица прибывает в Израильское царство с надеждой, что Соломон поможет ей избавиться от уродства, а также для того, чтобы поучиться у него мудрости. Возможно — и не без тайной, или не вполне осознанной мысли зачать ребенка от столь великого человека. В «Кебра Нагаст» царица обращается с прощальной речью к своим подданным, объясняя им, что отправляется к Соломону в поисках высшей мудрости, признаваясь при этом, что наслаждение от интеллектуального общения с мудрецом вполне сравнимо с сексуальным, и они могут как взаимно заменять, так и взаимно дополнять друг друга:

«Мудрость величественна и богата. Я буду любить ее как мать, и она обнимет меня, как свое дитя. Я буду следовать по стопам мудрости, и она навсегда пребудет со мной... Будем искать ее и найдем; будем любить ее, и она не отдалится от нас; будем преследовать ее и поймает ее; спросим и получим ответ; повернем головы свои к ней и никогда ее не забудем... Почитать мудрость — значит почитать мудреца, а любить мудрость — значит любить мудреца. Люби мудреца и не отдаляйся от него, и, увидев его, ты станешь мудрой; слушай слова его и сможешь стать подобной ему; смотри туда, куда он ставит ногу свою, и не оставляй его, и тогда ты сможешь обрести крупинцы его мудрости. И я люблю его, едва услышав о нем, еще не увидев его, и весь рассказ о нем, который мне поведан, подобен желанию сердца моего, подобен воде для жаждущего...»

В эфиопской версии легенды об Этье Аzeb царица вместе со своей ближайшей подругой переодевается в мужчину, тщательно гримируется под него и является ко двору Соломона как царь, а не как царица — с мечом в руке. Едва Этье Аzeb ступила на порог дома Соломона, как она исцелилась — ее ослиная нога превратилась в человеческую. Дальше между Соломоном и «абиссинским царем» завязывается беседа, во вре-

мя которой Этье Азед старается изо всех сил поддерживать созданный ею образ.

Разумеется, Соломон был достаточно проницателен, чтобы понять, что и «царь» и его «оруженосец» — женщины. Однако, ничем не выдав догадки, царь решил поймать обманщиц в ловушку.

Для этого он велел поставить две постели для своих гостей в собственной спальне, а к потолку подвесил бурдюк с медом. В бурдюке была проделана маленькая дырочка, из которого мед стекал в предусмотрительно поставленный на пол сосуд. Ночью царице и ее подруге захотелось испить меда, но, взглянув на царя и увидев, что его глаза полуоткрыты, они не решились встать.

Между тем дело заключалось в том, что Соломон всегда спал с полуоткрытыми глазами. Проснувшись, он закрыл глаза и притворился спящим. Увидев это, женщины вылезли обнаженными из постелей и стали пить мед. Тут поднялся и Соломон. Он увлек двух прекрасных эфиопок на свое ложе и до утра занимался с ними любовью.

Впрочем, скажем честно, что при всей замысловатости этой истории еврейские и арабские легенды, а также эфиопская версия книги «Кебра Нагаст» являются куда более изящными, и потому нам стоит вернуться к тому, что рассказывает о приключениях царицы Савской в Израильском царстве фольклор этих народов.

* * *

Спустя три года, повествует мидраш, царица Савская вместе со своей огромной свитой, с нагруженным дорогими подарками караваном добралась до Иерусалима.

Услышав о ее приезде, Соломон послал Ванею к воротам города, чтобы тот встретил царицу, отдал указания о размещении ее свиты, а саму высокую гостью вместе с ее самыми приближенными лицами проводил до царского дворца. Но когда царица увидела у ворот Иерусалима одетого в дорогие одежды, статного и ослепительно красивого Ванею, то решила, что он и есть царь Соломон. Немедленно велела она своим слугам сойти с коней и преклонить колена, и сама вышла из роскошного паланкина и направилась к Ванею.

— Почему ты велела слугам остановиться и вышла из паланкина? — спросил, склонившись перед царицей в поклоне Ванея.

— Чтобы отдать почести тебе, царь Израильский! — ответила царица.

— Но я — не царь! Я только один из множества множеств слуг его! — отвечивал Ванея.

— Но если так выглядит лишь один из слуг царя, как же должен тогда выглядеть сам царь! — воскликнула царица.

Тем временем в царском дворце произошло ужасное происшествие: какая-то пчела забралась в нос Соломона и ужалила его. От этого нос царя распух, он потерял свою красоту, и ему совсем не хотелось предстать в таком виде перед высокой гостьей. Вдобавок Соломон страдал от боли, а потому в ярости велел всем окрестным пчелам явиться к нему во дворец и потребовал признаться, которая из них его ужалила.

— О царь! — сказала пчела. — Из твоего носа шло такое благоухание, что я приняла его за цветок. Прости меня, царь, и пощади, а я отплачу тебе за твое милосердие.

Не секрет, что Соломон был падок на лесть. Он прекрасно понимал, что пчела подхалимничает, но, как это часто бывало, решил пощадить ее за умение красно говорить.

— Хорошо, — сказал Соломон. — Я дарю тебе жизнь. Но чем ты, ничтожное создание, можешь отплатить мне за это?!

Но вот царица Савская прибыла во дворец. К ее приезду Соломон велел сделать в тронном зале пол из хрусталя так, чтобы под ним располагался гигантский аквариум и казалось, что царь восседает посреди озера. Вот почему, когда царица вошла в зал, она невольно приподняла подол платья и обнажила свои волосатые ноги.

Но царь, продолжает мидраш, отнюдь не пожелал насладиться тем чувством неловкости, которое испытала в этот момент его гостья. Сбежав с трона, он двинулся ей навстречу по хрустальному полу и, взяв за руку, повел к поставленному рядом с его тронном трону царицы, доставленному из ее дворца по воздуху с помощью магии. И уже после этого осторожно говорил о мучающей царицу деликатной проблеме.

— Твоя красота — красота женщины, но твои волосы — мужские. Волосы украшают мужчину, но уродуют женщину, — сказал Соломон, после чего приказал демонам приготовить средство для удаления волос. Так, согласно легенде, впервые была создана и использована «нура» — самое популярное среди женщин Древнего Востока средство для эпиляции, представляющее собой смесь мышьяка и негашеной извести.

Обменявшись с царем первыми фразами, царица призналась, что хотела бы испытать царя загадками, чтобы узнать: действительно ли он так мудр, как об этом говорят?

Согласно достигнутому между ними договору каждый день царица должна была загадывать царю одну загадку, а он должен был в тот же день разгадать ее.

— Но знай, — сказал Соломон, — что вся моя мудрость — от Господа. Он будет подсказывать мне ответы, и я буду говорить только то, что Он вложит мне в уста.

Шесть тысяч отроков и отроковиц, как уже было сказано, прибыли вместе с царицей Савской в Иерусалим. Все они родились в один день, были одного роста, одного телосложения, одеты в одинаковые одежды, так что внешне не отличались друг от друга. В этом и заключалась первая загадка царицы Савской: Соломон должен был отделить юношей от девушек.

Услышав это, Соломон велел подать гостям полные вазы с орехами. Часть из них взяла горсть орехов в руки и отошла от ваз, а часть стала набирать орехи и класть их за пазуху.

— Вот и ответ! — сказал Соломон. — Те, что кладут орехи за пазуху — это юноши, а те, что ограничились горстью — девушки. Но чтобы окончательно убедиться в этом, подайте в зал воду для умывания.

Принесли слуги тазы для умывания, и те из свиты царицы, что ограничились горстью орехов, омыли осторожно лицо и руки, а затем вытерли его подолом платья. А вот те, что набрали орехи за пазуху, брызгались в воде руками, бросали ее горстями себе в лицо, а затем так и остались стоять растерянными, не зная, чем же им обтереться.

— Еще одно доказательство! — констатировал Соломон. — Девушки знают, что в крайнем случае можно вытереться подолом, а вот юноши привыкли, что им подают полотенца.

На следующий день спросила царица Соломона:

— Кто это — тот, кто не родился, не умрет, но в то же время жив и будет жить вечно?

— Это — Господь Бог! — ответил Соломон.

— А кто те трое, что не родились и не умрут и вообще не люди и, тем не менее, им пришлось однажды есть пищу так же, как ее едят все люди? — задала царица следующую загадку.

— Это три ангела, что явились к нашему праотцу Аврааму после обрезания: и сидели они с ним за столом и ели, как обычные люди, — дал ответ Соломон.

— А что это за существо, в котором был дух жизни, хотя он и не рождался? — продолжала допытываться царица.

— Это Золотой телец, которого сделали сыны Израиля в пустыне. Хотя он и был сделан из золота, был в нем дух жизни! — снова разгадал загадку Соломон.

Разгадал Соломон и следующую загадку царицы: «Что это — жидкая как вода; создана из праха, но может осветить весь мир?» — царь понял, что его гостья имеет в виду нефть.

— Что это за вода, что взята не с неба и не с земли; порой она горька, а порой сладка нам? — прозвучала следующая за-

гадка, и Соломон ответил, что это — человеческие слезы, текущие как от горя, так и от радости.

В другой раз царица велела внести в тронный зал две корзины цветов, неотличимых друг от друга, но, как оказалось, в одной корзине цветы были живые, а в другой — искусно сделанные рукой савских мастеров. И предложила царица Соломону отделить живые цветы от искусственных, не подходя к корзинам, а оставаясь сидеть на троне.

Задумался царь Соломон, как же ему разгадать эту загадку царицы, и вдруг увидел, как над одной из корзин вьется пчела.

— Вот в этой корзине живые цветы, а в той — «мертвые»! — воскликнул Соломон, и пчела тут же поднялась в воздух и прожужжала ему на ухо: «Вот я и отплатила тебе, царь, за твое милосердие!»

Еврейские мидраши, а также идущие по их следам арабские источники приводят и другие загадки, заданные царицей Савской Соломону:

— Что это такое: семь выходящих и девять входящих; два источника утоляют жажду, а один пьет? Какая женщина сказала своему сыну: «Твой отец — мой отец; твой дед — мой муж, ты — мой сын, а я — твоя сестра!»?

И отвечал Соломон, что «семь выходящих — это семь дней, в течение которых женщина должна очищаться после менструации, чтобы стать разрешенной для мужа; девять входящих — это девять месяцев беременности; два источника — это две груди, а один — это младенец, который их сосет. Что же касается женщины, имевшей право сказать подобные слова сыну, то это одна из дочерей Лота, которые, согласно Библии, зачали своих сыновей, напоив допьяна отца.

В повести «Суламифь» А. И. Куприн, основываясь на изученных перед ее написанием источниках, рассказывает, что еще до своего появления в Иерусалиме царица загадала Соломону несколько загадок. Первой была уже приводившаяся выше загадка, требующая отделить мальчиков от девочек. Вторая и третьи загадки были не менее интересными:

«Затем прислала она Соломону большой алмаз величиною с лесной орех. В камне этом была тонкая, весьма извилистая трещина, которая узким тонким ходом пробуравливала насквозь все его тело. Нужно было продеть сквозь этот алмаз шелковинку. И тут мудрый царь впустил в отверстие шелковичного червя, который, пройдя наружу, оставил за собой следом тончайшую шелковую паутинку.

Также прислала прекрасная Балкис царю Соломону драгоценный кубок из резного сардоникса великолепной худо-

жественной работы. “Этот кубок будет твоим, — повелела она сказать царю, — если ты наполнишь его влагою, взятою ни с земли, ни с неба”. Соломон же, наполнив сосуд пеною, падавшей с тела утомленного коня, приказал отнести его царице»¹.

Еще множество разных загадок² загадала царица Соломону, и на каждую из них он дал ответ. После этого признала она великую мудрость царя и стала задавать ему вопросы обо всем на свете, и наслаждалась его ответами. И училась царица Савская у Соломона великим тайнам бытия и оставалась в его дворце гостей много месяцев.

Покидала царица Иерусалим с явным сожалением, не скрывая своего восхищения увиденным и того переворота в ее религиозном мировоззрении, который произошел, пока она гостила у Соломона:

«И увидела царица Савская мудрость Соломона, и дом, который он построил, и пищу за столом его, и жилище рабов его, и чинность служащих ему и одежду их, и виночерпиев его и одежду их, и ход, которым он ходил в дом Господень, — и была она вне себя. И сказала царю: верно то, что я слышала в земле моей о делах твоих и о мудрости твоей, но не верила я словам о них, доколе не пришла и не увидела глазами своими; и вот, мне и вполнину не сказано о множестве мудрости твоей: ты превосходишь молву, какую я слышала. Блаженны люди твои, и блаженны сии слуги твои, всегда предстоящие пред тобою и слышащие мудрость твою! Да будет благословен Господь Бог твой, Который благоволил посадить тебя на престол Свой... По любви Бога твоего к Израилю, чтоб утвердить его навеки, Он поставил тебя царем над ним — творить суд и правду» (2 Пар. 9:3—8).

Как видим, царица не скрывала, что с удовольствием бы осталась при дворе Соломона навсегда и что она завидует царским рабам. И дело тут явно не только в том, что царица восхищена мудростью Соломона — не исключено, что ей было крайне тяжело прощаться с любимым...

* * *

Согласно эфиопской версии книги «Кебра Нагаст», поняв, что он влюбился в свою царственную гостью, Соломон придумал хитроумный способ, как овладеть ею. До глубокой ночи продолжался очередной пир, данный царем в честь царицы, причем на этот раз на нем подавались особо острые и соленые блюда.

¹ Куприн А. И. Сочинения: В 3 т. Т. 3. С. 83.

² Всего еврейские, арабские и эфиопские источники приводят не меньше двенадцати загадок, якобы загаданных царицей Савской царю Соломону.

Когда же все гости разошлись, царь предложил царице не утомлять себя походом в отведенную ей часть дворца, а лечь спать в его личной просторной опочивальне; на отдельной, укрытой от любопытных глаз балдахинном кровати.

— Поклянись мне Богом своим, Богом Израиля, что ты не возьмешь меня силой! Ведь если я, дева, буду совращена, то мне придется возвращаться домой в скорби и печали! — сказала царица Савская Соломону в ответ на это его предложение.

— Я клянусь тебе, что не возьму тебя силой, но и ты должна поклясться мне, что ты не возьмешь силой или просто без моего разрешения ничего из того, что в моем доме! — ответил ей Соломон.

Слова эти изрядно насмешили царицу.

— Ты мудрец, а говоришь, как глупец! — воскликнула она. — Неужели ты думаешь, что я могу что-то украсть или взять отсюда нечто, чего царь не давал мне?! Мое царство так же богато, как твое, и мне нечего желать — у меня все есть! А приехала я сюда в поисках не богатства, а мудрости!

Но острые и соленые блюда сделали свое дело — царица проснулась посреди ночи с ощущением необычайно острой жажды. При неясном свете масляной лампы она увидела возле кровати царя столик, на котором стоял кувшин с водой. Решив, что царь спит и ничего не заметит, царица направилась к ложу царя. Но в тот момент, когда она взялась за ручку кувшина, на ее запястье властно и нежно легла рука Соломона...

Царице не оставалось ничего другого, как признать, что она пыталась взять без разрешения царя воду в его доме. А владевшая ею жажда тем временем становилась все мучительнее.

— Я освобождаю тебя от твоей клятвы, только дай выпить мне воды! — взмолилась царица.

«И он разрешил ей выпить воды, а после того, как она выпила, сделал с ней то, что хотел, и они спали вместе», — говорится в эфиопской «Кебра Нагаст».

Арабская версия в целом повторяет эту историю, разве что в преамбуле делает царицу еще более неуступчивой. «И Соломон страстно любил женщин, и когда она стала посещать его, он очень сильно возжелал ее и просил ее отдаться ему, — говорит арабская версия. — Но она не желала этого и сказала ему: “Девой, девственницей приехала я к тебе; неужели я должна вернуться лишенной девственности и презираемой в своем царстве?” И Соломон сказал ей: “Я возьму тебя в законные жены. Я — Царь, ты же будешь Царицей”. Но она ему не ответила. “Заклучи со мной соглашение — я возьму тебя в жены, только если ты сама этого пожелаешь. Вот условие этого соглашения: если ты придешь ко мне ночью, когда я буду ле-

жать в постели своей; тогда станешь ты моей женой по Закону Царей!» — предложил Соломон. И вот заключила она с ним это соглашение, решив про себя, что сбережет от него свою девственность. И Соломон многие дни обучал ее своей мудрости, и больше не требовал, чтобы она отдалась ему, и ей показалось, что это хорошо, потому что она решила, что он выкинул ее из головы».

Ну а затем снова следует история о пире с острыми и солеными блюдами, о предложении Соломона остаться на ночь в его спальне, чтобы не утомлять себя — и все повторяется...

Ривка Клюгер, безусловно, права, когда, разбирая эту историю, говорит, что само согласие царицы остаться в покоях Соломона означало ее тайную жажду близости с ним. Та же чудовищная физическая жажда, что заставила ее подняться посреди ночи с постели, была не чем иным, как «заменителем “отсутствующего эроса”, жадой сексуальной».

* * *

С пребыванием царицы Савской в гостях у Соломона связана еще одна забавная еврейская сказка, которую в наши дни вряд ли можно назвать политкорректной, так как в ней явно ощущается антифеминистский подтекст.

В те дни, рассказывает эта сказка, когда царь Соломон путешествовал вместе с царицей Савской по стране, показывая ей красоты земли Израиля, увидели они как-то простую женщину, которая работала в саду, разговаривая сама с собой.

— Чего еще желать мне в этой жизни?! — рассуждала женщина. — Муж мой работает в поле, сын пасет скот, а я занимаюсь домом. Муж меня любит, сын почитает, всего у нас вдоволь, а когда вечером мы садимся за семейный ужин, нам хорошо вместе. Поистине мы счастливее царя Соломона, хоть он и живет в роскошном дворце, а мы — в скромной хижине.

Услышала царица эти слова и улыбнулась.

— Разве не ты, царь, — сказала она, — написал в своем «Екклесиасте» «Мужа одного из тысячи нашел я, а женщины ни одной из всех этих не нашел я»? (Екк. 7:28). Что ты скажешь теперь? Разве не поражает тебя сейчас мудрость и скромность этой женщины, которая умеет быть счастливой, довольствуясь тем, что у нее есть? Похоже, даже премудрый Соломон иногда ошибается!

— Что ж, — ответил на это Соломон, — давай войдем в их дом, и я докажу тебе, что был прав: и на эту женщину не стоит особенно полагаться; и она не так добродетельна, какой кажется на первый взгляд.

Увидела женщина подходящих к ее калитке мужчину и женщину в царских одеждах, поспешила им навстречу, провела в дом, накрыла для них стол и подала воды для омовения.

— Милая женщина! — сказала царица Савская. — Случайно подслушали мы твой разговор с самой собой, и слова твои пришлись мне по душе. Может, ты хочешь еще что-нибудь к ним добавить?

Продолжила женщина рассказ о своей жизни, поведала о своей любви к мужу и вновь сказала, что она счастлива и никому не завидует.

— Неужели и после этого ты будешь утверждать, что «Мужа одного из тысячи нашел я, а женщины ни одной из всех этих не нашел я»? — спросила царица. — Вот перед тобой женщина, верная мужу, добродетельная во всем и живущая пусть небогато, но в довольстве и в мире с самой собой.

Затем вышли царь Соломон с царицей в сад, и сказал тогда Соломон:

— Вижу я, что ты желаешь, чтобы я испытал эту женщину, но не знаю, стоит ли это делать, чтобы не вносить раздора или унижать эту счастливую семью.

Однако царица выразила уверенность, что эта женщина с честью выдержит любое испытание и что Соломону нечего опасаться.

Улыбнулся в ответ Соломон и сказал:

— Подожди меня здесь, я скоро вернусь.

Выйдя из сада, направился царь в ближайший лес. Вскоре он вернулся, неся в руках небольшую шкатулку, в которую посадил пойманную им белую мышку, не забыв щедро насыпать ей хлебных крошек.

После этого поспешили Соломон с царицей назад, в дом этой женщины, а тут как раз вернулись в него с работы ее муж Авиэзер и сын Ахиэзер.

— Да живет царь Соломон! — сказал Авиэзер, склоняясь в поклоне. — Добро пожаловать в мой скромный дом!

— Как ты узнал, что я царь? — спросил Соломон.

— Ну как же! — ответил Авиэзер. — Трижды в год мы отправляемся на праздники в Иерусалим, и там, в Храме, не раз я видел тебя, о царь, во время молитвы. Как же я мог тебя не запомнить?!

— Ну, если ты узнал меня, — ответил Соломон, — позови скорее сюда свою жену, потому что есть у меня к вам личная просьба.

Когда предстали перед ним оба супруга, сказал царь Соломон:

— Хочу я оставить у вас на хранение на три дня эту шкатул-

ку. Через три дня я приеду и заберу ее у вас. Но при этом предупреждаю, что вы не имеете права трогать шкатулку и, тем более, ее открывать. Выполните это условие — получите щедрую награду, а не выполните — ждет вас суровый приговор.

Сказав это, отдал Соломон ключ от шкатулки Авиэзеру, а сам с царицей Савской направился в Иерусалим.

Не успел царь отъехать, как овладело женщиной любопытство: страсть как захотелось ей узнать, что же скрывается в шкатулке? Весь следующий день она только и думала, что об этой шкатулке, а вечером, когда Авиэзер вернулся с поля, сказала:

— Послушай, что же такого спрятано в шкатулке? Может быть, драгоценные камни, подобных которым нет на свете? Или те вещи, с помощью которых царь Соломон колдует и так обретает неземную мудрость? Вот бы взглянуть на это хоть одним глазком!

— Нет, дорогая жена, — ответил Авиэзер. — Мы не будем нарушать приказ царя и не притронемся к оставленной нам на хранение вещи. Постарайся избавиться от этой мысли!

Женщина и в самом деле попыталась честно забыть о шкатулке, но у нее ничего не получилось. Всю ночь проворочалась она с боку на бок, думая, какие же тайны скрывает в себе эта изящная вещица, да и весь следующий день эта мысль не шла у нее из головы. Когда в полдень пришел Авиэзер с поля на обед, увидел, что жена ходит по дому мрачнее тучи. На вопрос о том, что с ней случилось, женщина честно ответила:

— Разные мысли не дают мне покоя, как только я вижу шкатулку. Может, в ней сидят черти и злые духи, которые вот-вот сломают крышку, вырвутся наружу и нападут на нас?

— Успокойся! — ответил Авиэзер. — Даже если там черти, великий Соломон знает, как с ними обращаться и как их запереть на замок. Постарайся не смотреть на шкатулку.

Но любопытство продолжало одолевать женщину настолько, что она забросила все домашние дела, перестала готовить обед и ужин для мужа и сына и несколько раз в течение дня приближалась к шкатулке, но вспоминала слова царя про суровый приговор и отходила от нее.

Наконец, когда вечером вернулся Авиэзер с поля, она дрожащим голосом сказала:

— Авиэзер, я больше так не могу! Если я не узнаю, что находится внутри шкатулки, я умру! Неужели ты хочешь, чтобы я умерла?!

— Дорогая! Остался только один день. Завтра царь придет, заберет шкатулку и ты перестанешь так мучиться! — постарался успокоить жену Авиэзер.

— Нет, давай хотя бы немного приоткроем крышку. Я взгляну на секунду одним глазком, что там внутри, и мы тут же ее закроем! — предложила в ответ супруга.

И так долго и страстно она умоляла, что Авиэзер сдался. Дрожащими руками достал он ключ от шкатулки, открыл ее и осторожно-осторожно приподнял крышку... Но этого оказалось достаточно: крошечная мышка выскочила из шкатулки, махнула хвостиком — и была такова.

— Ой, что же ты наделал?! Почему ты не успел захлопнуть крышку?! Что теперь с нами будет?! Теперь царь вынесет нам свой суровый приговор! — воскликнула женщина.

Однако Авиэзер сохранил присутствие духа и попытался успокоить жену.

— Будем надеяться на Господа! — сказал он. — Если Бог захочет, то смягчит сердце царя и тот не станет нас наказывать.

На следующий день в доме супругов снова появились царь Соломон с царицей Савской. Увидев их, женщина тут же рыдалась и сказала:

— Господин мой царь! Прости нас, ибо мы не выполнили твоего приказания. Но это не я открыла твою шкатулку!

— Кто же осмелился сделать это, несмотря на мое предупреждение? — грозно сдвинул брови Соломон.

— Жена моя так молила меня открыть шкатулку, что я не выдержал и сделал это! — сказал Авиэзер. — Прости нас! Но если ты хочешь кого-то наказать, вот я перед тобою. Сделай со мной, что хочешь, но пощади мою супругу!

Посмотрел царь Соломон на царицу Савскую и сказал:

— Именно это я имел в виду, когда написал: «Мужа одного из тысячи нашел я, а женщины ни одной из всех этих не нашел я»...

* * *

Эфиопская версия легенды утверждает, что по прошествии нескольких месяцев, почувствовав, что она беременна, царица Савская засобиравлась домой. На прощание царь Соломон подарил ей кольцо со своей руки и велел, если родится мальчик, прислать к нему сына вместе с этим кольцом.

Своего сына царица назвала Байне Лекхемом, и когда мальчик подрос, он стал донимать мать вопросами о том, кто его отец. Царица долго отнекивалась, но однажды рассказала сыну о своем романе с царем Соломоном и о его прощальном подарке. И когда Байне Лекхему исполнился 21 год, он отправился к отцу в Иерусалим, где и был с любовью принят Соломоном. Причем принц был так внешне похож на отца, что Соломон признал в

нем сына еще прежде, чем тот протянул заветное кольцо. Байне Лекхем был помазан на царствование своей страной в Иерусалимском храме, после чего вернулся на родину. Однако, уезжая от гостеприимного отца, утверждает эта легенда, Байне Лекхем выкрал и взял с собой главную еврейскую святыню — Ковчег Завета — и доставил его в Эфиопию, а вместо него положил в Святая святых искусную копию.

После смерти матери Байне Лекхем, вошедший в историю как «нгусэ негест» («царь царей») — Менелик I, утвердился на престоле, прервав таким образом традицию, по которой Эфиопией правила женщина, и положив начало династии эфиопских царей, ведущих свой род от царя Соломона. Потомки Соломона, как считается, и правили Эфиопией до 1855 года (с конца VIII века — чисто номинально). На их гербе был изображен лев — символ Иерусалима и колена Иуды, к которому принадлежал Соломон.

Вместе с Менеликом, согласно легенде, в Эфиопию отправились первосвященник Азария и представители 12 знатных еврейских семей, под влиянием которых значительная часть населения Эфиопии приняла иудаизм. Уже после того, как жители Эфиопии приняли христианство, те, кто считал себя потомками Соломона, сохранили верность иудаизму и стали называться «фалаша» — «эфиопскими евреями». По одной из версий, именно к «фалаша» принадлежал прадед Александра Сергеевича Пушкина Абрам Ганнибал — и потому Петру понадобилось его крещение.

После возникновения христианства царица Савская стала героиней множества христианских легенд. В одной из этих легенд, заимствованной из арабской версии «Кебра Нагаст», царица идет к Соломону не по хрустальному полу, как в еврейском фольклоре, а по дереву, принесенному не откуда-нибудь, а из райского сада. Прикосновение к этому дереву чудесным образом исцеляет ее ногу, а позже, согласно легенде, из этого дерева был сделан крест, на котором распяли Христа.

По другой версии легенды, когда царица Савская направлялась к Соломону, она дошла до реки, через которую вместо моста было перекинута бревно. В этот момент ей было явлено пророчество о том, что из этого дерева будет сделан крест для Христа. Охваченная благоговейным страхом, царица решила переходить реку вброд, приподняв подол платья. И в тот миг, когда она вступила в воду, ее перепончатая нога превратилась в человеческую.

В ряде христианских источников царица Савская отождествляется с Сивиллой — прародительницей всех волшебников.

Многовековой налет вымысла, лежащий как на арабских и христианских, так и на еврейских легендах о царице Савской, очевиден. Но столь же очевидно и то, что за этим вымыслом стоят, вероятнее всего, вполне реальные события.

* * *

Как уже было замечено выше, по мнению большинства историков, возможность визита дипломатической миссии Савского царства в Иерусалим в X веке до н. э. весьма вероятна. Для Савы крайне важно было как защитить свою экономику от торговой экспансии Соломона и Хирама в Африке, так и заручиться наиболее выгодными условиями для пропуска своих караванов через Израильское царство в Сирию и Финикию. Хотя у нас нет однозначного подтверждения, что Савой в тот период правила женщина, учитывая распространенный в ней культ женских божеств, это тоже весьма вероятно. В то же время, как уже указывалось, нельзя исключать, что женщина, стоявшая во главе миссии, просто представилась царицей, получив на это право как полномочный представитель царя Савы.

Разумеется, слова о том, что путь от Савы до Израильского царства занял у царицы три года — не более чем художественное преувеличение. По всем оценкам, в эпоху царя Соломона дорога от Савы до Израильского царства должна была занять порядка двух месяцев, что, согласитесь, тоже совсем немало. С учетом этого факта эфиопская версия о том, что царица, покинув Иерусалим на четвертом-пятом месяце беременности, родила сына уже по прибытии на родину, выглядит вполне вероятной.

В волосатых ногах царицы тоже нет по большому счету ничего особенного: такие случаи гипертрихоза у женщин давно и хорошо известны в медицине, и наиболее приемлемым путем решения этой проблемы и в самом деле является только эпиляция.

Что касается загадок, то подобная игра была широко распространена на всем Древнем Востоке. Соломон, видимо, любил эту игру и играл в нее и с тирским царем Хирамом. Но Ривка Клюгер совершенно верно замечает, что одновременно за этой игрой стояла борьба за власть и за обладание чем-либо. «Если ты загадаешь кому-нибудь загадку, которую он не сможет отгадать, ты несомненно обрешь над ним власть, — поясняет она. — Более того, можно добавить, что, признаваясь в незнании ответа, человек подчиняется более могущественному знанию загадавшего загадку. Царица Савская провоцирует царя Соломона своими вопросами; нетрудно почувствовать,

что за этим скрывается соревнование двух волшебников, а это чрезвычайно важно.

Похоже, что за этой ширмой просматривается полустершийся, но не потерявший своего значения образ Сфинкса: дело не только в самих вопросах, перечисленных в легенде, которые отчасти похожи на загадки Сфинкса (запутанные вопросы об очень простых вещах), но и в том, что вопросы царицы Савской — испытание для Соломона. Согласно библейскому тексту, она приехала, чтобы “испытать его сложными вопросами”. Подобное испытание — архетип, и побежденный обязан платить, он должен отдать нечто, находившееся в его обладании, и плата может колебаться от какого-либо предмета до самой жизни побежденного¹.

Мы не знаем, действительно ли между царицей Савской и царем Соломоном возник бурный роман, как не знаем и того, действительно ли она забеременела от него будущим наследником престола (хотя, по некоторым версиям, именно это, помимо, экономических интересов, и было целью ее визита). Никакие исторические документы не подтверждают факта визита Менелика в Иерусалим и его отъезда в сопровождении сына первосвященника и свиты из знатных израильтян. И уж само собой нет никаких достоверных источников, подтверждающих «факт» кражи Менеликом Ковчега Завета. Но вот то, что абиссинцы на протяжении столетий исповедовали иудаизм и его влияние чувствуется в их жизни до сих пор — это и в самом деле неоспоримый факт.

«Абиссинцы, — писал Дэвид Бакстон, — в действительности считают себя настоящими преемниками Израиля, верят в происхождение их царского дома от царя Соломона и используют табот в их христианском богослужении, который символизирует Ковчег Завета. Они почитают Ветхий Завет так же сильно, как и Новый, и включили в свою социальную систему множество Моисеевых заповедей, взятых из Книги Левит и Второзакония. (Примерами могут служить диетические запреты, особенно на свинину; практика обряда обрезания на восьмой день от рождения; концепция ритуальной нечистоты, запрещающая появляться в церкви после сексуальных сношений и т. д.; практика женитьбы на вдове брата; практика применения телесных наказаний.)

В церкви тоже проявляется еврейское влияние, особенно в соблюдении правила двойной субботы (субботы и воскресенья). Существует и церковный танец абиссинцев, исполняемый дабтарами перед таботом (подобно тому как этот ритуал мог исполняться левитами перед Ковчегом Завета)...

¹ См.: Клюгер Р. Царица Савская в Библии и легендах.

Таким образом, не существует никакого сомнения относительно глубокого влияния Ветхого Завета на различные аспекты жизни абиссинцев, здесь чувствуется библейская атмосфера»¹.

Само это влияние наводит на мысль о том, что между Абиссинией и Израильским царством и в самом деле еще в глубокой древности существовали довольно тесные связи. И никакой другой версии зарождения этих связей, кроме как версии о визите царицы Савской в Иерусалим, у нас нет. В то же время, начиная с античного периода, связи эти просматриваются довольно четко.

Разумеется, история царицы Савской напрямую связана и с историей Эфиопии в целом, и с захватывающей историей эфиопских евреев в частности, но пересказ этой истории — тема для другой книги. Остается лишь сказать, что когда в 1991 году было решено вывезти большинство эфиопских евреев в Израиль, над кодовым названием для операции по их спасению из осажденной Аддис-Абебы никто долго не думал. Она была названа «Мивца “Шломо”» — «Операция “Соломон”».

Потомкам любвеобильного царя пришло время возвращаться на землю своего великого предка.

* * *

Завершая рассказ о таинственных взаимоотношениях Соломона и царицы Савской, автор считает несправедливым обойти в этой главе молчанием версию Иммануила Великовского — вне зависимости от того, как официальная наука относится к личности и трудам этого исследователя.

Как известно, Великовский отрицал общепринятую хронологию Древнего Египта, считая, что целые династии фараонов попросту выдуманы египтологами. В своей книге «Эдип и Эхнатон», развивая эту гипотезу, Великовский утверждает, что царица Савская — не кто иная, как правительница Египта Хатшепсут. То, что период правления Хатшепсут обычно датируется 1505—1484 годами до н. э., то есть, по мнению египтологов, между ней и Соломоном пролегалo порядка шестисот лет, Великовского не смущает. По его мнению, речь как раз и идет о тех самых шести столетиях, которые «возникли» в египетской истории благодаря фабрикации научных фактов.

Доказательство правоты своей точки зрения Великовский начинает уже с цитированного здесь Флавия: историк однозначно говорит, что царица Савская правила Египтом и Эфиопией, но единственной известной нам женщиной, которая и в самом деле являлась владычицей обеих этих стран, напоминает Великовский, является только Хатшепсут.

¹ Бакстон Д. Абиссинцы: Потомки царя Соломона. М., 2002. С. 27—28.

И уже затем Великовский делает следующий, с одной стороны, удивительно простой, а с другой — поистине сенсационный ход. Он утверждает, что имеется документальное подтверждение, что Хатшепсут и есть царица Савская, и этот документ — не что иное, как знаменитые росписи и надписи на стенах храма в Деир-эль-Бахри, описывающие путешествие царицы Хатшепсут в загадочный Пунт. Великовский отрицает общепринятую версию о том, что Пунт находился где-то в глубинах Африки, напоминая письмо некоего чиновника шестой династии, утверждавшего, что он в течение короткого времени «посетил Библос и Пунт одиннадцать раз». Если Библос и Пунт упоминаются рядом, делает логичный вывод Великовский, то значит, и расположены они были неподалеку друг от друга. Но местонахождение Библоса, этой древней столицы Финикии, хорошо известно — его руины располагаются в 18 километрах от современного Бейрута. А оттуда уже рукой подать до Акко, Яффо и других древних городов Финикии и Израильского царства! Кроме того, Великовский обращает внимание на то, что Пунт в египетских надписях называется также «Божественной страной», «страной Бога» и т. д., но так — «Землей обетованной Богом» и «Святой землей» называли свою страну именно древние евреи!

Далее, по версии Великовского, Хатшепсут отправляется к Соломону по Красному морю и прибывает в тот самый Елафский (ныне Эйлатский) порт, который Соломон построил для своих совместных торговых экспедиций с Хирамом.

«В нижнем углу барельефа в Деир-эль-Бахри, — пишет Великовский, — изображена пристань. Справа выступает “царский посланник” во главе своих воинов; слева приближается какой-то начальник. Линия воды с плавающей повсюду рыбой должна подчеркнуть, что место это находится на берегу. Начальник назван “начальником Пунта Переху” (или Парухом)...

...Парух, должно быть, был представителем Соломона в Идумее, возможно, идумеянином, его вассалом.

Среди двенадцати правителей царя Соломона — в последний период его царствования (когда некоторые из этих должностных лиц были его зятьями) — один был сыном Паруха (3 Цар. 4:17). Иосафат, сын Паруха, был правителем в Ецион-Гавере и Елофе; его отец, похоже, управлял этим же регионом»¹.

При этом в Елафе путешествие явно не закончилось, что следует из надписи на стене храма: «Я вел их (участников экспедиции) по водам и по земле...» — то есть далее, до Иеруса-

¹ Великовский И. Эдип и Эхнатон. Ростов н/Д., 1996. С. 149.

лима, путешествие продолжилось по земле. Сама экспедиция Хатшепсут включала в себя пять кораблей — их груз, по Великовскому, и был тем «большим богатством», которое привезла царица Савская-Хатшепсут в дар Соломону.

Далее Великовский начинает сравнивать тексты Третьей книги Царств и Второй книги Паралипоменон с текстами на барельефах египетского храма, и картина и в самом деле получается удивительная¹:

Барельеф Пунта	Библия
«При ее приезде царь принял ее особенно ласково, был с ней необычайно любезен и предупредителен и разрешил предложенные ею загадки, благодаря своему необыкновенному уму».	«Царица Савская, услышав о славе Соломона во имя Господа, пришла испытать его загадками. И пришла она в Иерусалим с весьма большим богатством: верблюды навьючены были благовониями, и великим множеством золота и драгоценными камнями; и пришла она к Соломону и беседовала с ним обо всем, что было у нее на сердце» (3 Цар. 10:1—2).
Царица восславила «невероятные чудеса, которые с нею произошли», и написала: «Ничего подобного не происходило при всех богах, которые прежде были с самого начала».	«И увидела царица Савская всю мудрость Соломона... И не могла она более удержаться» (3 Цар. 10:4—5).
«Об этом передавалось из уст в уста, от молвы предков...»	«И сказала царю: верно то, что я слышала в земле своей о делах твоих и о мудрости твоей...» (3 Цар. 10:6).
«Это величественный край земли Бога. Это действительно место, меня восхитившее... Я прониклась к ним любовью, которую они могут отдать во хвалу тебе».	«Блаженны люди твои и блаженны сии слуги твои, которые всегда предстоят пред тобою и слышат мудростью твою! Да будет Благословен Господь, Бог твой, Который благоволил посадить тебя на престол Израилев! Господь по вечной любви Своей к Израилю поставил тебя царем творить суд и правду» (3 Цар. 10:8—9).
«Подсчет количества предметов, сложение его в миллионы, сотни тысяч, десятки тысяч, прием чудесных подарков Пунта».	«И царь Соломон дал царице Савской все, чего она желала и чего просила сверх того, что подарил ей царь Соломон своими руками...» (3 Цар. 10:13).

¹ См.: Там же. С. 154—162.

<p>«Груз судов с большим количеством чудесных даров из земли Пунт, со всеми славными деревьями Божественной земли, пучками камедного дерева и зеленого древа анти, с эбонитом, с чистой слоновой костью, с зеленым золотом земли Аму, с деревом корицы, с деревом кезит, с бальзамом, канифолью, с цинноцефалами, обезьянами, борзыми собаками, со шкурами южных пантер, с обитателями (южной) страны и их детьми. Никогда не привозилось всякой всячины с тех пор, как существует мир».</p>	<p>«Ибо у царя был на море Фарсисский корабль... привозивший золото и серебро, и слоновую кость, и обезьян, и павлинов» (3 Цар. 10:22).</p>
--	---

Таким образом, по Великовскому, Соломон щедро поделился с царицей богатством и диковинными животными, доставляемыми ему из Африки, и именно появление этих животных на фресках и привело к ошибочному выводу, что Пунт находился в Африке.

Великовский обращает также внимание и на то, что нигде на египетских барельефах Пунт не называется иностранным государством, и это тоже понятно с точки зрения данной версии: Хатшепсут вполне могла считать Израильское царство чем-то вроде своей вассальной территории. Наконец, вспомним, что царица Савская в легенде поклоняется богу Солнца, но именно поклонницей бога Солнца Ра была и Хатшепсут. И последний удар: на многих барельефах она изображается... с бородой, то есть египетская царица отличалась повышенной маскулинностью — как и царица Савская в легендах!

Само ивритское словосочетание «малкат Шеба», был убежден Великовский, следует переводить не как «царица Савская», а предельно близко к оригиналу: «царица Шева». А «Шеба» — это не что иное, как две последние буквы имени Хатшепсут — с учетом, что конечное «т» не произносилось.

Совпадений между образом царицы Савской и царицей Хатшепсут, согласитесь, получается слишком много, чтобы свести их к случайности. И в то же время пока не будет подтверждена главная идея Великовского об ошибочности хронологии Древнего Египта, никто не будет воспринимать всерьез и другие его теории.

Глава шестая **ГРОЗОВЫЕ ОБЛАКА**

Сорок лет правления царя Соломона принято представлять как период мира и благоденствия, когда евреи забыли о войнах и жили, наслаждаясь мирным трудом, не зная нищеты и голода. На деле это было не совсем так, а некоторые исследователи считают, что и совсем не так. Да и Библия, в общем-то, не скрывает этого.

Как уже отмечалось, покоренные евреями во времена Давида народы находились в дискриминированном положении по сравнению с евреями, и в период Соломона эта дискриминация усилилась за счет введения новых налогов и трудовых повинностей, от которых евреи были освобождены. Немудрено, что время от времени эти народы поднимали бунты, которые Соломону приходилось жестоко подавлять. Причем наиболее серьезная угроза для его империи возникла сразу на двух ее окраинах — в Идумее и Сирии.

«И возвиг Господь противника на Соломона, Адера Идумейянина, из царского Идумейского рода. Когда Давид был в Идумее, и военачальник Иоав пришел для погребения убитых и избил весь мужеский пол в Идумее, — ибо шесть месяцев прожил там Иоав и все Израильтяне, доколе не истребили всего мужеского пола в Идумее, — тогда сей Адер убежал в Египет и с ним несколько Идумеян, служивших при отце его; Адер был тогда малым ребенком. Отправившись из Мадиама, они пришли в Фаран, и взяли с собою людей из Фарана и пришли в Египет к фараону, царю Египетскому. Он дал ему дом, и назначил ему содержание, и дал ему землю. Адер снискал у фараона большую милость, так что он дал ему в жены сестру своей жены, сестру царицы Тахпенесы. И родила ему сестра Тахпенесы сына Генувата. Тахпенеса воспитывала его в доме фараономом; и жил Генуват в доме фараономом вместе с сыновьями фараономыми. Когда Адер услышал, что Давид почил с отцами своими и что военачальник Иоав умер, то сказал фараону: отпусти меня, я пойду в свою землю. И сказал ему фараон: разве ты нуждаешься в чем у меня, что хочешь идти в свою землю? Он отвечал: нет, но отпусти меня» (3 Цар. 11:14—22).

В сущности, перед нами — личная и политическая драма, которая еще не раз будет повторяться на протяжении всей человеческой истории.

Идумеяне (эдомитяне) и евреи были близкородственными народами, что не мешало им, мягко говоря, не любить друг друга. В ходе своих завоевательных походов Давид покорил Идумею, но ее народ не желал смириться с участью побежден-

ных. В то самое время, когда Давид и главнокомандующий его армией Иоав вели войну на два фронта — с аммонитянами и сирийцами одновременно, в Идумее был поднят мятеж. Восставшие перебили немногочисленные еврейские гарнизоны и бросили трупы израильтян на съедение птицам и зверям.

Эти события вынудили Иоав прервать военную кампанию и бросить свои основные силы в Идумею. Похоронив убитых товарищей («...и военачальник Иоав пришел для погребения убитых»), Иоав начал огнем и мечом расправляться с мятежниками. При этом израильтяне убивали исключительно тех, кто оказывал им вооруженное сопротивление, и именно так следует, по мнению комментаторов и историков, понимать фразу «и избил весь мужеский пол в Идумее».

Шесть долгих месяцев ушло у Иоав на войну с действовавшими партизанскими методами идумеями и создание в этой провинции новых, куда более мощных, чем прежде, охранных гарнизонов. Наконец, после гибели царя Идумеи, видимо, руководившего этим восстанием, оставшаяся в живых часть его войска, признав свое поражение, вместе с маленьким принцем Адером (Ададом) бежала через Синайский полуостров в Египет.

Фараон, разумеется, сразу же понял, что горящие жаждой реванша эмигранты могут стать выгодными союзниками в случае возможной войны с Давидом и пригодиться в будущем для создания марионеточного Идумейского государства, играющего роль буфера между Египтом и Израильским царством. Именно поэтому он дал приют идумеям, оказал Адери полагающиеся ему царские почести и фактически создал при своем дворе идумейское правительство в изгнании.

Шли годы. Адер рос, одержимый ненавистью к захватчикам-израильтянам и мечтой вернуть себе трон отца. При этом фараон продолжал всячески привечать принца и даже отдал ему в жены свояченицу, а его детей воспитывал вместе с собственными детьми, то есть тоже как принцев. Известие о гибели Давида, воцарении малолетнего Соломона и последовавшей вскоре после этого казни Иоав привело Адера к мысли, что пришло время для исполнения его заветных мечтаний. Адер стал просить фараона разрешить ему пуститься в военный поход для освобождения своей родины и, разумеется, рассчитывал, что владыка Египта пошлет вместе с ним и часть своей армии.

Однако, если придерживаться принятой в академических кругах датировки и считать, что фараоном в тот момент и в самом деле был последний представитель XXI династии Сиа-мун, то он был слишком слаб для такой авантюры. Вдобавок ко всему вскоре между Сиамуном и Соломоном начались ин-

тенсивные переговоры, завершившиеся политическим союзом и объявлением о браке еврейского царя с дочерью фараона. Нам остается только догадываться, какие интриги плел Адер, чтобы предотвратить такое развитие событий, означавших крушение всех его надежд.

Разумеется, после превращения Соломона в куда более близкого родственника фараона, чем Адер, заключения между двумя монархами военного и экономического союза фараон никак не мог одобрить поход идумеев на земли своего зятя. Но если эта версия и датировка этих событий верны, то в 945 году до н. э. ситуация должна была коренным образом измениться. Именно в том году Сиамуна сменяет на египетском троне первый фараон XXII династии Шешонк (Сусахим). Не испытывающий никаких сантиментов по отношению к Соломону, более того — крайне недовольный его торговой экспансией в Африке и на Аравийском полуострове, которые египтяне всегда считали своей зоной влияния, Шешонк поддержал решимость Адера отвоевать престол и дал «добро» на военный поход против Израильского царства.

Флавий утверждает, что Адер так и не сумел найти поддержки своим планам среди местного населения, а без этого справиться с оставленными еще Иоавом и достаточно многочисленными еврейскими гарнизонами было невозможно. Не говоря уже о том, как все могло обернуться, если бы Соломон послал на помощь гарнизонам регулярные части с их колесницами. Поняв обреченность своего предприятия, Адер бежал в Сирию, где нашел новых союзников.

Однако, как всегда, находятся историки, оспаривающие эту точку зрения Иосифа Флавия. По их мнению, во второй раз восстание, поднятое Адером, оказалось удачным. Это, считают они, следует из самого строя библейского текста, разбросанных по нему намеков (прежде всего, из фразы о том, что Адер «причинил зло» Соломону), а также из того, что в конце своего правления Соломон прекращает отправку кораблей в Африку через Красное море. Объяснить это можно только одним: Адер вывел Идумею из подчинения Соломону и тем самым отсек израильтян и от медных рудников Тимны, и от Эйлатского порта. Что, соответственно, вернуло египтянам их бывшее господство над Красным морем.

* * *

Еще одним «сатаном» — «противником, ненавистником» — царя Соломона в регионе стал некий Разон (Резон), сын Елиады (Эльяды). Вот как об этом повествует Библия:

«И воздвиг Бог против Соломона еще противника — Разона, сына Елиады, который убежал от государя своего Адраазара, царя Сувского, и, собрав около себя людей, сделался начальником шайки, после того, как Давид разбил Адраазара; и пошли они в Дамаск, и водворились там, и владычествовали в Дамаске. И был он противником Израиля во все дни Соломона. Кроме зла, причиненного Адером, он всегда вредил Израилю и сделался царем Сирии» (3 Цар. 11:23—25).

Этот отрывок в оригинале синтаксически крайне запутан, и понимать его можно по-разному. Флавий это понял так, что Адер, потерпев поражение в Идумее, бежал в Сирию, там скоперировался с Разоном, затем захватил Дамаск и стал в нем царем. Однако достаточно взглянуть на карту, чтобы понять, насколько нереально было бежать из Идумеи в Египет через все еврейские земли, а Адер явно не был самоубийцей.

Поэтому куда более логичной кажется иная трактовка этих событий. Имя Адраазара (Ададэзера) хорошо знакомо читателю Библии по «Второй книге Самуила» (в синодальном переводе — Вторая книга Царств). Это — тот самый царь Сувы (Цовы), который был убит царем Давидом при взятии этого города. Разон был его вельможей, видимо, одним из немногих придворных Адраазара, которым удалось спастись и скрыться в окрестных лесах. Здесь он создает свою партизанскую армию, которая время от времени совершает набеги на израильские гарнизоны, а когда эта армия стала достаточно многочисленной и боеспособной, освобождает Дамаск и объявляет себя его царем. И уже с Дамаска Разон начинает освобождение всей Сирии. Не исключено, что после этого Разон и Адер заключили между собой союз, призванный скоординировать их действия против Израильского царства.

Но примечательно другое: нигде в Библии мы не находим даже намека на то, что Соломон каким-либо образом попытался отвоевать у Разона потерянную им стратегически крайне важную территорию Сирии. Нет, Соломон предпочел не ввязываться в войну, остаться «мирным царем», а колоссальные убытки от потери налогов и таможенных пошлин, которые повлекла за собой утрата Дамаска, компенсировать расширением оставшегося под его властью Тадмора-Пальмиры и привлечения в него караванов в обход Дамаска.

Но насколько мудрой была такая политика?

Безусловно, война Давида с населявшими Сирию арамеями начиналась как вынужденная (последние выступили на помощь Аммону, опасаясь усиления Давида и стремясь нанести превентивный удар), но именно обретение Сирии позволило надежно укрыть земли еврейских колен от внешних врагов

и обеспечивало Израильскому царству ключевую позицию в регионе. Отказ от Сирии и Идумеи, снова ставших самостоятельными и вдобавок откровенно враждебными государствами, вне сомнения, поставил под угрозу безопасность всех земель, населенных двенадцатью коленами Израиля. Кроме того, столь легко доставшиеся идумеянам и сирийцам победы не могли не внушить им мысль о слабости Израильского царства и не подвигнуть их на новые войны — такой была психология народов того времени. На Ближнем Востоке она, в принципе, остается таковой и в наши дни¹.

Таким образом, отказ Соломона от войны, нежелание ответить на брошенный ему вызов был, по меньшей мере, недальновидным шагом. По большому же счету, если следовать мнению историка Натана Шора, бездействие Соломона свидетельствовало о том, что к концу своего правления он окончательно утратил чувство реальности, погряз в роскоши и пороках настолько, что перестал заниматься государственными делами. Армия Соломона, продолжает Шор, была деморализована многолетним бездействием и, как следствие, неспособна противостоять сколько-нибудь сильному противнику. Все это и предопределило будущую горькую участь Еврейского государства, и ответственность за это несет именно Соломон, убежден Шор².

* * *

Утрата Дамаска и Идумеи, резко ограничив доходы от внешней торговли, не могла не сказаться на экономическом положении государства. Казна Соломона стремительно пустела. Тем не менее он продолжал жить в роскоши, содержать конницу и одновременно вести интенсивное строительство новых городов, получая от тирского царя Хирама стройматериалы и пользуясь услугами его мастеров. Когда же стало ясно, что Соломон не в состоянии покрыть долги Хираму, отношения между старыми друзьями явно напряглись.

Видимо, необходимостью покрыть долги и объясняется то, что Соломон решил передать Хираму 20 «городов» Галилеи, большинство из которых располагалось в землях колена

¹ Не исключено, что Соломон все же отвоевал у Разона часть Сирии, которая в Библии называется Емаф-Сува (Арам-Цува), и таким образом обеспечил себе свободный проход к Тадмору. Именно так ряд комментаторов трактуют слова «И пошел Соломон на Емаф-Сува и взял его» (2 Пар. 8:3). Однако другие авторы считают, что речь идет о подавлении восстания, которое вспыхнуло в этой области Сирии в первые годы правления Соломона.

² См.: Шор Н. История Земли Израиля от праистории до наших дней. Тель-Авив, 1998. С. 60.

Асира. Непонятно, на каких именно условиях Соломон передавал эти «города», но, вероятнее всего, речь шла о долгосрочной аренде, причем под «городами» подразумевались деревни с прилегающими к ним сельскохозяйственными угодьями.

Так как Тир страдал от дефицита плодородной земли и жил на импортные продукты питания, то Хирам поначалу с радостью согласился на такую форму уплаты долга. Однако, прибыв для осмотра подаренных ему «городов», он быстро обнаружил, что Соломон его попросту надул: все они стояли на песчаных, малопригодных для ведения сельского хозяйства землях.

«...Царь Соломон дал Хираму двадцать городов в земле Галилейской. И вышел Хирам из Тира посмотреть города, которые дал ему Соломон, и они не понравились ему. И сказал он: что это за города, которые ты, брат мой, дал мне? И назвал их землею Кавул, как называются они до сего дня» (3 Цар. 9:11—13).

После того как Хирам демонстративно вернул Соломону его 20 городов, отношения между монархами еще больше ухудшились, хотя, видимо, потом Соломон каким-то образом сумел задобрить старого партнера и друга.

По одной из версий, Соломон попросту проиграл Хираму эти города, играя с ним в «загадки»: в ту самую игру, в которую он играл с царицей Савской и ставкой в которой, как уже писалось, могло быть что угодно — не только отдельные города-деревеньки, но и полцарства, а то и все царство¹.

Флавий отрицает, что ставкой в этой игре были города, но при этом предоставляет нам достаточно подробные сведения о ней с цитатами из финикийских летописей:

«Впоследствии царь Тира стал посылать Соломону различные хитрые загадки в форме запросов, прося отгадать их и тем помочь ему в его затруднении при решении этих задач. Но так как Соломону, при его необыкновенной даровитости, это не представляло никакой трудности, то он с легкостью отгадывал все их и свободно раскрывал тайный смысл этих задач. Об этих сношениях указанных двух царей упоминает также и Менандр, переводчик тирских летописей с финикийского языка на греческий, и сообщает следующее:

“После смерти Абибала царство перешло к его сыну Хираму, который прожил пятьдесят три года и был из них царем в

¹ Радак в своих комментариях утверждает, что Соломон отнюдь не подарил эти города Хираму — речь шла о равноценном обмене территориями между двумя государствами. При этом он обращает внимание на слова Библии «Соломон обстроил и города, которые дал Соломону Хирам, и поселил в них сынов Израилевых» (2 Пар. 8:2). Судя по всему, пишет Радак, Соломон дал Хираму 20 небольших городов и получил от него 20 городов. Но если Хирам эти города посчитал «потерянными» («кавул») и оставил их стоять заброшенными, то Соломон полученные таким образом города отстроил и заселил людьми.

продолжение тридцати четырех лет. Он расширил посредством насыпей место, носящее название Еврихора, поставил в виде жертвенного дара золотую колонну в храме Зевса, лично отправился в рошу и приказал рубить на горном хребте Ливанском материал для сооружения крыши (иерусалимского) храма. Он же велел срыть старые капища и воздвиг храмы в честь Геракла и Астарты и первым установил праздник воскресения Геракла в месяце Перитии. Он же пошел походом против отказавшихся платить дань итикийцев и вернулся назад после их покорения. При нем жил Абдимон, который, хотя и был гораздо моложе, всегда отлично решал задачи, предлагавшиеся царем иерусалимским Соломоном". Об этом имеется также упоминание у Дия, гласящее следующим образом:

"После смерти Абибала на царский престол вступил его сын Хирам... <...> Сообщают, что иерусалимский царь Соломон посылал Хираму загадки и предлагал ему обмениваться загадками с тем, чтобы тот, кто не в состоянии будет их разрешить, уплачивал разгадчику денежную пеню. Так как Хирам, согласившийся на эти условия, не был в состоянии разрешить предложенные загадки, то ему пришлось расплатиться в виде пени большей частью своих сокровищ. Но потом некий тирянин, Абдимон, решил загадки и от себя предложил Соломону целый ряд других, которых Соломон не мог разгадать, так что был принужден приплатить Хираму еще много пени от своих сокровищ". Таково сообщение Дия¹.

Как видим, Хирам и Соломон превратили разгадывание загадок в куда более азартную игру, чем карточная. Не исключено, что Соломон таким образом пытался поправить свои дела, но это ему не удалось. Но самое главное заключалось в том, что все эти внешние неурядицы были лишь отражением глубокого внутреннего кризиса, поразившего Израильское царство.

* * *

Библия в качестве главной причины раскола Израильского царства называет гнев Всевышнего за грехи Соломона и, прежде всего, его потворство культам языческих богов своих нееврейских жен. И здесь мы вынуждены вновь повторить уже приводившуюся выше цитату:

«И полюбил царь Соломон многих чужестранных женщин, кроме дочери фараоновой: Моавитянок, Аммонитянок, Идумеянок, Сидонянок, Хеттеянок, из тех народов, о которых Господь сказал сынам Израилевым: "не входите к ним, и они

¹ *Иосиф Флавий. Иудейские древности. С. 333.*

пусть не входят к вам, чтобы они не склонили сердца вашего к своим богам"; к ним прилепился Соломон любовью. И было у него семьсот жен и триста наложниц; и развратили жены его сердце его. Во время старости Соломона жены его склонили сердце его к иным богам, и сердце его не было вполне предано Господу Богу своему, как сердце Давида, отца его. И стал Соломон служить Астарте, божеству Сидонскому, Милхому, мерзости Аммонитской. И делал Соломон неудобное пред очами Господа, и не вполне последовал Господу, как Давид, отец его. Тогда построил Соломон капище Хамосу, мерзости Моавитской, на горе, которая пред Иерусалимом, и Молоху, мерзости Аммонитской. Так сделал он для всех чужестранных жен, которые кадили и приносили жертвы своим богам. И разгневался Господь на Соломона за то, что он уклонил сердце свое от Господа Бога Израилева, Который два раза являлся ему и заповедал ему о том, чтобы он не следовал иным богам; но он не исполнил того, что заповедал ему Господь. И сказал Господь Соломону: за то, что так у тебя делается, и ты не сохранил завета Моего и уставов Моих, которые Я заповедал тебе, Я отторгну царство от тебя и отдам его рабу твоему; но во дни твои Я не сделаю сего ради Давида, отца твоего; из руки сына твоего исторгну его; и не все царство исторгну: одно колено дам сыну твоему ради Давида, раба Моего, и ради Иерусалима, который Я избрал» (3 Цар. 11:1—13).

По мнению комментаторов, пророчество, а точнее, приговор, вынесенный Всевышним, Соломону передал пророк Ахия. При этом сам характер приговора обусловлен тем, что Бог остается верным слову, которое Он дал Давиду: «Когда же исполнятся дни твои, и ты почиешь с отцами твоими, то Я восставлю после тебя семя твое, того, который произойдет из чресл твоих, и упрочу царство его» (2 Цар. 7:12).

Обещание же вечности права потомков Давида на царство теперь приобретает эсхатологический характер — оно исполнится, но исполнится в конце времен, через Мессию из рода Давидова.

Под «одним коленом», которое Господь решил оставить под короной потомка Соломона, явно подразумевается колено Иуды, однако его земли вместе с Иерусалимом включали в себя и земли колен Симона и Вениамина, так что, по сути дела, речь идет не об одном, а о «двух с половиной коленах».

Но если даже отбросить в сторону все теологические рассуждения о великом грехе впадения в язычество, которое допустил Соломон...

Если даже попытаться встать в позу его защитников из числа раввинистических авторитетов, утверждающих, что «Соло-

мон был настолько праведен и мудр, что не нам, простым людям, судить о его грехах»...

Если даже последовать примеру других поклонников Соломона, видящих в нем первого космополита, великого либерала и плюралиста...

Все это не отменит того неопровержимого исторического факта, что к концу дней Соломона в народе не могло не нарастать недовольство его правлением.

Соломон упорно не желал замечать, что уже упоминавшийся разрыв в уровне жизни между столицей и провинцией увеличивался год от года. С одной стороны, благодаря многим годам мира, расцветшей торговле, строительству водохранилищ на случай засухи, стремительному вхождению Израильского царства в Железный век в стране почти никто не голодал, но с другой — тем больше бросалось в глаза то, что экономисты назовут потом «относительным обнищанием масс». В то время, когда жители Иерусалима без особых трудовых затрат (по меньшей мере, с точки зрения крестьянина) жили в неге и роскоши, жители провинции должны были довольствоваться удовлетворением своих первичных нужд, платить немалые натуральные налоги и отбывать трудовую повинность, тратя на то и на другое последние жизненные силы.

Не мог не вызывать возмущения — не только у священнического сословия, но и у простого народа — и образ жизни царя, открыто нарушающего Закон, которому он должен был беспрекословно следовать. Построенные женами Соломона на Масличной горе, совсем неподалеку от Иерусалимского храма, капища Хамоса (Кмоша) и Молоха были прямым вызовом идее монотеизма, и весь народ ждал, когда же Всевышний за это покарает царя. То, что Соломон продолжал жить и благоденствовать, израильтяне, вероятнее всего, объясняли тем обетом, который Господь дал Давиду и о котором Давид на второй коронации Соломона поведал людям.

В такой атмосфере в народных массах рано или поздно должен был появиться харизматический лидер, который попытался бы предъявить свои претензии на трон. Этим лидером и стал Иеровоам (Яровам), сын Навата.

* * *

История жизни Иеровоама уникальна и типична одновременно — это еще одна история человека, сумевшего благодаря своему уму и таланту подняться «из глубин» на самую вершину власти.

Принадлежавший к колену Ефрема Иеровоам был выход-

цем из знатной семьи, но мать его рано овдовела, так что он еще в детстве стал сиротой и познакомился с нуждой и бедностью. Видимо, еще совсем молодым человеком вместе с другими юношами из своего колена он был направлен на отбывание трудовой повинности по строительству стен Иерусалимского храма. Здесь Иеровоам быстро обратил на себя внимание своими лидерскими качествами и организаторскими способностями и вскоре был назначен бригадиром. Наконец, в один из дней на него обращает внимание приехавший инспектировать стройку сам царь Соломон, и он назначил Иеровоама «начальником» (прорабом) над тысячами рабочих, возводивших стены Иерусалима и закладывавших фундамент для будущего царского дворца.

Следующей ступенькой на пути Иеровоама к власти стало его назначение — опять-таки по прямому указанию Соломона! — «надсмотрщиком над всеми работниками из дома Иосифа». В этом качестве Иеровоам надзирал за тем, как отбывают свою трудовую повинность на строительных работах колена Ефрема и Манассии. При этом он, с одной стороны, ревностно следил за тем, чтобы представители этих колен добросовестно делали порученное им дело, а с другой — защищал их интересы, постепенно становясь их признанным лидером.

Первое открытое столкновение Иеровоама с Соломоном произошло после его брака с дочерью фараона: Иеровоам позволил себе вслух критиковать Соломона за то, что тот едва не проспал утреннее богослужение.

В эти дни и произошла встреча Иеровоама с пророком Ахией, предопределившая всю его последующую судьбу.

«В то время случилось Иеровоаму выйти из Иерусалима; и встретил его на дороге пророк Ахия Силомлянин, и на нем была новая одежда. На поле их было только двое. И взял Ахия новую одежду, которая была на нем, и разорвал ее на двенадцать частей, и сказал Иеровоаму: возьми себе десять лоскутков, ибо так говорит Господь Бог Израилев: “вот, Я исторгая царство из руки Соломоновой и даю тебе десять колен, а одно колено останется за ним ради раба Моего Давида и ради города Иерусалима, который Я избрал из всех колен Израилевых. Это за то, что они оставили Меня и стали поклоняться Астарте, божеству Сидонскому, и Хамосу, богу Моавитскому, и Милхому, богу Аммонитскому, и не пошли путями Моими, чтобы делать угодное пред очами Моими и соблюдать уставы Мои и заповеди Мои, подобно Давиду, отцу его. Я не беру всего царства из руки его, но Я оставляю его владыкою на все дни жизни его ради Давида, раба Моего, которого Я избрал, который соблюдал заповеди Мои и уставы Мои. Но возьму царство из руки сына

его и дам тебе из него десять колен; а сыну его дам одно колено, дабы оставался светильник Давида, раба Моего, во все дни пред лицом Моим, в городе Иерусалиме, который Я избрал Себе для пребывания там имени Моего. Тебя Я избираю, и ты будешь владычествовать над всем, чего пожелает душа твоя, и будешь царем над Израилем; и если будешь соблюдать все, что Я заповедую тебе, и будешь ходить путями Моими, и делать угодное пред очами Моими, соблюдая уставы Мои и заповеди Мои, как делал раб Мой Давид, то Я буду с тобою, и устрою тебе дом верный, как Я устроил Давиду, и отдам тебе Израиль...”» (3 Цар. 11:29—38).

Некоторые комментаторы считают, что эта встреча пророка Ахии и Иеровоама состоялась в дни, когда Соломон праздновал свадьбу с дочерью фараона. Пророк, разъясняют они, был в новой одежде потому, что находился в числе гостей на этой свадьбе. Но Ахия покинул свадебный пир, взбешенный как самим браком царя с иноземкой и языческим характером свадьбы, так и тем, что Соломон, в отличие от своего отца Давида, не желал прислушиваться к советам пророков. В крайне расстроенных чувствах Ахия вышел из города и встретил решившего отправиться в отпуск домой Иеровоама.

Другие комментаторы убеждены, что эта встреча произошла позже, но явно после какого-то праздника — иначе опять-таки Ахия не был бы в новых одеждах. Разрыв одежды как символ разрыва царства уже до этого встречался в Библии — когда Давид тайно отсек в пещере полу царского плаща Саула. Но если Давид не осознавал всей символичности этого своего поступка, то Ахия его, безусловно, сознает.

Разумеется, взгляды комментаторов Писания и историков на вышеприведенную сцену расходятся.

С точки зрения религиозного человека, совершенно не важно то обстоятельство, что сам Ахия как ревнитель монотеизма был недоволен Соломоном. В момент встречи с Иеровоамом он лишь открывает последнему то, что ему было открыто в пророчестве: за грехи Соломона Бог оставит во владении его сына земли только двух колен, а царем остальных десяти станет Иеровоам.

При этом с теологической точки зрения крайне важно то, что Иеровоам принадлежал к колену Ефремову, то есть являлся потомком Иосифа. Тут следует вспомнить, что праотец еврейского народа Иаков изначально собирался жениться на Рахили, а ее сестру Лию за него выдали обманом. Согласно еврейской мистике, первенцем Иакова должен был стать именно Иосиф. Ему же была уготована участь «царя», то есть главы над братьями — если бы все случилось так, как изначально

хотел Иаков. То, что Иосиф родился у Рахили, когда Лия была уже многолетней матерью, а затем, после скандала между Иаковом и Рувимом, старшим над братьями стал Иуда, не отменяет «потенциала первенца» Иосифа и сохраняет за его потомками право на царскую власть. Вот почему, решив отобрать значительную часть царства у потомков Соломона, Всевышний передает ее именно потомку Иосифа — Иеровоаму¹.

Однако, повторим, с точки зрения рационального историка вся эта сцена выглядит совершенно по-другому. Ахия выступает в ней представителем тех кругов священнослужителей, которые (и небезосновательно) были разочарованы политикой Соломона, оказавшегося куда менее ревностным и верным слугой Всевышнего, чем его великий отец. В этих кругах постепенно начинала вызревать идея заговора. При этом противники Соломона не могли не понимать, что колено Иуды вряд ли поднимется против царя, так как оно чрезвычайно довольное предоставленными ему привилегиями. Но вот недовольство провинции, глухой ропот десяти колен вполне можно было использовать для восстания.

Для воплощения этого плана в жизнь заговорщикам нужен был харизматичный лидер, и в его поисках они обратили внимание на сделавшего стремительную карьеру Иеровоама. То, что он фактически уже стоял во главе двух колен, являвшихся потомками Иосифа, лишь усиливало шансы на то, что народ примет его в качестве претендента на престол.

Для сторонников этой точки зрения встреча Ахии и Иеровоама за стенами Иерусалима, да еще без свидетелей («на поле их было только двое»), была отнюдь не случайной. По всей видимости, Ахия назначил ее, чтобы посвятить Иеровоама в идею заговора и посмотреть, как тот на нее отреагирует. Не исключено, говорят они, что Ахия представил Иеровоаму свой замысел отторжения династии Давида от царства как данное

¹ Согласно мидрашу, Иеровоам был сыном Севея, сына Бихри, возглавившего новое восстание против Давида после подавления мятежа Авессалома. Севею, утверждает мидраш, дано было пророческое видение того, что его семья удостоится царства, но он не понял, что это относится к его сыну, а не к нему. За это Шива и получил имя «Набат» («Провидящий») — ему дано было видеть будущее, но он был не в состоянии правильно толковать увиденное. Идея о праве потомков Иосифа на царство претворяется и в еврейской эсхатологии. По распространенному в иудаизме взгляду, в конце времен все народы мира ополчатся на государство Израиль, которое возродится из пепла и в котором соберется весь еврейский народ. В ходе войны Иерусалим окажется осажденным армией народов мира, и тогда явится «Мессия из дома Иосифа». Он одержит несколько важных побед, но когда народ поверит в то, что он и есть истинный спаситель нации, этот мессия погибнет в бою. На его место и придет подлинный «Мессия из дома Давидова». При нем Бог открыто проявит Свою власть над миром, после чего начнется новая эра — когда «народы перекуют мечи на орала» и «будет на всей земле Бог один и имя Его едино».

ему пророчество и предупредил Иеровоама, что поддержка «партии Бога» будет обеспечена ему лишь в случае, если он проявит себя таким же ревнителем Всевышнего и Закона Моисеева, каким был Давид.

Но, так или иначе, ясно одно: разговор с Ахией оказал огромное впечатление на Иеровоама. Он мгновенно уверовал в свою миссию и стал жить мечтой о том дне, когда он воссядет на престоле. «Ободренный такими речами предсказателя и будучи по самому характеру своему юношей пылким и готовым на рискованные мероприятия, Иеровоам уже не был в состоянии успокоиться, но лишь только занял пост военачальника, вспомнил о предсказании Ахии и начал свои попытки склонить народ к отпадению от Соломона, причем побуждал народ передать ему, Иеровоаму, верховную власть»¹, — пишет Флавий.

Не исключено, что заговор Иеровоама зрел годами, а Соломон, ни о чем не догадываясь, продолжал возвышать его.

В итоге, если верить версии Септуагинты, Иеровоам был назначен начальником всех армейских гарнизонов в землях всех тех же колен Ефрема и Манассии и решил, что время исполнения пророчества пришло (хотя в пророчестве ясно сказано, что Иеровоам станет царем только после естественной смерти Соломона). Опираясь на эти два колена, Иеровоам поднял мятеж, но Соломон жестоко подавил его. «Соломон же хотел умертвить Иеровоама, но Иеровоам встал и убежал в Египет к Сусакиму, царю Египетскому, и жил в Египте до смерти Соломоновой» (3 Цар. 11:40).

Шешонку-Сусакиму было уже не впервой давать приют и оказывать покровительство врагам израильского царя, который чем дальше, тем больше раздражал его. Соломон, безусловно, не мог не понимать всей опасности, которую представлял для его трона «окопавшийся» в Египте Иеровоам (а также, вероятно, большая партия его сторонников), но предпринять против него ничего не мог — особенно с учетом того факта, что его отношения с Египтом к этому времени разладились окончательно.

* * *

Показательно, что мидраш, в отличие от Флавия и Септуагинты, отнюдь не приписывает Иеровоаму попытки вооруженного бунта, рисуя его одновременно прямым и честным человеком.

Финансовые дела Соломона, говорит этот мидраш, в значительной степени пошатнулись из-за чрезмерных желаний

¹ Иосиф Флавий. Иудейские древности. С. 340.

его жен и наложниц, требовавших себе все новых золотых украшений, благовоний, рабов и рабынь. Особенно непомерной была в этих требованиях дочь фараона, которой было мало того, что она жила в роскошном дворце и что даже ее рабыни ели на золотой посуде. Когда дворец дочери фараона перестал вмещать всех ее слуг и служанок, она потребовала построить для них еще один дворец, и Соломон отдал указание выполнить это ее желание.

Однако место, которое он определил для строительства нового здания, перекрывало ту дорогу, по которой в Иерусалим обычно шли паломники, и это возмутило руководившего строительными работами в столице Иеровоама.

Кипя от гнева, Иеровоам явился к царю и заявил, что его отец, царь Давид, никогда не позволил бы себе принять подобное решение, с одной стороны, создающее неудобства для народа, а с другой — оскорбляющее Всевышнего, к Которому народ идет поклониться. В заключение своей речи Иеровоам попросил Соломона отменить решение о строительстве нового дворца для прислуги царицы.

Соломон сначала отпустил Иеровоама восвояси, но затем, будучи взбешен его дерзостью, повелел арестовать и казнить главного «прораба». Узнав об этом, Иеровоам и бежал в Египет, но прежде встретился в окрестностях Иерусалима со своим учителем Закона пророком Ахией.

Таким образом, и согласно мидрашу, встреча эта была отнюдь не случайной. Ахия Силомлянин должен был передать Иеровоаму посланное ему пророчество о том, что Небесный суд решил, что Иеровоам, вступивший за Бога, достоин части царства Соломона. Вместе с тем, подчеркивает мидраш, на Небесах отнюдь не оправдывали ту дерзость, с какой Иеровоам позволил себе говорить с царем.

«По какому праву ты так говорил с Моим помазанником? — восклицает Господь в этом же мидраше. — Знай же, что когда Я отдам тебе часть его царства, ты окажешься куда менее достойным царем, чем Соломон!»¹

К этому времени дни Соломона были уже сочтены. На закате жизни он, если верить еврейским источникам, осознал всю тяжесть своих грехов и раскаялся в них. Во всяком случае, в третьей из предписываемых ему великих книг, в своих «Притчах» он предстает глубоко богобоязненным человеком и хранителем традиционных еврейских и общечеловеческих ценностей.

¹ Иеровоам вошел в историю как вероотступник, вернувший Израиль к языческим формам богослужения.

КНИГА КАК УЧЕБНИК ЖИЗНИ

«Притчи Соломона, сына Давидова, царя Израильского...» — так начинается Книга притчей Соломоновых, являющаяся в нашем сознании неотъемлемой частью библейского канона и служившая своеобразным нравственным компасом для многих поколений как евреев, так и христиан. Зачин этой книги вроде бы не оставляет никаких сомнений в том, что ее автором является сам царь Соломон, однако исследователи Библии, как уже догадался читатель, придерживаются по этому поводу несколько иного мнения.

Лингвистический анализ «Притчей» вскрывает разные временные пласты их языка. Самый ранний из них относится к X веку до н. э., то есть к периоду жизни Соломона, а самый поздний датируется едва ли не IV веком до н. э.

Таким образом, «Притчи» представляют собой не единую книгу, а некий сборник, своеобразную антологию морализаторских поучений, формировавшуюся на протяжении нескольких столетий. Об этом свидетельствует уже тот факт, что название книги дано во множественном числе. Хотя не исключено, что книга получила свое название «Притчи» просто по своему первому слову — подобная практика была принята в еврейской традиции.

В современной библеистике утвердилась точка зрения, согласно которой «Притчи» вобрали в себя семь различных сборников поучений, три из которых и в самом деле либо лично принадлежат Соломону, либо написаны его придворными. Первый такой сборник охватывает главы «Притчей» с первой по девятую; второй — главы с десятой по 22-ю (десятая глава также начинается со слов «Притчи Соломона...»), а третий — главы с 25-й по 29-ю, претерпевшие определенную редакцию во времена царя Езекии (25-я глава начинается словами «И это — притчи Соломона, которые собрали мужи Езекии, царя Иудейского...»).

Еще одна часть «Притчей», по мнению библеистов, является не самостоятельным сочинением, а переводом известного древнеегипетского сочинения «Поучения Аменемопе». Вероятнее всего, этот перевод также был сделан в период царствования Соломона и, возможно, по его прямому указанию — во всяком случае, интенсивный культурный обмен между Израильским царством и Египтом наблюдался только при Соломоне. При этом переводчик работал избирательно, оставляя неприкосновенными сентенции египетского мудреца, но отсеивая из его текста все, что противоречило идее

монотеизма. В результате, как указывает Й. Вейнберг, «из тридцати глав оригинала он отобрал и переводил только 16 речений из разных глав, те, что были созвучны с древнееврейской — яхвистской системой религиозно-этических ценностей и норм, такие, например, как “Остерегайся грабить подчиненного и причинять зло слабому”, “Не дружи с гневливым и не общайся с мужем вспыльчивым” и иные. Но он не переводил те речения, в которых древнеегипетские божества выступают как структурный компонент содержания или где возглашены специфические древнеегипетские религиозно-этические представления, например, о идеальном муже как о “муже тихом”, о божественной детерминированности человеческой жизни и деятельности. <...> Справедливость сказанного подтверждается также тем, как древнееврейский переводчик переводил древнеегипетский текст. Встречаются почти дословные переводы:

<p>Поучение Аменемопе</p> <p>Приклони ухо, прислушивайся к сказанному, обрати свое сердце, чтобы понять (1:9 и сл.).</p>	<p>Книга притчей Соломоновых</p> <p>Приклони ухо твое и прислушайся к словам мудрости, И обрати сердце свое, чтобы знать Меня (22:17).</p>
---	---

Но они сравнительно редки, преобладают переводы со значительными отклонениями от оригинала и дополнениями к нему... <...> Если, например, древнеегипетский мудрец мог ограничиться предупреждением “Остерегайся нарушать межи полей...” (VII:10 и сл.), то древнееврейский переводчик считал нужным добавить: “Ибо Защитник (Бог) их силен и Он оспорит твое дело” (23:10 и сл.)»¹.

30-я глава «Притчей» («Слова Агура, сына Иакеева...»), 1—9 речения 31-й главы («Слова Лемуила царя...») и величественный гимн-акrostих женщине-хозяйке дома, который представляют собой 10—31 стихи 31-й главы, по мнению исследователей, являются включенными в «Притчи» отрывками из каких-то не дошедших до нас сочинений древности².

Окончательное формирование книги «Притчей» большинство исследователей Библии относят к периоду царя Езекии, известного своей любовью к литературе и создавшего при своем дворе обширный бейт-мидраш — дом учения, или «школу мудрости». Не исключено, что книга «Притчей» использовалась в последней как учебное пособие.

¹ Вейнберг Й. Введение в Танах: Часть IV. Писания. С. 61—62.

² По одной из легенд, гимн-акrostих «Жену радетьельную кто найдет?» был написан еще пророком Самуилом в честь своей матери.

В то же время нельзя не упомянуть, что существуют и исследователи, убежденные, что «Притчи» были собраны именно Соломоном. При этом они ссылаются на известные слова Третьей книги Царств: И изрек он три тысячи притчей, и песней его было тысяча и пять...» (3 Цар. 4:32). К тому же тот факт, что в «Притчи» включены вольный перевод из древнеегипетского сочинения и высказывания нееврейских мудрецов Агура и Лемуила (Лемуэйла), также говорит в пользу этой версии — подобная широта взглядов была свойственна именно Соломону.

Любопытно, что хотя по самому своему настроению и «степени богобоязненности» «Притчи» вроде бы представляют собой полную противоположность «Екклесиасту», еврейские мудрецы поначалу колебались в вопросе о том, стоит ли включать их в канон Танаха. Часть мудрецов считала, что в «Притчах» есть речения, противоречащие друг другу по смыслу, что и делает их непригодными для канона. В качестве альтернативы этой книге предлагалось включить в канон книгу притчей Иисуса, сына Сирахова (Иешуа бен Сираха), но в итоге, видимо, решающую роль сыграл тот фактор, что «Притчи» были освящены авторитетом царя Соломона. К тому же они куда более глубоко отражали именно иудейскую систему жизненных ценностей, чем книга Иисуса, сына Сирахова, превратившаяся в итоге в один из самых популярных апокрифов.

* * *

Читатель, который впервые откроет Книгу притчей Соломоновых, наверняка удивится, обнаружив, что в ней почти не встречаются притчи в современном значении этого слова. Но дело в том, что слово «машаль», обычно переводимое на русский язык как «притча», в древнем иврите означало «краткое афористичное выступление», «нравоучение», «сентенция», или, если угодно, соответствовало заимствованному из английского и прижившемуся в русском языке слову «спич».

С первых же строк книги (автором которых с большой долей вероятности является именно Соломон) определяется ее цель: «Чтобы познать мудрость и наставление, понять изречения разума, усвоить правила благоразумия, правосудия, суда и правоты; простым датьмышленность, юноше — знание и рассудительность...» (Прит. 1:2—4).

И уже в первой же главе книги идет обращение от имени Премудрости (Хохмы), взывающей к людям и обещающей тем, кто будет следовать ее путями, долгую и счастливую жизнь:

«Премудрость возглашает на улице, на площадях возвышает голос свой, в главных местах собраний проповедует, при входах в городские ворота говорит речь свою...» (Прит. 1:20—21).

И это — не просто поэтический прием. Выделение Премудрости — Хохмы — в особую сущность, стоящую выше простого понимания («бина») или знания («дэа») о тех или иных явлениях, имеет глубокий эзотерический смысл. Это становится предельно ясно во втором монологе Премудрости, где она предстает как некая духовная сила, сотворенная Богом прежде сотворения материального мира:

«От века я помазана, от начала, прежде бытия земли. Я родилась, когда еще не существовали бездны, когда еще не было источников, обильных водою. Я родилась прежде, нежели водружены были горы, прежде холмов, когда еще Он не сотворил ни земли, ни полей, ни начальных пылинок вселенной. Когда Он уготовлял небеса, я была там. Когда Он проводил круговую черту по лицу бездны, когда утверждал вверху облака, когда укреплял источники бездны, когда давал морю устав, чтобы воды не переступали пределов его, когда полагал основания земли: тогда я была при Нем художницею, и была радостью всякий день, веселясь пред лицем Его во все время» (Прит. 8:23—30).

Учение об идеальных сущностях, в том числе о Мудрости, сотворение которых предшествовало Сотворению мира, в итоге стало одной из базовых составляющих как еврейской, так и христианской и мусульманской мистики. Вышеприведенный отрывок, с одной стороны, подтверждает уже высказанную на страницах этой книги мысль о том, что высшая мудрость Соломона заключалась в том, что он был, вероятно, одним из величайших мистиков своего времени, внесшим выдающийся вклад в сохранение и развитие древних эзотерических учений. Одновременно этот отрывок начисто опровергает расхожее мнение, что «Притчи» представляют собой сугубо «земную», исключительно рациональную книгу, содержащую практические советы на каждый день.

Эзотерический подтекст чувствуется и в неоднократно повторяющейся в «Притчах» мысли, что подлинная мудрость заключается «в познании Господа» и именно такая мудрость объявляется в «Притчах» высшей жизненной ценностью.

В целом «Притчи» утверждают еврейскую концепцию Бога как Абсолютно Справедливого во всех Своих проявлениях, Вершителя судеб всего мира и каждого человека. Соответственно высшей мудростью объявляется постижение законов Творца, следование этим законам с постоянным страхом их нарушить — что освобождает такого, полагающегося во всем на Бога, человека от всех остальных страхов и избавляет его от ошибок.

Вот только некоторые из содержащихся в «Притчах» сен-тенций на эту тему:

Начало мудрости — страх Господень...
(1:7)

Если будешь призывать знание и звать к разуму;
если будешь искать его, как серебра,
и отыскивать его, как сокровище,
то уразумеешь страх Господень
и найдешь познание о Боге.
Ибо Господь дает мудрость, из уст Его — знание и разум...
(2:3—6)

Не убоишься внезапного страха и пагубы
от нечестивых, когда она придет;
потому что Господь будет упованием твоим
и сохранит ногу твою от уловления...
(3:25—26)

«Притчи» провозглашают благом все, исходящее от Бога, включая и те беды и неурядицы, которые Он обрушивает на человека в качестве наказания, ибо наказание — одно из проявлений Его любви. Такой подход определен уже самим восприятием взаимоотношений Бога и человека как взаимоотношений отца и сына: ведь последний наказывается только в целях воспитания, а не ради самого наказания:

Наказания Господня, сын мой, не отвергай
и не тяготись обличением Его;
ибо кого любит Господь, того наказывает
и благоволит к тому, как отец к сыну своему.
(3:11—12)

Основной, многократно повторяемый лейтмотив «Притчей» заключается в том, что в итоге человек, ведущий праведную, высоконравственную жизнь, в любом случае выигрывает по сравнению с «нечестивым». Успех последнего — всегда обманчив и носит временный характер, в то время как следующего «путями Бога» человека всегда ждет награда, причем отнюдь не в загробном, а в этом мире. Награда эта не обязательно заключается в богатстве — она может проявиться в долголетию, в гордости за детей, в пусть и не богатом, но надежном и избавленном от страха за завтрашний день существовании, в спасении от бедствий. Этот лейтмотив звучит уже в первой главе «Притчей» и дальше только набирает силу:

Сын мой! если будут склонять тебя грешники,
не соглашайся...
сын мой! не ходи в путь с ними,
удержи ногу твою от стези их,
потому что ноги их бегут ко злу

и спешат на пролитие крови...
а делают засаду для их крови
и подстерегают их души.
Таковы пути всякого, кто алчет чужого добра:
оно отнимает жизнь у завладевшего им.
(1:10—19)

Путь же беззаконных — как тьма;
они не знают, обо что споткнутся.
(4:19)

Страх Господень прибавляет дней,
лета же нечестивых сократятся.
(10:27)

Непорочность прямодушных будет руководить их,
а лукавство коварных погубит их.
Не поможет богатство в день гнева,
правда же спасет от смерти.
Правда непорочного уравнивает путь его,
а нечестивый падет от нечестия своего.
(11:3—5)

За смирением следует страх Господень,
богатство и слава и жизнь.
(22:4)

В этом контексте чрезвычайно важен другой мотив «Притчей» — о том, что жизнь по законам морали куда более важна, чем показная религиозность, готовность принести жертвы Богу в надежде, что она искупит любые грехи:

Жертва нечестивых — мерзость пред Господом,
а молитва праведных благоугодна Ему.
(15:8)

И все же современный читатель не поймет всего значения этой книги, если не уяснит, что именно «Притчи» как бы еще раз кодифицировали и закрепили в расширенных формулировках ту содержащуюся в «Пятикнижии» систему ценностей, которая легла в основу еврейского и христианского мировоззрения. А затем, если угодно, и той буржуазной, «мещанской» морали, на которой основана современная западная цивилизация.

* * *

Одним из основополагающих столпов этой морали объявляется семья, в которой оба супруга хранят верность друг другу и вместе проходят по жизни до глубокой старости. При этом

автор (или авторы) «Притчей» мечет громы и молнии по адресу тех, кто ищет наслаждений в объятиях блудниц и «чужих» женщин:

...Чтобы спасти тебя от жены чужой,
чужестранной, чьи речи лстивы,
Которая оставляет друга юности своей
и забыла завет Бога своего;
Потому что дом ее ведет к смерти,
и стези ее к мертвецам;
Никто из входящих к ней не возвращается
и не обретают они вновь путей жизни...
(2:16—19)¹

Сын мой, внимай мудрости моей, приклони
ухо твое к разуму моему,
Чтобы соблюдать рассудительность и чтобы
уста твои сохранили знание.
Ибо сотовый мед источают уста чужой
женщины, и глаже елєя небо ее.
Но последствия от нее горьки,
как полынь, остры, как меч обоюдоострый.
Ноги ее нисходят к смерти, на преисподнюю
опираются стопы ее...
(5:1—5)

Чтобы остерегать тебя от женщины злой,
от лстивого языка чужой,
Не пожелай красоты ее в сердце твоєм и да не увлечет
она тебя веками подмаргиваниями своими.
Потому что из-за жены блудной нищают до буханки
хлеба, а мужняя жена душу дорогую уловляет.
Может ли кто положить себе огонь за пазуху,
чтобы не сжечь своих одежд?..
(6:24—27)

Еще более пространно опасность, которую таят в себе объятия «чужой» женщины, описывается в седьмой главе «Притчей». 27 первых стихов этой главы рассказывают о том, как «женщина в наряде блудницы, с коварным сердцем», «шумливая и необузданная», подстерегает «неопытных» (в оригинале — «простаков») и «неразумных юношей».

Сама Глупость как антипод Премудрости отождествляется с такой женщиной, и так же, как эта женщина, ведет к смерти:

Глупость — женщина безрассудная, шумливая
и ничего не знающая, —
И она сидит у ворот дома своего на стуле,

¹ Отсюда и далее отрывки из «Притчей» даются в более точном переводе Д. Йосифона.

на возвышенном месте города,
Чтобы звать прохожих, идущих прямо своими путями:
«Кто глуп, пусть завернет сюда»;
и неразумному говорит она:
«Вода краденая сладка и утаенный
хлеб приятен!» —
И он не знает, что мертвецы там, в глубине
преисподней, — зазванные ею.

(9:13—18)

Следует помнить, что во всех этих отрывках под женой «чужой» («зара») и «чужестранной» («нохрия») понимается именно женщина-нееврейка, и, таким образом, весь пафос вышеприведенных слов направлен именно против смешанных браков евреев с неевреями. Ряд библиистов сделали на этом основании вывод, что книга «Притчей» формировалась в период после возвращения из Вавилонского плена, когда Ездра (Эзра), почувствовав угрозу ассимиляции, объявил беспощадную войну подобным бракам. Но все серьезные исследователи отвергают эту версию, так как сама лексика «Притчей» свидетельствует о том, что эта книга была создана в эпоху Первого храма и ее автор (или авторы) не имел (или не имели) никакого представления ни о той страшной участи, которая постигла этот Храм, ни о последующем изгнании.

Тем не менее, видимо, угроза ассимиляции в той или иной степени стояла перед еврейским народом уже и тогда. Но самый сакраментальный вопрос заключается в том, действительно ли все эти сентенции против «чужестранной» жены могли быть написаны Соломоном. Ведь сам он, как известно, предпочитал брать в жены и наложницы именно чужестранок.

Как ни странно, многие раввинистические авторитеты как раз в эмоциональности этих предупреждений видят подтверждение авторства Соломона. Кто, как не он, говорят они, на собственном горьком опыте мог с полным основанием сказать, что подобные связи не ведут к счастью? Подлинное же счастье мужчины, провозглашают «Притчи», заключается в браке с любимой женщиной, с которой он проходит путь от юности до старости, и именно с ней он должен искать и телесные наслаждения:

Да будет источник твой благословен и имей
радости от жены юности твоей,
Любимой лани и прекрасной серны; пусть груди ее напоят
тебя во всякое время; ее любви отдавайся постоянно.
И для чего, сын мой, увлекаться тебе постороннею
и обнимать лоно чужой?

(5:18—20)

Но в любом случае читатель во все времена воспринимал эти слова «Притчей» как гимн моногамии и супружеской верности с одновременным осуждением прелюбодеев, то есть мужчин, увлекающихся замужними женщинами:

Кто же прелюбодействует с женщиною, тот лишен ума;
тот губит душу свою, кто делает это.

(6:32)

Целый ряд стихов «Притчей» посвящен воспеванию простых радостей семейной жизни, по которым, вполне возможно, тосковал Соломон, и многократному утверждению, что хорошая жена — это источник всех радостей, а плохая — причина всех печалей мужчины:

Жена доблестная — венец мужу своему,
а позорная — как гниль в его костях.

(12:4)

Мудрая жена устраивает дом свой, а глупая
разрушает его своими руками.

(14:1)

Кто нашел себе добрую жену, тот нашел благо
и снискал благодать от Господа.

(18:22)

Дом и богатство — наследие отцов, но
от Господа — разумная жена.

(19:14)

Лучше жить в земле пустынной, чем с женою
сварливою и сердитою.

(21:19)

Лучше жить на углу кровли, нежели
со сварливою женой в одном доме.

(25:24)

Само семейное счастье объявляется в «Притчах» куда большей ценностью, чем богатство:

Лучше кусок сухого хлеба и с ним мир, нежели дом
полный заколотого скота, но при нем раздор.

(17:1)

Завершается книга «Притчей» величественным гимном-акростихом в честь женщины — жены, матери и хозяйки дома, которая в конечном счете и определяет счастье и положение в обществе своего мужа:

Кто найдет доблестную жену? Цена ей много выше жемчуга.
Муж во всем полагается на нее и не знает недостатка ни в чем.
Все дни жизни своей приносит она ему благо — не зло.
Она берет шерсть и лен, работают охотно ее руки...
и т. д.

(31:10—31)

* * *

Следующий аспект «Притчей», лежащий в основе буржуазной морали, — прославление трудолюбия как основы благополучия человека; объявление лености одной из причин бедности, а также многих пороков и безнравственности; концепция «честной бедности», противостоящей нажитому аморальными средствами богатству.

Пойди к муравью, ленивец, посмотри
на пути его, и сделайся мудрым.
Нет у него ни начальника, ни надсмотрщика,
ни правителя;
Заготавливает летом хлеб свой, собирает во время
жатвы пищу свою.
Доколе, ленивец, будешь спать?
Когда встанешь от сна твоего?
Немного поспать, немного подремать,
немного, сложа руки, полежать —
И придет, как путник, бедность твоя, и нужда твоя,
как муж с оружием.

(6:6—12)

Возделывающий свою землю насыщается хлебом, а кто
идет по следам празднолюбцев, у того нет ума.

(12:11)

Богатство, приобретенное суетой, уменьшается,
а собирающий рукою (трудом) умножит его.

(13:11)

С прославлением труда тесно связан мотив необходимости честного ведения как торговли, так и других дел:

Лживые весы — мерзость пред Господом,
верный же камень (вес) — благоволение Его.

(11:1)

Сами бедность и богатство человека объявляются в «Притчах» исключительно прерогативой Творца, но Он сознательно вносит в мир несправедливость в распределении благ, чтобы путем благотворительности люди сами восстанавливали справедливость и совершенствовались нравственно:

Не отказывай в благодеянии нуждающемуся,
когда есть в руках твоих сила сделать это.
Не говори ближнему твоему: «Поди и приди опять,
а завтра я дам, если имеешь при себе».

(3:27—28)

Угнетающий бедного хулит Творца его,
четет же Его милующий нуждающегося.

(14:31)

Кто смеется над бедным, тот хулит Творца его,
злорадный не избегнет кары.

(17:5)

Лучше неимущий, ходящий в своей непорочности, нежели
богатый коварный устами и притом глупый.

(19:1)

Значительную часть книги «Притчей» составляют максимы, адресованные только вступающему в жизнь молодому человеку, призванные, с одной стороны, уберечь его от необдуманных шагов (например, взятия на себя роли поручителя), а с другой — дать ему предельно четко сформулированные нормы разумного и нравственного поведения. Таковы максимы о недопустимости высокомерия, вспыльчивости и потери самообладания в гневе, запрете на разглашение чужой тайны и т. д.

Вот шесть, что ненавидит Господь,
и семь, что мерзость душе Его.
Глаза гордые, язык лживый и руки,
проливающие кровь невинную.
Сердце, кующее злые замыслы,
ноги, быстро бегущие ко злу,
Лжесвидетель, произносящий ложь и сеющий
раздоры между братьями.

(6:16—19)

Многие максимы и афоризмы «Притчей» на протяжении столетий являются неотъемлемой частью еврейской и христианской этики; мы часто употребляем их, даже не задумываясь о том, откуда они взяты:

И при смехе болит сердце, и конец
самой радости — печаль.

(14:13)

Много замыслов в сердце человека, но сбудется
то, что решил Господь.

(19:21)

Доброе имя лучше большого богатства,
добрый нрав лучше серебра и золота.
(22:1)

Ибо семь раз упадет праведный, но встанет,
а нечестивые впадут в беду.
(24:16)

Как пес возвращается на блевотину свою,
так глупец повторяет глупость свою.
(26:11)

Щадящий розгу свою ненавидит сына своего...
(13:24)

Суету и ложь удали от меня, нищеты и богатства
не давай мне, питай меня хлебом насущным.
(30:8)

* * *

Если все же допустить, что непосредственным автором и составителем сборника «Притчей» был именно Соломон, то стоит обратить внимание на те стихи, которые касаются миссии царя. Да и в любом случае, учитывая значение «Притчей» для формирования норм морали и поведения на еврейскую и христианскую цивилизации, а также на формирование образа идеального царя, эти максимы представляются крайне важными.

Залогом мощи и стабильности любого государства «Притчи» объявляют власть закона, которому царь должен следовать так же, как и все его подданные:

Мерзость для царей — делать беззаконие,
ибо правдою утверждается престол.
(16:12)

Рассеивает нечестивых царь мудрый
и обратит на них колесо.
(20:26)

Царь судит бедных по правде —
трон его пребудет вовек.
(29:14)

Чрезвычайно важным для правителя объявляют «Притчи» умение не поддаваться влиянию своих подданных и критически относиться к их словам, так как неспособность лидера нации отличить правду ото лжи в итоге приводит к тому, что последняя начнет пронизывать все структуры власти:

Разумеется, на этих страницах просто невозможно охватить все этические и философские проблемы, затрагиваемые в «Притчах» — это тема для отдельного исследования. Однако крайне важно отметить (и это тоже можно считать косвенным подтверждением того, что эта книга или ее часть была составлена именно Соломоном), что «Притчи» изначально адресуются не только евреям, но и всему человечеству. Притом что слово «Бог» и те или иные его синонимы постоянно присутствуют в «Притчах», в них ни разу не упоминается Храм, не говорится о священниках и пророках, в них вообще почти нет чисто еврейских реалий.

«Ясно, что это не может быть вызвано случайной забывчивостью или упущением: дело объясняется незаинтересованностью творцов книги Притчи в указанных явлениях (чисто еврейских реалиях. — *П. Л.*) и обозначающих их словах»¹, — пишет *Й. Вейнберг*.

* * *

В заключение отметим, что и христианские, и еврейские авторы сходятся во мнении, что книги «Притчи», «Екклесиаст» и «Песнь песней» (если они и в самом деле были написаны Соломоном) представляют лишь малую часть его литературного и философского наследия. Большая же часть творений самого Соломона и его сподвижников по созданной им школе мудрости, увы, по каким-то причинам была безвозвратно утеряна.

Одной из этих утерянных книг считается уже упоминавшееся нами сочинение, посвященное методам врачевания болезней, упоминание о котором содержат как еврейские, так христианские и исламские источники, а второй — «Книга деяний Соломона». Автор Третьей книги Царств («Первой книги Царей») говорит, что он пользовался этой книгой в своей работе, причем явно подразумевается, что речь идет о хорошо знакомом многим сочинении: «Прочие события Соломоновы и все, что он делал, и мудрость его описаны в книге дел Соломоновых» (3 Цар. 11:41).

Но вот автору Второй книги Паралипоменон эта книга уже была неизвестна, и он опирается в своем опусе то на ту же Третью книгу Царств, то на опять-таки утерянные затем архивные источники, а то и на народные легенды.

¹ *Вейнберг Й.* Введение в Танах: Часть IV. Писания. С. 75.

Что же содержала в себе «книга дел Соломоновых»?

По этому поводу, как нетрудно догадаться, существует множество версий, большинство которых сходится к тому, что, вероятнее всего, эта книга была неоднородной: она состояла из неких произведений самого Соломона, летописи его деяний, ведущейся его летописцами и, безусловно, носившей комплиментарный характер, а также из сочинений мудрецов созданной им школы мудрости.

Ряд современных израильских исследователей считают, что эта книга была известна во времена царя Езекии, при нем переписывались и 25—29-я главы «Притчей» — это как раз и есть часть «Книги деяний Соломона». Не исключено, что и истории о том, как Соломон вел суд, в том числе и рассказ о споре двух блудниц из-за ребенка — также отрывок из данной книги.

Существует также мнение, что книга эта была утеряна не случайно, а намеренно «похоронена», причем еще до определения еврейскими мудрецами канона Танаха. Нам остается только гадать, что могло стать причиной решения. По одной из версий, «Книга деяний Соломона» носила необычайно смелые для того времени мистические и религиозные идеи, отвечавшие космополитическим настроениям Соломона и его ближайшего окружения и призванные превратить еврейский монотеизм в подлинно мировую религию. Такие идеи, дескать, никак не могли вызвать симпатии у жреческой верхушки, вследствие чего «Книга деяний Соломона» сначала была запрещена к переписке и выносу с территории библиотеки дворца и Храма, а затем и вообще захоронена. Но никакого доказательства этому нет, и потому речь в данном случае идет исключительно о домыслах и спекуляциях.

Между тем, повторим, само значение дошедших до нас книг, неразрывно связанных с именем царя Соломона, настолько велико, что в подобных спекуляциях просто нет необходимости — они, безусловно, ничего не убавляют, но и мало что добавляют к его бессмертной славе поэта и философа.

Глава шестая **СМЕРТЬ**

Обе книги Библии, в которых рассказывается о царе Соломоне — и Третья книга Царств, и Вторая книга Паралипоменон, — сообщают о его смерти всего несколькими скупыми фразами. «Времени царствования Соломонова в Иерусалиме над всем Израилем было сорок лет. И почил Соломон с отцами

своими, и погребен был в городе Давида, отца своего, и воцарился вместо него сын его Ровоам» (3 Цар. 11:42—43) — вот и все, что говорится по этому поводу в Третьей книге Царств.

Но самое странное заключается в том, что и еврейская устная традиция, подробно описывающая обстоятельства кончины Иакова, Аарона, Моисея, Саула и Давида, хранит по данному поводу абсолютное молчание, хотя устных сказаний о Соломоне было создано больше, чем о ком бы то ни было.

Таким образом, почти единственное, что мы знаем о смерти Соломона из еврейских источников, — так это то, что он был погребен там же, где его отец, то есть в «городе Давида», на территории «исконного» Иерусалима. Но значит ли это, что Соломон был положен рядом со своим отцом? И вновь у нас нет ответа!

К тому же стоит вспомнить, что, согласно еврейской легенде, тело Давида, умершего совершенным праведником, не подвержено тлению — покойный царь все эти тысячелетия продолжает лежать на смертном ложе, подобно спящему глубоким сном человеку. Удостоилось ли, с точки зрения традиции, такой же чести тело царя Соломона? Одна из поздних еврейских легенд отвечает на этот вопрос утвердительно, провозглашая тем самым, что Соломон в конце жизни и в самом деле раскаялся, и это его раскаяние было принято Всевышним.

Такой же версии придерживается и исламская мифология. «Когда же Аллах послал Сулайману смерть, он стоял, опершись на посох. Так он и остался стоять мертвый, пока червь не проел посох и тело упало. Только тогда джинны узнали, что их повелитель мертв и они свободны»¹ — так пересказывает кораническое сказание М. Б. Пиотровский. Черви проели посох, но не тело, которое и по прошествии многих дней продолжало внешне ничем не отличаться от тела живого человека — таков смысл этой легенды².

Загадкой, проистекающей из общей трудности, связанной с датировкой периода и событий жизни Соломона, является и возраст, в котором тот скончался. Как уже рассказывалось на страницах этой книги, согласно хронологии, разработанной еврейскими комментаторами Писания, Соломон умер в возрасте пятидесяти двух лет, а период его царствования датиру-

¹ *Пиотровский М. Б.* Коранические сказания. С. 144—145.

² На обочине дороги, расположенной между Иерусалимом и современной арабской деревней Бейт-Ханиной, есть колодец, обложенный огромными (высотой до 2,5 метра) пятью камнями, называемыми местными жителями «чертовыми камнями». По легенде, это — те самые камни, которые демоны, поработанные Соломоном и работавшие на переноске камней, бросили прямо посередине дороги, когда до них дошла весть о смерти Соломона. (См.: *Вильнаи З., д-р.* Легенды Земли Израиля. С. 232.)

ется 2924—2964 годами от Сотворения мира по еврейскому календарю (836—796 годы до н. э.).

Каплинский, напомним, определял возраст вступления Соломона на престол 16 лет и потому убежден, что тот скончался в возрасте пятидесяти шести лет (хотя и не исключает, что Соломону могло быть и 52 года), и в качестве даты его смерти называет 930 год до н. э. По Дубнову, Соломону в момент смерти было 64 года. По Иосифу Флавию, единственному историку, утверждающему, что Соломон правил не 40, а 80 лет и прожил 90 лет, то есть скончался действительно в глубокой старости.

В то же время в любом случае смерть Соломона была внезапной и, возможно (учитывая плетущиеся в его дворце заговоры), противоестественной, так как, в отличие от своего отца Давида, Соломон не оставил завешания, в котором назвал бы наследника и указал бы приоритетные национальные задачи.

Впрочем, Каплинский убежден, что в ту эпоху любой человек старше пятидесяти лет считался стариком, и потому все вокруг были уверены, что великий царь умер именно от старости, а не от болезни. При этом он высказывает предположение, что Соломон был погребен неподалеку от своего дворца, рядом с Давидом, но не в одной могиле с ним. Обосновывая свою версию, Каплинский напоминает, что в 445 году до н. э., вернувшись с другими изгнанниками из Вавилона, Неемия укрепил стены Иерусалима «до могилы Давида», подлинное место погребения которого было тогда еще хорошо известно. Если бы Давид и Соломон лежали бы вместе, то об этом было наверняка упомянуто в Книге Неемии.

* * *

После смерти Соломона события развивались стремительно. Достаточно вчитаться в библейский текст, чтобы понять: все оппозиционные Соломону «партии» словно ожидали его кончины, чтобы начать действовать — и это снова наводит на мысль о том, что Соломон умер не своей смертью, а, возможно, был отравлен.

Не успел окончиться семидневный траур по Соломону, как старейшины израильских колен назначили общее собрание, но назначили его почему-то не в Иерусалиме, а в Сихеме (Шхеме) — столице колена Ефремова. Сюда прибыл в сопровождении своих придворных объявленный наследником Соломона Ровоам. Сюда же спешил из Египта и опальный Иеровоам, который тут же был произведен в члены собрания старейшин.

Ультиматум, который выставили старейшины Ровоаму, звучал в целом обоснованно: они заявили, что готовы признать над собой власть сына Соломона при условии, что он снизит налоги и отменит или существенно уменьшит трудовую повинность, наложенную его отцом на народ.

Ровоам попросил три дня на раздумья. Старейшины колены Иуды и верные придворные Соломона рекомендовали царю принять эти условия, однако друзья Ровоама по пирушкам начали убеждать его, что ему ни в коем случае нельзя проявить «слабину». Наоборот, твердили они, он должен продемонстрировать уверенность в себе и непреклонность. Они же подсказали Ровоаму, в каком стиле он должен дать ответ: «И говорили ему молодые люди, которые выросли вместе с ним, и сказали: так скажи народу сему, который говорил тебе и сказал: “отец твой наложил на нас тяжкое иго, ты же облегчи нас!”; так скажи им: “мой мизинец толще чресл отца моего. Итак, если отец мой обременял вас тяжким игом, то я увеличу иго ваше; отец мой наказывал вас бичами, а я буду наказывать вас скорпионами”...» (3 Цар. 12:10—11).

Это был плохой совет, но Ровоам решил ему последовать. Вот как рассказывает о том, что произошло дальше, Иосиф Флавий:

«Слова царя поразили всех как молния, и сперва все замерли, как будто их хотели подвергнуть предварительному испытанию. Затем вдруг все заволновались и стали выражать свое неудовольствие громким криком и грозным заявлением, что у них более не будет ничего общего с родней и потомством Давида... Вместе с тем они приготовились к открытому восстанию против Ровоама, и возбуждение и гнев их были настолько сильны, что, когда царь послал к ним для успокоения волнения и для смягчения настроения пылкой молодежи или вообще недовольных его ответом податного чиновника Адорама, они не только не стали его слушать, но немедленно закидали его камнями до смерти. Когда Ровоам это увидел, то испугался, как бы чернь не побила его самого камнями, подобно тому как сделала это с его подчиненным... немедленно сел на свою колесницу и спасся бегством в Иерусалим. Между тем колена Иудово и Веняминово признали Ровоама своим царем, тогда как весь остальной народ с этого дня отложился от потомства Давидова и выбрал Иеровоама своим властелином»¹.

Так сбылось предсказание Ахии, и единое Израильское царство раскололось на два государства — Иудею и Израиль. Вне всякого сомнения, в значительной степени такой ход событий был предопределен той роковой ошибкой (если не ска-

¹ Иосиф Флавий. Иудейские древности. С. 341.

зать больше), которую допустил Ровоам, общаясь с советом старейшин. Но нет никаких сомнений и в том, что семена этого раскола нации и государства были посеяны именно Соломоном, его политикой.

И если судить любого государственного деятеля по тому наследию, которое он после себя оставил, то итоги правления Соломона на первый взгляд оказываются плачевными. «После своей смерти Соломон оставил своему наследнику, Рехавааму, государство куда меньшее по размерам, чем то, которое вручил ему его отец Давид; государство, состоящее исключительно из земель еврейских колен, с пустой казной, с ослабленной армией, настроенным на мятеж населением и усилившимися на всех границах внешними врагами»¹, — констатирует явно не испытывающий особой симпатии к Соломону Натан Шор.

Но если все и в самом деле обстояло именно так, то почему именно Соломон стал героем такого множества явно симпатизирующих ему народных сказок и легенд? Почему именно его имя более трехсот раз упоминается в самых разных книгах Ветхого Завета и именно время его правления закрепилось в народном сознании исключительно в идиллическом свете?!

Все дело в том, что, как и всякий государственный деятель, как любая выдающаяся личность, Соломон был далеко не однозначной фигурой.

Бесспорно, что никогда больше Израильское царство не достигало такого величия, как при Соломоне. Вся последующая история еврейского народа — это, в принципе, так и неудавшаяся попытка вернуться в его время, в эпоху всеобщего мира и благоденствия. Но если учесть последующие события, то плата за этот мир оказалась слишком велика. Если бы Соломон и в самом деле был мудрым государственным деятелем, он мог бы позаботиться о том, чтобы его смерть не привела к столь большим потрясениям, но он этого не сделал.

Вместе с тем никто не в состоянии вычеркнуть Соломона из памяти его народа и человечества как строителя величественного Иерусалимского храма, с которым в итоге оказалось так много связано в мировой истории. Как никто не может опровергнуть то, что книги, связанные с именем Соломона, являются одними из самых прекрасных драгоценных камней духовной сокровищницы человечества, оказавшими влияние на все последующее развитие его культуры.

И если эта книга подошла к концу, то история царя Соломона просто не может закончиться. Она будет продолжаться — в новых книгах, пьесах, фильмах, полотнах, попытках перевода «Екклесиаста» или «Песни песней»...

¹ Шор Н. История Земли Израиля от праистории до наших дней. С. 60.

Нет никакого сомнения и в том, что значительная часть человечества жила и будет жить чаянием о приходе мессианских времен и строительстве Третьего храма. Помня при этом, что Первый храм построил именно он — Шломо ха-мелех, царь Соломон, Сулейман ибн Дауд, великий во всех своих взлетах и падениях.

* * *

Так что же, говоря словами Козлета-Екклесиаста, мы имеем в остатке, когда вычтем ту разницу, которая отделяет человека от скота, а мудреца — от конченного дурака? Что в итоге осталось от царя Соломона?

...Давно уже сгнили в земле кости закупленных им в Египте и Киликии коней. Собранное им великое богатство было разграблено многочисленными завоевателями, топтавшими землю его царства. Построенные им города превратились в руины. Так что циничные историки и археологи, безусловно, правы, когда говорят, что мы не имеем ни одного или почти ни одного материального артефакта, доказывающего, что царь Соломон и в самом деле когда-либо существовал.

Остался лишь кружащий голову аромат тайны, окутывающей его имя. Остались приписываемые ему книги; слова Библии, Талмуда и Корана; многочисленные сказки и легенды, частично записанные, а частично все еще передающиеся из уст в уста. Слова и аромат, которые нельзя чем-либо взвесить или измерить; тот самый *hevel hevelim*; то, что подобно пару над полями, утреннему туману, дыму с белых яблонь — вот вроде бы оно только что было, и его уже нет.

Как ни странно, но вот этот *hevel hevelim* оказался прочнее и долговечнее всех храмов и городов вместе взятых. И какая разница, в чем заключены эти самые невесомые, неосязаемые слова — написаны ли они на пергаменте старинного манускрипта, отпечатаны ли на бумаге, зашифрованы на CD-диске, передаются ли по Всемирной паутине на экран компьютера...

Не так уж, поверьте, важно и то, каким образом они дойдут до тех, кто прочтет их через тысячу лет.

Главное, что они все равно будут. Ибо *всё услышано*, а то, что и в самом деле *услышано*, не подлежит забвению. Только оно и вечно, только оно и дарит нам подлинное бессмертие — это самое *hevel hevelim*. Ибо если оно и исчезает, то только для того, чтобы снова вернуться и быть услышанным.

«Суета сует — всё суета...»

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦАРЯ СОЛОМОНА

Хронология по Баруху Каплинскому¹

- 986 — рождение царя Соломона.
972 — женитьба на аммонитской принцессе Нааме.
971 — рождение первенца Соломона Ровоама.
969 — коронация Соломона. Назначение его соправителем Давида.
967 — смерть Давида. Соломон становится единоличным правителем Израильского царства. Расширение союза с царем Хирамом, первая экспедиция в Офир.
963 — начало строительства Первого иерусалимского храма.
956 — завершение строительства Первого храма. Начало строительства царского дворца.
943 — завершение строительства царского дворца.
930 — смерть Соломона. Распад Израильского царства на Иудею и Израиль.

Хронология по традиционной еврейской историографии²

- 2912 (848) — рождение царя Соломона.
2913 (847) — старший сын царя Давида Аммон изнасиловал свою сестру Фамарь. Соломону был один год, и он не мог помнить этого события на уровне сознания. Но он, безусловно, слышал пересуды об этом событии, что также не могло не оказать влияния на формирование его личности.
2914—2917 (846—843) — трехлетний период голода в стране, ставший одним из самых сильных детских впечатлений Соломона.
2921 (839) — мятеж Авессалома против Давида. Соломон вместе с отцом и матерью Вирсавией спасаются бегством в Маханаим и после подавления мятежа возвращаются в Иерусалим.
2923 (837) — женитьба на аммонитской принцессе Нааме. Рождение Ровоама.
2924 (836) — коронация Соломона. Смерть Давида. Казнь Соломоном Адонии и Иоава и отправка в ссылку первосвященника Авиафара. Пророческая ночь в Гаваоне. Знаменитый суд по делу двух блудниц. Обмен делегациями с царем Хирамом; договор о расширении торгово-экономического союза с Тиром.
2925—2926 (835—834) — строительство порта и кораблей в Елафе (Эйлате) на Красном море; отправка первой экспедиции в Офир.

¹ Каплинский Б. Биография царя Соломона и его эпоха. С. 582. Все даты — до н. э.

² Все даты — по еврейскому календарю от Сотворения мира, в скобках — по общепринятому летосчислению, до н. э. Следует отметить, что порядок событий в жизни царя Соломона в ряде еврейских хронологий меняется. К примеру, ряд комментаторов относят строительство Елафского порта к 2948 (812) году, а написание «Песни песней» — к последнему этапу жизни Соломона. Но даты жизни и смерти Соломона при этом неизменны: 2912—2964 годы.

- 2927 (833) — уничтожение фараоном Гезера. Переговоры с Египтом. Соглашение о браке с дочерью фараона и торгово-экономическом союзе с Египтом. Начало торговли лошадьми и колесницами. Появление первых подразделений боевых колесниц в израильской армии. Казнь Семья, сына Геры.
- 2928 (832) — начало строительства Первого иерусалимского храма.
- 2928—2935 (832—825) — продолжение строительства Первого храма. Налаживание международной торговли лошадьми и колесницами. Создание кадровой армии из колесниц и пехоты; строительство новых и расширение старых городов с целью размещения в них конных воинских гарнизонов. Строительство водохранилищ («бассейнов»). Улучшение внутренних дорог. Налаживание торговли с Африкой (Офиром).
- 2935 (825) — завершение строительства Храма. Свадьба с дочерью фараона. Создание (по некоторым версиям) «Песни песней». Начало строительства царского дворца.
- 2935—2948 (825—812) — продолжение активного строительства и расширения торговых связей Израильского царства с окружающим миром. Основание Пальмиры. Возникновение близ Иерусалима капищ языческих богов, которым служат жены Соломона.
- 2948 (812) — завершение строительства царского дворца.
- 2948—2951 (812—809) — согласно легенде, именно в этот период Соломон три года провел в скитаниях, будучи изгнанным с трона Асмонеем. По версии автора этой книги — три года тяжелой депрессии и мучительных духовных поисков Соломона, нашедших свое отражение в «Екклесиасте».
- 2953 (807) — визит в Иерусалим царицы Савской.
- 2954—2964 (806—796) — ухудшение отношений с Египтом. Потеря Идумеи и Сирии после мятежей Адера и Разона. Финансовые трудности и ухудшение отношений с Тиром. Бегство Иеровоама в Египет. Составление Книги притчей Соломоновых.
- 2964 (796) — смерть царя Соломона. Распад Израильского царства.

ЛИТЕРАТУРА

Священные тексты и комментарии к ним

Еврейские тексты

Живая Тора: Пятикнижие Моисея: Новый перевод на английский, основанный на традиционных еврейских источниках, с примечаниями, вступлением, картами, таблицами, чертежами и библиографией рабби Арье Каплана / Пер. на рус. яз. Г. Спинаделя. Нью-Йорк; Иерусалим: Мознаим, 1998.

Кетувим (Писания) / Ред. пер. Д. Йосифон. Иерусалим: Мосад Арав Кук, 5738 (1978).

Микраот גדולות: Мелехим со сборными комментариями. Тель-Авив: Нуриэль Ури. (Без указания года издания.)

Невиим ришоним и ахроним (Первые и последние пророки): Текст сверен с рукописью и масорой Кэтэр Арам Цовы и сходных с ней рукописей Мордехаем Броером / Ред. пер. Д. Йосифон. Иерусалим: Мосад Арав Кук, 5735 (1975).

Песнь песней: Комментированное издание / Пер. Н. З. Раппопорта и Б. Камянова (Авни). Иерусалим; М.: Изд-во Института изучения иудаизма в СНГ, 2000.

Пятикнижие Моисеево, или Тора: С русским переводом, комментариями, основанными на классических толкованиях Раши, Ибн Эзры, Рам-бана, Сфорно и других, и гафтарой: Книга Шмот / Пер. и отбор коммент. Й. Векслера, Г. Липш, М. Шнейдера; под общ. ред. Г. Брановера. Иерусалим: Шамир, 5753 (1993).

Пять книг Торы / Пер. Д. Йосифона. Иерусалим: Мосад Арав Кук, 5738 (1978).

Сефер Диврей ха-ямим: С комментариями Иегуды Киля: В 2 т. Иерусалим: Мосад Арав Кук, 1986.

Сефер Мелахим: С комментариями Иегуды Киля: В 2 т. Иерусалим: Мосад Арав Кук, 1986.

Сидур Шаарей тфила (молитвенник «Врата молитвы»): На будни, субботу и праздники / Под ред. П. Полонского. Иерусалим: Маханаим, 5759 (1998).

Танах: С комментариями под общей редакцией М. Д. Касуто: Книга Диврей ха-ямим: С комментариями А. Ш. Хартума. Тель-Авив: Явне, 1999.

Танах: С комментариями под общей редакцией М. Д. Касуто: Книга Мелахим: С комментариями А. Ш. Хартума. Тель-Авив: Явне, 1999.

Теилим Швут Ами: С избранными комментариями Раши, Радака, Сфорно, Мальбима, Алшиха, Мецудот и многих других древних и современных еврейских мудрецов / Пер. А. Кац. Иерусалим: Швут Ами, 2003.

Трактат Авот: С новым русским переводом и избранными комментариями выдающихся еврейских мыслителей от Раши до последнего Любавичского ребе / Под общ. ред. Г. Брановера. Иерусалим: Шамир, 1999.

Христианские тексты

Ветхий Завет / Синодальный перевод. (Без указания года издания.)

Мусульманские тексты

Коран / Пер. И. Ю. Крачковского. М., 1990.

Научная и научно-популярная литература

На русском языке

Аверинцев С. С. Древнееврейская литература // История всемирной литературы: В 9 т. М.: Наука, 1983—1994. Т. 1.

Антология русских переводов. СПб.: Искусство-СПБ, 2001.

Бадхен М. Еврейская чертовщина. Иерусалим; М.: Гешарим: Мосты культуры, 5767(2007).

Бакстон Д. Абиссинцы: Потомки царя Соломона. М.: Центрполиграф, 2002.

Брестед Д., Тураев Б. История Древнего Египта: В 2 т. Минск: Харвест, 2002. Т. 2.

Бялик Х. Н., Равницкий И. Х. Агада: Сказания, притчи, изречения Талмуда и Мидрашей / Пер. С. Г. Фруга. Иерусалим: Библиотека-Алия, 1989.

Вейнберг Й. Введение в Танах: Часть III. Пророки. Иерусалим; М.: Гешарим: Мосты культуры, 5763 (2003).

Вейнберг Й. Введение в Танах: Часть IV. Писания. Иерусалим; М.: Гешарим: Мосты культуры, 5765 (2005).

Великовский И. Эдип и Эхнатон. Ростов н/Д.: Феникс, 1996.

Веселовский А. Н. Мерлин и Соломон: Избранные работы. М.; СПб.: Эксмо-Пресс: Terra Fantastica, 2001.

Гилберт М. Атлас по истории еврейского народа. Иерусалим: Библиотека-Алия, 1990.

Гиронди Й., раввин. Как вернуть утерянное. Бней-Брак. (Без указания издательства и года издания.)

Джонсон П. Популярная история евреев. М.: Вече, 2000.

Дубнов С. М. Краткая история евреев. М.: Сварог, 1996.

Дьяконов И. М. Живая поэзия древности // Песнь песней царя Соломона: Антология русских переводов. СПб.: Искусство-СПБ, 2001.

Заблоцка Ю. История Ближнего Востока в древности. М.: Наука: Главная редакция восточной литературы, 1989.

Иосиф Флавий. Иудейские древности / Пер. с греч. и прим. Г. Г. Генкеля. М.: Крон-пресс, 1996.

История Древнего мира. Т. 1: Древний Восток. М.: Государственное социально-экономическое издание, 1936.

Келлер В. Библия как история. М.: Крон-пресс, 1998.

Клюгер Р. Царица Савская в Библии и легендах // <http://psiland.narod.ru/psiche/Kluger/003.htm>

Куприн А. И. Сочинения: В 3 т. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1954. Т. 3.

Люкимсон П. Е. Царь Давид. М.: Молодая гвардия, 2011.

- Мень А., прот.* Наедине с вечностью // Шедевры библейской поэзии. М.: Рипол классик, 2001.
- Малая медицинская энциклопедия: В 12 т. М., 1965—1970. Т. 1.
- Неер А.* О книге Кохелет // Евреи и еврейство: Сборник историко-философских эссе. Иерусалим: Гешер-Алия, 1991.
- Очерк истории еврейского народа: В 2 т. / Под ред. Ш. Эттингера. Иерусалим: Библиотека-Алия, 1994.
- Пиотровский М. Б.* Коранические сказания. М.: Наука: Главная редакция восточной литературы, 1991.
- Рижский М. И.* Библейские пророки и библейские пророчества. М.: Государственное издательство политической литературы, 1987.
- Розанов В. В.* Не пройдет и йота... // Песнь песней царя Соломона: Антология русских переводов. СПб.: Искусство-СПБ, 2001.
- Снисаренко А. Б.* Властители античных морей. М.: Мысль, 1986.
- Струве В. В.* История древнего Востока. М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1941.
- Таксиль Л.* Забавная Библия / Под ред. В. Шишакова. М.: Госполитиздат, 1962.
- Тибергер Ф.* Царь Соломон: Мудрейший из мудрых. М.: Центрполиграф, 2009.
- Урбах Э. Э.* Мудрецы Талмуда. Иерусалим: Библиотека-Алия, 1986.
- Фрейд З.* Толкование сновидений. Минск: Попурри, 1998.
- Хенниг Р.* Неведомые земли: В 4 т. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961—1962. Т. 1.
- Херцог Х., Гишон М.* Библейские сражения. М.: АСТ: Астрель, 2005.
- Шерман Н., раввин.* Вечность и суета. Иерусалим: Швут Ами, 1989.
- Шинан А.* Мир агадической литературы. Иерусалим; М.: Гешарим: Мосты культуры, 5763 (2003).
- Шолем Г.* Основные течения в еврейской мистике: В 2 т. Иерусалим: Библиотека-Алия, 1993. Т. 1.
- Штейнзальц А. (Эвен-Израэль), раввин.* «Песнь песней» // Песнь песней: Комментированное издание. Иерусалим; М.: Изд-во Института изучения иудаизма в СНГ, 2000.
- Шураки А.* Повседневная жизнь людей Библии. М.: Молодая гвардия; Палимпсест, 2004.
- Эфрос А. М.* Откровение или похоть? // Песнь песней царя Соломона: Антология русских переводов. СПб.: Искусство-СПБ, 2001.

На иврите

- Аарони И.* Библейский атлас. Иерусалим: Изд-во «Карта», 1974.
- Авинер Ш.* Князья мира: Выдающиеся люди Израиля. Иерусалим: Амикс, 2009.
- Вильнаи З., д-р.* Легенды Земли Израиля. Иерусалим: Кирьят сефер, 1982.
- Закович Я.* Давид: От пастуха до Мессии. Иерусалим: Яд Ицхак Бен-Цви, 1995.
- История Земли Израиля: В 9 т. / Под общ. ред. Я. Шавита. Т. 2: Израиль и Иегуда в библейский период: XII век — 332 год до н. э. Иерусалим: Кетер, 1998.

Каплинский Б. Биография царя Соломона и его эпоха. Тель-Авив; Яффо: Изд-во Общества исследования Библии в Израиле, 2002.

Кляйн-Бреслави С. Царь Соломон и эзотерическая философия в учении Рамбама. Иерусалим: Изд-во Еврейского университета: Магнесс. (Без указания года издания.)

Мазар А. Полемика об исторической правде в тексте Библии. Иерусалим: Яд Ицхак Бен-Цви, 2001.

Маковер М., раввин. Сокровища Первого храма: Храм и все, что с ним связано — устройство, история, мидраши. Иерусалим: Дани сфарим, 2002.

Мейтлис И. Покопаемся в Танахе: Библия и археология. Иерусалим: Изд-во Реувена Маса, 2006.

Орен Р. Из Библии — с любовью. Тель-Авив: Кешет оцаат ле-Ор, 2009.

Собрание сказаний к книгам Невиим и Кетувим: В 4 т. / Сост. и ред. И. Я. Клепгольц. Бней-Брак: Сифрей кодеш мишор, 1990.

Финкельштейн И., Сильверман Н. Давид и Соломон: Между исторической реальностью и мифом. Тель-Авив: Изд-во Тель-Авивского университета, 2006.

Хайльперин И. Ш., раввин. Сефер седер гадорот. Бней-Брак: Ор ха-Хайм, 2009.

Царь Соломон и его мудрость: Сборник мидрашей и преданий о царе Соломоне в обработке для юношества Яакова Исраэля Гофковича. Иерусалим: Хохма, 2006.

Шамир М. Единое царство Давида и Соломона. Тель-Авив: Библиотека газеты «Маарив», 1976.

Шор Н. История Земли Израиля от праистории до наших дней. Тель-Авив: Двир, 1998.

Энциклопедия Танаха: В 4 т. Иерусалим: Едиот ахронот: Сефер хемед, 1987. Т. 1.

На английском языке

Garfinkel Y., Ganor S. Khirbet Qeiyafa: Sha'arayim. Journal of Hebrew Scriptures. Volume 8. Article 22 (2008).

Gollancz H. [editor]. Maft'e'ah Shlomo. London: Oxford University Publishing, 1914.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
--------------------------	---

Часть первая. ЦАРЬ

<i>Глава первая. Еще до рождения</i>	14
<i>Глава вторая. Маленький принц</i>	22
<i>Глава третья. «Да здравствует царь Соломон!»</i>	43
<i>Глава четвертая. Отец и сын</i>	54
<i>Глава пятая. Гаваонская ночь</i>	64
<i>Глава шестая. «Мудрее всех людей»</i>	78
<i>Глава седьмая. Суд да дело</i>	92
<i>Глава восьмая. Дочь фараона</i>	100
<i>Глава девятая. Хочешь мира — готовься к войне</i>	116

Часть вторая. ГОСУДАРЬ

<i>Глава первая. Дорога к Храму</i>	120
<i>Глава вторая. Дом Господа</i>	137
<i>Глава третья. «Кто есть сей царь Славы?»</i>	149
<i>Глава четвертая. Свадьба</i>	162
<i>Глава пятая. «Песнь песней»</i>	174
<i>Глава шестая. Золотой Иерусалим</i>	190
<i>Глава седьмая. Дела державные</i>	205

Часть третья. СУЕТА СУЕТ

<i>Глава первая. И снова Асмодей</i>	224
<i>Глава вторая. Время искать и время терять</i>	234
<i>Глава третья. Жили-были царь и царица</i>	247
<i>Глава четвертая. Грозные облака</i>	276
<i>Глава пятая. Книга как учебник жизни</i>	290
<i>Глава шестая. Смерть</i>	303
 <i>Основные даты жизни и деятельности царя Соломона</i>	 309
<i>Литература</i>	311

Люкимсон П. Е.

Л 94 Царь Соломон / Петр Люкимсон. — М.: Молодая гвардия, 2012. — 315[5] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1377).

ISBN 978-5-235-03545-4

Книга представляет собой попытку реконструкции эпохи и биографии библейского царя Соломона — героя многочисленных апокрифов, легенд и сказок. Опираясь на работы теологов и историков и последние археологические открытия, автор не просто суммирует различные точки зрения на личность царя Соломона, но и представляет свой взгляд на его противоречивую фигуру как государственного деятеля, строителя Иерусалимского храма, поэта и философа. Одновременно книга содержит пересказ значительной части легенд о царе Соломоне с попыткой анализа, какие реальные факты и исторические события могли лечь в их основу. Издание предназначено как для светских, так и для религиозных читателей, интересующихся Библией и древней историей.

УДК 27-9

ББК 86.37

Люкимсон Петр Ефимович
ЦАРЬ СОЛОМОН

Редактор Е. С. Писарева
Художественный редактор Е. В. Кошелева
Технический редактор В. В. Пилкова
Корректоры Е. В. Марченко, Т. И. Маляренко

Сдано в набор 23.04.2012. Подписано в печать 28.06.2012. Формат 84х108/32.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л.
16,8+0,84 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ № 1208730.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва,
Сушеская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dse1@gvardiya.ru

arvato
япк

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-235-03545-4

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН

издательства

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Оформить заказ
можно на нашем сайте:

<http://gvardiya.ru/shop/>

или по телефону:

+7 (495) 787-95-59

(с 10-00 до 17-30 в будние дни)

Заказанные книги

можно получить по адресу:

г. Москва, ул. Сущевская, д.21, подъезд 1

или воспользоваться курьерской

и почтовой службой доставки

**Наши книги
доступны всем регионам России!**

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

Е. Матонин
«БРОЗ ТИТО»

А. Васькин
«МОСКОВСКИЕ ГРАДОНАЧАЛЬНИКИ
XIX ВЕКА»

И. Курукин
«АННА ЛЕОПОЛЬДОВНА»

В. Есипов
«ШАЛАМОВ»

Г. Чернявский
«ФРАНКЛИН РУЗВЕЛЬТ»

С. Даншен
«ЭЛВИС ПРЕСЛИ»

Л. Анисарова
«НОВИКОВ-ПРИБОЙ»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>. dsel@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

Л. Ивченко
«КУТУЗОВ»

А. Сергеева-Клятис
«БАТЮШКОВ»

Ф. Бедарида
«ЧЕРЧИЛЛЬ»

Д. Олейников
«НИКОЛАЙ I»

А. Ливергант
«СОМЕРСЕТ МОЭМ»

А. Архангельский
«АЛЕКСАНДР I»

В. Филимонов
«АНДРЕЙ ТАРКОВСКИЙ»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>. dsel@gvardiva.ru

ИНФОРМАЦИЯ

ДЛЯ ОПТОВЫХ

ПОКУПАТЕЛЕЙ

Склад
издательства «Молодая гвардия»
находится в центре Москвы
по адресу:
Сущевская ул., д. 21
ст. м. «Новослободская», «Менделеевская»

**В отделе реализации действует
гибкая система скидок**

**Доставка книг по территории
Москвы и Московской области
БЕСПЛАТНО**

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛА РЕАЛИЗАЦИИ

8(495) 787-64-20

8(495) 787-62-92

ТЕЛЕФОНЫ СКЛАДА

8(495) 787-65-39 8(495) 787-63-64

ISBN 978-5-235-03545-4

9 785235 035454 >

М О Л О Д А Я Г В А Р Д И Я